

Д. 02

В387

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX.

АПРѢЛЬ

1899.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1899

СПбГУ

ПРОВЕРЕНО
0006

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX.

АПРѢЛЬ

1899.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1899

1111111111

БЕЛОРУССКАЯ РАДІА

Міжнародна арганізацыя

Свабоднае Радыё

У 1967

МІНІСТАРСТВА КУЛЬТУРЫ

1967

С. 1111111111

МІНІСТАРСТВА КУЛЬТУРЫ

1967

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ „ВЪСТНИКА ПРАВА“.

I.	Религіозныя преступленія въ Россіи. Е. Тарновскаго	1—27
II.	Наше законодательство о почетномъ гражданствѣ въ его отношеніи къ развитію образованія въ крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществахъ. Н. М. Коркунова	28—63
III.	Юридическая природа авторскаго права. Прив.-доц. Серг. Никонова	64—77
IV.	Право городского общественнаго управленія продовать съ публичнаго торга городскія недвижимыя имущества. М. И. Мыша	78—89
V.	Проектъ устава о вотчинной регистраціи и ипотечный кредитъ. М. С. Гольденвейзера	90—134
VI.	О вызовѣ свидѣтелей по закону 18 марта 1896 г. В. Ширнова	135—149
VII.	Англійскій консолидированный законъ о предупрежденіи жестокаго обращенія съ дѣтьми и о покровительствѣ надъ ними (17 августа 1894 г.)	150—168
VIII.	Своеобразная критика	169—201
IX.	Юридическое обозрѣніе:	202—301
	1) Обвиненіе братьевъ Скитскихъ въ убійствѣ Комарова.	202
	2) Вознагражденіе за убытки по ст. 683 т. X ч. 1.	283
	3) Переработанный проектъ положенія о товариществахъ трудовыхъ или артельныхъ	292

- 4) Два сенатскихъ указа по вопросамъ крестьянскаго права 296

Х. Литературное обозрѣніе: 301—337

- 1) Н. П. Загоскинъ. „Исторія права русскаго народа“. Лекціи изслѣдованія по исторіи русскаго права. Т. I, введеніе: 1) науки исторіи русскаго права, 2) формація народа и государства. Н. Дебольскаго. 301

- 2) Сергѣй Шумаковъ. Углицкія акты (1400—1749). Н. Дебольскаго 308

- 3) К. Ф. Хартуларі. Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державы. М. А. Лозина-Лозинскаго 310

- 4) М. А. Рейснеръ. 1) Христіанское государство (къ вопросу объ отношеніи государства и церкви); 2) право свободы религіознаго исповѣданія. Свобода совѣсти въ Императорскомъ Римѣ. М. А. Лозина-Лозинскаго 318

- 5) Н. Цухановъ. Сборникъ положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній гражд. касс. деп. и общаго собр. касс. деп. за 1889—1897 г. М. Шрамченко и В. Ширковъ. Уставъ угол. судопр. съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами, разъясненіями Прав. Сената и циркулярами Министра Юстиціи. Л. 3. 232

- 6) Отвѣтъ на рецензію. Проф. Н. Цитовича 327

XI. Приложенія:

- 1) Извлеченія изъ рѣшеній Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената за 1898 г. Н. И. Цуханова. 41—56

- 2) Труды Курскаго Юридическаго Общества: Протоколъ годоваго собранія Юридическаго Общества 10 октября 1898 г. Протоколъ собранія Юридическаго Общества 24 октября 1898 г. 33—55

- Объявленія I—IV

I.

РЕЛИГИОЗНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

I.

Преступленія противъ вѣры сами по себѣ не многочисленны: они составляютъ немного болѣе 1% общаго числа уголовныхъ дѣлъ, возникшихъ у судебныхъ слѣдователей и въ прокурорскомъ надзорѣ (за 1890—94 гг.), и нѣсколько менѣе 2% общаго числа осужденныхъ общими судами. Но преступленія эти представляютъ несомнѣнно значительный интересъ какъ извѣстное проявленіе религиозныхъ запросовъ, движеній и вѣрованій, глубоко коренящихся въ народной жизни, по большей части скрытыхъ, лишь изрѣдка прорывающихся наружу въ формахъ, приводящихъ къ столкновенію съ нашимъ уложеніемъ о наказаніяхъ. Исслѣдователи нашего народнаго быта, а за ними и законовѣды-криминалисты давно уже обратили вниманіе на эту слабо освѣщенную сторону духовной жизни русскаго народа, и ихъ изслѣдованія обнаружили много характерныхъ чертъ и проявленій религиознаго чувства и мысли, нерѣдко въ странныхъ и даже малопонятныхъ людямъ другихъ слоевъ формахъ ¹⁾. Не лишены интереса и статистическія данныя по этому пред-

¹⁾ Таковы напр. работы Пругавина, Пеликана, Реутскаго, Мельникова и др. Въ послѣднее время А. Левенстима — „Фанатизмъ и преступленіе“. Журн. Мин. Юст. 1898 г., сентябрь и октябрь.

мету, хотя по необходимости здѣсь уже мы не имѣемъ возможности ознакомиться съ конкретными, живыми чертами дѣйствительности, предъ нами только относительныя и абсолютныя числа, отвлеченныя знаки вмѣсто живыхъ людей. Но за то мы можемъ, количественно, по крайней мѣрѣ, охватить всю совокупность явленій, извѣстныхъ подъ названіемъ религиозныхъ преступленій, прослѣдить ихъ постепенное развитіе и распространеніе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, опредѣлить составъ и личныя особенности осужденныхъ, конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, которые доступны по даннымъ нашей уголовной статистики. Во всякомъ случаѣ, наши русскія данныя о религиозныхъ преступленіяхъ интересны уже потому, что они въ извѣстной своей части составляютъ характерную особенность нашей криминалистики. Ересь, отступленіе отъ православной вѣры и расколъ или же переходъ отъ ученія господствующей церкви къ другому христіанскому исповѣданію, караются исключительно нашимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, стоящимъ въ этомъ случаѣ на строго каноническихъ началахъ.

Всѣ почти изслѣдователи религиозной жизни въ Россіи указывали на чрезвычайную многочисленность въ ней сектъ, ихъ живучесть, быстрое, хотя и тайное, распространеніе, и на не прекращающееся появленіе новыхъ вѣроученій и толковъ. Статистическія данныя совершенно подтверждаютъ эти наблюденія. За время съ 1874 по 1894 г. мы имѣемъ свѣдѣнія о числѣ дѣлъ (и осужденныхъ) по 33 губ. внутренней Россіи (Петербургскій, Московскій, Одесскій, Харьковскій, Саратовскій и Казанскій судебныя округа). Въ этомъ обширномъ районѣ число уголовныхъ дѣлъ „о религиозныхъ преступленіяхъ“, возникающихъ ежегодно у судебныхъ слѣдователей (и отчасти въ прокурорскомъ надзорѣ) за 21 годъ, двигалось слѣдующимъ образомъ:

г о д ы	ч и с л о дѣ л ь.			
1874—	310	1879—319	1884—451	1889— 663
1875—	365	1880—403	1885—475	1890— 805
1876—	328	1881—386	1886—490	1891— 921

1877— 307	1882—400	1887—484	1892—1141
1878— 269	1883—381	1888—537	1893—1218
Среднее за 1874—78 гг. 316; 1879—83 гг. 378; 1884—88 гг. 487; 1889—93 гг. 944;			
1894 г. 1152; 1895 г. 1070; 1896 г. 1011;			

Таблица эта показываетъ намъ, что число религиозныхъ преступленій въ теченіе перваго десятилѣтія (1874—84) хотя и возросло, но довольно слабо, нерѣшительными шагами. Съ 1883 г. ростъ уголовныхъ дѣлъ противъ вѣры пошелъ въ гору весьма быстро; начиная же съ 1888 г., прогрессированіе приняло колоссальныя размѣры и въ 1893 г. число религиозныхъ преступленій достигло максимума, почти въ 4 раза превышающаго цифру начальнаго (1874) года. Но послѣ 1893 г. острый кризисъ миновалъ и число дѣлъ начало нѣсколько уменьшаться.

За болѣе короткій промежутокъ времени съ 1884 г. мы имѣемъ данныя по 9 судебнымъ округамъ (кромѣ указанныхъ выше еще по Виленскому, Кіевскому и Варшавскому). Всего возникло въ Россіи дѣлъ (безъ Прибалтійскаго края, Кавказа и нѣкоторыхъ Сѣверо-Восточныхъ губерній) о преступленіяхъ противъ вѣры:

1884— 576	1891—1166
1885— 650	1892—1477
1886— 668	1893—1540
1887— 653	1894—1458
1888— 755	1895—1300
1889— 862	1896—1230
1890—1017	

Послѣ критическаго 1893 г., какъ уже было сказано выше, наступило обратное движеніе и число религиозныхъ преступленій пошло на убыль. Однако цифра 1896 года все еще выше, чѣмъ въ какой бы то ни было годъ до 1892 г. Вообще средняя цифра послѣдняго трехлѣтія (1894—96) вдвое выше чѣмъ перваго (1884—86). Аналогично возросло и число подсудимыхъ или осужденныхъ, но ростъ этого числа менѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительному движенію даннаго рода преступности, чѣмъ число возникшихъ дѣлъ, въ виду вліянія постороннихъ факторовъ, какъ-то измѣненій въ силѣ

судебной репрессии, манифестовъ о помилованіи (1883, 1894 и 1896 гг.), такъ что на числѣ осужденныхъ, какъ показателѣ роста преступности, мы останавливаться не будемъ.

Какіе именно виды религиозныхъ преступленій возросли— по этому вопросу имѣются лишь довольно ограниченныя статистическія данныя. Дѣла по религиознымъ преступленіямъ показываются безъ распредѣленія ихъ на отдѣльныя категоріи. Подсудимые (осужденные и оправданные вмѣстѣ) въ сводахъ Министерства Юстиціи раздѣляются на 4 группы ¹⁾: 1) богохуленіе, кощунство, порицаніе вѣры (статьи 176 и 183, 210—218 улож. о нак.); 2) нарушеніе порядка во время богослуженія; 3) отвлеченіе и отступленіе отъ вѣры и постановленій церкви, ереси и расколы (статьи 184—196, 200, 203—209, 209¹⁾); 4) скопчество (статьи 197, 201, 203 улож. о нак.). Эти 4 группы должны быть сведены въ три, такъ какъ нарушеніе порядка во время богослуженія, давая очень малое число подсудимыхъ (3—4 въ годъ), легко можетъ быть присоединено къ группѣ № 1 (богохуленіе и пр.). Разсмотримъ увеличеніе этихъ трехъ группъ религиозныхъ преступленій за два пятилѣтія 1885—94 гг., принимая цифру перваго пятилѣтія за 100.

		Среднее ежегодное число подсудимыхъ.	
		1885-89	1890-94
Богохуленіе, нарушеніе порядка во время богослуженія, пори- цаніе вѣры.	абсол.	277	452
	относ.	100	162
Отвлеченіе и отступленіе отъ вѣры, ереси и расколы.	абсол.	165	450
	относ.	100	272
Скопчество.	абсол.	37	22
	относ.	100	59

¹⁾ Святотатство и лжеприсягу, хотя они и относятся къ религиознымъ преступленіямъ по улож. о наказ., мы не включаемъ въ наше изслѣдованіе, такъ какъ эти два преступленія составляютъ только частные виды—первое кражи, второе—лжесвидѣтельства. Разрытіе могилъ также не включено нами въ число религиозныхъ преступленій по неказанію мотивовъ этого преступленія въ нашей уголовной статистикѣ. Только въ случаѣ исполненія суевѣрныхъ обрядовъ разрытіе могилъ могло бы быть отнесено въ группу религиозныхъ преступковъ.

Отсюда слѣдуетъ, что болѣе всего за истекшія 10 лѣтъ (въ предѣлахъ 9 судебныхъ округовъ) увеличились ереси и расколы. Число подсудимыхъ этого рода возросло чуть не втрое (на 172%). Число обвиняемыхъ въ богохуленіи и порицаніи вѣры хотя также увеличилось, но значительно слабѣе (на 62%). Въ настоящее время эти два главныхъ вида религіозныхъ преступленій—порицаніе вѣры и отвлеченіе отъ православія—почти равны между собою по числу подсудимыхъ, тогда какъ раньше обвиняемыхъ въ богохуленіи и порицаніи было значительно больше, чѣмъ „еретиковъ“. Скопчество однако, составляющее одну изъ ересей, но выдѣленное нашей уголовной статистикой въ особую группу, въ виду, вѣроятно, особо фанатическаго характера этой секты ¹⁾,—за послѣднее время не увеличилось, а уменьшилось, и довольно значительно (на 49%). Хотя число обвиняемыхъ въ скопчествѣ, будучи незначительнымъ само по себѣ, и подвержено сильнымъ колебаніямъ, но въ среднемъ по пятилѣтіямъ, начиная съ 1874 г., замѣчается пониженіе преступности этой изувѣрной секты.

Среднее ежегодное число
обвиняемыхъ въ скопчествѣ.

1874—78 . . .	70	1884—88 . . .	26
1879—83 . . .	21	1889—93 . . .	26

Такимъ образомъ, не всѣ религіозныя преступленія безразлично возросли въ числѣ, а только извѣстныя ихъ категоріи. Это приводитъ къ заключенію, что увеличеніе числа дѣлъ и подсудимыхъ этого рода имѣетъ болѣе или менѣе реальный характеръ, т. е. указываетъ на дѣйствительное увеличеніе числа случаевъ отпаденія отъ православія, помимо усиленія бдительности и возбужденія дѣлъ со стороны духовнаго начальства. Еслибы религіозныя преступленія возросли

¹⁾ Статистическихъ свѣдѣній о другихъ сектахъ, помимо скопчества, рационалистическихъ или мистическихъ, мы не имѣемъ, хотя нѣкоторыя изъ мистическихъ сектъ (хлысты, бѣгуны, нѣтовцы) отличаются изувѣрствомъ немногимъ менѣе чѣмъ скопчество. Весьма трудно поэтому сказать, какія именно секты возросли въ числѣ за послѣднее время, но весьма вѣроятно, что—секты рационалистическія.

вслѣдствіе болѣе частыхъ доносовъ подлежащаго вѣдомства, то увеличеніе коснулось бы всѣхъ родовъ этихъ преступленій вообще, а между тѣмъ число обвиняемыхъ въ скопчествѣ значительно уменьшилось по сравненію 1890—94 гг. съ 1874—78 гг. Конечно, извѣстное значеніе имѣеть въ этомъ случаѣ, какъ и относительно прочихъ преступленій, степень дѣятельности и энергіи со стороны подлежащихъ органовъ надзора и репрессіи, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, быстрый ростъ числа отпаденій отъ православной вѣры не объясняется исключительно большимъ стремленіемъ возбуждать обвиненія противъ отпавшихъ, независимо отъ числа дѣйствительныхъ отпаденій или совращеній.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ отдѣльныхъ частяхъ Европ. Россіи увеличеніе религиозныхъ преступленій шло далеко не одинаковымъ шагомъ. Есть даже губерніи, въ которыхъ число осужденныхъ уменьшилось въ пятилѣтіе 1890—94 сравнительно съ 1885—89 гг. Правда, такихъ губерній немного, но онѣ есть. Это губерніи—Новгородская, Тульская, Пензенская и Пермская. Въ 1885—89 гг. въ нихъ было осуждено за религиозныя преступленія 314 челов., въ 1890—94 гг.—273 чел. Кромѣ того, осталось почти безъ перемѣны число осужденныхъ въ губерніяхъ: Калужской, Рязанской, Орловской, Харьковской, области Войска Донскаго и Минской. За 1885—89 гг. было осуждено въ этихъ губерніяхъ—235, за 1890—94 гг. лишь немногимъ болѣе—257 челов. Напротивъ того, число осужденныхъ за религиозныя преступленія въ особенности увеличилось въ губерніяхъ: Псковской, Витебской, Смоленской, Вологодской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Таврической, Каменецъ-Подольской и Ковенской. Въ этихъ 10 губерніяхъ осужденныхъ за религиозныя преступленія было въ 1885—89 гг.—219, а въ 1890—94 гг.—992, въ 4½ раза болѣе. Благодаря этимъ-то губерніямъ, главнымъ образомъ, и повысилось значительно общее число осужденныхъ (а также подсудимыхъ и дѣлъ) во всей Россіи. Однако же губерніи эти не представляютъ одного цѣлаго: онѣ разбросаны въ разныхъ частяхъ Россіи и, слѣдовательно, причины роста въ нихъ религиозныхъ преступленій нельзя

указать съ достаточной опредѣленностью. При этомъ надо еще имѣть въ виду, что только 3 изъ 10 интересующихъ насъ губерній—Псковская Владимірская и Нижегородская—обладаютъ въ тоже время и вообще повышенной религіозной преступностью, остальные не выдаются особенно по интензивности столкновеній съ установленными правилами вѣры.

Въ Россіи вообще религіозныя преступленія распредѣляются неравномѣрно и замѣчаются довольно ясно очерченныя области религіознаго движенія, судя по коэффиціенту числа осужденныхъ. Въ среднемъ за 1890—94 гг. за религіозныя преступленія было осуждено на 1000000 населенія—8 челов. Максимальное число осужденныхъ (16 осужд. на 1000000 нас. въ среднемъ) даютъ губерніи: Эстляндская, Лифляндская, Псковская, Владимірская, Нижегородская (max.), Вятская, Пермская, Симбирская, Самарская и Саратовская. Къ нимъ подходят по высотѣ числа осужденныхъ—Курляндская, Витебская и Казанская губ. Такимъ образомъ, при нанесеніи на карту, сразу различаются два отдѣльныхъ района повышенной религіозной преступности: 1) меньшій—Прибалтійскій край съ прилегающими Псковской и Витебской губ. и 2) большій—Волжско-Камскій районъ, охватывающій 8 губерній (по Астраханской, Уфимской и Оренбургской губ. свѣдѣній не имѣется) по теченію Волги и Камы. Область минимальной религіозной преступности (въ среднемъ 3 осужденныхъ на 1000000 нас.) распадается на 3 района. Сюда относятся губерніи: Петербургская, Новгородская и Вологодская; Московская, Калужская, Тульская (min.), Рязанская, Орловская, Воронежская, Харьковская и Полтавская; Царство Польское, Гродненская, Минская, Волынская и Бессарабская. Такимъ образомъ, сѣверъ, центръ и западъ (католическій) Россіи менѣе всего проявляютъ враждебности къ нашимъ постановленіямъ о вѣрѣ. Интересно то, что не всегда наличность раскола въ извѣстной губерніи обусловливаетъ въ ней высокій уровень религіозной преступности. Въ Московской и Калужской губ., судя по даннымъ М. В. Д. о вѣроисповѣданіи новобранцевъ, количество раскольниковъ довольно значительно—больше чѣмъ въ сосѣднихъ Владимірской и

Нижегородской; однакоже Москва и Калуга отходятъ въ группу наименьшей преступности противъ вѣры, а Владиміръ и Нижній-Новгородъ проявляютъ наибольшую преступность. Конечно, это различіе зависитъ отъ различія самихъ сектъ въ разныхъ губерніяхъ, равно какъ и отъ другихъ причинъ, между прочимъ, и отъ невѣрности самихъ свѣдѣній о числѣ раскольниковъ, такъ что особенно на этомъ вопросѣ и не стоитъ останавливаться. Но во всякомъ случаѣ Московская губ. представляетъ собою извѣстный центръ старообрядчества, и малая преступность ея можетъ служить указаніемъ, что собственно старообрядчество не склонно нарушать законовъ о вѣрѣ. Болѣе воинственнымъ характеромъ отличаются другія секты, но о географическомъ распредѣленіи ихъ, кромѣ случайныхъ наблюденій, ничего въ сущности неизвѣстно.

О скопцествѣ есть однако данныя о числѣ осужденныхъ по губерніямъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ теченіе 10 лѣтъ (1885—94) осужденія за скопчество случались въ губерніяхъ: Петербургской, Тверской, Московской, Владимірской, Нижегородской, Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской, Харьковской, Саратовской, Самарской, Вятской и Пермской, т. е. преимущественно въ центръ и на востокъ Европ. Россіи. Во всей западной и южной Россіи (Прибалтійскій край, Литва, Бѣлоруссія, Польша, юго-западнѣй край и Новороссія)—не было ни одного осужденнаго за скопчество въ теченіе 10 лѣтъ. Это секта почти исключительно великорусская. Наибольшее число осужденныхъ за скопчество приходится на губерніи Пермскую и Самарскую: въ нихъ за 1885—94 гг. было осуждено 158 челов. или болѣе половины всего числа осужденныхъ за это преступленіе въ Россіи (295 челов.). Впрочемъ, числа обвиненныхъ въ скопцествѣ сравнительно очень малы и подвержены сильнымъ колебаніямъ, такъ что дальнѣйшія подробности о географическомъ распространеніи этой секты не имѣютъ для себя достаточнаго основанія. Слѣдуетъ только имѣть въ виду, что скопчество развито, главнымъ образомъ, въ центральной и восточной Россіи и совершенно не встрѣчается въ западномъ краѣ.

И такъ, какъ мы видѣли выше, религіозныя преступленія въ Россіи растутъ, растутъ несравненно быстрѣе, чѣмъ остальные преступленія. Въ 9 судебн. округахъ съ 1884 по 1894 г. религіозныя преступленія увеличились на 153%, а всѣ преступленія вообще только на 14%. Изъ отдѣльныхъ видовъ преступленій жеприсяга¹⁾, жесвидѣтельство и ложный доносъ увеличились за 11 лѣтъ съ 1884 по 1894 г. нѣсколько болѣе, чѣмъ преступленія противъ вѣры, всѣ остальные виды преступности, если и увеличились, то относительно гораздо слабѣе. Это увеличеніе произошло, не смотря на довольно таки суровую репрессію не только со стороны суда короннаго, но и суда присяжныхъ. Весьма характерно, что не только формальный законъ, но и свободная совѣсть нашихъ присяжныхъ оказываются почти одинаково строгими къ нарушителямъ правилъ вѣры.

II.

Религіозныя преступленія принадлежать къ числу преступленій, наименѣе оправдываемыхъ у насъ какъ коронными судьями, такъ и присяжными засѣдателями. Въ 1889—93 гг. было оправдано изъ числа обвиняемыхъ за религіозныя преступленія: присяжными засѣдателями—28,4%, короннымъ судомъ—17,3%. Между тѣмъ за всѣ вообще преступленія было оправдано присяжными—34,3%, корон. судомъ—26,1%. Только кража и бродяжество (по его очевидности) оправдываются у насъ чаще чѣмъ религіозныя преступленія. Всѣ остальные виды преступленій—убійство, грабежъ и разбой, мошенничество и т. п.—оправдываются въ значительно большей мѣрѣ (отъ 34 до 70%). Интересно, что къ богохуленію, кощунству и оскорбленію святыни присяжные снисходительнѣе, чѣмъ коронный судъ, а по отношенію къ отступленію и совращенію въ ересь присяжные меньше оправдываютъ, чѣмъ судьи. За богохуленіе и пр. было оправдано (1890—94) присяжными—26,8%, корон. судомъ только 15,0%. За от-

¹⁾ По Уложенію о нак. также религіозное преступленіе.

влеченіе же и отступленіе отъ вѣры присяжными было оправдано 33,1%, короннымъ судомъ еще больше—37,2%. Имѣя же въ виду, что вообще коронный судъ оправдываетъ меньше, чѣмъ присяжные ¹⁾, въ этомъ перевѣсѣ оправданій по обвиненію въ ереси и совращеніи нельзя не видѣть характернаго признака, указывающаго на нѣкоторое колебаніе судей при обвиненіи еретиковъ и раскольниковъ.

Скопчество, не включенное въ предыдущія данныя по отвлеченію отъ вѣры, особенно мало оправдывается нашими присяжными (оно разбирается только при участіи присяжныхъ). За 1885—94 гг. было оправдано всего 11,2% обвиняемыхъ въ скопчествѣ. Ни къ одному преступленію (за исключеніемъ конокрадства) присяжные не относятся такъ строго. Отчасти это, можетъ быть, зависитъ отъ очевидности уликъ (наличность оскотленія или изуродованія половыхъ органовъ), но несомнѣнно въ тоже время сказывается и враждебное чувство народа къ этой средневѣковой сектѣ съ ея дикими религіозными представленіями и вѣрованіями. Присяжныхъ не останавливаетъ въ настоящемъ случаѣ и строгость наказанія, ожидающая осужденныхъ за скопчество (ссылка въ Сибирь).

Строгость нашего законодательства по отношенію къ преступникамъ противъ вѣры не представляется вообще чрезмерной нашему суду. Было уменьшено наказаніе, въ виду признанія смягчающихъ вину обстоятельствъ, 36,6% изъ числа осужденныхъ „еретиковъ“ и оскорбителей святыни, а по всѣмъ преступленіямъ вообще за то же время (1889—93) было уменьшено наказаніе 37,8%; за убійство напр. смягчено наказаніе—56,7%, за разбой и грабежъ—58,5% и т. п. Между тѣмъ за религіозныя преступленія приговорено къ уголовнымъ наказаніямъ (ссылкѣ въ каторжныя работы и на поселеніе)—13,0% осужденныхъ, за всѣ преступленія только 8,8%. Другими словами, судъ нашъ, наказывая строже за религіозныя, чѣмъ за всѣ вообще преступленія, въ тоже время

¹⁾ Только по преступленіямъ противъ тѣлесной неприкосновенности коронный судъ оправдываетъ чаще, чѣмъ присяжные. По всѣмъ остальнымъ преступленіямъ процентъ оправданныхъ безъ присяжныхъ меньше, чѣмъ по дѣламъ, разрѣшеннымъ съ участіемъ присяжныхъ.

не признаетъ чаще для религіозныхъ преступниковъ наличности смягчающихъ вину обстоятельствъ. Впрочемъ, строгость наложенныхъ наказаній значительно измѣняется по главнѣйшимъ группамъ религіозныхъ преступленій, о которыхъ имѣются статистическія данныя. Вотъ какъ распредѣлялись наказанія за 1890—94 гг.

Изъ 100 осужденныхъ приговорено:

	Къ наказ. уголовнымъ.	Къ заключенію въ тюрьму, или арестан. отдѣл.		Къ аресту.	Другимъ испр. наказ.	Итого къ исправительнымъ наказ.
		ссылкѣ въ кат. раб. и на поселеніе.	съ лишеніемъ или огранич. правъ.			
Богохуленіе, кощунство, порицаніе вѣры (и нарушеніе порядка богослуженія).	2.5 ¹⁾	1.1	21.3	78.4	1.7	97.5
Отвлеченіе и отступленіе отъ вѣры, ереси и расколы.	13.1 ²⁾	2.0	31.2	43.0	10.7	86.9
Скопчество	100.0 ³⁾	—	—	—	—	—

Такимъ образомъ, строже всего наказывается скопчество: всѣ осужденные за это преступленіе приговариваются къ наказаніямъ уголовнымъ, преимущественно къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. Таково и положительное требованіе нашего закона. Даже за оскотленіе самого себя, „изобличенный въ ономъ (ст. 201 улож. о нак.) подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленный край Восточной Сибири, съ порученіемъ его строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства“. Даже необозначеніе въ разныхъ видахъ и свидѣтельствахъ оскотленія (ст. 202) карается какъ самооскотленіе или же оскот-

1) Всего приговорены къ ссылкѣ—46 челов., изъ нихъ къ каторжн. работамъ—5 челов.

2) Абсол. число приговоренныхъ къ ссылкѣ—209, изъ нихъ въ каторжн. работы—двое.

3) Всего 104 осужд., изъ нихъ 3 осуждены въ каторжныя работы.

леніе другихъ. Строгость, которая была бы нѣсколько понятнѣе, еслибы она примѣнялась напр. во Франціи, лишенной прироста населенія, а не въ Россіи съ ея наивысшимъ въ Европѣ естественнымъ приростомъ. Но, конечно, при опредѣленіи мѣры наказанія за скопчество играли наибольшую роль мотивы не популяціоннаго, а каноническаго характера. Къ „еретикамъ“ и раскольникамъ не скопцамъ судъ нашъ уже значительно мягче. Къ уголовнымъ наказаніямъ приговорено за 1890—94 гг. 13% „совратителей и отступившихъ отъ вѣры“; почти всѣ эти 13% были отправлены въ ссылку на поселеніе на Кавказъ. Третья часть (33.2%) приговорены къ тюремному заключенію преимущественно безъ лишенія или ограниченія правъ, болѣе половины (53.7%) къ аресту и другимъ легкимъ исправит. наказаніямъ. Въ такомъ распредѣленіи наказаній нельзя не видѣть стремленія суда смягчить суровыя требованія нашего уложенія. Примѣненіе ареста напр. за отвлеченіе отъ вѣры, ереси и расколы по уложенію о нак. возможно лишь по отношенію къ тому, кто „зная, что лица, за коими ему предоставлено закономъ наблюденіе и попеченіе, намѣрены отступить отъ православнаго вѣроисповѣданія, не будетъ стараться отклонить ихъ отъ сего намѣренія“ (ст. 192 улож. о нак.). А между тѣмъ къ аресту приговорено 43% осужденныхъ за отвлеченіе отъ вѣры. Очевидно, что были смягчены до ареста наказанія тюрьмою, требуемая ст. 189, 190, 191, 194, 205 и 206 улож. о нак.

Но гдѣ въ особенности замѣтна смягчающая строгость наказаній дѣятельность суда—это по дѣламъ о богохуленіи, кощунствѣ и порицаніи вѣры. Изъ числа осужденныхъ за эти преступленія понесли уголовныя наказанія только 2.5%, приговорены къ тюремному заключенію 22.4%, къ аресту (и другимъ исправ. наказ.)—75.1%. Между тѣмъ кары богохулителемъ и порицателямъ вѣры крайне строги по уложенію. Арестъ возможенъ только для изблеченныхъ въ кощунствѣ, „но не имѣвшихъ намѣренія произвести соблазнъ и оказать неуваженіе къ вѣрѣ, а сдѣлавшихъ сіе по неразумію, невѣжеству или пьянству“ (ст. 182 улож. о нак.). По-

добное же снисхожденіе даетъ оскорбителямъ святыни и разрушителямъ церковнаго благочинія ст. 215 улож. о нак. Но число нарушившихъ порядокъ во время богослуженія очень невелико: всего 19 чел. за 1890—94 гг., а за богохуленіе и порицаніе вѣры вообще осуждено за то же время 1887 чел. Слѣдовательно, судъ примѣняетъ ст. 182 улож. о нак. главнымъ образомъ къ осужденнымъ этой категоріи, признавая ихъ совершившими преступленіе „по неразумію, невѣжеству или пьянству“. Въ этомъ отношеніи капитальное значеніе имѣетъ разъясненіе касс. Сената 1871 г. № 805 по дѣлу Добровольскаго, которое чрезвычайно расширило объемъ примѣненія ст. 182 улож. „Хотя“, говоритъ это разъясненіе Сената, „по буквальному тексту ст. 182 подъ кощунствомъ разумѣются язвительныя насмѣшки, обращенныя лишь къ правиламъ вѣры православной или вообще христіанства, но, по смыслу своему, она можетъ быть примѣняема и къ случаямъ произнесенія брани и насмѣшекъ, обращенныхъ къ святынѣ, о которыхъ говорится въ ст. 176 и 178“ (но не въ публичномъ собраніи, а въ частномъ домѣ). Статьи же 176 и 178 угрожаютъ не болѣе и не менѣе, какъ ссылкой въ каторжныя работы или же на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Только благодаря распространительному толкованію Сената, возможно для нашихъ судовъ примѣненіе ареста по 182 ст. для оскорбителей святыни, и какъ видно, они пользуются этой возможностью довольно широко, допуская, что три четверти осужденныхъ дѣйствовали „по неразумію, невѣжеству или пьянству“. Возможность этого выхода отчасти объясняетъ и меньшее признаніе смягчающихъ вину обстоятельствъ, которыя, въ противномъ случаѣ, примѣнялись бы вѣроятно къ религіознымъ преступленіямъ, по крайней мѣрѣ, такъ же часто, какъ и по отношенію къ убійству (56.7%).

III.

Кто же эти еретики и раскольники, богохулители и оскорбители святыни? Какія о нихъ имѣются статистическія

данныя? Къ сожалѣнію, въ нашей уголовной статистикѣ еретики и сектанты не отдѣлены отъ оскорбителей святыни, въ особую группу выдѣлены только осужденные за скопчество. Впрочемъ, отношеніе половъ можетъ быть опредѣлено по числамъ подсудимыхъ, въ которыхъ вышеупомянутое различіе сохранено. Разсмотримъ прежде всего поѣтому отношеніе половъ.

Изъ 100 подсудимыхъ (1890—94 г.г.) было:

	мужчинъ.	женщинъ.
Богохуленіе, и оскорбленіе святыни	90.2	9.8
Отвлеченіе отъ вѣры, ереси и расколы	74.1	25.9
Скопчество	51.2	48.8
Религіозныя преступленія вообще	81.3	18.7

Среди подсудимыхъ за всѣ преступленія въ общихъ судахъ женщины составляютъ 13,6%. Такимъ образомъ, участіе женщинъ въ религіозныхъ преступленіяхъ вообще выше средняго, но съ особенною силою оно проявляется въ ересьяхъ и расколахъ, достигая максимума въ скопчествѣ. Это послѣднее обстоятельство невольно вызываетъ удивленіе. Наибольшее участіе женщина принимаетъ въ наиболѣе фанатичной и чудовищной по своей противоестественности сектѣ! Но, съ одной стороны, женщина въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, играетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, пассивную роль, будучи вовлекаема въ мрачную секту мужчинами-сектантами, а съ другой—женщина неразвитѣе и неграмотнѣе мужчины (95% осужденныхъ женщинъ неграмотны): ее легче можно убѣдить въ самыхъ дикихъ и нелѣпыхъ вещахъ, въ особенности, опираясь на развитое въ ней религіозное чувство ¹⁾. Это религіозное чувство, въ менѣе извращенномъ видѣ, вовлекло 26% женщинъ осужденныхъ за ереси и расколы (помимо скопчества). Оскорбленіе же святыни и богохуленіе женщинѣ, какъ натурѣ

¹⁾ Впрочемъ, во многихъ случаяхъ русская женщина проявляетъ и активную дѣятельность въ религіозныхъ сектахъ. Достаточно указать на руководящую роль монахини Виталіи въ дѣлѣ самокалѣванія 25 раскольниковъ близъ г. Тирасполя, значеніе такъ наз. „богородицъ“, у хлыстовъ и т. п. Вообще, женщина, по всѣмъ вѣроятіямъ, принимаетъ большее участіе въ сектахъ мистическихъ, а не рационалистическихъ.

консервативной, лишенной агрессивности, за исключеніемъ особыхъ психопатическихъ аффектовъ,—менѣе доступно. Ея участіе въ этомъ преступленіи ниже средняго. Притомъ же въ оскорбленіи святыни не малую роль играетъ, конечно, у насъ и пьянство, гораздо болѣе распространенное среди мужчинъ, чѣмъ среди женщинъ.

Осужденные за религиозныя преступленія вообще—люди болѣе пожилые, чѣмъ въ среднемъ всѣ осужденные по всѣмъ преступленіямъ. Изъ 100 осужденныхъ обоюго пола (1890—94 г.г.) были въ возрастѣ:

						Свыше
	До 21 года.	21-30 л.	30-40 л.	40-50 л.	50-60 л.	60 лѣтъ.
Религиозныя преступленія	4.9	18.3	27.8	23.2	14.7	11.3
Всѣ преступленія вообще	12.0	30.3	26.4	16.9	9.3	5.1

Сразу видно преобладаніе группъ старшаго возраста среди осужденныхъ за преступленія противъ вѣры и—группъ младшихъ возрастовъ (до 30 лѣтъ) среди осужденныхъ за всѣ преступленія вообще. Въ первомъ случаѣ—25% осужденныхъ пожилые люди—старше 50 лѣтъ, во второмъ только 14%. Наоборотъ, въ возрастѣ до 30 лѣтъ изъ еретиковъ и раскольниковъ только 23,2%, а изъ всѣхъ осужденныхъ вообще—42,3%, чуть не вдвое относительно больше. Несовершеннолѣтнихъ до 21 г. слишкомъ вдвое меньше среди религиозныхъ преступниковъ, за то стариковъ (свыше 60 л.) тоже въ два слишкомъ раза болѣе чѣмъ среди прочихъ осужденныхъ. Такое распредѣленіе возрастовъ объясняется прежде всего тѣмъ, что религиозные интересы, въ большинствѣ случаевъ, приобретаютъ особое значеніе и силу для человѣка только по минованіи бурной поры молодости, когда для большинства на первомъ планѣ стоятъ вопросы о половыхъ отношеніяхъ и объ обезпеченіи своего имущественнаго положенія. Соответственно тому мы и видимъ, что для несовершеннолѣтнихъ (до 21 года) главнѣйшими преступленіями являются преступленія противъ нравственности, кража и (для женщинъ) дѣтубійство. Преступленія же, соединен-

ныя вообще съ нѣкоторыми отвлеченными цѣлями или требующія особаго положенія въ обществѣ или же развитія изворотливости и хитрости, каковы преступленія противъ порядка управленія, служебныя, мошенничество и подлоги, и наряду съ ними лжеприсяга, лжесвидѣтельство и собственно религіозныя преступленія—мало доступны юношескому возрасту. Участіе въ нихъ несовершеннолѣтнихъ незначительно, отъ 1 до 6%. Людямъ же пожилымъ вообще въ нашемъ народѣ свойственно интересоваться въ той или иной мѣрѣ вопросами религіозными.

Много было съ молоду бито-граблено,
Подъ конецъ надо душу спасти,

говорить Новгородскій герой Васка Буслаевъ. И народъ вполне придерживается Буслаевского міровоззрѣнія и по сіе время. Пожилой человѣкъ изъ народа, если онъ человѣкъ порядочный вообще и не лишенный способности разсуждать, хотя немного о чемъ либо не совсѣмъ будничномъ и обиходномъ, непременно начинаетъ „заботиться о душѣ“. „Пора бы тебѣ и о душѣ подумать“, говорятъ наши крестьяне, мѣщане и купцы пожилому человѣку, забывающему о своихъ лѣтахъ и увлекающемуся какой нибудь страстишкой, свойственной молодости. При заботахъ же о спасеніи души, при усиленномъ чтеніи священныхъ книгъ, обыкновенно плохо понимаемыхъ и своеобразно толкуемыхъ, не трудно впасть и въ „лжетолкованіе“, а то и прямо въ ересь или расколъ, особенно подъ вліяніемъ разныхъ богомольцевъ, начетчиковъ, „божійхъ странниковъ“, „божійхъ людей“ и т. п. личностей, которыми изобилуетъ земля русская. И эти странники и богомольцы сами тоже люди пожилые обыкновенно, и изъ нихъ набирается не малый контингентъ осужденныхъ за религіозныя преступленія.

По *семейному быту* осужденные за преступленія противъ вѣры отличаются относительнымъ преобладаніемъ женатыхъ и вдовыхъ.

Изъ 100 осужденныхъ (1890—94) было:

	Холостыхъ и дѣвицъ.	Состоящихъ въ бракѣ.	Вдовыхъ.	Разведен- ныхъ.
Религиозныя престу- пленія	16,1	74,9	9,0	—
Всѣ преступленія .	35,4	60,0	4,5	0,1

Холостыхъ и незамужнихъ слишкомъ вдвое относительно меньше среди религиозныхъ преступниковъ, вдовыхъ же въ два раза больше, равно и % состоящихъ въ бракѣ тоже весьма высокъ, доходя до $\frac{3}{4}$ осужденныхъ. Это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ возрастнаго состава осужденныхъ за преступленія противъ вѣры. Такъ какъ несовершеннолѣтнихъ очень мало среди осужденныхъ этой категоріи, то вслѣдствіе этого незначителенъ и процентъ невступившихъ въ бракъ, состоящихъ же въ бракѣ и особенно вдовыхъ (по большей части стариковъ и старухъ) относительно больше. Въ Россіи вообще % состоящихъ въ бракѣ среди преступниковъ гораздо выше чѣмъ въ Западной Европѣ, благодаря раннему вступленію въ бракъ и преобладанію сельскаго населенія, почти поголовно брачующагося, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ устройства и поддержанія домашняго хозяйства. Среди же преступниковъ противъ вѣры сельское населеніе, какъ увидимъ ниже, представлено значительно больше, чѣмъ по всѣмъ вообще преступленіямъ. Въ числѣ скопцовъ однако преобладаютъ холостые и незамужнія—62.5%, но есть и состоящіе въ бракѣ—26.9%, очевидно, оскопившіеся послѣ брака.

По образованію осужденные за преступленія противъ вѣры распредѣлялись такимъ образомъ:

Изъ 100 осужденныхъ были:

Получившіе образованіе:

	Высшее.	Среднее.	Низшее.	Итого.	Грамот- ные.	Неграмот- ные.
Религиозныя преступл.	0.7	0.4	0.7	1.8	42.6	55.6
Всѣ преступленія .	0.3	0.6	0.9	1.8	34.7	63.5

Судя по этимъ цифрамъ, можно предположить, что преступленія противъ вѣры возрастаютъ по мѣрѣ образованія

или, по крайней мѣрѣ, грамотности, такъ какъ грамотныхъ преступниковъ этой категоріи значительно больше, чѣмъ по всѣмъ преступлениямъ вообще. Однако необходимы нѣкоторыя оговорки. Во первыхъ, и здѣсь играетъ извѣстную роль возрастъ осужденныхъ (меньшій процентъ несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ); во вторыхъ—грамотные изъ числа осужденныхъ за преступленія противъ вѣры—преимущественно умѣющіе читать, рѣже писать, по „церковному“, иногда не могущіе прочесть безъ ошибокъ строку „гражданскаго“ шрифта. Небольшой процентъ получившихъ образованіе, какъ выяснено будетъ ниже,—преимущественно лица духовнаго званія. Но съ другой стороны несомнѣнно, что знаніе хотя бы церковно-славянской грамоты гораздо болѣе распространено среди разнаго рода сектантовъ, чѣмъ среди рядового, сѣраго крестьянства, поглощеннаго исключительно матеріальными заботами. Чтобы заинтересоваться нѣсколько отвлеченными вопросами о догматахъ вѣры, о средствахъ спасенія души и проч., надо хотя бы поверхностно ознакомиться съ содержаніемъ книгъ священнаго писанія, что для неграмотнаго человѣка всегда менѣе доступно и болѣе трудно. Такимъ образомъ, въ общемъ слѣдуетъ признать, что осужденныя за преступленія противъ вѣры лица болѣе культурныя, по крайней мѣрѣ болѣе грамотныя, чѣмъ вообще преступники въ Россіи. Но только культура ихъ имѣетъ своеобразную окраску, пронизана исключительно религіознымъ содержаніемъ; не находя себѣ возможности спокойнаго развитія и существованія, эта культура привела своихъ участниковъ къ столкновенію съ уголовными законами ихъ страны ¹⁾.

Группировка осужденныхъ по *занятіямъ* представляетъ интересныя особенности для религіозныхъ преступленій.

¹⁾ Необходимо однако замѣтить, что среди скопцовъ (1886—94) неграмотныхъ было значительно больше, чѣмъ среди осужденныхъ вообще: 78 % въ первомъ и 64 % во второмъ случаѣ.

Изъ 100 осужденныхъ вообще были заняты:

	Сельск. хоз.	Обработ. пром. и стройн. проиэ.	Торговня, тракт. и перевозочн. пром.	Поденщакн и черно- работчѣ.	Госуд. служба.	Священ., адвок., ме- дики и проч.	Литер., учащіе и худ.	Итого.	Неопред. занятія и прислуга.	Безъ занятій.
Религіозныя прест.	66.3	11.4	6.0	6.0	1.5	1.4	0.5	3.4	4.5	1.8
Всѣ преступленія	49.7	13.8	7.8	14.3	3.6	0.7	0.7	4.8	5.5	3.9

Отсюда явствуетъ, что двѣ трети осужденныхъ сектантовъ и оскорбителей святыни—люди занятые сельскимъ хозяйствомъ, тогда какъ изъ числа осужденныхъ вообще только половина земледѣльцы. Всѣ остальныея профессіи, въ виду преобладанія сельскихъ хозяевъ, участвуютъ слабѣе въ религіозныхъ преступленіяхъ сравнительно съ другими формами преступности, не подвѣдомой сельской юриспруденціи, за исключеніемъ занятыхъ богослуженіемъ въ соединеніи съ нѣкоторыми другими либеральными профессіями. Роль лицъ духовнаго званія выяснится болѣе при разсмотрѣніи распредѣленія осужденныхъ по сословіямъ. Теперь отмѣтимъ только еще очень слабое участіе въ религіозныхъ преступленіяхъ чернорабочихъ и поденщиковъ—класса наиболѣе нуждающагося и необезпеченнаго въ экономическомъ отношеніи. Это указываетъ на то, что религіозная мечтательность и сектантство можетъ зародиться только при нѣкоторомъ хотя бы минимальномъ достаткѣ, а не среди совершенной бѣдности и экономической зависимости, отбывающихъ всякую охоту къ какому бы то ни было умствованіямъ, помимо заботъ о насущномъ кускѣ хлѣба.

Что преступленія религіозныя суть преимущественно преступленія сельскія, показываютъ также и данныя о мѣстѣ совершенія преступленія. Изъ 100 осужденныхъ совершили преступленіе:

	Въ столич- цахъ ¹⁾ .	Въ горо- дахъ.	Въ уѣз- дахъ.	Въ разн. мѣстахъ и неизв.
Религіозныя преступл.	0.7	12.3	86.0	1.0
Всѣ преступленія	3.6	22.0	74.0	0.4

¹⁾ Москвѣ и Петербургѣ.

Почти $\frac{9}{10}$ религиозныхъ преступленийъ (86 %) совершаются въ деревнѣ, въ городахъ только 13 %, тогда какъ изъ числа всѣхъ преступленийъ вообще около 26 % происходятъ въ городахъ, или относительно вдвое чаще. Очевидно, что активный сектантскій и вообще религиозный образъ мыслей и чувствъ сильнѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ, слишкомъ занятомъ матеріальными интересами, „поклоненіемъ маммонѣ“. Съ этой точки зрѣнія невольно вспоминается постоянная вражда ветхозавѣтныхъ пророковъ, а также и позднѣйшихъ религиозныхъ реформаторовъ, къ городу, городской культурѣ вообще, являвшейся воплощеніемъ эгоистическихъ и матеріальныхъ наслажденій.

„Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій.
И вотъ въ пустынь я живу,
Какъ птицы даромъ Божьей пици“,

говорить древне-іудейскій пророкъ. Въ „свѣтлый рай пустыню“ зовутъ и русскіе раскольники, аскеты и Божьи люди. Религиозная мечтательность и созерцательное настроеніе развиваются легче среди тихой, навѣвающей задумчиво-грустныя думы сельской природы, чѣмъ въ шумѣ и сутолокѣ города, пылающемъ очагѣ людской культуры, по немногу забывающей золотыя грезы дѣтства, зародившіяся „на берегахъ пустынныхъ водъ, среди дубравъ широкошумныхъ“.

Такъ какъ религиозныя преступления суть преступления сельскія, а не городскія, то въ то же время это и преступления преимущественно крестьянскія, а также присущія духовному званію.

Изъ 100 осужденныхъ (1890—94) принадлежали къ сословію:

	Духовенства.	Купцовъ и почетн. гражданинъ.	Мѣщанъ.	Дворянъ.	Крестьянъ.	Казаконъ (и нижн. воин. чин.).
Религиозныя преступл.	1.2	1.1	1.3	13.8	79.9	2.3
Всѣ преступленія .	2.4	0.2	1.5	19.2	71.5	1.3

Наиболѣе значительно, сравнительно съ общими преступленіями, участвуютъ въ религіозныхъ проступкахъ—крестьяне, казаки и духовенство. Крестьянъ огромное большинство и по всѣмъ преступленіямъ вообще (болѣе $\frac{7}{10}$), но въ религіозныхъ дѣлахъ ихъ участіе возрастаетъ до 80%. Однако, собственно наиболѣе сильно развиты нападенія на вѣру среди казаковъ (въ числѣ ихъ много старообрядцевъ и вообще раскольниковъ) и среди духовенства. Послѣднее обстоятельство можетъ показаться нѣсколько загадочнымъ. Именно то словіе, задачей котораго является преимущественное соблюденіе и распространеніе правилъ и догматовъ вѣры—оно-то и принимаетъ дѣятельное участіе въ преступленіяхъ противъ вѣры! Но это объясняется тѣмъ, что осужденныя лица духовнаго званія—почти всѣ протестантскіе пасторы прибалтійскаго края, не исполняющіе требованій 193 и 194 ст. улож. о нак. Хотя по даннымъ статистическихъ сводовъ нельзя выдѣлить духовныхъ лицъ по вѣроисповѣданіямъ, но можно выяснитъ характеръ преступности Прибалтійскаго духовенства другимъ путемъ. Свѣдѣнія объ осужденныхъ окружными судами по Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи начались печатаніемъ въ статистическихъ сводахъ съ 1890 г. За четырехлѣтіе 1886—89 гг. было осуждено за религіозныя преступленія 7 лицъ духовнаго званія, за 4-х-лѣтіе 1890—93 уже 34 лица, въ 5 разъ больше. Изъ общаго числа осужденныхъ изъ духовенства за всѣ преступленія въ 1890—93 гг. осужденные въ Прибалтійскомъ краѣ составили 16,6% (54 изъ 326), тогда какъ, соотвѣтственно съ населеніемъ 8 суд. округовъ, число духовенства въ 3 Прибалтійскихъ губ. должно составлять не болѣе 2—3% общаго числа лицъ, принадлежащихъ къ духовному сословію въ Россіи.

Изъ остальныхъ сословій можно еще упомянуть о правящемъ классѣ—дворянствѣ. Оно слабѣе другихъ сословій участвуетъ въ религіозныхъ преступленіяхъ. Изъ числа осужденныхъ за эти преступленія дворянъ только 1,2%, тогда какъ по всѣмъ вообще преступленіямъ дворянъ 2,4%, т. е. относительно вдвое болѣе. Точно также и занятые государственной службой (какъ видно изъ таблицъ осужденныхъ по

занятіямъ), т. е. преимущественно тѣ же дворяне, вдвое рѣже осуждаются за религіозныя, чѣмъ за другія преступленія (преимущественно служебныя и противъ порядка управленія).

Остается сказать еще нѣсколько словъ о религіи и народности осужденныхъ за преступленія противъ вѣры.

Изъ 100 осужденныхъ распредѣлялись по главн. вѣроисповѣданіямъ: ¹⁾.

	Православные	Раскольники.	Католики.	Протестанты.	Иудеи.	Магометане.
Религіозныя прест.	52.2	30.8	7.2	3.7	3.3	1.8
Всѣ преступленія	62.3	2.4	20.7	3.5	8.5	2.1

Что раскольники въ 13 разъ чаще замѣшаны въ религіозныхъ преступленіяхъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ—не представляетъ ничего удивительнаго: есть многочисленныя секты, признаваемые „особо вредными“ (или „соединенными съ противонаравственными, гнусными цѣлями“ по 203 ст. улож.), самая принадлежность къ которымъ уже составляетъ преступленіе. Таковы въ особенности скопчество, секты духоборовъ, штундистовъ и др. Они подлежатъ отвѣтственности по 196—206 ст. улож. о нак. Но довольно значительно и число православныхъ, осужденныхъ за преступленія противъ вѣры: они составляютъ болѣе половины числа осужденныхъ по разд. II, глав. 1—3 улож. о нак. Такъ какъ православные, очевидно, не могутъ быть осуждены за принадлежность къ расколу или отвлеченіе отъ вѣры, то на ихъ долю, слѣдовательно, приходится наибольшее число осужденій за богохульство, кощунство и оскорбленіе святыни.

Раскольники и православные составляютъ 83% осужденныхъ по дѣламъ противъ вѣры. Остальныя вѣроисповѣданія представлены очень слабо (за исключеніемъ протестантовъ). Въ особенности незначительна въ религіозныхъ преступленіяхъ доля католиковъ и іудеевъ. И тѣ и другіе почти втрое чаще принимаютъ участіе въ преступленіи вообще, чѣмъ въ

¹⁾ Въ предѣлахъ 9 суд. округовъ (включая и Варшавскій).

нападеніяхъ на вѣру. Отъ этого въ западномъ краѣ вообще (за исключеніемъ прибалтійскихъ губерній) религиозная преступность развита такъ слабо. Впрочемъ, при этомъ надо имѣть въ виду, что наше уложеніе защищаетъ отъ ересей и расколовъ только православную церковь, остальные же вѣроисповѣданія, хотя и христіанскія, отъ развитія сектантства (за исключеніемъ скопчества) не ограждаетъ. Только порицаніе христіанской вѣры и переходъ отъ какого либо христіанскаго вѣроисповѣданія въ нехристіанское наказуется (ст. 178—186 улож. нак.) безъ различія православной вѣры отъ другихъ христіанскихъ религій. Возникновеніе же и разпространеніе какой либо секты (не соединенной съ противоправственными дѣйствіями) среди католичества или протестантства по нашимъ законамъ не наказуемо. Такимъ образомъ, слабая религиозная преступность католичества и іудейства отчасти имѣетъ или скорѣе можетъ имѣть искусственный характеръ. О развитіи какихъ либо религиозныхъ сектъ среди католиковъ-поляковъ и литовцевъ или евреевъ что-то не слыхать. Болѣе склонно къ раздѣленію на секты протестантство, но оно въ Прибалтійскомъ краѣ, въ борьбѣ за преимущественное положеніе, обнаруживаетъ значительную энергію, приводящую въ особенности протестантское духовенство къ столкновенію съ раздѣломъ II улож. о нак.

По національности осужденные за преступленія противъ вѣры распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

	Русскіе.	Поляки.	Литовцы.	Нѣмцы.	Латыши и Эсты.	Евреи.	Татары и Башкиры.	Мордва, Черемисы, Чуваши Вотьяки.
Религиозныя прест.	77.6	5.8	0.7	1.3	3.9	4.0	1.8	2.7
Всѣ преступленія	61.1	17.8	2.6	1.2	2.5	9.0	2.1	1.2

Въ этой табличкѣ слѣдуетъ отмѣтить слабое участіе поляковъ и литовцевъ (католиковъ) въ преступленіи противъ вѣры. Евреи по происхожденію (со включеніемъ принявшихъ христіанство) обнаруживаютъ нѣсколько большую тенденцію къ религиознымъ преступленіямъ, чѣмъ исповѣдующіе іудейскую

вѣру, но все таки участіе ихъ слабое. Изъ протестантовъ нѣмцы не болѣе представлены въ религіозныхъ, чѣмъ и во всѣхъ вообще преступленіяхъ, но эсты и латыши занимаютъ значительно ббльшій % среди осужденныхъ за проступки противъ вѣры. Татары и башкиры не выдѣляются особо по проценту осужденныхъ, но маленькіе финскіе народцы—мордва, чуваша, черемисы, вотяки—имѣютъ вдвое большее отношеніе осужденныхъ по дѣламъ вѣры, чѣмъ по прочимъ преступленіямъ. Очевидно, что среди этихъ инородцевъ, въ большинствѣ исповѣдующихъ теперь господствующую религію, православіе не успѣло однако пустить достаточно крѣпкихъ корней, и среди нихъ нерѣдко происходитъ отпаденіе и отступленіе отъ принятой ими религіи къ прежнимъ формамъ вѣрованій или ихъ видоизмѣненнымъ разновидностямъ. Такъ, въ прошедшемъ году среди черемисъ луговой стороны обратила на себя вниманіе оригинальная секта „Кугу—сорта“, представляющая своеобразную попытку соединенія христіанскихъ догматовъ съ остатками прежняго языческаго міропониманія.

IV.

Въ заключеніе бросимъ бѣглый взглядъ на проступки противъ религіи въ западно-европейскихъ государствахъ. Мы не можемъ входить въ большія подробности, такъ какъ законодательное опредѣленіе и характеръ преслѣдованія этого рода проступковъ въ европейскихъ кодексахъ слишкомъ разнятся отъ взглядовъ, послужившихъ основаніемъ для II раздѣла нашего уложенія. Интересно, однако, отмѣтить движеніе числа проступковъ противъ религіи въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы.

Въ Австріи, ближайшей и наиболѣе родственной намъ по большинству ея населенія странъ, религіозная преступность за послѣднія 30 лѣтъ возросла въ сильнѣйшей степени. По австрійскому уголовному уложенію различаются два главнѣйшихъ вида религіозныхъ преступленій: 1) Religionsstörung (als Verbrechen strafbar), соотвѣтствующее въ нашемъ уложеніи—богохульству, оскорбленію святыни и отвлеченію отъ христіан-

ства ¹⁾ и 2) Beleidigung einer gesetzlich anerkannten Kirche oder Religionsgesellschaft (Vergehen). Этотъ проступокъ (наказываемый арестомъ, § 303) соотвѣтствуетъ отчасти нашему порицанію вѣры, кощунству и нарушенію церковнаго благочинія. Кромѣ того наказуется Beförderung einer vom Staate für unzulässig erklärten Religionssecte (§ 304 улож.). Но число осужденныхъ за поддержку и распространеніе такихъ недозволенныхъ (съ политической точки зрѣнія) сектъ крайне ничтожно: всего 5 осужденныхъ за 15 лѣтъ (1881—1895). Что же касается двухъ выше указанныхъ видовъ нарушеній вѣры, то, какъ уже упомянуто, они возросли весьма значительно.

Общее число осужденныхъ за десятилѣтіе.

	Преступленія противъ вѣры (Religionsstö- rung).	Проступки противъ вѣры (Beleidigung der Kirche).	Преступленія и проступки противъ вѣры вмѣстѣ.
1866—75—	412	513	925
1876—85—	989	1134	2123
1886—95—	1167	2072	3239

Такимъ образомъ, религиозныя правонарушенія за 30 лѣтъ (1866—95) увеличились въ Австріи въ три съ половиною раза.

Въ особенности увеличились болѣе мелкіе проступки противъ религиозныхъ постановленій (Beleidigung der Kirche), они возросли на 304% (въ четыре раза) за 30 лѣтъ. Ни одно преступленіе въ Австріи не обнаружило такого колоссальнаго роста за это время. Вообще австрійская преступность за послѣднее время не увеличивается по отношенію

¹⁾ § 122 австр. угол. уложенія гласитъ: Das Verbrechen der Religionsstörung begeht: a) wer durch Reden, Handlungen, in Druckwerken oder Schriften Gott lästert; b) wer eine im Staate bestehende Religionsübung stört oder durch entehrende Misshandlung an den zum Gottesdienste gewidmeten Geräthschaften oder sonst durch Handlungen, Reden, Druckwerke oder Schriften öffentlich der Religion Verachtung bezeigt; c) wer einen Christen zum Abfalle vom Christenthume zu verleiten; d) wer Unglauben zu verbreiten oder eine der christlichen Religion widerstrebende Irrlehre auszustreuen sucht.

къ населенію ¹⁾). Тѣмъ болѣе поразительно постоянное возростаніе религиозныхъ преступленій, происходящее помимо какого-либо усиленія судебной репрессіи. Скорѣе, подъ вліяніемъ либеральныхъ и демократическихъ теченій, строгость судебной дѣятельности въ этомъ отношеніи должна была нѣсколько понизиться. Очевидно, что въ Австріи, въ еще болѣе, можетъ быть, степени, чѣмъ въ Россіи, существуетъ дѣйствительное религиозное (или скорѣе антирелигиозное) движеніе, выражающееся въ частыхъ столкновеніяхъ съ уголовнымъ закономъ.

Въ Германіи проступки противъ религіи (Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen, §§ 166—168 d. Strafgesetzb.) увеличиваются тоже, но въ меньшей степени, чѣмъ въ Австріи. Свѣдѣнія имѣются за время съ 1882 по 1895 г. Въ первомъ (1882) году было 249 осужденій за преступныя дѣянія противъ вѣры (Handlungen welche zur Verurtheilung gelangt sind), въ 1895 г.—367, на 47% болѣе. Но въ Германіи преступность вообще растетъ и общее число преступныхъ дѣяній съ 1882 по 1895 г. увеличилось на 41%, т. е. почти въ той же мѣрѣ какъ и религиозные проступки. По германскому законодательству отвлеченіе отъ христіанства (и тѣмъ болѣе отпаденіе отъ него) не преслѣдуется какъ въ Австріи, равно германское уложеніе не знаетъ недозволенныхъ сектъ и не грозитъ наказаніемъ даже за распространеніе невѣрія (безъ оскорбленія или насмѣшекъ надъ вѣрой). Такимъ образомъ, объемъ религиозныхъ преступленій значительно меньше въ Германіи, чѣмъ въ Австріи, не говоря о Россіи. Въ виду этого сравненіе статистическихъ данныхъ въ этомъ случаѣ становится затруднительнымъ.

Еще уже понятіе о религиозныхъ проступкахъ въ свободо-

¹⁾ На 100,000 нас. въ Австріи приходилось осужденныхъ за преступленія и проступки (безъ правонарушеній):

1886—15.4	1891—14.3
1887—14.6	1892—15.1
1888—14.1	1893—14.0
1889—14.2	1894—15.1
1890—14.6	1895—14.6

мыслящей Франціи. Code pénal знаетъ только entraves au libre exercice des cultes, art. 260—261 С. Р. Это препятствіе свободѣ отправленія религиозныхъ обрядовъ, отчасти (но только отчасти) соотвѣтствующее нашему нарушенію „церковнаго благочинія“. Никакихъ другихъ проступковъ противъ вѣры законъ во Франціи не признаетъ и не преслѣдуетъ. Самое число караемыхъ по суду проступковъ во Франціи съ теченіемъ времени не растетъ, а уменьшается. Въ 1876—80 было въ среднемъ ежегодно 122 обвиняемыхъ за délits contre la religion (art. 260—261 С. Р.), въ 1890—94 г. г. только 65, несмотря на то, что преступность во Франціи вообще увеличивается ¹⁾. Ранѣе, замѣтны были значительныя колебанія. Въ пятилѣтія, отмѣченныя политическими волненіями или измѣненіями формы политическаго устройства (1851—55, 1871—75) религиозныя проступки значительно увеличиваются, въ наступающіе затѣмъ періоды сравнительнаго успокоенія умовъ—нападенія на религію и ея обряды уменьшаются (таковы періоды 1856—70, 1876—94 г. г.). Но вообще по своей маловажности и малочисленности религиозныя проступки во Франціи не представляютъ особаго интереса. Весьма вѣроятно, что въ послѣднее время весьма многія изъ дѣлъ этого рода прекращаются французскою прокуратурою, на томъ основаніи, что les faits ne présentaient aucune gravité et n'intéressaient pas essentiellement l'ordre public. Такъ гласитъ одинъ изъ мотивовъ оставленія жалобъ и доносовъ безъ послѣдствій со стороны прокурорскаго надзора во Франціи.

Е. Тарновскій.

¹⁾ Кромѣ того, до 1880 г. были нерѣдки случаи оскорбленія священнослужителей (ст. 262 С. Р.); въ 1890—94 г. г. не было ни одного обвиняемаго въ оскорбленіи священнослужителя или священныхъ предметовъ.

II.

НАШЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПОЧЕТНОМЪ ГРАЖДАНСТВѢ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ РАЗВИТІЮ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ И МЪЩАНСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ.

(Было доложено въ административномъ отдѣленіи Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ).

I.

Вопросъ объ образованіи въ русскомъ обществѣ новаго сословія почетныхъ гражданъ былъ поднятъ и разработанъ Комитетомъ 6 декабря 1826 года въ связи съ общимъ вопросомъ объ изданіи дополнительнаго закона о состояніяхъ.

Комитетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ графа Виктора Павловича Кочубея изъ слѣдующихъ членовъ Государственнаго Совѣта: графа П. А. Толстого, И. В. Васильчикова, князя А. Н. Голицына, барона И. И. Дибича и М. М. Сперанскаго. Дѣлопроизводителями были назначены статсъ-секретари Д. Н. Блудовъ и Д. В. Дашковъ, а съ 1831 г. баронъ М. А. Корфъ.

Занятія Комитета должны были состоять: 1) въ пересмотрѣ и разборѣ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ Императора Александра I, и 2) въ пересмотрѣ тогдашняго государственнаго устройства.

Обсужденіе вопроса объ установленіи состоянія гражданства началось въ Комитетѣ въ засѣданіи 7 сентября 1827 г.

по докладной запискѣ графа Кочубея: О дополнительномъ законѣ о состояніяхъ. Въ пунктѣ второмъ ея указывалось, что въ Государственномъ Совѣтѣ по представленію министра финансовъ производилось дѣло объ установленіи потомственного гражданства или средняго состоянія; говорилось, что предположеніе это заключаетъ въ себѣ виды полезные и что можно бы было, рассмотрѣвъ его въ Комитетѣ, привести въ дѣйствіе; что, независимо отъ этого, можно также заняться преобразованіемъ городскихъ выборовъ, на кои приносятся большія жалобы, распорядкомъ въ повинности постоя въ городахъ, мѣрами исправленія въ торговлѣ и проч. ¹⁾.

Затѣмъ были прочтены: записка министра финансовъ, журналы Государственного Совѣта и представленные на Высочайшее усмотрѣніе проекты манифеста и указа Сенату. Комитетъ принялъ эти проекты за основу своихъ дальнѣйшихъ сужденій по этому вопросу.

Разсмотрѣвъ подробности предполагаемаго установленія потомственного гражданства, Комитетъ призналъ это дѣло очень важнымъ: оно положить прочное основаніе благосостоянію городовъ, развитію и усовершенствованію торговой и художественной промышленности въ государствѣ, словомъ, великое дѣло, начатое Екатериной II, будетъ довершено соотвѣтственно нуждамъ настоящаго времени. Было обращено также вниманіе на то, что постановленія Государственного Совѣта не удержатъ вреднаго стремленія купцовъ, ученыхъ и художниковъ къ достиженію дворянства. Это стремленіе лишаетъ среднее сословіе лучшихъ его членовъ; дарованія отличныя не обращены къ истинному ихъ назначенію; въ среднемъ состояніи духъ полезной для государства предприимчивости упадаетъ. Общія, истинныя государственныя пользы и частныя выгоды всѣхъ состояній требуютъ возможности для каждаго пользоваться достаточными правами и преимуществами, не выходя изъ общественнаго круга, ему предназначеннаго рожденіемъ и образованіемъ. По этимъ соображеніямъ Комитетъ нашелъ недостаточнымъ раздѣленіе

¹⁾ Сборн. И. Р. Ист. Общ., т. 90, стр. 362.

гражданства на потомственное и личное. Онъ полагалъ къ тому еще одну высшую степень для имѣющихъ теперь право на полученіе дворянства. Сюда принадлежать: иностранцы и люди средняго состоянія, получившіе на службѣ военной—чины оберъ-офицерскіе и на гражданской—VIII класса; профессоры, медики и вообще всѣ ученые и художники, коимъ предоставлены, по занимаемымъ ими мѣстамъ, званія оберъ-офицерскія; наконецъ, кавалеры всѣхъ російскихъ орденовъ, включая въ ихъ число бѣлое духовенство и купцовъ, награжденныхъ орденами; всѣ они должны называться именитыми російскими гражданами ¹⁾).

Россійскимъ именитымъ гражданамъ предполагалось предоставить слѣдующія особыя права: право быть избираемыми, по волѣ дворянства и съ собственнаго ихъ согласія, на мѣста, замѣщаемыя дворянскими выборами, кромѣ предводителей и депутатовъ; равнымъ образомъ и гражданамъ представить право избирать дворянъ на мѣста, замѣщаемыя по выбору гражданъ.

Ко второму разряду, къ гражданамъ потомственнымъ, Комитетъ полагалъ причислить всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя по тогдашнему законодательству пользовались личнымъ дворянствомъ. Всѣ сіи лица освобождаются отъ подушной подати, рекрутской повинности и тѣлеснаго наказанія. Тѣже права предоставляются и личнымъ гражданамъ, но не распространяются на ихъ дѣтей.

Единогласно было постановлено изложить проектъ закона объ установленіи состоянія гражданства такъ, чтобы сперва изложить права принадлежащія всѣмъ гражданамъ, потомъ начертать образъ ихъ пріобрѣтенія и порядокъ вступленія въ гражданство и, наконецъ, постановить правила о лишеніи его. Дѣла о потомственномъ гражданствѣ должны производиться герольдіей. Приговоры, лишающіе гражданъ именитыхъ ихъ званія, приводятся въ исполненіе не иначе, какъ по утвержденіи Сенатомъ, а приговоры, лишающіе орденовъ—не иначе, какъ по Высочайшемъ ихъ утвержденіи ²⁾).

¹⁾ Сборн. И. Р. Ист. Общ., т. 74, стр. 158—160.

²⁾ Тамъ же, стр. 161—163.

Въ засѣданіи 18 сентября Комитетъ нашелъ, будто бы названіе именитыхъ гражданъ не означаетъ съ надлежащей точностью высшую степень средняго состоянія, и потому рѣшилъ названіе именитыхъ замѣнить названіемъ *благородныхъ*; названіе именитыхъ потомственныхъ присвоить второй степени; названіе просто именитыхъ—третьей; а гражданъ четвертой степени, т. е. мѣщанъ, называть просто гражданами ¹⁾. Но Государь призналъ такую перемену неумѣстной, и особенно введеніе въ проектъ выраженія „благородные“—такъ какъ этимъ какъ бы выражалось, что лишь первой степени гражданства принадлежитъ благородство, а всѣмъ другимъ степенямъ гражданства оно не свойственно и изволилъ указать, чтобы первая степень гражданъ, согласно журналу 7 сентября, именовалась именитыми, вторая—потомственными, третья—гражданами просто, не прилагая званія личныхъ, по плану министра финансовъ, о чемъ и было доложено Комитету въ засѣданіи 25 сентября.

Не смотря на это, Комитетъ продолжалъ придумывать новыя названія: гражданъ перваго разряда назвать *первостепенными*, втораго—именитыми потомственными, третьяго—именитыми просто, четвертаго—просто *гражданами* ²⁾.

Въ засѣданіи 4 октября Комитету было доложено, что Государь не находитъ соотвѣтственнымъ понятію о гражданахъ перваго разряда ни одного изъ предложенныхъ Комитетомъ названій: ни именованіе ихъ первостепенными, ни именитыми. Въ такихъ названіяхъ не достаетъ требуемыхъ отъ закона простоты и опредѣленности. Гражданъ втораго разряда онъ предлагалъ назвать именитыми, третьяго—просто гражданами, а четвертаго—мѣщанами ³⁾.

Въ ноябрьскихъ своихъ засѣданіяхъ Комитетъ предполагилъ назвать гражданъ перваго разряда *чиновными*, такъ какъ вступленіе въ этотъ разрядъ предполагалось обусловить

¹⁾ Стр. 163, 164.

²⁾ Стр. 170.

³⁾ Стр. 176.

тогда полученіемъ чиновъ, и гражданъ третьяго разряда—не просто гражданами, а гражданами *почетными* ¹⁾.

Затѣмъ до 27 марта 1829 г. Комитетъ вопроса о гражданствѣ вовсе не касался, занятый разсмотрѣніемъ проектовъ новаго учрежденія правительствующаго и судебного сената, Комитета министровъ, Государственнаго Совѣта, Комиссіи прошеній, губернскаго управленія и другихъ частей проекта дополнительнаго закона о состояніяхъ: о дворянствѣ, о духовенствѣ, о крестьянахъ, о гражданской службѣ.

Въ засѣданіи 29 марта 1829 г. была внесена въ Комитетъ записка министра финансовъ графа Канкринна объ учрежденіи состоянія гражданства съ дозволеніемъ вступать въ него подъ условіемъ внесенія опредѣленнаго капитала на погашеніе государственныхъ долговъ взамѣнъ мѣщанскихъ повинностей ²⁾. Къ разсмотрѣнію этой записки Комитетъ приступилъ 1 мая того же года. Комитетъ, разсмотрѣвъ записку, нашелъ, что при осуществленіи предложенія графа Канкринна, каждый мѣщанинъ, каждый казенный крестьянинъ и вольноотпущенный, послѣ 3-лѣтней бытности въ мѣщанахъ, будутъ имѣть право приобрѣтать за наличныя деньги не одни временныя торговыя права, но и права потомственнаго гражданства, безъ всякаго предварительнаго подготовленія къ этому званію и безъ всякой гарантіи ихъ способности воспользоваться этимъ званіемъ согласно цѣли его установленія. Возможно, что новые граждане, истративъ все свое имущество на приобрѣтеніе этого званія, останутся безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что даже въ московскомъ мѣщанскомъ обществѣ, состоящемъ изъ 28,808 душъ, въ 1828 году 13,000 находились въ такой нищетѣ, что вовсе не могли платить податей. А графъ Канкринъ надѣялся, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ установленія предлагаемаго имъ порядка, изъ милліона русскихъ мѣщанъ 20,000 семействъ дадутъ казнѣ на погашеніе государственныхъ долговъ сорокъ милліоновъ. Комитетъ полагалъ, что,

¹⁾ Стр. 193. Засѣданія 2, 5 и 9 ноября. Имъ составленъ одинъ общій журналъ.

²⁾ Стр. 385.

судя по тогдашнему состоянію мѣщанства, едва-ли бы нашлись подобныя богатыя мѣщанскія семьи, не говоря уже о томъ, что эти сорокъ милліоновъ, если бы и нашлись на дѣлѣ, бывъ обращены на усиленіе торговли и промышленности, принесли бы гораздо больше выгодъ государству, чѣмъ при обращеніи ихъ на уплату государственныхъ долговъ. На основаніи такихъ соображеній Комитетъ заключилъ, что предположеніе министра финансовъ, въ случаѣ его практическаго осуществленія, представило бы много важныхъ неудобствъ ¹⁾.

Въ засѣданіяхъ 26 января, а также 2 и 9 февраля 1830 г. комитетъ постановилъ включить въ проектъ о гражданствѣ указаніе на распространеніе правъ потомственныхъ гражданъ на всѣхъ ихъ законныхъ дѣтей, рожденныхъ, какъ послѣ полученія ими званія гражданства, такъ и на рожденныхъ до этого ²⁾. Въ засѣданіи перваго марта того же года въ комитетѣ было высказано сомнѣніе, удобно ли будетъ сохранить за первыми офицерскими чинами такое значеніе, что ими обуславливается пріобрѣтеніе званія чиновнаго гражданина. Если это сохранить, дѣти всѣхъ именитыхъ гражданъ и студенты университета обратятся въ военную службу только для полученія перваго чина и выхода затѣмъ въ отставку съ званіемъ чиновнаго гражданина. Не лучше ли было бы обусловить полученіе званія чиновнаго гражданина только чиномъ капитана? Тогда бы удерживались дольше на службѣ хорошіе офицеры и уменьшалось число гражданъ, поступающихъ въ военную службу ³⁾.

Въ 1830 году уже былъ составленъ проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ ⁴⁾.

На этотъ проектъ были представлены Государю, черезъ графа Кочубея 16 апрѣля, весьма дѣльныя и интересныя замѣчанія М. А. Балугьянскаго ⁵⁾. По вопросу собственно о гражданствѣ, Балугьянскій высказался рѣшительно противъ

¹⁾ Стр. 397—399.

²⁾ Стр. 439.

³⁾ Стр. 455.

⁴⁾ Сборн. Имп. Русск. ист. общ. т. 90, стр. 363—394.

⁵⁾ Сборн. Импер. Русск. истор. общ. т. 90, стр. 580—588.

образованія особаго класса чиновнаго гражданства. „Какая нужда учрежденія сего новаго состоянія? Пока чиновникъ состоитъ на службѣ, онъ чиновникъ, имѣющій по своему званію разныя права и преимущества. Если оставитъ службу по старости, то онъ заслуженный чиновникъ, пользующійся правами, прибрѣтенными службою. Если онъ уволенъ или оставилъ службу добровольно, то возвращается въ состояніе, изъ котораго происходилъ. По крайней мѣрѣ, такъ есть во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Итакъ, одни дѣти чиновниковъ не изъ дворянъ возбуждаютъ какое нибудь сомнѣніе. Но, во-первыхъ, въ малолѣтствѣ и до избранія рода жизни они не пользуются правами и преимуществами отца; во-вторыхъ, по избраніи рода, или вступаютъ въ службу, или записываются въ купцы, мѣщане и т. д.; въ-третьихъ, у насъ существуетъ классъ личныхъ дворянъ, коихъ права достаточно важныя и могутъ опредѣляться еще съ большою точностью. Почему установить новыя званія, новыя классы? Чиновный гражданинъ есть ли болѣе почетное званіе, нежели личный дворянинъ. Другая причина установленія чиновнаго гражданства умноженіе класса средняго состоянія людей. Что значитъ среднее состояніе людей? Такъ называемое среднее состояніе людей есть прозваніе нашего вѣка въ противоположность дворянству, духовенству, крестьянству. Оно состоитъ изъ разнаго званія людей: изъ ученыхъ, адвокатовъ, медиковъ, городскихъ жителей, свободныхъ людей и чиновниковъ. Но въ совокупности среднее состояніе нигдѣ не составляетъ какое либо политическое сословіе, отдѣльное отъ другихъ и разнаго состоянія, изъ коихъ оно состоитъ, не пользуются особыми правами и не составляютъ различныя классы. Въ интересъ ли правительства умножить число адвокатовъ, ученыхъ и чиновниковъ до безконечности? И если бы сіе случилось, умножилось бы съ тѣмъ число тѣхъ, кои при семъ предположеніи въ самомъ дѣлѣ имѣются въ виду, т. е. купцовъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ и другихъ производящихъ погребителей (*consommateurs productifs*), коихъ недостатокъ очевидный въ государствѣ, коихъ число едва ли достигаетъ $\frac{1}{20}$ всего населенія. Итакъ, если умножить какой

классъ, то умножить сей послѣдній. Какими средствами? Вопросъ несмѣтный, но коего разрѣшить не есть невозможно. Обратимъ вниманіе на законоположенія о гильдіяхъ, о цехахъ, о мѣщанахъ, объ управленіи городовъ, объ избраніи рода жизни, о переходѣ изъ одного состоянія въ другое, о законахъ финансовыхъ и полицейскихъ, на промышленность и населеніе городовъ и настоящее среднее сословіе умножится. Сколько есть въ Имперіи селеній ¹⁾, которымъ не достааетъ только званія и правъ городовъ, дабы оными умножить число городскихъ жителей“.

Однако эти замѣчанія не были приняты во вниманіе и проектъ, составленный комитетомъ, безъ всякихъ измѣненій былъ внесенъ на обсужденіе чрезвычайныхъ собраній Государственнаго Совѣта.

О гражданствѣ говорилось въ этомъ проектѣ манифеста, во первыхъ, въ общихъ его соображеніяхъ, изложенныхъ въ самомъ началѣ и, кромѣ того, въ четвертомъ его отдѣлѣ, состоящемъ изъ двадцати одного параграфа ²⁾.

Въ общихъ соображеніяхъ манифеста говорилось такъ: „Состояніе гражданства, заключаетъ въ себѣ два сословія: купечество и мѣщанство. Изъ нихъ одно только послѣднее есть наслѣдственное; первое же, бывъ сопряжено съ личнымъ торговымъ промысломъ, образуется ежегодно и измѣняется случайно, не оставляя никакихъ почти слѣдовъ въ потомствѣ. Почетные нѣкогда въ гражданствѣ роды при первой неудачѣ упали изъ сего перваго сословія въ послѣднее. Отсюда тѣ изъ нихъ, кои искали прочности ихъ роду, всѣ усилія употребляли; чтобъ, оставивъ сіе состояніе, причислили себя или дѣтей своихъ къ дворянству. Отсюда оскудѣніе въ сословіи купеческомъ и излишнее приумноженіе въ состояніи дворянства“.

„Къ мѣщанскому сословію по законамъ, нынѣ существующимъ, принадлежать и дѣти личныхъ дворянъ, внѣ службы состоящія; по закону сему отецъ, всю жизнь на

¹⁾ Восполняю этимъ словомъ очевидный пропускъ въ печатномъ текстѣ.

²⁾ Сборн. Ими. Русск. ист. общ. т. 90, стр. 363—394.

службѣ проводившій, если не достигъ потомственного дворянства, оставляетъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ званіе мѣщанъ и всѣ его послѣдствія“.

„Неудобства столь явныя, давно уже замѣченныя, не иначе могутъ быть исправлены, какъ другимъ лучшимъ устройствомъ сего состоянія. Въ самомъ составѣ его открываются къ сему твердыя начала. Занимая средину, между дворянствомъ и крестьянствомъ и раздѣляясь на разныя степени, избраннѣйшіе, первостепенные члены оного, воспитаніемъ и образомъ жизни отличные и къ дворянству ближайшіе, не сливаясь съ нимъ и сохраняя свою особенность, занимаясь службою, должны быть съ нимъ смежны, другіе, напротивъ ремеслами и трудами рукъ своихъ сближаются съ крестьянствомъ. Между сими двумя крайними степенями одного и того же состоянія, должны занять свойственное имъ мѣсто и тѣ, кои науками способствуютъ просвѣщенію, и тѣ, кои художествами содѣйствуютъ утверженію вкуса къ изящному, и тѣ, кои торговымъ промысломъ обогащаютъ государство, и такимъ образомъ, каждая способность, каждый трудъ найдетъ приличную ему степень и на сей степени соразмѣрное къ себѣ уваженіе, безъ притязанія къ высшимъ и не боясь униженія. Мы удостовѣрены, что всѣ вѣрные наши подданные признаютъ съ нами дѣйствительную необходимость и пользу этихъ исправленій, что цѣль настоящаго учрежденія состоитъ въ томъ единственно, чтобъ каждый, въ кругѣ его состоянія, стремился всѣми способами къ правильному и полезному употребленію данныхъ ему отъ Бога силъ способностей и всѣ соразмѣрныя тому выгоды жизни, любилъ и уважалъ свое состояніе и самъ отъ другихъ былъ въ немъ уважаемъ, чтобъ не были закрыты никому пути перехода изъ одного состоянія въ другое, чтобы переходъ въ разныя сословія гражданства былъ въ однихъ— послѣдствіемъ постепеннаго прохожденія службы, въ другихъ— послѣдствіемъ успѣховъ въ наукахъ и художествахъ и опытности въ торговлѣ, и дабы такимъ образомъ всѣ состоянія, не сливаясь одно съ другимъ, но пользуясь своими правами, дѣйствуя своими средствами, и какъ разные члены одного

великаго семейства, помогая одинъ другому, всё соединялись въ одномъ желаніи: славы и благоденствія любезнаго отечества нашего“ ¹⁾).

Въ отдѣлѣ IV проекта гражданство раздѣляется на четыре сословія: граждане чиновные, именитые, почетные и мѣщане (§ 17).

Общія преимущества гражданъ первыхъ трехъ сословій: 1) свобода отъ подушнаго оклада; 2) отъ рекрутскаго набора; 3) отъ тѣлеснаго наказанія; 4) право быть избираемыми по недвижимой собственности въ городскія общественныя должности не ниже присвоенныхъ дѣйствующимъ закономъ купцамъ первыхъ двухъ гильдій (§ 18). Эти преимущества принадлежатъ гражданамъ двухъ первыхъ сословій потомственно и дѣтямъ, рожденнымъ раньше полученія отцомъ этихъ званій, а третьяго сословія—лично (§ 19 и прим.).

Преимущества гражданства отдѣльны и независимы отъ правъ торговли (§ 20). Гражданство сообщается женамъ по общему правилу: мужъ высшаго состоянія сообщаетъ его женѣ, а жена высшаго состоянія его не теряетъ (§ 21).

Особенныя преимущества чиновныхъ гражданъ состоятъ: 1) въ свободѣ вступать во всё роды государственной службы; 2) въ достиженіи чиновъ XII класса; 3) въ удостоеніи орденами; 4) въ полученіи наградъ и пенсій; 5) въ свободѣ выхода со службы; 6) въ избираемости во всё должности, замѣщаемыя дворянскими выборами, кромѣ предводителей и депутатовъ; 7) въ правѣ имѣть родовой гербъ безъ короны; 8) въ правѣ помѣстить дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, кромѣ Пажескаго корпуса и Александровскаго Лицея (§ 23).

Особенное преимущество именитыхъ гражданъ только одно: они могутъ также поступать на всякую государственную службу и производятся черезъ шесть лѣтъ въ чинъ XII класса (§ 24). Почетнымъ гражданамъ принадлежитъ то же самое преимущество, но только лично (§ 27). Мѣщане остаются при прежнихъ правахъ (§ 28).

¹⁾ Сб. Имп. Русск. ист. общ. т. XC, стр. 365, 366, 367.

Права чиновнаго гражданства приобрѣтаются: 1) рожденіемъ отъ чиновнаго гражданина и 2) службою, подъ условіемъ полученія въ военной службѣ перваго офицерскаго чина, а въ гражданской—чина VIII класса, а также при полученіи какого либо ордена (§ 29—33).

Именитое гражданство приобрѣтается, кромѣ рожденія и гражданской службы, еще отличіемъ въ наукахъ, художествахъ, въ торговлѣ и фабрикахъ (§ 35). Для полученія службою именитаго гражданства требуется полученіе ими XII класса (§ 37). Отличіемъ въ наукахъ и художествахъ именитое гражданство приобрѣтается при слѣдующихъ условіяхъ: 1) окончанія университетскаго курса наукъ и 2) удостоенія академіей художествъ званій архитектора, живописца, ваятеля, гравера и медальера и послѣ того упражненія съ успѣхомъ не менѣе десяти лѣтъ въ своемъ художествѣ (§ 39). Отличіемъ въ торговлѣ и фабрикахъ именитое гражданство приобрѣтается подъ условіями: 1) полученія званія коммерціи или мануфактуръ совѣтника и 2) пребыванія въ первой гильдіи десяти лѣтъ и во второй—пятнадцати (§ 40).

Почетное гражданство приобрѣтается: 1) купцами—поступленіемъ въ двѣ первыя гильдіи; 2) художниками—удостоеніемъ ихъ академіей художествъ званій выше перечисленныхъ, до истеченія десяти лѣтъ успѣшнаго занятія своимъ художествомъ (§ 44).

Иностранные ученые, художники, капиталисты и фабриканты, водворившіеся въ Россіи, могутъ быть, по усмотрѣнію министерства (какого въ проектѣ не указано) представлены къ награжденію Высочайшею властью званіемъ почетнаго гражданина (§ 44, п. 3). По истеченіи шести лѣтъ они могутъ пользоваться лично званіемъ именитыхъ гражданъ (§ 39, п. 3; § 40, п. 3).

Свидѣтельства на почетное гражданство выдаются губернскимъ правленіемъ (§ 44, п. 2 и 3). Грамоты на именитое и чиновное гражданство выдаются, по предварительному разсмотрѣнію дѣла Герольдіей, Сенатомъ (§§ 34, 42).

Лишеніе правъ гражданства навсегда совершается вслѣдствіе: 1) лишенія его по судебному приговору; 2) лишенія

добраго имени, также по судебному приговору, и 3) призна- нія судомъ злостнымъ банкротомъ (§ 45). Судебные приго- вору, связанные съ лишеніемъ чиновнаго и именитаго граж- данства, обращаются къ исполненію не иначе, какъ съ утвер- жденія Сената (§ 46).

Нѣкоторыя преимущества гражданства временно прекра- щаются: 1) при записаніи въ цехи и 2) при вступленіи въ услуженіе для домашнихъ работъ (§ 47).

Въ этомъ видѣ проектъ постановленій о гражданствѣ въ общемъ составѣ проекта дополнительнаго закона о состоя- нияхъ былъ представленъ на обсужденіе Государственнаго со- вѣта въ чрезвычайныхъ его собраніяхъ 6, 13, 20, 22, 24, 27, 29 марта, 12, 14, 18, 19, 24, 26, 28 апрѣля, 2, 9, 16, 19, 23 іюня 1830 г.

Собственно постановленія о гражданствѣ Государствен- ный совѣтъ обсуждалъ въ засѣданіяхъ ^{20/22} марта, ^{12/14} апрѣля, 2 и 9 іюня.

Въ засѣданіяхъ 20 марта и 12 апрѣля было разсуждаемо: „не должно ли упомянуть, при опредѣленіи четырехъ сосло- вій гражданства, объ отставныхъ канцелярскихъ служителяхъ, недослужившихся до офицерскаго чина и о дѣтяхъ ихъ, но признано, что канцелярскіе служители составляютъ особый классъ людей служебныхъ, что по выходѣ изъ службы они остаются отставными нижними гражданскими чиновниками точно также, какъ и военные нижніе чины въ отставкѣ на- ходящіеся, кромѣ удаленныхъ за нерадѣніе и вышедшихъ въ отставку для перемѣны только податнаго состоянія, кото- рые обращаются въ первобытное званіе, что дѣти ихъ, имѣя право на службу до совершеннолѣтія, именуется дѣтьми кан- целярскихъ служителей, но ежели по достиженіи совершен- нолѣтія не вступятъ въ службу, тогда на основаніи положенія 22 ноября 1828 года причисляются въ податное состоя- ніе по ихъ избранію“. Кромѣ того, совѣтъ нашель нужнымъ предоставить гражданамъ не только права избираемости, но и право избиранія, и перечень учебныхъ заведеній, въ ко- торыя граждане не допускаются постановилъ дополнить ука- заніемъ на „общество благородныхъ дѣвиць“. Относительно

приобрѣтенія гражданства отличіемъ совѣтъ для второй гильдіи 15 лѣтній срокъ замѣнилъ 20 лѣтнимъ.

Въ засѣданіи 22 марта признано нужнымъ вовсе исключить § 27, дающій дѣтямъ почетныхъ гражданъ право поступать на службу, такъ какъ самъ же проектъ права почетнаго гражданства признаетъ только личными, и измѣнить редакцію §§ 32 и 38. Относительно художниковъ Государственный Совѣтъ, по объясненію президента академіи художествъ, призналъ удобнѣйшимъ, сообразно существующему нынѣ при выпускѣ воспитанниковъ академіи порядку, опредѣлить: что бы получающія дипломы на званіе художника академіи имѣли право на гражданство именитое, а получающіе одни токмо аттестаты, безъ званія художника, приобрѣтатели только право почетнаго гражданства.

Обсуждался еще въ этомъ же засѣданіи вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли срокъ пребыванія во второй гильдіи возвысить съ 15 лѣтъ на 20 лѣтъ?—и былъ рѣшенъ утвердительно. Другой вопросъ: слѣдуетъ ли преимущество гражданства распространить и на евреевъ—былъ разрѣшенъ, напротивъ, отрицательно.

Въ засѣданіи 14 апрѣля предьявлено было Государственному Совѣту мнѣніе Московскаго военнаго генераль-губернатора князя Голицина. О гражданствѣ въ немъ говорилось слѣдующее: „Среднее состояніе или *граждане*, классъ общества столь полезный и достойный особаго вниманія, имѣлъ прежде занятія различныя отъ дворянства, но воспитаніе, просвѣщеніе и отстраненіе предрассудковъ, ознаменовавшее новѣйшія времена, сблизили ихъ съ первенствующимъ классомъ, и впослѣдствіи того всѣмъ открылся путь (съ весьма малыми измѣненіями) къ занятію должностей по высшей и гражданской части, которыя первоначально были исключительно принадлежностью дворянства. Во всѣхъ земляхъ состояніе сіе было допускаемо къ занятію должностей въ правленіи“.

„Государи Россійскіе безъ затрудненія послѣдовали тому же обыкновенію, но со временъ Петра Великаго неправильно были приданы должностямъ или мѣстамъ почетныя наимено-

ванія, приносившія съ собою величайшую награду въ гражданскомъ составѣ общества—именно вступленіе въ дворянское сословіе, особыми преимуществами возвышенное передъ другими. Таковое право, таковая система при своемъ введеніи не сопровождалась, можетъ быть, большими злоупотребленіями, но въ послѣдствіи произвели хаосъ въ государствѣ. Титла сіи представили ложную цѣль для честолюбія частныхъ людей. Это былъ обманчивый блескъ, обольщавшій безпокойную дѣятельность человѣческаго самолюбія. Въмѣсто того, чтобы достойнымъ образомъ исправлять должности гражданскія или посвящать себя наукамъ или искусствамъ, они съ жаромъ бросились быстро пробѣгать всю лѣстницу чиновъ безъ должностей. Одни, прельстясь заманчивостью сихъ наименованій и не отдавая себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ, проводили свое время въ ходатайствованіи объ оныхъ, другіе по лучшему разсчету достигали подъ прикрытіемъ сихъ титуловъ до мѣстъ и знаковъ отличій высшихъ классовъ. Правительство давно почувствовало сіе зло. Просвѣщенный классъ общества старался обратить на него заботливое вниманіе Государя. Мудрость его намъ нынѣ исправить сей искривленный ходъ службы“.

„Замѣтивъ, что честолюбіе нашихъ соотечественниковъ получило невѣрное направленіе и что пути, протекаемые онымъ, служатъ единственно къ разстройству общаго порядка, не должно ли остеречься, чтобъ изъ мелкихъ видовъ не впасть въ подобныя несообразности, и чтобы новыя наши учрежденія не затрудняли хода, которому должны мы слѣдовать для лучшаго направленія честолюбія нашихъ соотечественниковъ. Опасеніе сіе возымѣлъ я при чтеніи IV главы проекта, гдѣ опредѣлены различные разряды гражданства и преимущества ихъ, хотя мѣста, занимаемые по службѣ не будутъ болѣе средствомъ доставать дворянское званіе и сія послѣдняя награда приобрѣтаться будетъ по непосредственному благоволенію Императорскаго Величества—перемѣна весьма важная, которою одолжены мы будемъ новому проекту“.

„При всемъ томъ еще появляется новый порядокъ постепеннаго возвышенія въ семь классовъ общества, который кажется

мнѣ неимѣющимъ опредѣленной цѣли и по мнѣнію моему можетъ служить только лишь пищею ложному любочестію и поддерживать прежнее пустое безпокойство самолюбія“.

„Каждый классъ общества во всѣхъ вѣкахъ и государствахъ раздѣлялся всегда на двѣ части: къ одной принадлежали члены сего класса по праву, къ другой принадлежали члены того же класса по общему мнѣнію. Вездѣ видимъ мы сіи наименованія высшаго духовенства и низшаго духовенства, знатнаго дворянства и простаго дворянства, первостепенныхъ, именитыхъ гражданъ и обыкновенныхъ жителей городовъ—мѣщанъ, ремесленниковъ, даже землепашцы подраздѣляются по своему достатку на главныхъ откупщиковъ или фермеровъ, хозяевъ и поденщиковъ или работниковъ. Зачѣмъ искать намъ новыхъ наименованій сверхъ нынѣ существующихъ, которыя достаточно могутъ согласить понятія наши объ устройствѣ общественномъ съ понятіями вообще принятыми, и, скажу болѣе, чтобъ подкрѣпить мысль мою, которыя приняты были у насъ до введенія тѣхъ названій чиновъ, которые предполагается отмѣнить“.

„Я полагалъ бы раздѣлить гражданское состояніе на 1) именитыхъ гражданъ и 2) гражданъ.

„Утвердивъ за первыми наследственность ихъ правъ, можно бы было предоставить имъ все то, что признаемъ мы нужнымъ для учрежденія высшаго и уважаемаго гражданства, всѣ преимущества, предназначенныя въ проектѣ для трехъ разрядовъ. Сверхъ того я думалъ бы соединить въ одно преимущество права, предоставляемыя особо двумъ первымъ разрядамъ. Тогда дѣти служащихъ по военной или по гражданской части пользовались бы правами, предназначаемыми для чиновнаго гражданства; тогда всякаго рода отличія, на которыя могутъ имѣть право: родъ, заслуги, успѣхи въ наукахъ, въ искусствахъ, усовершенствованіе издѣлій и вообще все то, что возводитъ промышленность и человѣка на высшую степень образованія были бы удѣломъ именитаго гражданства. Само собою разумѣется, что не иначе какъ по весьма строгому разсмотрѣнію должно бы было допускать къ переходу въ сей первостепенный разрядъ гражданства“.

„Граждане, называемые нынѣ мѣщанами или простыми обывателями, останутся при тѣхъ преимуществахъ, коими теперь пользуются. Образование, какое нѣкогда могутъ получать они въ особыхъ учреждаемыхъ нынѣ для сей цѣли заведеніяхъ, возвысятъ въ общемъ мнѣніи, какъ сіе наименованіе, такъ и равно и самихъ членовъ, оное званіе составляющихъ, и ничто не воспрепятствуетъ имъ со временемъ по исполненіи требуемыхъ условій перейти въ разрядъ высшій. Кому невозможно будетъ поступить въ именитое гражданство, тотъ, оставаясь во второмъ разрядѣ, можетъ еще пользоваться разными преимуществами, принадлежащими или купеческимъ гильдіямъ или публичнымъ воспитательнымъ заведеніямъ, гдѣ могъ онъ получить свое образованіе. При такомъ распоряженіи только тѣ лишены будутъ права пользоваться какими-либо преимуществами, которые не имѣютъ никакихъ способностей или же извѣстны по худому поведенію. Мы избѣгнемъ тѣмъ самымъ затрудненія облекать пустыми наименованіями обыкновенную посредственность и избрѣтатъ новыя подраздѣленія разрядовъ для мелкихъ постепенностей въ способностяхъ и прочихъ отношеніяхъ“.

„Мнѣ кажется, что всѣ чиновники, имѣющіе нынѣ классы отъ 14-го до 9-го, должны бы были составлять особое сословіе до тѣхъ поръ, пока они сами или ихъ дѣти не поступятъ въ разрядъ высшаго гражданства, слѣдуя путемъ для сего предначертаннымъ. Можно бы было тѣмъ, которые пользуются симъ правомъ, оставить оное по смерти. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что большая часть сихъ чиновниковъ суть люди, ничѣмъ не отличающіеся отъ простыхъ гражданъ, люди также невоспитанные и не мало необразованные ученьемъ“¹⁾.

Обсудивъ мнѣніе князя Голицына, Государственный Совѣтъ остановился на его предложеніи составить гражданство изъ двухъ только разрядовъ: именитаго и просто гражданства. Государственный Совѣтъ согласился на убавленіе одного разряда гражданъ, съ отмѣною гражданъ чиновныхъ, но трипрочіе при-

¹⁾ Сб. И. Р. И. Общ. т. XC, стр. 572—574.

зналъ необходимыми, такъ какъ мѣщане не могутъ быть причислены къ крестьянству, а бывъ подвержены подушному окладу, поставкѣ рекрутъ и тѣлесному по суду наказанію, не могутъ быть присоединены къ прочему гражданству. Для торгующаго же класса, ученыхъ, художниковъ и капиталистовъ, въ томъ числѣ и иностранцевъ, повуда не приобрѣтутъ они право на именитое гражданство, было бы унижительно состоять на одной чредѣ съ мѣщанами.

Вслѣдствіе этого Государственный Совѣтъ, оставляя три сословія въ гражданствѣ: именитыхъ, почетныхъ гражданъ и мѣщанъ, положилъ ограничить статью объ евреяхъ тѣмъ только, что правила о приобрѣтеніи правъ именитаго гражданства до нихъ не касаются и помѣстить, гдѣ приличнѣе будетъ, что права гражданства приобрѣтаются людьми свободнаго состоянія, дабы отдѣлить тѣмъ крѣпостныхъ людей, получающихъ образованіе въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Всѣ эти занятія и работы комитета и Государственнаго Совѣта не получили, однако, никакого практическаго результата. Дополнительный законъ о состояніяхъ не былъ вовсе изданъ. Изъ всѣхъ предположеній комитета 6 декабря 1826 года дѣйствительно осуществилось только одно: объ установленіи въ городскомъ населеніи почетнаго гражданства и то въ совершенно не томъ видѣ, какъ это предполагалось комитетомъ въ 1830 году.

Въ послѣднія два засѣданія 2 и 9 марта 1832 года уже доживавшаго свой вѣкъ комитета была имъ разсмотрѣна внесенная въ него по Высочайшему повелѣнію всеподданнѣйшая записка Министра Финансовъ, гдѣ предполагалось, даровать отличнымъ купеческимъ семействамъ, не общимъ какимъ либо закономъ, а частными грамотами, права потомственнаго почетнаго гражданства, т. е. освобожденіе отъ подушнаго оклада, отъ поставки рекрутъ и отъ тѣлеснаго наказанія, чѣмъ классъ сей не только весьма бы поощрился, но еще привязался бы къ правительству¹⁾.

Комитетъ, раздѣляя убѣжденіе Министра Финансовъ въ

¹⁾ Сб. И. Р. Ист. Общ., т. 74, стр. 484—487.

пользѣ отъ учрежденія класса, долженствующаго возвысить городское состояніе и болѣе къ нему привязать людей, въ семь состояніи рожденныхъ и воспитанныхъ, и остановился на нѣсколькихъ частныхъ вопросахъ.

Первымъ изъ нихъ былъ вопросъ, полезнѣ ли, согласно предложенію министра, установить приобрѣтеніе права гражданства частными грамотами, въ видѣ отличія отъ милости и уваженій личныхъ зависящаго, или, напротивъ, не лучше ли было бы установить приобрѣтеніе званія почетнаго гражданина въ видѣ права, общимъ опредѣленнымъ закономъ устанавлиаемаго. Комитетъ отдалъ предпочтеніе второму способу, такъ какъ тогда будутъ устранены произволь и всякая возможность несправедливости или пристрастія. При томъ же милость, единственно отъ произвола зависящая, привязываетъ къ правительству лично тѣхъ только, кто ее получаетъ, тогда какъ право общимъ закономъ устанавлиаемое, привязываетъ и поощраетъ и надѣющихся воспользоваться этимъ постановленіемъ закона.

Второй вопросъ заключался въ томъ, должно ли гражданство быть только потомственное, или и личное? Комитетъ рѣшилъ быть обоимъ разрядамъ, такъ какъ облеченіе столь важными правами нѣкоторыхъ лицъ вмѣстѣ съ ихъ потомствомъ можетъ быть неудобнымъ, а между тѣмъ сами эти лица могутъ вполне заслуживать преимуществъ гражданства.

Третій вопросъ касался наименованія вновь устанавлиаемаго сословія гражданъ, и комитетъ предпочелъ названіе почетныхъ гражданъ названію именитые, такъ какъ по дѣйствовавшимъ тогда законамъ слово именитый гражданинъ имѣло другое значеніе: и внукамъ носящихъ это званіе предоставлено было право просить потомственное дворянство.

Четвертый вопросъ, намѣченный комитетомъ, состоялъ въ томъ, дать ли право государственной службы почетнымъ гражданамъ и рѣшилъ его отрицательно, такъ какъ главнѣйшая цѣль учрежденія почетнаго гражданства удержать городскихъ обывателей въ настоящемъ ихъ положеніи, а классъ служащихъ безмѣрно умножается.

Наконецъ, пятымъ вопросомъ былъ поставленъ комитетомъ вопросъ о томъ, къмъ должны выдаваться грамоты и свидѣтельства на званіе почетнаго гражданства, и онъ рѣшилъ выдавать грамоты на потомственное, и свидѣтельства на личное гражданство сенату.

Выработанныя на этихъ основаніяхъ проекты Манифеста, содержащаго самый законъ о почетномъ гражданствѣ и распорядительнаго о немъ указа правительствующему сенату, были внесены въ Государственный Совѣтъ, помимо департамента законовъ, прямо въ общее собраніе 28 марта 1832 года.

Проекты эти подверглись при этомъ обсужденіи весьма немногимъ измѣненіямъ: въ проектѣ Манифеста сдѣлано ихъ семь, а въ проектѣ распорядительнаго указа сенату только одно.

Въ проектѣ Высочайшаго манифеста Государственнымъ Совѣтомъ были сдѣланы слѣдующія измѣненія:

1) Дабы съ назначеніемъ, по § 2, избирать ученыхъ и художниковъ въ должности городскія не иначе, какъ по собственному ихъ согласію, не могло встрѣтиться, что лица, собственно занимающіяся торговлею и промыслами, или по воспитанію своему въ Россійскихъ университетахъ и въ Академіи художествъ получившія аттестаты и дипломы, опираясь на оныя, будутъ уклоняться отъ служенія по выборамъ городскихъ обществъ въ отличіе прочихъ гражданъ, то, для предупрежденія таковыхъ случаевъ, объяснить, что право сіе присвоится только ученымъ и художникамъ, *не записаннымъ въ гильдіи.*

2) Въ § 4 постановляется, чтобы права потомственнаго почетнаго гражданства переходили къ дѣтямъ въ такомъ токмо случаѣ, если они рождены въ свободномъ состояніи. Но какъ могутъ быть обстоятельства, что дѣти лицъ, получившихъ потомственное почетное гражданство, хотя рождены внѣ свободнаго состоянія, но въ послѣдствіи перешли въ оное, то вмѣсто словъ: „рождены въ одномъ изъ свободныхъ состояній“, — сказать: „*принадлежатъ къ свободному состоянію*“.

3) Для вѣщаго достоинства права потомственнаго по-

четнаго гражданства постановить, жаловать онымъ по отличіямъ въ наукахъ только тѣхъ, кои, по испытаніи въ университетѣ удостоены будутъ ученой степени доктора или магистра; кандидаты же и дѣйствительные студенты при сохраненіи дарованныхъ имъ правъ на службу, могутъ вступать въ почетное гражданство только лично. Почему сообразно съ симъ и исправить §§ 5 и 11.

4) Поелику купцы первыхъ двухъ гильдій, по самому торговому разряду, состоятъ уже въ числѣ личныхъ почетныхъ гражданъ, то повторять объ этомъ въ манифестѣ излишне и для того исключить изъ онаго § 6-й и окончаніе § 14.

5) Сказанное въ § 8, что дѣти личныхъ дворянъ увольняются отъ обязанности избирать другой родъ жизни, исключить, дабы не подать сомнѣнія, что послѣ сего лишатся они права поступать на службу.

6) Для уравненія сроковъ на право полученія потомственнаго почетнаго гражданства, какъ для російскихъ, такъ и для иностранныхъ подданныхъ назначить для тѣхъ и другихъ одинъ 10-лѣтній срокъ.

7) Дабы съ одной стороны поддержать достоинство званія почетнаго гражданина, а съ другой, предохранить почетные роды гражданства отъ упадка, чѣмъ исполнится цѣль изданія настоящаго закона, нужно предупредить, чтобы записавшійся въ такіе ремесленные цехи, съ коими по закону не сопряжена записка въ гильдіи, или вступившій въ услуженіе для домашнихъ работъ, не могъ уже возвращаться послѣ въ прежнее званіе; почему прежнему § 20 дать слѣдующую редакцію: „Въ сихъ случаяхъ почетный гражданинъ, сохраняя лично право свободы отъ тѣлеснаго наказанія, подушной подати и рекрутской повинности, лишается всѣхъ прочихъ преимуществъ своего состоянія и на письмѣ именуется не гражданиномъ, а цеховымъ мастеромъ или просто жителемъ такого-то города. Но если таковой гражданинъ принадлежитъ къ званію сему потомственно, то дѣти его не теряютъ отъ сего ни одного изъ правъ по рожденію ему принадлежащихъ“.

Въ распорядительномъ указѣ Сенату намѣчено Совѣтомъ только одно измѣненіе. „Такъ какъ дѣла по разсмотрѣнію правъ на дворянство докладываются герольдіей въ Общемъ Собраніи Сената, то для предупрежденія вопроса, сказать въ указѣ опредѣлительно, что дѣла по возведенію въ почетное гражданство докладываются герольдіей первому департаменту Сената“.

Проекты съ этими измѣненіями были рассмотрѣны Государемъ 8 апрѣля того же 1832 года и 10 апрѣля утверждены.

Права и преимущества, дарованныя грамотой 1785 года городамъ и ихъ обывателямъ,—такъ начинается манифестъ объ учрежденіи почетнаго гражданства,—съ того времени за много лѣтъ, по движенію торговли и промышленности, содѣлались настоящему положенію ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ несоразмѣрными. По сему и желая новыми отличіями болѣе привязать городскихъ обывателей къ состоянію ихъ, отъ процвѣтанія коего зависятъ и успѣхи торговли и промышленности, мы признали за благо права и преимущества ихъ упрочить слѣдующими постановленіями.

Почетнымъ гражданамъ даруется свобода отъ подушнаго оклада, отъ рекрутской повинности и отъ тѣлеснаго наказанія; право участвовать въ выборахъ по недвижимой въ городѣ собственности и быть избираемыми въ городскія общественныя должности не ниже тѣхъ, въ кои поступаютъ купцы первыхъ двухъ гильдій. Ученые же и художники къ почетному гражданству принадлежащіе, но въ гильдіи не записанные, избираются въ должности не иначе, какъ по собственному ихъ согласію; право именоваться во всѣхъ актахъ почетными гражданами, съ присоединеніемъ этого названія и къ поименованію гильдіи, если кто въ оную записанъ. Преимущества почетнаго гражданина отдѣльны и независимы отъ правъ торговли, пріобрѣтаемыхъ запискою въ гильдію (§ 2).

Права почетнаго гражданства пріобрѣтаются или лично—пожизненно, или навсегда—потомственно. Потомственные права переходятъ ко всѣмъ законнымъ дѣтямъ, если они состоятъ

въ свободномъ состояніи. Сообщение почетнаго гражданства женамъ подчиняется общему правилу, что мужъ высшаго состоянія сообщаетъ его женѣ, а жена высшаго состоянія по замужеству его не теряетъ (§ 4).

Причисленія въ личное гражданство могутъ просить: 1) удостоенные званія кандидата или дѣйствительнаго студента, сохраняя право вступать на государственную службу; 2) художники свободныхъ состояній, получившіе отъ Академіи художествъ аттестаты объ окончаніи полного курса Академіи или о выдержаніи надлежащаго испытанія, а равно удостоенные диплома на званіе художника Академіи, если они не въ Академіи воспитаны (§ 5).

Сверхъ того почетное гражданство можетъ быть даруемо лично иностраннымъ ученымъ, художникамъ, торгующимъ капиталистамъ и хозяевамъ значительныхъ мануфактурныхъ и фабричныхъ заведеній, хотя бы и не вступили въ русское подданство, когда по ожидаемой отъ нихъ пользы министерство будетъ о томъ ходатайствовать. Въ такихъ случаяхъ преимущества почетнаго гражданства присвоятся иностранцамъ Высочайшимъ указомъ, объявляемымъ Правительствующему Сенату (§ 6).

Къ почетному гражданству потомственному, по самому праву рожденія, принадлежать: 1) законныя дѣти потомственныхъ гражданъ и 2) законныя дѣти личныхъ дворянъ, находящіеся въ свободномъ состояніи (§ 7).

Преимущества почетнаго потомственнаго гражданства могутъ просить: 1) лица купеческаго сословія; 2) лица другихъ свободныхъ состояній, по отличіямъ въ наукахъ и художествахъ; 3) иностранные ученые, художники, торгующіе капиталисты и хозяева мануфактурныхъ и фабричныхъ заведеній (§ 8).

Почетное потомственное гражданство даруется купцамъ: 1) когда они получаютъ званія коммерціи или мануфактуръ совѣтника; 2) когда они пожалованы орденомъ; 3) когда они состоятъ сряду въ первой гильдіи—десять лѣтъ, а во второй—двадцать. Кто же состоялъ и въ первой и во второй

гильдіи, тому два года второй гильдіи считаются за одинъ годъ первой (§ 9).

По отличіямъ въ наукахъ и искусствахъ жалуются потомственное гражданство: 1) удостоеннымъ ученой степени доктора или магистра, сохраняя право на вступленіе въ государственную службу и на приобрѣтеніе дворянства; 2) воспитанникамъ Академіи художествъ, получившимъ дипломъ на званіе художника Академіи; 3) художникамъ, имѣющимъ дипломы и аттѣстаты Академіи художествъ, если по минованіи десяти лѣтъ министерство будетъ ходатайствовать о пожалованіи имъ почетнаго потомственнаго гражданства (§ 10).

Иностранные ученые, художники, торгующіе капиталисты и хозяева значительныхъ мануфактурныхъ и торговыхъ заведеній, пробывшіе въ личномъ гражданствѣ не менѣе десяти лѣтъ съ одобреніемъ начальства и вступившіе въ русское подданство, могутъ просить о возведеніи ихъ въ потомственные граждане. Непринявшіе русскаго подданства иностранцы, при тѣхъ условіяхъ могутъ просить о пожалованіи ихъ дѣтямъ, вступившимъ въ русское подданство, потомственнаго гражданства (§ 11).

Просьбы о причисленіи къ почетному гражданству подаются, съ приложеніемъ доказательствъ права на это званіе въ герольдію, рассматривающую ихъ и о заслуживающихъ по закону уваженія, докладываетъ Сенату (§ 12). Сенатъ, если найдетъ представленныя доказательства достовѣрными, выдаетъ на потомственное гражданство грамоты, а на личное—свидѣтельства, по установленнымъ формамъ (§ 13). Этотъ порядокъ причисленія не распространяется на жалуемыхъ въ граждане Высочайшими указами: имъ Сенатъ выдаетъ грамоты уже по утвержденіи въ гражданствѣ (§ 14). Евреи, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ имъ жительство дозволено, могутъ возводиться въ почетное гражданство только за необыкновенныя заслуги или отличные успѣхи въ наукѣ, искусствахъ, торговлѣ и мануфактурной промышленности Высочайшими указами (§ 15).

Права почетнаго гражданства теряются навсегда: 1) лишеніемъ ихъ по судебному приговору; 2) лишеніемъ добраго имени также по судебному приговору; 3) злостнымъ бан-

кротствомъ (§ 16). Приговоры судебныхъ мѣстъ о лишеніи почетныхъ гражданъ правъ состоянія или добраго имени, не приводятся въ исполненіе безъ утвержденія Сенатомъ (§ 17). Нѣкоторые изъ преимуществъ почетнаго гражданства прекращаются: 1) записаніемъ въ цехи, съ коими не связана записка въ гильдіи и 2) вступленіемъ въ услуженіе для домашнихъ работъ. Въ сихъ случаяхъ почетный гражданинъ, сохраняя свободу отъ тѣлеснаго наказанія, подушной подати и рекрутской повинности, лишается права именоваться гражданиномъ, и называется цеховымъ мастеромъ или просто жителемъ города. Но дѣти потомственнаго гражданина, не теряютъ ни одного изъ правъ гражданства (§ 18).

Даруя городамъ сіи новыя права и преимущества, такъ заключаетъ Манифестъ, какъ новый залогъ Высочайшей попечительности и непрерывнаго вниманія къ пользамъ ихъ обывателей, Манифестъ выражаетъ увѣренность въ предохраненіи почетныхъ родовъ гражданъ отъ упадка, въ открытіи вѣдшаго поощренія къ труду, благонравію и добрымъ навыкамъ: трудолюбіе и способности преуспѣють найти въ семь родѣ жизни свойственную имъ награду, почетъ и отличіе ¹⁾).

Въ дополненіе къ этому манифесту изданъ еще именный, данный Сенату указъ того же числа, о пошлинахъ съ грамотъ на почетное гражданство. Съ грамотъ на потомственное гражданство на богоугодныя заведенія данной губерніи 200 рублей; въ капиталъ для разныхъ въ пользу торговли и промышленности заведеній 800 рублей и за самую грамоту 100 рублей; съ свидѣтельства на личное гражданство платится въ половину; ученые и художники вносятъ съ грамотъ токмо 100 рублей и со свидѣтельствъ по 50 рублей. Пошлины на богоугодныя заведенія отсылаются въ приказы общественаго призрѣнія; пошлины на капиталъ на торговыя предпріятія назначаемый въ Коммерческій банкъ для употребленія по Высочайшему усмотрѣнію по представленіямъ Министра Финансовъ; пошлину за грамоты и за свидѣтельство въ сенатское казначейство. Дѣло по возведенію въ почетное граж-

¹⁾ П. С. З., № 5284.

данство производить герольдія и докладываетъ первому департаменту Сената ¹⁾).

Въ общемъ законъ 1832 г. и послужившій ему основаніемъ проектъ слѣдуетъ поставить выше предшествующихъ имъ проектовъ. Самый существенный ихъ недостатокъ заключался въ чрезмѣрной ихъ сложности, никакими практическими потребностями не вызываемой. Предполагая, съ цѣлью подъема нашего городского состоянія, образовать изъ лучшихъ, болѣе дѣятельныхъ, болѣе развитыхъ новое состояніе гражданъ, надѣляемыхъ существенными правами: свободой отъ тѣлеснаго наказанія, отъ рекрутской повинности, отъ подушнаго оклада, эти проекты, раздѣляютъ „состояніе гражданъ“ неизвѣстно зачѣмъ на четыре отдѣльныхъ сословія, именуя ихъ чиновными, именитыми, почетными гражданами и четвертое, низшее сословіе гражданства, не гражданами, а мѣщанами и при томъ не надѣляя его никакими новыми правами, а предполагая оставить ихъ въ прежнемъ ихъ положеніи. Никакого смысла, конечно, не было въ такомъ причисленіи, ни къ чему новому не ведущаго обывателей, никакихъ преимуществъ не получающихъ и даже не могущихъ называться гражданами. Затѣмъ другимъ существеннымъ недостаткомъ этихъ проектовъ было образование среди гражданства, какъ высшую его степень, „чиновнаго гражданства“, надѣленіе ихъ правомъ вступать въ государственную службу, между тѣмъ какъ и тогда главнымъ мотивомъ образованія новаго сословія гражданъ и надѣленія ихъ особыми преимуществами, было удержать лучшихъ, дѣятельнѣйшихъ, болѣе развитыхъ городскихъ обывателей въ городскомъ состояніи, удерживая ихъ отъ склонности къ переходу въ чиновничество. Установленіе чиновнаго гражданства привело бы къ результатамъ прямо противоположнымъ этой цѣли. У насъ бы оказалось, вмѣсто бѣльшаго развитія городского состоянія, на ряду съ дворянствомъ, еще второе служилое дворянство.

Этого еще мало: чиновнымъ гражданамъ предполагалось предоставить и право быть избираемыми на должности, за-

¹⁾ П. С. З., № 5285.

мѣщаемыя дворянскими выборами, такимъ образомъ предполагалось отвлекать гражданъ отъ занятія торговлею и промысломъ.

Все это не вошло въ текстъ закона 1832 г., но и въ немъ все-таки въ прямомъ противорѣчїи вводнымъ словамъ манифеста, что „законъ издается съ цѣлью новыми отличїями привязать городскихъ обывателей къ состоянїю ихъ, отъ процвѣтанїя коего зависятъ успѣхи и промышленности“; въ законъ включена, какъ мы видѣли, статья 18, представляющая занятїя какимъ-нибудь ремесломъ и принадлежность къ соотвѣтственному цеху, какъ дѣло позорное такъ, что на время нахождения въ цехѣ, гражданинъ лишается права именоваться гражданиномъ. Оба пункта этой статьи остаются дѣйствующими и въ настоящее время.

Кругъ лицъ, могущихъ получать почетное гражданство, очень быстро расширяется. Уже въ изданїи 1842 г. имѣется нѣсколько новыхъ въ этомъ отношенїи постановленїй. Личное гражданство предоставляется окончившимъ съ успѣхомъ курсъ московскихъ: практической академіи коммерческихъ наукъ, коммерческаго училища и третьей гимназїи и петербургскихъ высшаго коммерческаго пансіона и коммерческаго училища, а также артистамъ перваго разряда императорскихъ театровъ, прослужившимъ въ этомъ званїи безпорочно и усердно не мене десяти лѣтъ, и еще калмыкскимъ зайсангамъ, неимѣющимъ наслѣдственныхъ аймаковъ (ст. 600). Просить возведенїя въ потомственное гражданство могутъ, сверхъ означенныхъ въ законѣ 1832 г., артисты перваго разряда, прослужившіе 15 лѣтъ, и калмыцкіе зайсанги, имѣющіе наслѣдственные аймаки (ст. 602 п. 4). Потомственное гражданство дается безъ ихъ прошенїя выпускаемымъ изъ втораго разряда Горьгорѣцкой земледѣльческой школы отличнѣйшимъ практическимъ агрономамъ (ст. 64, п. 3). Это первый примѣръ допустимости пожалованїя почетнаго гражданства за научное знакомство съ сельскимъ хозяйствомъ, установленный закономъ 1836 г. апрѣля 24 (П. С. З. 9097).

Въ изд. свод. зак. 1857 г. увеличилось число условїй полученїя потомственнаго гражданства по праву рожденїя, а

именно, распространено кромѣ дѣтей личныхъ дворянъ, на дѣтей чиновниковъ и духовныхъ лицъ, имѣющихъ ордена Анны 2, 3 и 4 степени, рожденныхъ въ свободномъ состояніи (ст. 576, п. 2). Право просить о причисленіи къ личному гражданству имѣютъ всѣ воспитанники гимназій, кончившіе курсъ съ награжденіемъ медалями, приготовляющіеся для торговли воспитанники Лазаревского института восточныхъ языковъ по окончаніи полного курса, кончившіе успѣшно курсъ въ Тифлискомъ уѣздномъ коммерческомъ училищѣ, послѣ занятія коммерческими оборотами въ Закавказьѣ не менѣе пяти лѣтъ такихъ занятій; удостоенные хорошихъ аттестатовъ бывшимъ училищемъ сельскаго хозяйства вольнаго экономическаго общества, дѣти купцовъ первыхъ двухъ гильдій, послѣ управленія частными имѣніями не менѣе десяти лѣтъ; подѣ тѣмъ же условіемъ и воспитанники Московской земледѣльческой школы и удостоенные Горьгорѣцкимъ земледѣльческимъ училищемъ званіемъ ученыхъ управителей; лица, принадлежащія къ сословіямъ, неимѣющимъ права вступать въ государственную службу, прослужившія десять лѣтъ съ особенной пользой въ Россійско-Американской компаніи; жители городовъ Анапы, Новороссійска и Сухума (ст. 577, пп. 7, 9—12, 15, 16). Получаютъ само собою личное гражданство пріобрѣвшіе: на службѣ гражданской или при отставкѣ чинъ XIV класса, оберъ-офицерскій чинъ при отставкѣ или при переходѣ въ гражданскую службу; канцелярскіе служители гражданского вѣдомства (ст. 578 п. 1—5) и ахунъ магометанскаго духовенства гвардейскаго корпуса при отставкѣ (ст. 579). Служившіе въ Россійско-Американской компаніи и жители Анапы, Новороссійска и Сухума могутъ быть возводимы и въ потомственные граждане (ст. 586).

Въ изданіи 1876 г. видимъ дальнѣйшее расширеніе условій пріобрѣтенія почетнаго гражданства.

Пріобрѣтеніе потомственнаго гражданства рожденіемъ распространяется: 1) на дѣтей православныхъ священнослужителей и церковныхъ причетниковъ, окончившихъ полный курсъ семинаріи; 2) дѣтей всѣхъ духовныхъ лицъ армяно-григоріанскаго исповѣданія; 3) дѣтей протестантскихъ про-

повѣдниковъ, кромѣ рожденныхъ послѣ выхода ихъ изъ должности проповѣдника; 4) дѣти лицъ исполнявшихъ безпорочно въ теченіи двадцати лѣтъ должность закавказскихъ Шейхъ-Уль Ислама и Муфтія; 5) дѣти личныхъ дворянъ; 6) дѣти оберъ-офицеровъ, чиновниковъ и духовныхъ лицъ, пожалованныхъ орденами Св. Станислава или Св. Анны; 7) тифлискіе мовалаки, кромѣ лишенныхъ всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ состоянія, признанныхъ злостными банкротами или простыми банкротами, но съ приговореніемъ ихъ къ содержанію подъ стражей и лишенію правъ торговли, и состоящихъ въ услуженіи для домашнихъ работъ.

О причисленіи въ потомственное гражданство могутъ просить, получившіе званіе лекаря, магистра фармаціи и ветеринарныхъ наукъ; получившіе званіе магистра отъ Петровской земледѣльческой академіи; караимскіе гаханы, занимавшіе должности не менѣе 12 лѣтъ; сыновья лицъ, именовавшихся менгелинскою шляхтою; мастеровые Петербургской и Московской синодальныхъ типографій изъ дѣтей церковнослужителей (ст. 503, пп. 2, 3, 5, 7, 8).

По особымъ представленіямъ къ потомственному гражданству причисляются технологи, пробывшіе не менѣе 10 лѣтъ въ званіи инженеръ-технологовъ, занимаясь съ успѣхомъ управленіемъ фабрикъ и заводовъ или исправляя обязанности техническихъ инженеровъ (ст. 504, п. 2).

Причисленія къ личному гражданству могутъ просить всѣ вообще лица, получившія званіе кандидата или дѣйствительнаго студента, хотя бы и не отъ университета (ст. 506, пп. 1, 4, 5, 9); окончившіе курсъ въ историко-филологическомъ институтѣ съ званіемъ учителя гимназіи (п. 6), окончившіе курсъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ съ званіями механика-строителя, инженеръ-механика и инженеръ-технолога (п. 7); окончившіе курсъ въ Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ технологи перваго разряда (п. 8); воспитанники, окончившіе полный курсъ наукъ въ главномъ училищѣ въ Умані (п. 11); еврей, имѣющіе аттестаты объ окончаніи полнаго курса наукъ въ Лицеѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а

также евреи, кончившіе до преобразования гимназій въ 1864—1871 годахъ, полный гимназическій курсъ наукъ съ наградой медалями (п. 23); дѣти чиновъ высшаго закавказскаго мусульманскаго духовенства, членовъ духовнаго правленія, членовъ Меджлисовъ, казій, прослужившихъ не менѣе 20 лѣтъ (п. 25); караимскія томаши, занимавшіе должности не менѣе 12 лѣтъ (п. 30).

Причисленія въ почетное гражданство личное удостоиваются по особымъ представленіямъ воспитанники, кончившіе полный курсъ въ училищахъ садоводства со званіемъ ученыхъ садовниковъ по истеченіи 10 лѣтъ управленія сельско-хозяйственными имѣніями — министерствомъ государственныхъ имуществъ (ст. 507, п. 3); окончившіе въ Лисичанской штейгерской школѣ курсъ съ званіемъ штейгера и прослужившіе не менѣе 12 лѣтъ въ горныхъ сему званію свойственныхъ работахъ—тѣмъ же министерствомъ (п. 7).

Изданіе IX тома 1876 года—последнее и къ нему имѣются продолженія только 1890, 1891 и 1895 годовъ. Въ предисловіи къ продолженію 1895 года было сказано, что продолженіе къ IX тому въ него не включено, такъ какъ готовится новое изданіе этого тома. Но вотъ прошло съ тѣхъ поръ уже четыре года, а IX томъ все еще остается безъ новаго изданія и безъ новыхъ продолженій.

Въ продолженіи 1890 года къ ст. 503 прибавлено три новыхъ пункта; численія къ потомственному гражданству могутъ просить: кончившіе полный курсъ въ земледѣльческихъ училищахъ и прослужившіе по управленію имѣніями, по веденію въ нихъ счетоводства, по завѣдыванію какою-либо отдѣльною отраслью хозяйства или сельскохозяйственнаго промышленнаго предпріятія не менѣе семи лѣтъ (п. 10); лица, окончившія полный учебный курсъ въ Петровской сельскохозяйственной академіи и занимавшіяся не менѣе пяти лѣтъ послѣ того управленіемъ имѣніями или завѣдываніемъ какою-либо одной отраслью хозяйства или сельскохозяйственнаго промышленнаго предпріятія (п. 11); лица, пріобрѣвшія отъ духовныхъ академій ученныя степени доктора или магистра (п. 9). Къ ст. 504 добавленъ новый пунктъ о при-

численіи къ потомственному гражданству по особымъ представленіямъ при выходѣ въ отставку отличнѣйшіе лѣсные кондуктора, успѣшно окончившіе курсъ въ низшихъ лѣсныхъ школахъ, а также не учившіеся въ лѣсныхъ школахъ, если они занимались въ теченіе двухъ лѣтъ практикой лѣснаго дѣла въ одномъ изъ казенныхъ лѣсничествъ и затѣмъ по достиженіи 18-лѣтняго возраста выдержали установленное для воспитанниковъ лѣсныхъ школъ выпускное испытаніе (п. 5). Къ ст. 506 добавлено десять новыхъ пунктовъ; причисленія въ личное гражданство могутъ просить: пріобрѣвшіе отъ духовныхъ академій званія кандидата или дѣйствительнаго, или отъ семинаріи званіе студента (п. 32); отлично кончившіе полный курсъ въ земледѣльческихъ училищахъ съ аттестатами перваго разряда (ст. 33); удостоенные Петербургскимъ лѣснымъ институтомъ званія ученаго лѣсовода, какъ перваго, такъ и втораго разряда (п. 34); кончившіе курсъ въ Петровскомъ училищѣ Петербургскаго купеческаго общества съ аттестатомъ (п. 35); воспитанники Успенской сельско-хозяйственной школы, удостоенные званія сельскихъ приказчиковъ или садовниковъ, проведеншіе въ занятіяхъ по сельскому хозяйству или садоводству не менѣе 10 лѣтъ (п. 36); ученики Комиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ, пробывшіе, по окончаніи курса, непрерывно три года на фабрикахъ, заводахъ или при другой дѣятельности по технической части и получившіе отъ управленія тѣхъ учреждений, гдѣ занимались, удостовѣреніе объ усердіи къ дѣлу могутъ быть удостоены званія техника по механическому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ правами личнаго почетнаго гражданства (п. 37); окончившіе курсъ промышленныхъ училищъ съ удостоеніемъ званія техника (п. 38); ученики Александровскаго коммерческаго училища, окончившіе курсъ съ полученіемъ аттестата (п. 39); получившіе въ Петровской сельско-хозяйственной академіи званіе Агронома перваго или втораго разряда (п. 40); окончившіе курсъ Домбровскаго горнаго училища со званіемъ штейгера или заводскаго уставщика и проведеншіе 10 лѣтъ въ занятіяхъ по горному дѣлу (п. 41).

Причисленія къ личному почетному гражданству по

особымъ представленіямъ удостоиваются, по тому же предложению: окончившіе успѣшно курсъ горнаго училища С. С. Полякова и прослужившіе, съ одобреніемъ, 12 лѣтъ въ горныхъ работахъ, свойственныхъ званію штейгера на казенныхъ рудникахъ—по представленію министра государственныхъ имуществъ (ст. 507, п. 7, примѣч.); ученики земледѣльческихъ училищъ, выдержавшіе окончательное испытаніе, получившіе аттестаты втораго разряда и представившіе въ совѣтъ училища удовлетворительные отчеты о трехлѣтнихъ, по выпускѣ, практическихъ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ (п. 12); воспитанники Маріинской учительской семинаріи въ городѣ Павловскѣ, успѣшно исполнявшіе обязанности учителя въ теченіе 12 лѣтъ. Правило это распространяется и на учителей, кончившихъ курсъ этой семинаріи ранѣе 28 февраля 1881 г. и находящихся съ тѣхъ поръ на службѣ въ должности сельскаго учителя, наблюдателя или репетитора семинаріи (п. 13); воспитанники всѣхъ вообще учительскихъ семинарій и школъ, равно какъ и Екатерининскаго учительскаго института, успѣшно исполнявшіе въ теченіе 12 лѣтъ обязанности учителя сельскаго начальнаго народнаго училища (п. 14).

Въ продолженіи 1891 г. статья 506, п. 14 дополнена указаніями на окончившихъ съ успѣхомъ полный курсъ Петербургскаго, Одесскаго и Харьковскаго коммерческаго училища.

Въ продолженіи 1893 г. къ ст. 504 сдѣлано примѣчаніе, передающее содержаніе закона 9 іюня 1892 года, очень расширившаго условія пріобрѣтенія почетнаго гражданства. Этимъ закономъ постановляется, что „награжденіе званіемъ личнаго почетнаго гражданина можетъ быть испрашиваемо лицамъ всѣхъ сословій за оказанную ими на разныхъ поприщахъ полезную дѣятельность, продолжавшуюся не менѣе десяти лѣтъ. Званіе потомственнаго почетнаго гражданина испрашивается состоявшимъ не менѣе десяти лѣтъ на тѣхъ же поприщахъ въ званіи личнаго гражданина. Кромѣ того добавлены къ ст. 506 два новыхъ пункта: 42) о предоставленіи личнаго почетнаго гражданства безъ взима-

нія, установленной за свидѣтельство на сіе званіе пош-
лины, ученымъ рисовальщикамъ Строгановскаго училища
техническаго рисованія въ Москвѣ, прослужившимъ по окон-
чаніи курса ученія непрерывно три года на фабрикахъ и
представившимъ въ совѣтъ училища удостовѣреніе отъ управ-
леній оныхъ объ успѣшныхъ занятіяхъ по ихъ специаль-
ности, усердіи къ дѣлу и отличномъ поведеніи и 43) Агро-
номы и лѣсоводы перваго и втораго разряда института сель-
скаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи при-
числяются къ личному почетному гражданству безъ взиманія
установленной за грамоты пошлины.

Имѣются и невнесенные ни въ одно изъ существующихъ
къ IX тому продолженій законы позднѣйшихъ годовъ. За-
конъ 12 мая 1893 года о томъ, что по окончаніи курса
окончившіе курсъ Иркутскаго горнаго училища съ званіемъ
штейгера-уставщика и представившіе удостовѣреніе мѣстнаго
окружнаго горнаго инженера въ проведеніи десяти лѣтъ въ
горныхъ, сему званію свойственныхъ, работахъ на казенныхъ
или частныхъ рудникахъ удостоиваются званія личнаго почет-
наго гражданина. Законъ 1894 года марта 21 о причисленіи къ
личному почетному гражданству кончившихъ курсъ Бессараб-
скаго училища винодѣлія съ званіемъ винодѣля; іюня 3 о
предоставленіи окончившимъ курсъ по первому разряду
Никитскаго училища садоводства и винодѣлія и пробывшимъ
десять лѣтъ на практикѣ по садоводству или винодѣлію мо-
гутъ быть представляемы къ награжденію званіемъ личнаго
почетнаго гражданина; іюня 6 о причисленіи инженеръ-ме-
ханиковъ, инженеръ-технологовъ, механиковъ и технологовъ,
получившихъ эти званія отъ Императорскаго Московскаго
техническаго училища, къ сословію почетныхъ личныхъ граж-
данъ; того же числа о причисленіи къ личному почетному
гражданству агрономовъ и агрономъ-техниковъ, получив-
шихъ эти званія въ Московскомъ сельскохозяйственномъ
институтѣ. Законы 1896 года: апрѣля 15 объ удостоеніи окон-
чившихъ полный курсъ коммерческихъ училищъ, учрежден-
ныхъ на основаніи Положенія о коммерческихъ учебныхъ
заведеніяхъ 15 апрѣля 1896 г.; 20 апрѣля о предоставленіи

права на полученіе званія личнаго почетнаго гражданина удостоеннымъ отъ состоящаго при Московскомъ художественномъ обществѣ училища живописи званія художника; мая 6 о причисленіи къ потомственному почетному гражданству по представленію министра народнаго просвѣщенія окончившихъ курсъ въ Рижскомъ политехническомъ институтѣ и въ теченіе десяти лѣтъ успѣшно посвящавшихъ себя практическимъ занятіямъ по изученной ими спеціальности; декабря 23 о предоставленіи права причисленія къ личному почетному гражданству окончившимъ курсъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ при дѣйствіи устава 1868 года только подъ условіемъ удостовѣренія ихъ пятилѣтнихъ занятій практической технической дѣятельностью или преподаваніемъ спеціальныхъ предметовъ въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ собраніи узаконеній за 1897 г. содержатся два новыхъ постановленія о предоставленіи званія личнаго почетнаго гражданина: въ статьѣ 553 содержащей уставъ Кіевского коммерческаго училища, основаннаго Кіевскимъ купеческимъ обществомъ. Въ § 22 этого устава постановлено, что окончившіе полный курсъ этого училища удостоиваются этимъ званіемъ; то же самое находимъ и въ ст. 1017, содержащей уставъ трехкласснаго коммерческаго училища К. К. Мазинга въ Москвѣ, окончившіе въ этомъ училищѣ удостоиваются тѣмъ же званіемъ.

Въ собраніи узаконеній за 1898 годъ такихъ постановленій три: въ статьѣ 260, содержащей уставъ Козловскаго коммерческаго училища. Статья 19 этого устава предоставляетъ это званіе окончившимъ полный курсъ этого училища; точно такія же постановленія содержатъ и уставъ Одесскаго коммерческаго училища, составляющаго ст. 818 собр. узак. 1898 г. и положеніе о классахъ торговаго мореплаванія при Одесскомъ коммерческомъ училищѣ, составляющее ст. 946 собр. узак. того же года.

Такимъ образомъ постепенное развитіе нашего законодательства о почетномъ гражданствѣ въ теченіе истекшихъ 66 лѣтъ характеризуется тремя основными чертами: 1) все большимъ расширеніемъ круга лицъ, могущихъ получить

право почетнаго гражданства, 2) все большимъ преобладаніемъ въ условіяхъ такого полученія—условія образованности, и 3) измѣненіемъ тѣхъ преимуществъ, какія были предоставлены почетнымъ гражданамъ закономъ 1832 года; изъ нихъ два преимущества потеряли всякое значеніе, свобода отъ рекрутской повинности, вслѣдствіе введенія общей воинской повинности, и свобода отъ подушной подати, вслѣдствіе общей отбѣны ея. Изъ преимуществъ почетнаго гражданства, установленныхъ закономъ 1832 года, сохранили свое значеніе только два: освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія и отъ дисциплинарной власти сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ. Но къ этимъ двумъ преимуществамъ съ изданіемъ въ 1894 году положенія о видахъ на жительство присоединилось новое преимущество—свобода передвиженія внутри предѣловъ Имперіи, такъ какъ статья 33 этого положенія постановляетъ, что наряду съ дворянами, лицами, уволенными отъ государственной службы, офицерскими чинами запаса, чиновниками запаса, купцами и разночинцами и для почетныхъ гражданъ видами на жительство служатъ *безсрочныя* паспортныя книжки.

Поэтому нельзя сказать, чтобы всѣ преимущества почетнаго гражданства потеряли теперь всякое значеніе. Быть почетнымъ гражданиномъ представляетъ и въ настоящее время значительныя выгоды и въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ дѣйствующее законодательство о почетномъ гражданствѣ дѣйствуетъ очень благотворно, являясь могущественнымъ рычагомъ подъема уровня образованія отдѣльныхъ лицъ сельскаго и мѣщанскаго состоянія.

Но совсѣмъ иное дѣйствіе оказываетъ это законодательство въ отношеніи къ уровню образованности сельскихъ и мѣщанскихъ. Согласно дѣйствующему законодательству полученіе званія почетнаго гражданина и связанныхъ съ нимъ преимуществъ влечетъ обязательно за собою исключеніе изъ состава сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ и, слѣдовательно, потерю правъ на участіе въ сельскихъ волостныхъ и мѣщанскихъ сходахъ и на занятіе должностей крестьянскаго и мѣщанскаго управленія, замѣщаемыхъ по избранію этихъ сходовъ и потому въ отношеніи къ сельскимъ и мѣщанскимъ обще-

ствамъ дѣйствующее законодательство дѣйствуетъ не какъ рычагъ, подъемлющій уровень ихъ образованія, а напротивъ, какъ насосъ, высасывающій изъ него всѣ малѣйшіе зародыши образованности; всѣ земледѣльцы и ремесленники, получившіе профессиональное сельскохозяйственное или ремесленное образованіе и продолжающіе по окончаніи курса обученія опредѣленное закономъ число лѣтъ занятія этими промыслами, дѣлаются почетными гражданами и тѣмъ самымъ исключаются изъ состава сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ.

Конечно, это большое зло: для обезпеченія успѣха развитія сельскаго хозяйства и крестьянскаго управленія надо всѣми силами стремиться къ удержанію въ составѣ сельскихъ и волостныхъ обществъ образованныхъ людей. И то же самое, конечно, примѣнимо и къ обществамъ мѣщанскимъ.

Для устраненія такого обязательнаго, самимъ закономъ устанавливаемаго, исключенія всѣхъ получившихъ образованіе лицъ изъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ возможенъ одинъ только путь: сохранивъ существующія постановленія объ условіяхъ полученія почетнаго гражданства, со всѣми связанными съ нимъ преимуществами, дополнить ихъ новымъ постановленіемъ, что получившіе званіе почетнаго гражданина могутъ, по ихъ желанію, оставаться въ составѣ сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ и участвовать въ крестьянскомъ и мѣщанскомъ управленіи. Только при этомъ условіи уровень образованности нашего крестьянства и мѣщанства можетъ подыматься и невѣжество, господствующее въ нихъ до сихъ поръ, умалиться.

Между тѣмъ стремленіе и мѣщанъ и крестьянъ къ образованію несомнѣнно существуетъ и развивается все сильнѣе и сильнѣе. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ отчетъ Петербургскаго университета за 1898 годъ. Изъ него видно, что отношеніе къ общему числу студентовъ студентовъ-мѣщанъ равняется 10,22%; ремесленниковъ—0,79%; слѣдовательно мѣщанъ и цеховыхъ вѣствѣ—11,01%; крестьянъ—4,46%; казачьяго сословія—0,92%. Число студентовъ мѣщанъ и цеховыхъ превышаетъ вдвое число студентовъ сыновей почетныхъ гражданъ, составляющихъ только 5,33% общаго числа и студентовъ

сыновей лицъ духовнаго званія, составляющихъ 5,52% общаго числа студентовъ и даже сыновей купцовъ, составляющихъ только 6,21% общаго числа студентовъ. Если сложить числа студентовъ изъ трехъ низшихъ сословій—мѣщанъ, цеховыхъ и крестьянъ и казачьяго сословія, они вмѣстѣ составятъ 16,39% общаго числа студентовъ—процентъ уступающій только проценту студентовъ сыновей дворянъ и чиновниковъ, составляющихъ почти въ четыре раза большій процентъ—не хватаетъ всего 0,57%—64,99% общаго числа студентовъ.

Въ заключеніе нельзя не указать на необходимость отмѣны ст. 547 законовъ о состояніяхъ, постановляющей, что почетные граждане, записавшіеся въ цехи, съ записью въ которые не связана запись въ гильдію и вступившіе въ служеніе для домашнихъ услугъ не могутъ за это время именоваться почетными гражданами, а именуется цеховымъ мастеромъ или просто городскимъ, какъ будто въ ремесленномъ трудѣ и домашней услугѣ можетъ быть что нибудь позорное. И это тѣмъ болѣе, что изрѣдка бывають случаи поступленіе въ прислугу обнищавшихъ дворянъ и они, однако, не лишаются и въ это время права именоваться дворянами.

Н. Коркуновъ.

III.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА АВТОРСКОГО ПРАВА.

Авторское право—понятіе новѣйшаго времени, тѣсно связанное въ своемъ возникновеніи съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, когда сдѣлалось возможнымъ, съ ничтожными затратами, одновременное сниманіе многочисленныхъ копій съ одной и той же рукописи. Благодаря этому, книга стала доступна, по своей дешевизнѣ, средней публикѣ и сдѣлалась предметомъ торговли, подобно всѣмъ другимъ предметамъ производства.

Въ первое время книгопечатанія издавались типографскимъ способомъ произведенія духовнаго содержанія или труды классическихъ авторовъ, т. е. лицъ, давно окончившихъ свое земное существованіе. Это обстоятельство, какъ вѣрно подмѣтилъ Schürmann (Autoren und Verleger S. 94), не осталось безъ вліянія на историческій ходъ развитія авторскаго права: за отсутствіемъ авторовъ, имущественный интересъ печатанія, заключающійся въ правѣ дальнѣйшаго размноженія оригинала въ печатныхъ копіяхъ для продажи, сосредоточился въ издателяхъ, дѣятельность которыхъ сдѣлалась своего рода промысломъ.

Въ послѣднемъ отношеніи скоро возникла конкуренція между нѣсколькими издателями одного и того же сочиненія. Первый издатель, предпринимая изданіе какого-нибудь сочиненія, неизбѣжно вынуждался дѣлать не малыя затраты какъ на приобрѣтеніе рукописи, и провѣрку ея текста, такъ равно

на самое печатаніе и корректуру и т. д.; при чемъ расчитывалъ вернуть затраты изъ продажной стоимости книги. На дѣлѣ однако не рѣдко такой расчетъ далеко не оправдывался въ виду того обстоятельства, что другіе издатели перепечатывали безъ хлопотъ по готовому изданію, и продавая книгу по болѣе дешевой цѣнѣ, убивали первое изданіе.

Желая избѣжать такихъ печальныхъ для своего предпріятія послѣдствій, издатели, начиная печатать книгу, обращались съ просьбой о защитѣ отъ перепечатки къ правительственной власти. Въ виду того, что юридическимъ правосознаніемъ тогда не было еще выработано самаго понятія авторскаго права, защита такая выразилась на первыхъ порахъ въ томъ, что правительство выдавало отдѣльныя привилегіи на каждый случай, признавая за ходатайствовавшимъ о томъ издателемъ исключительное право печатать данное произведеніе. За отсутствіемъ общаго права, привилегія до нѣкоторой степени достигала своей цѣли и косвенно даже защищала интересы автора, такъ что безъ нея издатель не рѣшился бы печатать книгу, а тѣмъ болѣе выдать какой-либо гонораръ автору.

Между тѣмъ, въ Европѣ, первоначально во Франціи и Англіи, начиная съ XVIII вѣка, все болѣе и болѣе укореняются въ обществѣ либеральныя идеи, противныя всякимъ монополіямъ и привилегіямъ вообще. Общество начинаетъ неблагоприятно относиться къ издательскимъ привилегіямъ, и тогда защитники послѣднихъ начали основывать исключительность права издателей не на привилегіи, а на новомъ понятіи— на правѣ авторскомъ, уступленномъ по договору издателямъ. Самое авторское право приравнивалось тогда праву собственности; его почитали за право собственности, за видъ естественнаго права, которое по тому самому никогда не нуждалось въ королевской милости и защитѣ, будучи результатомъ труда, этой основы права собственности, по ученію юристовъ того времени.

Первымъ закономъ, составленнымъ въ этомъ духѣ былъ законъ 19 января 1791 г., опредѣлившій, относительно постановки пьесы на сценѣ, права авторовъ драматическихъ произведеній правомъ ихъ пожизненной собственности, про-

должающейся для наслѣдниковъ въ теченіе 5 лѣтъ по смерти автора.

Вслѣдъ за Франціей авторское право признается постепенно и въ остальныхъ государствахъ западной Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается быстрый ростъ предѣловъ защиты авторскихъ интересовъ. Сроки, въ теченіе которыхъ наслѣдники пользуются правами автора, постепенно увеличиваются; возникаетъ даже идея вѣчной принадлежности авторскаго права его обладателю. Силѣ авторскаго права стало подчиняться все большее число объектовъ, оно охватило постепенно лекціи, скульптурныя, музыкальныя и драматическія произведенія, газетныя статьи, модели и фабричныя рисунки, письма и проч., словомъ все, что обнаруживаетъ проявленія духовной творческой дѣятельности.

Еще болѣе проявилось это стремленіе къ расширенію силы молодого института въ отношеніи территориальномъ. Какъ только авторское право окрѣпло въ отечественныхъ границахъ, юристы обратили вниманіе на выгоду, ускользающую отъ авторовъ въ международномъ обращеніи. Съ этою цѣлью отдѣльныя государства вступаютъ въ международныя конвенціи между собою для взаимной охраны правъ своихъ авторовъ, и въ настоящее время такая международная охрана правъ и интересовъ авторовъ существуетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ западной Европы.

Исторія развитія института авторскаго права въ положительныхъ законодательствахъ является тѣсно связанною съ трудами ученыхъ юристовъ по вопросу о выясненіи юридической природы этого института, его содержанія и мѣста въ общей системѣ права. Однако, должно замѣтить, что, не смотря на всѣ многочисленныя изысканія ученыхъ, юридическая сторона ученія объ авторскомъ правѣ продолжаетъ оставаться и въ настоящее время невыясненной. „Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ проф. Табашниковъ, какъ положительныя законодательства приняли это злополучное право подъ свою защиту, оно носится по горизонту науки безъ всякаго опредѣленнаго назначенія, и по дуновенію того или другого ученаго или легко передвигается съ одного мѣста на другое,

или же парить въ пространствѣ, подобно птицѣ, высматривающей мѣсто, куда ей удобнѣе было бы спуститься“.

Большинство экономистовъ съ Кэри и Прудонъ во главѣ совершенно отрицаютъ какія либо особенныя исключительныя авторскія права. Кэри въ этомъ отношеніи указываетъ, что единственнымъ вознагражденіемъ автора можетъ быть слава и распространенность его произведенія; а Прудонъ категорически называетъ авторскій гонораръ симоніей, проституціоннымъ заработкомъ— „l'art, qui se fait, vénal de même, que la femme, qui trafique de ses charmes, ne tardera pas à se degrader“.

Возрѣніе такое нашло мало сочувствія, какъ въ жизни такъ и среди юристовъ, среди которыхъ все болѣе укореняется убѣжденіе въ законности и справедливости авторскаго исключительнаго права на его произведенія, какъ способа доставленія имущественныхъ средствъ за понесенные труды, въ силу основнаго принципа права—никто не долженъ безъ достаточнаго основанія обогащаться на счетъ другого.

Въ прежнее время, особенно въ Германіи (Pütter, Oppel), смотрѣли на авторское право, какъ на право обязательственное, возникающее изъ безмолвнаго соглашенія между издателемъ съ одной и пріобрѣтателемъ съ другой стороны, въ силу котораго авторъ, продавая книгу, сохраняетъ за собою исключительное право воспроизведенія сочиненія, а покупатель, покупая книгу, безмолвно же обязывается не перепечатывать ея. Крайняя искусственность этой теоріи повлекла ея скорую научную кончину.

Болѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ теорія, признающая авторское право за право собственности. Какъ уже было указано выше, начало этой теоріи совпадаетъ со временемъ французской революціи, когда она возникла подъ влияніемъ ученія юристовъ школы естественнаго права. Признавая единственнымъ разумнымъ основаніемъ всякой собственности трудъ, юристы эти разсматривали произведенія литературы, искусствъ и художествъ, въ ихъ внутреннемъ,

умственномъ содержаніи, такимъ же продуктомъ индивидуальнаго труда, какъ и всѣ другіе продукты, обращающіеся въ гражданскомъ оборотѣ. Мало того, учили они, права авторовъ на ихъ произведенія не только должны быть охраняемы закономъ на общихъ основаніяхъ охраны благопріобрѣтенной собственности, подобно охранѣ плода трудовъ земледѣльца, кузнеца, ткача и т. п., но заслуживаютъ признанія и уваженія въ большей даже степени, чѣмъ собственность матеріальная, такъ какъ послѣдняя играетъ въ жизни общества лишь служебную низшую роль, тогда какъ первая раздвигаетъ горизонты и освѣщаетъ своимъ свѣтомъ міръ.

У современныхъ сторонниковъ признанія авторскаго права за право собственности на тѣхъ же основаніяхъ и въ полномъ объемѣ послѣдняго, научное обоснованіе такого воззрѣнія сводится къ отождествленію литературнаго, художественнаго и т. п. произведенія съ вещью, „*res*“ (Eisenlohr, Laboulaye, Kremer, Folkmann и др.). Въ нашей литературѣ защитникомъ теоріи авторской собственности является проф. Табашниковъ, совершенно отождествляющій литературныя произведенія съ матеріальными вещами. „Въ вопросѣ о юридическихъ свойствахъ авторскаго права, говоритъ онъ, слѣдуетъ отправляться отъ того, что сочиненіе есть вещь; эта вещь хотя не похожа на остальные, но тѣмъ не менѣе она имѣетъ реальное бытіе, распознается внѣшними чувствами и способна къ воспроизведенію до безконечности и къ денежной оцѣнкѣ“ (стр. 166—167).

Противъ теоріи авторской собственности возстали многіе юристы (Lolly, Gerber, Wächter, Шершеневичъ), указывая на невѣрность ея въ виду неправильной и невозможной аналогіи съ общеустановленнымъ понятіемъ права собственности; съ послѣднимъ авторское право, не имѣя *реального* объекта, не можетъ быть отождествляемо, ибо считать тѣлесными предметами предметы неосязаемые, т. е. безтѣлесные, является логической несообразностью. Между тѣмъ именно въ такую ошибку впадаютъ всѣ сторонники означенной теоріи авторской собственности, потому что объектъ авторскаго права,

безспорно, не имѣть реального бытія, не познается внѣшними чувствами.

Среди германистовъ особенно развита другая теорія, признающая авторское право личнымъ правомъ (Recht der Person), въ силу которой нарушеніе правъ автора запрещается потому, что самовольнымъ перепечатываніемъ его произведеній наносится оскорбленіе его достоинству и чести (Ortlloff, Reseler, Gareis, Dahn, Gierke и др.).

Ошибочность этой теоріи заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что она совершенно игнорируетъ имущественную сторону вопроса. Запрещая контрафакцію, законъ охраняетъ прежде всего денежные интересы автора, желая обезпечить ему плоды его духовнаго творчества, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить исключительное право извлеченія матеріальныхъ выгодъ изъ своей творческой дѣятельности. Личныя права автора, ихъ нарушеніе стоятъ при этомъ на заднемъ планѣ.

Отчаявшись дать хотя сколько-нибудь удовлетворительную конструкцію теоріи авторскаго права, нѣкоторые юристы (Jolly, Спасовичъ) выставляютъ чисто формальныя основанія разсматриваемаго института. Основанія авторскаго права, говорятъ они, лежатъ исключительно въ постановленіяхъ положительнаго права, которымъ однимъ авторское право освящается, вытекая, какъ привилегія, изъ милостивой силы воли законодателя, будучи основано на соображеніяхъ цѣлесообразности и справедливости; иначе—самовольное издательство каждымъ чужихъ произведеній подорвало бы въ концѣ издательское дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишило бы авторовъ, вопреки основнымъ началамъ справедливости, возможности получать хотя сколько нибудь приличное вознагражденіе за массу потраченнаго ими труда при ихъ творческой дѣятельности.

По поводу означенной теоріи позволимъ себѣ замѣтить лишь, что объяснять какой либо правовой институтъ, его юридическую природу тѣмъ, что „такъ приказано“ закономъ, значить—отказаться отъ мысли конструировать его.

За послѣднее время среди юристовъ все болѣе распро-

страняется возрѣніе на авторское право, какъ на самостоятельный институтъ *sui generis*, не находящійся ни въ какой связи съ существующими и признанными уже гражданскими правоотношеніями.

Такъ Kohler, Stobbe въ Германіи, Пикарь во Франціи признаютъ необходимымъ установить въ системѣ права новую группу правъ, такъ называемыхъ правъ на нематеріальныя блага (*Immaterielles Güterrecht, droits intellectuels*).

Объектомъ правъ этихъ являются тѣлесныя и духовныя силы человѣка, по скольку они представляютъ собою юридически защищаемыя блага. Эти права на нематеріальныя блага должны образовать „духовный“ правовой институтъ, дополнительный къ существующимъ тремъ основнымъ классамъ правовыхъ институтовъ—личному, вещному и обязательственному.

Очень близкимъ къ означенному ученію объ авторскомъ правѣ, какъ видѣ правъ на нематеріальныя блага, является возрѣніе проф. Шершеневича.

Г. Шершеневичъ относитъ авторское право къ группѣ правъ, для которыхъ онъ предлагаетъ особое наименованіе правъ исключительныхъ. „Кругъ частныхъ потребностей человѣка, говоритъ онъ, (стр. 71—73), находитъ себѣ удовлетвореніе, съ одной стороны въ непосредственномъ обладаніи вещами, съ другой—въ дѣйствіяхъ другихъ лицъ. Съ юридической стороны та и другая цѣль достигается существованіемъ вещнаго и обязательственнаго права; но современныя экономическія условія вызываютъ новыя отношенія, новые интересы, внѣ указанныхъ обладанія вещами и распоряженія дѣйствіями другихъ лицъ. Обнаруживается, что нѣкоторыя дѣйствія доставляютъ имущественную выгоду лицу, совершающему ихъ, если отъ совершенія такихъ же дѣйствій будутъ удержаны другія лица. Таковы интересы, соединенные съ извѣстной фирмой, которые заключаются въ исключительной возможности производить торговлю подъ даннымъ именемъ предпріятія. Таковы интересы фабриканта въ отношеніи рисунковъ и моделей, производимыхъ

у него продуктовъ, заключающіеся въ исключительной возможности создавать даннаго рода вещи. Таковы интересы фабриканта или купца въ отношеніи фабричнаго или торговаго клейма, которые состоятъ въ томъ, что извѣстнаго рода продукты или товары обозначаются знакомъ, способствующимъ большому ихъ распространенію. Таковы интересы автора, художника, композитора, заключающіеся въ томъ, чтобы сочиненія, картины, музыкальныя произведенія не могли быть свободно распространяемы, исполняемы всѣми другими лицами“. Экономическое основаніе установленія таково рода исключительныхъ правъ на клеймо г. Шершеневичъ видитъ въ стремленіи обезпечить за лицомъ матеріальную выгоду, создаваемую его честнымъ отношеніемъ къ своему торговому дѣлу. Экономическимъ основаніемъ авторскаго, художественнаго или музыкальнаго права представляется желаніе обезпечить матеріальное существованіе лицъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивается на духовныхъ интересахъ общества.

Мѣсто для исключительныхъ правъ въ системѣ права, по мнѣнію г. Шершеневича, должно быть отводимо между вещными и обязательственными правами, такъ какъ исключительныя права находятся, съ одной стороны, въ соотношеніи съ вещными, а съ другой стороны—съ обязательственными правами. „Съ первой категоріей правъ ихъ сближаетъ абсолютный характеръ ихъ силы, именно, дѣйствіе ихъ въ отношеніи всѣхъ. Какъ вещное право является юридическою обезпеченностью пользованія матеріальными правами съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ отъ подобнаго же пользованія, такъ и исключительное право представляется юридической обезпеченностью пользованія результатами извѣстнаго рода дѣйствій, отъ совершенія которыхъ обязаны воздерживаться всѣ прочіе“. Отличіе исключительныхъ правъ отъ вещныхъ заключается въ ихъ объектѣ, которымъ въ первыхъ являются дѣйствія, въ правахъ же вещныхъ—матеріальные предметы; почему именно съ точки зрѣнія объекта права исключительныя и приближаются къ правамъ обязательственнымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что послѣднее заявленіе г. Шерше-

невича, будто бы исключительныя права объектомъ своимъ, состоящимъ въ извѣстной дѣятельности правообладателя, приближаются къ правамъ обязательственнымъ, прямо не вѣрно. Объектомъ обязательственныхъ правъ является дѣятельность другихъ, извѣстныхъ при томъ лицъ, не кредитора; тогда какъ объектомъ правъ исключительныхъ является дѣятельность самого правообладателя; отношенія же другихъ лицъ къ нему, точно также какъ и ко всякому иному обладателю вещнаго права, заключаются въ обязанности воздерживаться отъ совершенія подобныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ права исключительныя (вѣрнѣе—авторскія) являются во всякомъ случаѣ сходственными только съ правами абсолютными, а не съ обязательственными (относительными) и вещными (точнѣе—абсолютными) вмѣстѣ, какъ это ошибочно предполагаетъ г. Шершеневичъ.

Спрашивается, съ какимъ же изъ правъ абсолютныхъ авторское право болѣе всего имѣетъ общихъ свойствъ?

Неограниченность права автора пользоваться и распоряжаться объектомъ своего права, связанная съ устраненіемъ всякаго третьяго лица отъ такого же пользованія этимъ объектомъ, равно какъ возможность осуществленія правъ противъ всѣхъ тѣхъ, дѣятельность кого клонилась бы къ ихъ ограниченію или отрицанію независимости самаго права, при его возникновеніи, отъ другихъ правъ по тому же объекту— всѣ соображенія эти говорятъ въ пользу признанія авторскаго права, по природѣ его, наиболѣе подходящимъ къ институту права собственности. Отличіе же отъ послѣдняго замѣчается въ двухъ отношеніяхъ, именно: а) въ природѣ объекта и в) въ срочности авторскаго права.

Что касается срочности авторскаго права, то это свойство его можетъ быть объяснено только путемъ историческимъ. Права авторскія возникли (и теперь нѣкоторыя проходятъ еще этотъ процессъ) изъ привилегій, которыя, начиная съ XV, вѣка выдавались отдѣльнымъ лицамъ на исключительное право воспроизведенія и размноженія литературныхъ и иныхъ произведеній. Такой характеръ личной привилегіи исключительное право сохранило до конца XVIII вѣка, когда стали

появляться общіе законы, признававшіе за авторами право собственности на ихъ произведенія. Однако и при этомъ законодательство продолжало еще по старому оставлять право за авторомъ на извѣстный только срокъ, а сперва даже самое признаніе его обусловливали выдачей каждый разъ спеціальной привилегіи. Такимъ образомъ, собственно говоря, срочность авторскаго права въ настоящее время является „переживаніемъ“ своего основанія правомъ, является остаткомъ прежняго неправильнаго воззрѣнія на авторскія права, какъ на привилегіи. Правда, въ настоящее время эту срочность обосновываютъ соображеніями, лежащими въ бытовомъ значеніи авторскаго права, указывая именно, что всякое произведеніе ума человѣческаго есть лишь частичное измѣненіе, исправленіе, приложеніе того, что сдѣлано раньше. Указываютъ кромѣ того, что въ виду общей пользы желательно, чтобы произведенія ума не составляли вѣчнаго наследственнаго имущества потомства автора, а чтобы общество по истеченіи извѣстнаго времени безгранично пользовалось тѣмъ, что всецѣло ему принадлежитъ.

Нельзя сказать, чтобы всѣ эти соображенія были убѣдительно. Собственно говоря, всякаго рода экономическая прогрессирующая дѣятельность является основанной на томъ, что совершалось другими лицами, а равно и самимъ субъектомъ ранѣе въ данномъ направленіи; однако, еще никто никогда не оспаривалъ у лица его исключительныхъ правъ на результаты такой дѣятельности, на томъ одномъ основаніи, что онъ не новаторъ въ хозяйственной области, а только такой дѣятель, который видоизмѣнилъ, исправилъ и примѣнилъ къ дѣлу то, что было создано уже трудами его предшественниковъ. Самый взглядъ на произведенія ума, какъ на общее достояніе—фраза, лишенная реальнаго содержанія и обнаруживающая смѣшеніе понятій; общимъ достояніемъ является мысль, а авторъ имѣетъ право на мысль, воплощенную въ извѣстной формѣ; эта форма является неотъемлемымъ его достояніемъ. Наконецъ, самое соображеніе, что въ интересахъ общества желательно, чтобы наступилъ моментъ, когда оно безгранично могло бы пользоваться про-

изведеніемъ, по совершенно справедливому замѣчанію проф. Гольмстена, является невѣрнымъ выраженіемъ другой мысли: конечно, желательно возможно широкое пользованіе произведеніями ума (Учебн. гр. пр. Мейра стр. 274). Но спрашивается, въ чему же въ цѣляхъ достиженія этого лишать автора и его семью, послѣ извѣстнаго срока, вѣрнаго заработка и передавать пользованіе плодами его трудовъ стороннимъ издателямъ. Интересомъ общества является здѣсь лишь возможно ббльшая доступность пользованіе за малое вознагражденіе произведеніями ума автора. Къ чему, спрашивается, въ цѣляхъ этихъ—публичнаго характера—является нужнымъ устанавливать срочность авторскихъ правъ, когда съ несравненно большей справедливостью та же цѣль можетъ быть достигнута и при признаніи исключительныхъ правъ входящими въ составъ имущества лица и переходящими по наслѣдству, подобно праву собственности въ безсрочное обладаніе наслѣдниковъ автора. Въ послѣднемъ случаѣ придется только въ интересахъ общества, по закону установить срочность *неограниченнаго* распоряженія автора и его наслѣдниковъ ихъ правомъ, а именно, по истеченіи извѣстнаго срока законъ можетъ фиксировать объемъ экономической выгоды, извлекаемой авторомъ изъ его произведенія, установивъ, на примѣръ, прогрессивную, черезъ опредѣленные промежутки времени обязательную сбавку извѣстнаго % съ первоначальной оцѣночной стоимости (въ продажѣ) отдѣльныхъ экземпляровъ или иныхъ объектовъ, въ которыхъ выразилась вся мысль автора (картина, ноты, фабричный рисунокъ, etc.). Предлагаемой мѣрой, съ одной стороны общество во всякомъ случаѣ будетъ болѣе гарантировано въ возможности пользоваться произведеніями ума автора на болѣе выгодныхъ условіяхъ; съ другой же стороны, представится давно желательная возможность, не нарушая общественныхъ интересовъ уничтожить вопіющую несправедливость настоящаго времени, когда, въ силу законоположеній о срочности авторскаго права, предоставляется стороннимъ издателямъ извлекать барыши отъ распространенія произведеній автора въ то самое время, когда семья и вообще близкія послѣднему лица мрутъ съ голода...

Такимъ образомъ, собственно говоря, авторскія права отличаются отъ права собственности только объектомъ своимъ, которымъ является благо нематеріальное,—именно, извѣстный продуктъ духовнаго творчества, облеченный въ матеріальную форму и предназначенный для обращенія въ общество; не форма самая, а именно это духовное творчество, по скольку оно проявилось во внѣшней формѣ.

Въ современной юридической литературѣ по отношенію къ праву собственности продолжаетъ господствовать римское строго матеріалистическое воззрѣніе, по которому объектомъ права собственности, какъ и вообще правъ вещныхъ, признаются только предметы матеріальные, *res*. Такое же строго матеріалистическое воззрѣніе господствовало первоначально и въ области обязательственныхъ правоотношеній, гдѣ прежде, равнымъ образомъ, возможнымъ предметомъ исполненія признавались дѣйствія съ *res, quae tangi possunt*. Однако, въ этомъ институтѣ права, болѣе живомъ, болѣе воспріимчивомъ и отзывчивомъ къ потребностямъ общежитія, скоро пришлось расширить область защищаемыхъ исками обязательственныхъ отношеній, признать за договоры соглашенія воли контрагентовъ, направленные содержаніемъ своимъ на блага нематеріальныя, напримѣръ, на услуги доктора, учителя *etc.* Область договорныхъ соглашеній такого рода въ наше время все болѣе и болѣе расширяется.

Такъ стоитъ дѣло съ благами нематеріальными въ области обязательственныхъ правоотношеній—этой либеральной сторонѣ положительнаго права, воспріимчивой ко всякимъ новшествамъ. Вещныя права, однако, до послѣдняго времени упорно еще противятся такому вторженію новыхъ идей и образовъ въ ихъ строго замѣнутую, узко матеріальную область. Все болѣе и болѣе развивающаяся въ сознаніи общества потребность признанія права собственности не только на предметы внѣшняго міра, но и на блага нематеріальныя, все болѣе усиленіе умственной дѣятельности человѣчества и стремленіе усвоить за лицомъ плоды такой дѣятельности и установить возможность извлеченія экономической выгоды изъ этого,—напоромъ своимъ все болѣе и болѣе расшатыва-

вають старый узко матеріальный строй вещныхъ правоотношеній. Всюду законодательства являются вынужденными уступать, хотя отчасти, указанному либеральному движенію въ правѣ, признавая, сперва по исключенію, въ видѣ особыхъ привилегій, при томъ срочнаго характера, *исключительное* право пользованія и распоряженія благами нематеріальными за ихъ субъектомъ, съ теченіемъ времени привилегіи обратились въ общее правило и явилось такимъ образомъ въ жизни юридическое чудовище:—привилегія срочнаго характера стала признаваться въ силу общаго закона за авторами относительно ихъ произведеній, безъ испрашиванія на это каждый разъ особаго разрѣшенія, — прямо въ силу самаго факта творчества...

Какъ ни стараются юристы конструировать такого рода правоотношеніе, труды ихъ, какъ было указано выше, остаются бесплодными, подтверждая лишь то положеніе, что чудовищемъ именно и называется аномальное, болѣзненное проявленіе въ природѣ вообще. Очевидно одно, что въ настоящее время авторскія права переживаютъ критическій періодъ въ своемъ развитіи, ожидая давно уже настоятельно необходимой въ интересахъ самаго же общества минуты, когда, наконецъ, законодательства, руководствуясь тѣмъ, что сдѣлано уже въ области правъ обязательственныхъ, рѣшатся признать возможнымъ право собственности на блага нематеріальныя.

Нѣтъ основанія приводить препятствіемъ признанію правъ авторскихъ за право собственности особая свойства объекта послѣднихъ, требующаго для себя другой юридической регуляціи, чѣмъ для вещей тѣлесныхъ. Вещи движимыя и недвижимыя, въ качествѣ объектовъ права собственности, регулируются почти во всемъ различно другъ отъ друга; однако на этомъ основаніи не устанавливается еще двухъ особыхъ юридическихъ институтовъ права собственности на движимыя и недвижимыя вещи.

Во всякомъ случаѣ подведеніе авторскихъ правъ подъ рубрику права собственности есть еще дѣло будущаго, когда въ законахъ и въ теоріи будетъ, наконецъ, ясно и твердо

выражена возможность приобретения права собственности на блага нематериальныя. Теперь же права авторскія находятся пока на порогѣ, такъ сказать, къ такому признанію. По этому намъ кажется наиболѣе вѣрнымъ и соотвѣтствующимъ современному положенію вещей разсматривать ихъ какъ *аналогію права собственности*—воззрѣніе вполне согласное и съ общимъ смысломъ нашихъ законовъ гражданскихъ.

Примѣчаніе 2 къ ст. 420 т. X ч. 1 св. закон. гласить: „Право собственности на произведенія литературы и художествъ, принадлежащее самимъ авторамъ сихъ произведеній, или наслѣдникамъ, или лицамъ, которымъ оно передано тѣми или другими, называется собственностью литературною и художественною, а право собственности на произведенія музыкальныя—собственностью музыкальною“. Однако законъ нашъ, помѣщая авторское право въ отдѣлѣ о „правѣ собственности“, отступаетъ въ дальнѣйшихъ своихъ опредѣленіяхъ отъ многихъ основныхъ положеній права собственности, среди которыхъ главное отличіе заключается въ срочности авторскихъ правъ и въ сокращенномъ срокѣ преслѣдованія за нарушенія ихъ (контрафакція), который, вмѣсто обычнаго 10-лѣтняго при нарушеніяхъ права собственности, сокращенъ здѣсь закономъ до 2 лѣтъ, а для истцовъ, находящихся за границей—до 4 лѣтъ (ст. 158 п. 4 прим. 2 уложен. о наказан.). Эти особенности, рѣзко отличающія природу авторскаго права отъ права собственности и вынуждаютъ насъ считать первое, съ точки зрѣнія дѣйствующаго права, не правомъ собственности (взглядъ, желательный *de lege ferenda*), а лишь правомъ, аналогичнымъ праву собственности.

Серг. Никоновъ.

IV.

ПРАВО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОДАВАТЬ СЪ ПУБЛИЧНАГО ТОРГА ГОРОДСКІЯ НЕДВИЖИМЫЯ ИМУЩЕСТВА.

По поводу одного дѣла гражданскій кассационный департаментъ Сената поставилъ на свое разрѣшеніе вопросъ о томъ, какими узаконеніями опредѣляется продажа съ публичнаго торга городскихъ недвижимостей въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено городское положеніе 1870 г., а стало быть, и 1892 года.

Вопросъ этотъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено городское положеніе, публичный торгъ не составляетъ установленнаго закономъ способа отчужденія недвижимостей, и потому имущества эти подлежатъ продажѣ по вольной цѣнѣ посредствомъ совершенія купчихъ крѣпостей по правиламъ, изложеннымъ въ 1417 и послѣдующихъ статьяхъ 1 ч. X т. ¹⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что, начиная съ изданія городского положенія 1870 г. вплоть до воспослѣдованія въ 1897 г. означеннаго разъясненія, т. е. въ теченіе 27 лѣтъ, не возбуждалось вовсе сомнѣнія въ правѣ городского общественнаго управленія продавать съ публичнаго торга городскія

¹⁾ Рѣш. гражд. кассац. департ. 26 марта 1897 г. № 98 по дѣлу Кремьянскаго съ Харьковской городской управой.

недвижимости. Когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ возникъ вопросъ о порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ на отчуждаемые городскими общественными управленіями частнымъ лицамъ участки городской земли, то изъ собранныхъ, по распоряженію Правительствующаго Сената, свѣдѣній оказалось, что при совершеніи этихъ актовъ допускалось въ различныхъ мѣстахъ большое разнообразіе. Въ однихъ мѣстахъ при продажѣ этихъ участковъ какъ съ *публичныхъ торговъ*, такъ и по вольной цѣнѣ, совершались всегда купчія крѣпости, въ другихъ мѣстахъ совершались въ томъ и другомъ случаѣ данныя, въ третьихъ, наконецъ, мѣстахъ при продажѣ означенныхъ участковъ по вольной цѣнѣ совершались купчія крѣпости, а при продажѣ съ *публичныхъ торговъ* данныя. Въ виду такого разнообразія, гражданскій кассационный департаментъ Сената, обсудивъ вопросъ о *порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ на отчуждаемые городскими общественными управленіями частнымъ лицамъ участки городской земли*, разъяснилъ, что если эти участки продаются по вольной цѣнѣ, то и совершеніе крѣпостного акта на участки, проданный этимъ способомъ, должно подчиняться тѣмъ правиламъ, которыя существуютъ въ законахъ для совершенія купчихъ крѣпостей; если же эти участки продаются съ публичныхъ торговъ, то и послѣдствія сего должны выразиться въ такомъ актѣ, который установленъ для юридическаго обозначенія перехода права собственности на имущество, укрѣпленное за покупщикомъ состоявшеюся публичною продажей, т. е. въ данной. На этомъ основаніи Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: на отчужденіе частнымъ лицамъ участковъ городской земли, при продажѣ съ публичныхъ торговъ, должны быть выдаваемы данныя, а при продажѣ таковыхъ по вольной цѣнѣ—купчія крѣпости (рѣш. гражд. кассац. департ. 1881 г., № 94).

И такъ, самъ гражданскій кассационный департаментъ, признавая, согласно съ повсемѣстно существующей практикой, право городскихъ управленій продавать съ публичнаго торгоу городскія недвижимости, желалъ лишь устранить существовавшее разнообразіе въ совершеніи крѣпостныхъ актовъ

на оныя, признавъ, что при продажѣ участковъ съ публичныхъ торговъ слѣдуетъ выдавать данныя, при вольной же продажѣ—купчія.

Какіе же мотивы привели теперь Сенатъ къ отрицанію самаго права городскихъ общественныхъ управленій продавать городскія недвижимости съ публичнаго торга?

Мотивы эти слѣдующіе:

„На основаніи 1503 ст. X т. ч. 1, до введенія городского положенія 1870 г. продажа ненужныхъ городскихъ недвижимостей производилась съ публичнаго торга также, какъ и продажа казенныхъ имѣній, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ 1504—1509 ст. 1 ч. X т. Но послѣ изданія город. полож. ст. 1503, какъ это видно изъ 1-го примѣчанія къ ней, утратила силу тамъ, гдѣ введено это положеніе, и въ этихъ мѣстностяхъ порядокъ продажи недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ городамъ, опредѣляется правилами городского положенія. На основаніи 7 ст. сего положенія (т. II св. зак. изд. 1892 г.) город. общ. управленіе имѣетъ право именемъ городского населенія, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, приобретать и отчуждать имущество, заключать договоры, вступать въ обязательства, вчинать гражданскіе иски и отвѣчать на судѣ по имущественнымъ дѣламъ съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для казенныхъ управленій. Изъ точнаго смысла сего закона, говоритъ Сенатъ, несомнѣнно слѣдуетъ, что городскія общественныя управленія пользуются правами казенныхъ управленій лишь при веденіи гражданскихъ дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, но при совершеніи актовъ объ отчужденіи и приобретеніи имуществъ, а равно и *другихъ сдѣлокъ*, городскія общества не пользуются вовсе правами казны, ибо нигдѣ въ законѣ не содержится для нихъ изъятій изъ общепридуманнаго въ этомъ отношеніи для *частныхъ лицъ* порядка, и посему изъ 7 ст. гор. полож. никакъ нельзя вывести, чтобы городскія недвижимости продавались съ публичнаго торга по правиламъ, установленнымъ для продажи казенныхъ имѣній. Напротивъ, на основаніи этого закона надлежитъ признать, что отчужденіе городскихъ имуществъ

производится по общимъ правиламъ, установленнымъ для отчужденія имущества *частныхъ лицъ*, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что отчужденіе городскихъ недвижимостей можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ утвержденія Министра Внутреннихъ Дѣлъ (3 п. 79 ст. полож.). Но такъ какъ нашимъ гражданскимъ законамъ неизвѣстна вовсе добровольная публичная продажа недвижимыхъ имущества *частныхъ лицъ*, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено городское положеніе, публичный торгъ не составляетъ установленнаго закономъ способа отчужденія городскихъ недвижимостей, и поэтому имущества эти подлежатъ продажѣ по вольной цѣнѣ посредствомъ совершенія купчихъ крѣпостей по правиламъ, изложеннымъ въ 1417 и послѣдующихъ статьяхъ 1 ч. X т. (рѣш. гражд. кас. деп. 1897 г., № 98)“.

Обращаясь къ оцѣнкѣ этого рѣшенія, нельзя не видѣть, что основное положеніе Сената, будто изъ примѣчанія 1-го къ ст. 1503 X т. ч. 1 видно, что статья эта утратила силу тамъ, гдѣ введено городское положеніе представляется сомнительнымъ.

Примѣчаніе это гласитъ: правила о продажѣ недвижимыхъ имущества, принадлежащихъ городамъ, въ коихъ введено городское положеніе 1870 г., изложены въ городскомъ положеніи (изд. 1886 г., ст. 120 и 121).

Эти же статьи постановляютъ:

Ст. 120. Принадлежація городу земли, назначенныя по городскому плану подъ площади, улицы, переулки, тротуары, проходы, мосты, переправы и бечевники, а равно водяныя сообщенія, пролегающія чрезъ городскія земли, оставаясь городскою собственностью, состоятъ въ общемъ всѣхъ пользованіи.

Ст. 121. Земли, означенныя въ ст. 120, не могутъ быть отчуждаемы городскимъ общественнымъ управленіемъ, безъ соотвѣтственнаго, съ утвержденія подлежащей власти (ст. 113), измѣненія въ планѣ города.

Изъ этихъ статей нельзя не видѣть, что, во-1-хъ, въ нихъ говорится лишь о нѣкоторыхъ видахъ городскихъ иму-

щество, именно предназначенных для общего пользования, а во-2-хъ, не упоминается вовсе о способѣ продажи этихъ имуществъ—по вольной цѣнѣ или съ публичнаго торга. А потому изъ приведеннаго примѣчанія, составленнаго притомъ въ кодификаціонномъ порядкѣ, вовсе не слѣдуетъ, что ст. 1503 X т. ч. 1 утратила свою силу тамъ, гдѣ введено городское положеніе 1870 г.

Для выясненія же того, утратила ли ст. 1503 силу, или нѣтъ, считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя историческія указанія, которыя способны освѣтить этотъ вопросъ.

Ст. 1503 помѣщена въ отдѣленіи IV разд. III кн. III X т. ч. 1, озаглавленномъ такъ: „о приобрѣтеніи имуществъ куплею съ публичныхъ торговъ“. Въ этой статьѣ, по скольку она касается городскихъ имуществъ, сказано: продажа ненужныхъ недвижимыхъ имуществъ разрѣшается: городскихъ (въ мѣстностяхъ, въ коихъ не введено город. положеніе 1870 г.)—губернскими правленіями. Далѣе въ этой же статьѣ сказано: самое утвержденіе продажи недвижимыхъ имуществъ предоставляется подлежащимъ властямъ въ размѣрѣ, для утвержденія публичныхъ торговъ назначенномъ. Въ этой статьѣ содержится то ограниченіе, что дореформенное городское управленіе не вправѣ было безъ разрѣшенія начальства продавать недвижимыя имущества и утверждать продажу. Слѣдуетъ замѣтить, что указанное ограниченіе самостоятельности городскихъ общественныхъ управленій не единственное.

Такъ, по ст. 1489 X т. ч. 1 и продажа ненужныхъ городскихъ движимыхъ имуществъ (въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено городское положеніе 1870 г.) разрѣшается губернскими правленіями. Далѣе, публичные торги по подрядамъ и поставкамъ на городскія суммы тоже требовали утвержденія начальства, именно они утверждаются окончательно начальниками губерній до 10.000 р., министромъ внутреннихъ дѣлъ до 30.000 р., правительствующимъ сенатомъ на всякую сумму [прав. о гор. хоз., ст. 12, прилож. къ ст. 20 (прим. общ. губ. учр., изд. 1892 г.)]. Равнымъ образомъ, въ такой же постепенности утверждаются договоры объ отдачѣ съ публичныхъ торговъ въ наемъ или содержаніе земель,

мельницъ, рыбныхъ ловель, трактирныхъ заведеній, сборовъ съ городскихъ вѣсовъ и другихъ сему подобныхъ статей, принадлежащихъ городамъ (ст. 1710 X т. ч. 1, изд. 1887 г.). Засимъ въ законѣ имѣется еще много другихъ ограниченій, совершенно парализовавшихъ дѣятельность городскихъ общественныхъ управленій въ хозяйственной сферѣ: на все требовалось разрѣшеніе и утвержденіе начальства.

При проектированіи новаго городского устройства такой порядокъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ. Въ проектѣ представленія министерства внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ городского хозяйства (составленномъ въ 1864 г.) было по этому предмету высказано слѣдующее:

„Законодательство наше, ввѣряя общественное хозяйство городовъ въ завѣдываніе общественнаго управленія ихъ, руководилось мыслью, что управленіе это, будучи составлено изъ представителей отъ мѣстныхъ обывателей, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ во всемъ, что входитъ въ кругъ означеннаго хозяйства, должно быть наилучшимъ блюстителемъ общественныхъ польсъ и нуждъ; правильность этой мысли, въ основаніи ея, едва ли можетъ быть оспорена. Но для успѣха во всякаго рода хозяйственныхъ дѣлахъ необходимо, чтобы распорядители этихъ дѣлъ пользовались извѣстною долею самостоятельности, необходимо, чтобы они могли, по крайней мѣрѣ, сами свободно оцѣнивать выгоду или невыгоду хозяйственныхъ предпріятій; основывать на такой оцѣнкѣ свои расчеты и дѣйствовать, руководствуясь ими безъ посторонняго вмѣшательства, могущаго нерѣдко нарушить эти расчеты и тѣмъ парализовать всѣ ихъ послѣдствія. Поэтому, многоразличныя ограниченія, которыми окружены всѣ дѣйствія городского общественнаго управленія по отношенію къ хозяйственнымъ дѣламъ города, не могутъ, безъ сомнѣнія, не вредить успѣшному ходу этихъ дѣлъ. Справедливо, конечно, что городское хозяйство не можетъ быть вполне приравнено къ хозяйству частному; хозяйственные дѣла города, объемля собою интересы цѣлаго городского общества, соприкасаются отчасти и съ общими государственными интересами, почему и необходимо, чтобы завѣдываю-

щее этими дѣлами управленіе, въ дѣйствіяхъ своихъ состояло подъ наблюденіемъ государственной власти, которая охраняетъ какъ общіе государственные интересы, такъ и интересы самаго городского общества, составляющаго часть государственнаго организма. Однако же, такое наблюденіе не должно идти далѣе извѣстныхъ предѣловъ; оно должно ограничиваться лишь тѣми мѣрами, которыя необходимы для предупрежденія и пресѣченія нарушенія общихъ интересовъ, не касаясь внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ, дѣлъ городского общества. Въ этихъ видахъ достаточно, чтобы государственная власть установила общія правила для руководства въ распоряженіяхъ по городскому хозяйству и слѣдила за точнымъ соблюденіемъ этихъ правилъ. Всякое же фактическое вмѣшательство правительственной власти въ подробности городского хозяйства можетъ быть скорѣе вредно, нежели полезно: оно нарушило бы необходимую связь въ общихъ расчетахъ городскихъ хозяйственныхъ управленій и несвоевременностью разрѣшенія увеличивало бы размѣры расходовъ. Городское общество, въ лицѣ представляющей оное общей думы, должно быть, конечно, наилучшимъ распорядителемъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, какъ потому, что интересы ихъ всего ближе его касаются, такъ и потому, что ему наиболѣе извѣстны условія мѣстности и времени, имѣющія весьма важное значеніе въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, успѣхъ которыхъ главнѣйше обусловливается своевременностью ихъ". Далѣе, проектъ продолжаетъ: „Входя въ разсмотрѣніе дѣйствующихъ нынѣ постановленій о предѣлахъ власти городского общественнаго управленія по отношенію къ городскому хозяйству, нельзя не замѣтить, что постановленія эти далеко не соотвѣтствуютъ изъясненнымъ началамъ“.

„Такимъ образомъ, едва ли есть достаточное основаніе безусловно возлагать на обязанность городского общественнаго управленія испрашивать *разрѣшеніе*: на принятіе пожертвованій для какихъ либо общественныхъ надобностей, на продажу ненужныхъ городскихъ имуществъ недвижимыхъ и движимыхъ, на приобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ, вообще на производство всякаго рода издержекъ, а также на

утвержденіе публичныхъ торговъ по подрядамъ и поставкамъ ¹⁾. По указанному проекту было истребовано заключеніе 2-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, которая, между прочимъ, выразила слѣдующее: въ ст. 5 полож. о земск. учр. указано, что „земскія учрежденія имѣютъ право, именовъ земства, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, приобрѣтать и отчуждать недвижимыя и движимыя имущества, заключать договоры, принимать обязательства, вчинать гражданскіе иски и отвѣтствовать въ гражданскихъ судахъ по имущественнымъ дѣламъ земства“. Казалось бы правильнымъ предоставить городскимъ общественнымъ учреждениямъ, по городскимъ имущественнымъ дѣламъ, такія же права. Посему слѣдовало бы дополнить постановленія проекта объ имущественныхъ правахъ городовъ статью, подобною ст. 5 положенія о земскихъ учрежденіяхъ ²⁾. Согласно съ этимъ ст., 116 гор. полож. 16 іюня 1870 г. постановляетъ: „городское общественное управленіе имѣетъ право: 1) именовъ города приобрѣтать и отчуждать недвижимыя и движимыя имущества и вступать въ договоры на основаніи законовъ гражданскихъ (т. X ч. I) и настоящаго положенія (ст. 55, 63, 66, 67, 72, 117, 119—124); 2) искать и отвѣчать на судѣ по имущественнымъ дѣламъ города на основаніи общихъ законовъ о судопроизводствѣ и настоящаго положенія (ст. 118)“.

Но, устанавливая изложенное правило, составители городского положенія 1870 г., не желая стѣснять городскія управленія въ способахъ осуществленія ими городскихъ хозяйственныхъ операцій, оговорили въ ст. 142 гор. полож. слѣдующее: „городской думѣ одновременно съ утвержденіемъ смѣты, предоставляется назначать и самый способъ исполненія той или другой хозяйственной операціи: посредствомъ ли *отдачи съ публичныхъ торговъ*, или избраннымъ лицамъ на комиссію, или хозяйственными распоряженіями городской

¹⁾ Матеріалы, относящіяся до новаго общественнаго устройства въ городахъ Имперіи (гор. пол. 16 іюня 1870 г.). т. I, изд. хов. деп., 1877, стр. 432—434.

²⁾ Тамъ же, ст. 515.

управы". А въ примѣчаніи къ этой статьѣ выражено: „къ *торгамъ* на городскія суммы не примѣняются, по введеніи настоящаго положенія, *ограниченія*, содержащіяся по сему предмету въ ст. 1489, 1503, 1710 и 1805 зак. гражд.“; къ этимъ же ограниченіямъ, какъ видно изъ содержанія приведенныхъ статей, относится: 1) разрѣшеніе высшаго начальства на продажу съ публичныхъ торговъ ненужныхъ городскихъ движимыхъ либо недвижимыхъ имуществъ и утвержденіе продажи (ст. 1489, 1503); 2) утвержденіе высшимъ начальствомъ договоровъ объ отдачѣ съ публичныхъ торговъ въ содержаніе земель, оброчныхъ статей, принадлежащихъ городамъ, сборовъ съ городскихъ вѣсовъ и тому подобныхъ статей (ст. 1710), и 3) утвержденіе начальствомъ торговъ на работы по строительной и дорожной частямъ (ст. 1805).

Слѣдовательно, съ введеніемъ город. положенія 1870 г. публичный торгъ, какъ способъ осуществленія хозяйственныхъ операцій не только не упраздненъ, но напротивъ, категорически сохраненъ, съ тѣмъ, что городскія управленія могутъ прибѣгать къ нему по своему усмотрѣнію. Упразднены же лишь содержащіяся въ ст. 1489, 1503, 1710 и 1805 X т. ч. I, изд. 1857 г., ограниченія самостоятельности городского управленія, въ силу коихъ требовалось разрѣшеніе высшаго начальства, между прочимъ, какъ на самую продажу городскихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ ¹⁾, такъ и утвержденіе этимъ начальствомъ состоявшихся уже торговъ. Поэтому мнѣніе Пр. Сената, будто ст. 1503 X т. ч. I утратила силу тамъ, гдѣ введено городское положеніе 1870 г., и будто публичный торгъ не составляетъ установленнаго закономъ способа отчужденія городскихъ недвижимостей, едва ли вѣрно.

Къ тому же заключенію нельзя не придти и по другимъ соображеніямъ.

¹⁾ Разрѣшеніе требуется и по гор. положенію 1892 г., но лишь на отчужденіе принадлежащихъ городу недвижимыхъ имуществъ, за исключеніемъ маломѣрныхъ мѣстъ, назначенныхъ по плану города подъ застройку частными зданіями и урегулированіе городского поселенія (ст. 79, I. п. 3).

Правительствующій Сенатъ говоритъ далѣе, что въ мѣстностяхъ, гдѣ введено гор. положеніе 1870 г., отчужденіе городскихъ недвижимыхъ имуществъ производится по общимъ правиламъ, установленнымъ для частныхъ лицъ. И этотъ выводъ дѣлается изъ ст. 7 гор. полож., по которой город. общ. управленіе имѣетъ право именемъ городского поселенія *на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ* приобрѣтать и отчуждать имущества. Но въ приведенной статьѣ послѣ подчеркнутой фразы имѣются и слѣдующія слова: „и сего положенія“, и тѣ же слова („и настоящаго положенія“) употреблены въ ст. 116 гор. полож. 16 іюня 1870 г., которыя Сенатомъ игнорируются. Поэтому для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса надо обратиться къ другимъ статьямъ городского положенія. Выше мы уже видѣли, что публичный торгъ извѣстенъ городскому положенію, какъ способъ осуществленія городскимъ управленіемъ хозяйственныхъ его операций. Какія же это операции?

1) ст. 102 гор. полож. 1870 г. предусматриваетъ торги на отдачу въ содержаніе городскихъ имуществъ; 2) ст. 142 предусматриваетъ вообще исполненіе той или другой хозяйственной операціи: посредствомъ ли отдачи съ публичныхъ торговъ, или избраннымъ лицамъ на комиссію или хозяйственными распоряженіями управы; 3) примѣчаніе къ ст. 142 говоритъ о торгахъ на городскія суммы и, какъ видно изъ цитируемыхъ въ немъ статей 1489 и 1503 X т. ч. I, которыя трактуютъ о публичной продажѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, очевидно, имѣетъ въ виду и торги на продажу тѣхъ имуществъ, иначе не имѣло бы смысла указаніе на непримѣненіе ограниченій установленныхъ въ этихъ статьяхъ. Стало быть, право городскихъ управленій на исполненіе вообще своихъ хозяйственныхъ операций путемъ публичныхъ торговъ, а въ частности и на продажу съ торговъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Что касается город. положенія 1892 г., то въ немъ не содержится подобныхъ правилъ, но и изъ него видно, что публичный торгъ допускается какъ способъ исполненія городскимъ управленіемъ хозяйственныхъ операций,

хотя упоминается лишь о сдачѣ поставки или подряда съ публичныхъ торговъ (ст. 22 прилож. къ ст. 140, прим.). Но умолчаніе закона о допустимости публичныхъ торговъ въ другихъ случаяхъ само по себѣ еще не говоритъ за то, чтобы торги были невозможны, разъ таковые допускались и по город. положенію 1870 г. Смыслъ публичныхъ торговъ заключается въ томъ, чтобы привлеченіемъ къ торгамъ большаго числа лицъ вызвать между ними соревнованіе въ видахъ установленія надлежащей цѣны. Но разъ законъ допускаетъ публичный торгъ въ однихъ случаяхъ, то, за силой ст. 9 уст. гр. суд., не представляется разумнаго основанія лишить городское управленіе возможности прибѣгать къ этому способу въ другихъ случаяхъ, именно для продажи недвижимостей или отдачи ихъ въ наемъ, если оно находитъ публичный торгъ выгоднымъ для интересовъ городского поселенія.

Изъ изложеннаго видно, что приравнивать городскія общественныя управленія въ хозяйственномъ отношеніи къ частнымъ лицамъ, какъ это дѣлаетъ Правительствующій Сенатъ, довольно рискованно. Вѣдь частныя лица не вправѣ свои хозяйственныя операціи осуществлять посредствомъ публичнаго торга, а городскія управленія могутъ. Сами составители проекта город. положенія 1870 г., при всемъ ихъ стремленіи къ освобожденію городскихъ управленій отъ обременявшихъ ихъ ограниченій, все таки не признавали возможнымъ такое приравненіе, находя, какъ мы выше видѣли, что городское хозяйство не можетъ быть вполнѣ приравнено къ хозяйству частному; что хозяйственныя дѣла города, объемля собой интересы цѣлаго городского общества, соприкасаются отчасти и съ общими государственными интересами.

Находя, такимъ образомъ, что городскія управленія, дѣйствующія по городовому положенію 1870 г. либо 1892 г., вправѣ, буде находятъ для интересовъ города удобнымъ, продавать городскія имущества съ публичныхъ торговъ, при условіи предварительнаго утвержденія ихъ постановленій объ отчужденіи этихъ имуществъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (п. 3 отд. I ст. 79 город. полож. 1892 г.), я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу, что дальнѣйшія послѣдствія состоявшихся тор-

говъ должны опредѣляться ст. 1507—1509 X т. ч. I, т. е. что органы городского управленія, производящіе публичную продажу, обязаны въ три дня, по внесеніи покупателемъ всей покупной суммы, сдѣлать постановленіе объ утвержденіи за покупателемъ проданнаго недвижимаго имущества, и по сему постановленію входить немедленно въ сношеніе, съ кѣмъ слѣдуетъ, о написаніи крѣпостнаго акта. И засимъ, по полученіи на приобрѣтенное съ публичнаго торга имѣніе данной или купчей, приобрѣтатель такого имѣнія вступаетъ въ полное право собственности и можетъ свободно отчуждать оное. Примѣненіе же указанныхъ постановленій закона (ст. 1507—1509 X т. ч. I) къ разсматриваемой публичной продажѣ городскихъ недвижимыхъ имуществъ обусловливается тѣмъ, что въ нашихъ законахъ не имѣется другихъ нормъ, опредѣляющихъ послѣдствія состоявшихся торговъ.

М. Мышь.

У.

ПРОЕКТЪ УСТАВА О ВОТЧИННОЙ РЕГИСТРАЦИИ И ИПОТЕЧНЫЙ КРЕДИТЬ.

Около шести лѣтъ тому назадъ обнародованъ былъ обширный законодательный проектъ предполагаемаго новаго порядка пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества. Проектъ этотъ, распадается на четыре части и сопровождается весьма пространными и систематически изложенными объясненіями редакціонной комисіи, на которую возложена была его разработка, на основаніи Высочайше утвержденного 19 мая 1881 г. мнѣнія государственнаго совѣта, давшаго законодательную санкцію главнымъ основаніямъ этой реформы. Проектъ съ мотивами представляетъ огромный и истинно-научный трудъ, занимающій томъ въ 1534 страницы.

Никогда прежде законодательная работа не передавалась столь полно и неограниченно на предварительное обсужденіе: проекты не только разосланы были всѣмъ судебнымъ учрежденіямъ и ученымъ обществамъ, но, въ противность установившейся у насъ практикѣ, выпущены въ продажу, и притомъ, по весьма умѣренной цѣнѣ. Не смотря на это у насъ не появилось до сихъ поръ ни одной крупной работы, посвященной разбору законопроекта о вотчинной системѣ!

Любопытно вспомнить и сравнить, какъ откликнулся нѣсколь-

во лѣтъ тому назадъ на подобнаго рода призывъ юридическій міръ Германіи. Въ 1888 г. обнародованъ былъ первый проектъ общегерманскаго гражданскаго уложенія, которое, прошедши всю неизмѣримо болѣе сложную, чѣмъ у насъ, процедуру конституціоннаго законодательства, окончательно утверждено въ 1896 г., причемъ въ слѣдующемъ году утверждены и сопровождающіе новый кодексъ вспомогательные законы, въ томъ числѣ новый вотчинный уставъ и вновь разработанное положеніе о понудительномъ взысканіи съ недвижимыхъ имуществъ.

По прошествіи 3—4 лѣтъ послѣ опубликованія перваго проекта появился и особый каталогъ всѣхъ вызванныхъ проектомъ гражданскаго уложенія монографій, посвященныхъ обсужденію проекта въ цѣлости и критикѣ отдѣльныхъ его институтовъ; не менѣе *тысячи* заглавій насчитывалъ этотъ каталогъ, въ томъ числѣ были не только отдѣльныя статьи и брошюры, но и объемистые томы въ нѣсколько сотъ страницъ.

Полагаемъ, что нижеслѣдующія замѣчанія должны имѣть интересъ. Они первоначально имѣли специальное назначеніе, составляя предметъ особой записки о вотчинной реформѣ, представленной Министерству Финансовъ отъ имени частныхъ учрежденій долгосрочнаго земельного кредита. Само собою разумѣется, что при такомъ специальномъ назначеніи указанныхъ замѣчаній, они не претендуютъ на научную полноту и объективность.

Вообще наши замѣчанія относятся почти исключительно до вновь проектированнаго при вотчинной системѣ порядка понудительнаго взысканія съ недвижимыхъ имуществъ, насколько этотъ порядокъ кореннымъ образомъ видоизмѣняетъ принадлежавшее кредитнымъ учрежденіямъ право самостоятельнаго взысканія съ неисправныхъ заемщиковъ.

I.

Создавая новую систему укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества, составители проектовъ ввели въ законоположенія по этому предмету многія отступленія, обусловливаемыя раз-

личіемъ между кредитомъ по частному займу и кредитомъ ипотечнымъ. Кромѣ отдѣльныхъ изъятій, въ текстѣ законоположеній, къ проектамъ прибавлены два самостоятельные отдѣла, относящіеся исключительно до ипотечныхъ кредитныхъ учрежденій, а именно: а) правила объ обезпеченіи недвижимымъ имѣніемъ договоровъ съ казною и съ кредитными учрежденіями, составляющія обособленный проектъ, и б) особыя правила о взысканіи кредитными установленіями съ заложенныхъ имъ по займамъ имѣній, введенныя подъ видомъ главы XI въ проектъ положенія о порядкѣ взысканія съ недвижимыхъ имѣній.

Такимъ образомъ, редакціонная коммисія, стремясь къ установленію однообразнаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имѣнія и взысканія съ таковыхъ, признала необходимость существенныхъ изъятій изъ этого порядка въ интересахъ ипотечнаго кредита. Весь вопросъ лишь въ томъ, насколько редакціонная коммисія удовлетворила существеннымъ требованіямъ, обусловливаемымъ особенностями ипотечнаго кредита, и не зашло ли слишкомъ далеко стремленіе къ установленію однообразія, въ ущербъ такимъ своеобразнымъ условіямъ этого кредита, которыя не поддаются nivelировкѣ, составляя гарантію, необходимую для огражденія весьма важныхъ и отнюдь не одностороннихъ интересовъ.

Сверхъ того нельзя не остановиться на слѣдующемъ соображеніи, нѣсколько разъ повторенномъ редакціонною коммисією. Она указываетъ, что всѣ изъятія изъ общихъ, нынѣ дѣйствующихъ законовъ, включенныя въ уставы земельныхъ банковъ, относительно порядка обезпеченія залоговыхъ правъ банковъ и порядка взысканія по этимъ залогамъ, предоставлены имъ исключительно въ ихъ интересахъ, и что поэтому, если законодательная власть считаетъ нужнымъ опредѣлить для нихъ новый порядокъ, соответствующій общимъ началамъ новой вотчинной системы, то такое нововведеніе не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ согласія самихъ банковъ.

Несомнѣнно, что и при самомъ возникновеніи акціонерныхъ земельныхъ банковъ, и при утвержденіи тѣхъ изъ ихъ

уставовъ, которые впослѣдствіи были признаны образцовыми для другихъ (ст. 42 раздѣла X уст. кред., изд. 1887 г.), законодательная власть вводила для нихъ особый порядокъ; но этотъ порядокъ былъ имъ предоставленъ не въ видѣ привилегіи и не въ ихъ одностороннемъ интересѣ, а потому что того требовала самая сущность ипотечнаго кредита. Съ тѣхъ поръ этотъ кредитъ развился широко и пустилъ глубокіе корни. Съ этими учрежденіями связана въ настоящее время не только большая часть частнаго землевладѣнія, но и многія сотни милліоновъ народныхъ сбереженій, помѣщенныхъ въ закладныхъ листахъ. По этой именно причинѣ, а не изъ какихъ-либо иныхъ соображеній, законодатель относится и понынѣ съ большою осторожностью къ вопросу объ измѣненіяхъ уставовъ банковъ законодательнымъ путемъ, допуская таковыя въ большинствѣ случаевъ лишь подъ условіемъ ихъ спеціальнаго о томъ ходатайства. Такъ, по Высочайше утвержденному 4 мая 1882 года мнѣнію государственнаго совѣта установлены отличныя отъ уставовъ кредитныхъ учрежденій правила о продажѣ съ торговъ заложенныхъ въ нихъ имѣній; для осуществленія же этихъ правилъ Министру Финансовъ предоставлено было вводить эти правила въ уставы существующихъ банковъ *по ходатайствамъ общихъ собраній акціонеровъ*. Въ 1887 г. при изданіи въ новой редакціи тома XI ч. 2-й свода законовъ, указанное полномочіе Министру Финансовъ включено было, въ видѣ примѣчанія къ статьѣ 53 въ раздѣлѣ X означенныхъ тома и части. Приведенное выше Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта состоялось *почти годъ спустя* послѣ Высочайшаго утвержденія (19 мая 1881 года) главныхъ основаній предполагаемаго новаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества, изъ чего несомнѣнно вытекаетъ, что и послѣ разрѣшенія въ принципѣ предположенныхъ въ области ипотечнаго кредита реформъ, отношеніе законодательной власти къ прежнему порядку, установленному въ уставахъ банковъ и укоренившемуся въ теченіе четверти вѣка, нѣсколько разнится отъ взгляда, высказаннаго по этому вопросу редакціонною комиссіею.

Здѣсь кстати будетъ привести историческую справку объ обстоятельствахъ, при которыхъ впервые возникла у насъ мысль о необходимости частныхъ кредитныхъ учрежденій для выдачи долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Драгоценнымъ матеріаломъ въ этомъ отношеніи могутъ служить *Труды Коммисіи Высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ*, изданные въ 1860 г. въ трехъ томахъ, на основаніи Высочайшаго о томъ разрѣшенія, послѣдовавшаго 11 декабря 1859 г.

Коммисія эта образована была послѣ прекращенія въ 1859 г. операций по ипотечному кредиту, государственнаго заемнаго банка, сохранныхъ казенъ, опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія и вызвана была необходимостью приступить къ преобразованію всей нашей банковской системы.

Напомнить объ указанныхъ трудахъ, свидѣтельствующихъ о намѣреніяхъ и предположеніяхъ нашихъ законодательныхъ сферъ въ самую критическую эпоху русскаго землевладѣнія, наканунѣ освобожденія крестьянъ, необходимо въ особенности потому, что составители проектовъ новыхъ законоположеній, собравшіе богатѣйшій матеріалъ изъ законодательныхъ архивовъ, обошли молчаніемъ труды коммисіи 1859 года. Такой пробѣлъ въ соображеніяхъ, коими редакціонная коммисія мотивируетъ свои проекты, имѣетъ значеніе прежде всего потому, что условія, при коихъ возникли у насъ учрежденія частнаго ипотечнаго кредита, ожиданія и опасенія тогдашнихъ законодательныхъ сферъ по этому предмету, представляютъ огромный интересъ въ настоящее время; что по прошествіи 40 лѣтъ возможно сопоставить ихъ съ дѣйствительнымъ развитіемъ этого кредита, который имѣетъ уже свою богатую, хотя и не лишенную превратностей исторію.

„Система частныхъ и совершенно самостоятельныхъ банковъ“, читаемъ мы въ трудахъ коммисіи (т. 1, стр. 67), „представляется, по глубокому и единодушному убѣжденію коммисіи, самымъ лучшимъ и самымъ желаннымъ разрѣшеніемъ задачи поземельнаго кредита въ Имперіи. Какъ въ интересахъ правительства, для котораго казенное кредитное учрежденіе всегда обращается въ

тягость, такъ и въ интересахъ частныхъ лицъ, поставляемыхъ казенными банками въ искусственныя условія хозяйства, нельзя не отдать полного предпочтенія передъ казенными земскими банками частнымъ банкамъ, будутъ ли послѣдніе учреждены въ формѣ товарищества землевладѣльцевъ или же акціонерныхъ компаній“.

Въ виду этихъ соображеній комиссія указывала на необходимость цѣлаго ряда мѣръ, коими частнымъ банкамъ обезпечивалась возможность быстрого и вполне самостоятельнаго взысканія съ неисправныхъ заемщиковъ банка недоимокъ въ теченіе одного полугодія. Сверхъ того нельзя не отмѣтить, что вотчинная система укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества или „учрежденіе ипотечныхъ книгъ для недвижимыхъ имуществъ въ Имперіи“, какъ называла Комиссія эту систему, признавалась ею одною изъ самыхъ важныхъ мѣръ, „содѣйствующихъ переходу отъ государственныхъ кредитныхъ установленій къ частнымъ земскимъ банкамъ“.

„Правильная ипотечная система“, сказано въ запискѣ комисіи (т. 1, стр. 70), „есть самое первоначальное и самое необходимое условіе для развитія поземельнаго кредита въ каждой странѣ. Вполнѣ правильное устройство земскихъ банковъ невозможно безъ существованія ипотечныхъ книгъ, обезпечивающихъ права собственника недвижимаго имущества и права на него кредиторовъ. Безъ ипотечной системы во всякой кредитной сдѣлкѣ по залогу недвижимаго имѣнія преобладаетъ личное довѣріе къ должнику—только ипотечная система превращаетъ личный кредитъ въ кредитъ вещественный, переноситъ долговую претензію съ лица на имущество, что и составляетъ первую основу поземельнаго кредита“.

Одновременно съ работами комисіи и въ очевидной связи съ приведенными соображеніями былъ разработанъ проектъ „Положенія объ обезпеченіи договоровъ и обязательствахъ ипотечнымъ порядкомъ“, который внесенъ былъ графомъ Д. Н. Блудовымъ въ государственный совѣтъ въ 1859 году. Съ тѣхъ поръ поземельный кредитъ развился въ размѣрахъ, далеко превзошедшихъ всѣ предположенія государственныхъ людей, коимъ принадлежитъ, какъ показано выше, инициатива этого дѣла; но та гарантія, которая при-

знавалась необходимымъ условіемъ онаго, все еще не вышла изъ стадіи законопроектвъ. Кредитъ, оказываемый земельными банками, во многихъ отношеніяхъ носить и теперь несвойственный ему характеръ личнаго кредита, ибо во многихъ случаяхъ довѣріе къ заемщику служить единственною гарантіею добросовѣстныхъ дѣйствій послѣдняго, и онъ станетъ вполне вещественнымъ кредитомъ лишь послѣ осуществленія такъ долго подготовляемой реформы.

Самый проектъ вотчинной реформы, по его строго научной разработкѣ, по стройности отдѣльныхъ частей и послѣдовательности, съ которою проведены всѣ подробности, вытекающія изъ главныхъ основаній реформы, представляется замѣчательною законодательною работою. Съ этой стороны можно опасаться развѣ лишь того, что на первыхъ порахъ лицамъ, не освоившимся съ приемами юридическихъ обобщеній, нелегко будетъ разобраться въ непривычныхъ для нашей публики формулахъ новаго закона, и большинство не сумѣетъ найти въ нихъ скорый отвѣтъ на вопросы практической жизни, не прибѣгая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ помощи профессиональныхъ юристовъ. Но ипотечная система нигдѣ не возникла постепенно; она есть чистый продуктъ теоріи; а въ такихъ случаяхъ нѣкоторая искусственность законодательныхъ нормъ совершенно неизбѣжна. За то продукты законодательнаго творчества отличаются гораздо большею научною точностью и послѣдовательностью, нежели институты, органически выросшие самою жизнью. Наши гражданскіе законы, къ области которыхъ относятся регулируемыя вотчинными уставами правоотношенія, болѣе всего нуждаются, какъ извѣстно, въ принципіальныхъ обобщеніяхъ и точно выраженныхъ руководящихъ началахъ. Этотъ пробѣлъ превосходно восполненъ редакціонною комиссіею относительно порядка укрѣпленія вотчинныхъ правъ вообще и правъ залога въ особенности. Вотъ почему нельзя сомнѣваться въ томъ, что новая система принесетъ огромную пользу и учрежденіямъ земельного кредита, вслѣдствіе упроченія связанныхъ съ онымъ правоотношеній и точной формулировки руководящихъ началъ ипотечнаго права.

Но совершенство законодательной техники есть только средство, а не цѣль, — средство регулировать жизнь безъ насилія надъ нею, оберегая установившіеся интересы и законно пріобрѣтенныя права. Такова была побудительная причина закона 4 мая 1882 г., и эта осторожность нашего законодательства относительно измѣненій въ дѣлѣ ипотечнаго кредита стоитъ въ очевидной связи съ приведенными выше взглядами, преобладавшими въ то время, когда учрежденія поземельнаго кредита призывались впервые къ жизни.

Въ проектахъ вотчинной реформы содержится, однако, цѣлый рядъ такихъ мѣръ и постановленій, которыя составляютъ ненужныя и легко устранимыя стѣсненія ипотечнаго кредита, стѣсненія до сихъ поръ не существовавшія и отнюдь не обусловливаемыя особенностями новаго порядка.

Могучее развитіе частнаго кредита превзошло всѣ ожиданія по этому предмету государственныхъ дѣателей конца 50 годовъ; и нельзя закрывать глаза на пользу, которая принесена ипотечными банками ихъ заемщикамъ. Что стало бы съ послѣдними, еслибы вмѣсто долгосрочнаго кредита, *погашающаго* капиталъ изъ сравнительно низкаго процента, нашему землевладѣнію пришлось въ самую критическую для него пору, по освобожденіи крестьянъ, довольствоваться кредитомъ по частнымъ закладнымъ, когда заемъ изъ 12—18% годовыхъ, *безъ погашенія*, считался чуть не благодѣяніемъ? А сверхъ того нельзя забывать, что установившаяся чрезъ посредство банковъ система поземельнаго кредита и простиравшаяся къ 1 іюля 1897 г. до 1750 милліоновъ народныхъ сбереженій, помѣщенные въ закладныхъ листахъ, составляютъ сами по себѣ столь крупный общественный и государственный интересъ, который не можетъ быть подвергнутъ колебаніямъ. Введенныя въ проектъ Редакціонной Коммисіи излишнія стѣсненія банковъ имѣютъ своимъ источникомъ слишкомъ узкую точку зрѣнія на общественную пользу не только частныхъ кредитныхъ учрежденій, но и государственныхъ кредитныхъ учрежденій, т. е. дворянскаго земельного и крестьянскаго банковъ. Искать объясненія указанному явленію надлежитъ въ томъ, что весь громадный трудъ редакціонной коммисіи есть

плодъ чистой теоріи. Въ этомъ, какъ выше уже было замѣчено, его великое научное достоинство, но этимъ объясняется и то, что въ дѣлѣ столь новомъ, для котораго въ дѣйствительной жизни русскаго народа не имѣется никакихъ зачатковъ, взяло верхъ стремленіе къ стройности и цѣльности системы, вслѣдствіе чего многое въ ней перешло за предѣлы практически желательнаго и возможнаго.

Въ частности такая тенденція сказалась въ той части работы редакціонной комисіи, которою нормируются на совершенно новыхъ началахъ правоотношенія по залогу недвижимыхъ имѣній, не только съ внѣшней, формальной стороны, но и по внутреннему, матеріальному ихъ содержанію. Съ житейской точки зрѣнія прежде всего, казалось бы, слѣдовало задаться вопросомъ: какая форма залога недвижимостей преобладаетъ у насъ въ настоящее время? А такъ какъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ипотечный долгосрочный кредитъ есть не только самая обыденная форма обремененія недвижимыхъ имуществъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, но и самая желательная, то казалось бы, что нормы для будущихъ сдѣлокъ по залогу недвижимостей слѣдовало бы приравнять прежде всего къ долгосрочному кредиту. Но редакціонная комисіа во всѣхъ подробностяхъ своей регламентаціи приняла за норму типъ договорнаго или принудительнаго залога между частными лицами. Къ этому типу ея приурочены какъ правила объ установленіи залоговыхъ правъ, такъ и порядокъ понудительнаго по нимъ взысканія, и подъ эти правила она подводитъ залогъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, распространивъ на нихъ весь общій порядокъ, съ допущеніемъ такихъ исключеній, которыя обусловливаются одною лишь внѣшнею* стороною банковскаго кредита, а не различіемъ въ самой сущности правоотношенія, по ипотечному и обыкновенному залогу. Въ этомъ отношеніи не обошлось безъ важныхъ искаженій сущности долгосрочнаго займа, которыя грозятъ огромными затрудненіями дѣлу ипотечнаго кредита.

Прежде нежели перейти къ отдѣльнымъ постановленіямъ проектовъ, вызывающимъ возраженіе, необходимо установить

въ общихъ чертахъ какъ юридическія, такъ и бытовыя особенности, коими долгосрочный ипотечный кредитъ существенно разнится отъ частнаго долга, обезпеченнаго залогомъ.

Особенности эти заключаются въ слѣдующемъ:

1) Должникъ по банковской ипотецѣ, въ отличіе отъ залогодателя по частному займу (занимающаго деньги на одинъ опредѣленный срокъ), принимаетъ на себя обязанность періодическихъ полугодичныхъ уплатъ въ теченіе времени отъ 10 до 66 лѣтъ, при чемъ эти уплаты равняются лишь незначительному проценту съ суммы долга—отъ $2\frac{5}{8}\%$ до $6\frac{3}{4}\%$.

2) Кредиторъ-банкъ, выдавшій ссуду въ видѣ закладныхъ листовъ, снабженныхъ купонами, оплачиваемыми по-полугодно, становится съ тѣмъ вмѣстѣ должникомъ держателей этихъ листовъ, безусловно отвѣтствуя за оплату купоновъ и вышедшихъ въ тиражъ листовъ, внѣ всякой зависимости отъ исправности получившаго оные заемщика.

3) Солидность выпустившаго закладные листы кредитнаго учрежденія зависитъ, во-первыхъ, отъ обширности его операцій, то есть отъ количества его заемщиковъ, а во вторыхъ, отъ способовъ принужденія, предоставленныхъ ему, дабы побуждать должниковъ къ срочному исполненію ихъ обязанностей и къ сохраненію стоимости заложеннаго имущества.

4) Вслѣдствіе періодичности сроковъ по оплатѣ купоновъ, способы принужденія противъ заемщиковъ не могутъ не быть приурочены къ тѣмъ же срокамъ, такъ что взысканіе по просроченному платежу должно быть окончено въ предѣлахъ одного полугодія.

5) Заемщикъ банка, обязанный внести къ извѣстному сроку лишь малый процентъ съ суммы своего долга, относится гораздо безопаснѣе къ исполненію своей обязанности, нежели должникъ по обыкновенному займу. Во многихъ случаяхъ, даже имѣя возможность уплатить въ срокъ, онъ предпочитаетъ воспользоваться сомнительною льготою по отсрочкѣ, сопряженною съ пеней. А для банка этимъ создается необходимость періодически возбуждать производство о понудительномъ взысканіи противъ массы заемщиковъ, во много

разъ превосходящей число взысканій дѣйствительно доводимыхъ до публичной продажи.

6) Банкъ, имѣющій дѣло съ тысячами заемщиковъ и простирающій свои операціи на десятки губерній—(напр., Московскій Земельный, который имѣетъ своимъ райономъ 19 губерній), лишень всякой возможности слѣдить за состояніемъ каждаго изъ заложенныхъ имѣній и сообразовать свои репрессивныя мѣры со степенью благонадежности и добросовѣстности своего должника, подобно кредитору по частному займу.

7) Въ случаѣ безуспѣшности публичной продажи, т. е. не достиженія покупной цѣны, покрывающей долгъ банку съ недоимками, банкъ обязательно приобрѣтаетъ имѣніе въ свою собственность; невозможность же сосредоточить въ рукахъ банка обширныя владѣнія вызываетъ обязательность распродажи банкомъ этихъ владѣній въ кратчайшій срокъ, что всегда влечетъ за собою значительныя убытки для банка вслѣдствіе расходовъ на управленіе и на двойное укрѣпленіе имущества, сперва за банкомъ, а затѣмъ за покупщикомъ.

8) Здѣсь же мы должны отмѣтить еще одно отличіе между банковскимъ и частнымъ залогомъ, въ силу расширенія права частнаго залогодержателя по проекту вотчиннаго устава. До сихъ поръ залогодержатель могъ искать удовлетворенія лишь изъ заложеннаго ему имущества (ст. 1371 т. X, ч. 2, изд. 1876 г.). Нынѣ ему предоставляется искать удовлетвореніе изъ остальнаго имущества залогодателя, если онъ не получилъ полнаго удовлетворенія изъ имущества, ему заложеннаго (ст. 98 вотч. уст.), или же обратиться свое взысканіе непосредственно на иное имущество должника (ст. 120 вотч. уст.). Это расширенное залоговое право на кредитныя учрежденія не распространяется (ст. 103 вотч. уст.).

Указанныя выше особенности слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду при оцѣнкѣ предположеній проекта и вызываемыхъ ими возраженій.

II.

Редакціонная коммисія предполагаетъ совершенно отмѣнить для кредитныхъ учрежденій предоставленное имъ *право самостоятельнаго взысканія*, подчинивъ ихъ общему порядку, изложенному въ положеніи о взысканіяхъ, съ изытіями, указанными въ главѣ XI того же положенія.

Въ этой послѣдней главѣ сосредоточены всѣ уступки въ пользу кредитныхъ ипотечныхъ учрежденій изъ сложной регламентаціи по предмету взысканій, обращааемыхъ на недвижимыя имущества. Не менѣе 254 статей понадобилось для этой регламентаціи; всѣ эти статьи должны имѣть примѣненіе и при банковскихъ взысканіяхъ съ немногими лишь отступленіями, указанными въ главѣ XI положенія, такъ что отступленія только увеличиваютъ регламентацію для банковъ еще двадцатью статьями.

Въ силу ст. 1137 уст. гр. суд. государственные и частные ипотечные банки пользовались до сихъ поръ полнымъ изытіемъ отъ порядка, установленнаго для частныхъ взысканій въ главѣ V раздѣла V книги II уст. гр. суд., заключающей въ себѣ въ два съ половиною раза меньше статей сравнительно съ новымъ положеніемъ о порядкѣ взысканій съ недвижимаго имѣнія (114 вмѣсто 275).

А въ уставахъ земельныхъ банковъ, которые всѣ почти тождественны между собою, весь порядокъ взысканія и самая публичная продажа исчерпываются въ 12 параграфахъ.

Чтобы отмѣнить этотъ простой порядокъ, который при созданіи у насъ сорокъ лѣтъ тому назадъ частныхъ ипотечныхъ учрежденій рассматривался, какъ *conditio sine qua non* ихъ существованія,—и подвергнуть его такой коренной перемѣнѣ, нужно было, во первыхъ, признать его абсолютно несовмѣстимымъ съ вводимую вотчинною системою, а, во вторыхъ, задаться вопросомъ, *возможно ли* примѣнить къ банкамъ всю новую процедуру взысканія, которая и по отношенію къ частнымъ лицамъ будетъ неизмѣримо сложнѣе прежней?

Мотивы въ подрѣшеніе необходимости столь радикальныхъ измѣненій, изложенные въ предисловіи къ главѣ XI

положенія о взысканіи и подъ многими отдѣльными статьями, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: а) банкъ, производящій взысканіе, есть заинтересованная въ дѣлѣ сторона; б) банкъ, какъ частное учрежденіе, не можетъ быть обремененъ тою властію, которая при новомъ порядкѣ присвоена вотчинному установленію; в) интересы лицъ, имѣющихъ какое либо право на продаваемое имѣніе, а также интересы должника не могутъ быть въ достаточной мѣрѣ ограждены при производствѣ публичной продажи самими банками, и г) неправильныя дѣйствія банковъ при публичной продажѣ не могутъ быть отмѣнены съ тою быстротою, которая необходима для своевременнаго охраненія правъ заинтересованныхъ лицъ.

Прежде, нежели перейти къ подробному разбору проектированнаго для банковъ порядка, остановимся на минуту на соображеніи, изложенномъ подъ лит. г.

По этому поводу Редакціонная коммисія высказываетъ слѣдующее:

„При сосредоточеніи всего производства о взысканіи въ правильномъ учрежденіи, каждое его дѣйствіе можетъ быть немедленно обжаловано по начальству, которое весьма скоро восстановитъ нарушенный порядокъ и удовлетворитъ основательныя требованія жалобщика. Этотъ путь непримѣнимъ при продажѣ частными банками, и въ случаѣ нарушенія ими чьихъ-либо гражданскихъ правъ, потерпѣвшій можетъ предъявить только искъ. Исковой порядокъ связанъ съ расходами и не можетъ быть разрѣшенъ столь же быстро, какъ частная жалоба. При искомомъ порядкѣ на истца лежитъ представленіе доказательствъ упущеній банка, а они большею частью находятся въ дѣлѣ о продажѣ, въ самомъ банкѣ, т. е. у отвѣтчика, чѣмъ иногда затрудняется подтвержденіе правильности иска. Исковое требованіе не можетъ, какъ частная жалоба, имѣть своимъ предметомъ отмѣну или измѣненіе какого-либо отдѣльнаго процессуальнаго дѣйствія по производству о продажѣ; истцу приходится просить или объ уничтоженіи совершенной продажи или о возмѣщеніи убытковъ“ (см. стр. 318 Пол. о вз.).“

Невозможность оспаривать правильность публичной продажи, произведенной банкомъ, иначе какъ искомымъ порядкомъ, есть огромное неудобство. Но отъ него гораздо болѣе

теряеть банкъ, нежели лица, заинтересованныя съ другой стороны. Малѣйшее упущеніе при производствѣ публичныхъ торговъ ставится банку въ вину, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда такое упущеніе легко восстанавливается въ частномъ порядкѣ, если жалоба основательна, къ банкамъ предъявляются иски о признаніи торговъ недѣйствительными или иски объ убыткахъ. Иски эти, и въ случаѣ ихъ полной неосновательности, вынуждаютъ банкъ вести долготѣніе процессы въ мѣстныхъ по нахожденію имѣній окружныхъ судахъ, что всегда сопряжено съ большими издержками. Если же какое либо упущеніе дѣйствительно допущено было банкомъ при производствѣ торговаго или при распоряженіяхъ, предшествовавшихъ продажѣ, то банкъ несетъ послѣдствія *уничтоженія крѣпостныхъ актовъ* и всѣ убытки, проистекающіе отъ ломки пріобрѣтенныхъ и видоизмѣнившихся за время процесса вотчинныхъ правъ. Судебная казуистика по вопросамъ о публичной продажѣ составляетъ одну изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ областей нашего гражданскаго процесса; тѣмъ не менѣе банки отвѣтствуютъ весьма крупными денежными вознагражденіями истцовъ за такое, а не иное разрѣшеніе какого-либо спорнаго вопроса по предмету публичной продажи. А такъ какъ банкъ всегда надежный отвѣтчикъ, то нетрудно убѣдиться, что справедливо критикуемый редакціонною комиссіей порядокъ служить большимъ соблазномъ для придирчивыхъ исковъ къ банкамъ со стороны лицъ, заручившихся какимъ бы то ни было—мнимымъ или дѣйствительнымъ—упущеніемъ, исковъ, которые, и при неуспѣшности ихъ исхода для истцовъ, причиняютъ банку крупные, и безвозвратные расходы, ибо чѣмъ менѣе такіе истцы состоятельны къ уплатѣ судебныхъ расходовъ, тѣмъ смѣлѣе они выступаютъ, въ расчетъ на обычное противъ банковъ предубѣжденіе.

И такъ, замѣна исковаго порядка частнымъ въ дѣйствительности послужитъ лишь къ избавленію банковъ отъ недобросовѣстныхъ притязаній.

Можно было бы указать еще многое въ новомъ порядкѣ взысканія, что принесетъ, или могло бы принести суще-

ственную пользу банкамъ. Въ видѣ примѣра укажемъ на предоставляемыя взыскателю права, изложенныя въ главѣ III полож. о взысканіяхъ, которыя дали бы возможность и банку оградить заложенное имѣніе отъ полного расхищенія и разоренія, коему оно обыкновенно подвергается заемщикомъ съ той минуты, когда для него исчезла возможность удержать его за собою.

Но о выгодахъ новаго порядка можно было бы разсуждать лишь послѣ разрѣшенія вопроса объ его осуществимости. Редакціонная же коммисія этимъ вопросомъ, съ положительной стороны онаго, почти не задавалась, а довольствовалась указаниями отрицательнаго свойства. Ей казалось достаточнымъ указать, что порядокъ взысканія, теперь существующій для банковъ, несомѣстимъ съ новою системой, но совмѣстима ли эта новая система, въ свою очередь, съ особенностями банковскаго залога и проистекающимъ изъ нихъ *неизбѣжнымъ* порядкомъ вещей, — эта сторона дѣла осталась совершенно незатронутою.

III.

Порядокъ взысканій для земельныхъ банковъ установленъ въ проектѣ пол. о взыск. слѣдующій:

Производство о взысканіи возбуждается въ мѣстномъ по находженію имѣнія вотчинномъ установленіи (ст. 256) подачей особаго прошенія, съ приложеніемъ копій имѣющейся въ банкѣ оцѣночной описи имѣнія и копіи прошенія (ст. 257). Вотчинное установленіе препровождаетъ копію прошенія должнику или, за отсутствіемъ его адреса, въ продаваемое имѣніе (ст. 257) и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ въ вотчинную книгу запись объ обращеніи взысканія на имѣніе, замѣняющую нынѣшнюю первую публикацію безъ обозначенія дня торга (ст. 259). Черезъ два мѣсяца по внесеніи записи объ обращеніи взысканія посылаются публикаціи о продажѣ, но если въ уставѣ давнаго кредитнаго установленія этотъ срокъ короче или продолжительнѣе, то публикація оглашается по истеченіи этого срока (ст. 265). Кредитное установленіе можетъ требовать продажи имѣнія въ томъ городѣ, гдѣ находится

его правленіе или отдѣленіе (ст. 267), и въ такомъ случаѣ мѣстное по мѣсту нахождения имѣнія вотчинное установленіе, выполнивъ всѣ требованія закона относительно оглашенія объявленій, передаетъ самую продажу вотчинному установленію по мѣсту нахождения правленія банка или его отдѣленія. Сроки продажи не могутъ быть менѣ одного мѣсяца для перваго торга и двухъ недѣль для втораго (ст. 268), считая со времени оглашенія объявленій. Первый торгъ начинается съ оцѣнки, по которой имѣніе принято въ залогъ (ст. 271), а второй съ суммы долга кредитному установленію съ просроченными платежами и недоимками въ разныхъ казенныхъ и земскихъ сборахъ и повинностяхъ (ст. 272). Старшинствомъ залоговыхъ правъ, одинаковымъ съ капитальной суммой, пользуются % за два года, расходы по застрахованію и издержки взысканія (ст. 60 вотч. уст.). По полученіи отъ вотчиннаго установленія извѣщенія о томъ, что имѣніе на второмъ торгѣ осталось непроданнымъ, земельный банкъ, до истеченія мѣсячнаго срока со дня полученія этого увѣдомленія, долженъ подать просьбу отъ укрѣпленія за нимъ непроданнаго имѣнія (ст. 274).

Можно съ увѣренностью сказать, что на всѣ подготовительныя работы по изготовленію документовъ подлежащихъ назначенію въ продажу имѣній правленію банка и его бухгалтеріи потребуется не менѣ двухъ мѣсяцевъ усиленнаго и спѣшнаго труда. Такъ какъ по статистическимъ даннымъ въ каждое полугодіе назначаются въ продажу въ большинствѣ банковъ отъ 200 до 800 имѣній,—а въ Московскомъ Земельномъ даже около 1200, то слѣдуетъ опредѣлить необходимое время для изготовленія на каждое имѣніе прошеній въ вотчинныя установленія, столькихъ же копій съ нихъ и столькихъ же копій съ оцѣночныхъ описей, каковыя описи часто бываютъ довольно обширны. Вся эта работа, съ разсылкою по назначенію, должна продолжаться не менѣ мѣсяца; такимъ образомъ, только черезъ три мѣсяца по истеченіи льготнаго срока можетъ закончиться самая усиленная работа земельного банка по предварительнымъ дѣйствіямъ о взысканіи просроченныхъ платежей.

Мѣстное вотчинное установленіе, получивъ одно или нѣсколько прошеній какого либо земельного банка (а ихъ дѣйствуетъ повсемѣстно въ Россіи не менѣе двухъ, кромѣ Государственнаго дворянскаго банка и его особаго отдѣла), совершаетъ, съ своей стороны, всѣ установленныя для публичной продажи имѣній подготовительныя дѣйствія, въ томъ числѣ по истребованію отъ мѣстныхъ казначействъ, земской и городской управъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ свѣдѣній о недоямкахъ и сборахъ всякаго рода, и только по полученіи этихъ свѣдѣній можетъ отослать торговое производство въ то установленіе, которому поручается самая продажа.

Даже при самомъ быстромъ производствѣ дѣла ближайшій торгъ будетъ назначенъ не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца со дня полученія прошенія банка; срокъ этотъ на практикѣ окажется болѣе продолжительнымъ, такъ какъ на вотчинныя установленія возложена масса обязанностей. Но допуская и этотъ кратчайшій срокъ, оказывается, что отъ ближайшаго назначеннаго для торга дня и до истеченія срочнаго для земельного банка полугодія остается только одинъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго должны состояться всѣ продажи, какъ съ перваго, такъ и со втораго торга, по всѣмъ имѣніямъ, на которыя банкъ обратилъ свои взысканія. Допуская даже, что изъ опубликованныхъ въ продажу имѣній въ вотчинномъ установленіи по мѣсту нахождения правленія банка сосредоточится только 100 отдѣльныхъ продажъ, до очевидности ясно, что установленіе не будетъ имѣть возможности осуществить таковыя по слѣдующимъ причинамъ. Производителемъ торга долженъ быть хранитель вотчинныхъ книгъ и при торгѣ обязательно присутствуетъ начальникъ вотчиннаго установленія (ст. 114 полож.). Лица эти, обремененныя обширнымъ производствомъ по вотчинному установленію, не могутъ посвящать все свое время, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, исключительно производству публичныхъ торговъ, пріостановивъ на это время теченіе всѣхъ остальныхъ дѣлъ по вотчинному установленію и, слѣдовательно, могутъ удѣлить для торговъ не болѣе двухъ дней въ недѣлю или же не

болѣе 8-ми дней въ мѣсяцъ. Принимая во вниманіе, что, въ силу 121 ст. полож., торги должны производиться въ промежутокъ времени между 10 и 3 часами дня и что для всякаго устнаго торга полагается не менѣе получаса, даже и въ томъ случаѣ, когда не являются торгующіеся,—можно съ увѣренностью сказать, что въ теченіе одного дня могутъ быть подвергнуты продажѣ не болѣе 5—6 имѣній, а въ мѣсяцъ можетъ состояться не болѣе 40—50 торговъ. Такимъ образомъ ясно, что произвести торги хотя бы только на 100 имѣній въ теченіе одного мѣсяца представляется невозможнымъ и что, слѣдовательно, вотчинное установленіе вынуждено будетъ переходить за предѣлы того полугодія, въ теченіе котораго взысканіе земельного банка должно быть закончено.

Но въ теченіе новаго полугодія земельный банкъ будетъ производить новыя взысканія съ тѣхъ же и съ другихъ заемщиковъ и снова обременить вотчинныя установленія такимъ же, какъ и въ предыдущемъ полугодіи количествомъ продажъ, которыя необходимо произвести опять въ теченіе одного полугодія. Въ результатѣ же окажется, что большая часть своевременно предназначенныхъ банкомъ въ продажу имѣній за просрочку сравнительно небольшихъ суммъ платежей, будутъ ко времени продажи обременены настолько значительными недоимками, что совсѣмъ не найдутъ покупателей и поступятъ въ собственность банковъ.

Редакціонная коммисія полагаетъ, что накопленіе большаго числа банковскихъ взысканій можно ожидать лишь въ столицахъ, и думаетъ, что это создастъ только необходимость усилить канцеляріи столичныхъ вотчинныхъ установленій, расходъ на которыя покроется усиленнымъ поступленіемъ вотчинныхъ сборовъ. Точныя цифры періодически возникающихъ банковскихъ взысканій опровергають этотъ аргументъ.

Что же касается „вотчинныхъ сборовъ“, т. е. расходовъ, возлагаемыхъ пол. о вз. на владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, вслѣдствіе возбужденія производства о взысканіи, нельзя не указать на слѣдующее.

До сихъ поръ издержки взысканія по банковскимъ ссу-

дамъ ограничивались одною лишь платою за публикаціи и простирались по самымъ крупнымъ залогамъ до 30 р. Издержки эти, въ случаѣ осуществленія вотчинной реформы въ предполагаемомъ видѣ, будутъ состоять: а) въ расходахъ на переписку требуемыхъ по каждому взысканію въ отдѣльности копій и заявленій; б) въ полистномъ гербовомъ сборѣ по всемъ этимъ бумагамъ; в) въ вознагражденіи уполномоченному, наблюдающему за производствомъ въ мѣстномъ вотчинномъ установленіи, и г) въ вознагражденіи управителю имѣніемъ въ случаѣ назначенія такового. Составители законопроектовъ опредѣляютъ крайній предѣлъ этихъ издержекъ въ 5% съ суммы стоимости имѣнія и по частнымъ взысканіямъ этотъ расходъ въ рѣдкихъ случаяхъ не достигнетъ этого размѣра, если принять во вниманіе права, предоставляемыя взыскателю ст. 70—78 пол. о вз.

Для банковъ никакихъ изъятій въ отношеніи сборовъ не установлено; и такъ какъ наиболѣе крупныя изъ издержекъ относятся до производства, *предшествующаго* публичному торгу, то ихъ придется уплатить впередъ изъ кассы банка не только по имѣніямъ, которыя дѣйствительно будутъ проданы—число ихъ обыкновенно не превышаетъ 3% общаго числа публикуемыхъ къ продажѣ имѣній,—но и по всемъ другимъ 97%. Эти издержки по самому скромному расчету должны составить сумму въ среднемъ въ 775 р. на имѣніе, включая въ нее и расходъ на вознагражденіе управителя. Сама редакціонная коммисія рассчитала указанные расходы въ еще большемъ размѣрѣ, ибо допускаетъ размѣръ ихъ до 5 процентовъ со стоимости продаваемого имущества.

Самыя крупныя статьи издержекъ въ нашемъ вычисленіи отнесены къ издержкамъ по составленію новой описи и на вознагражденіе управителю, и хотя назначеніе управителя есть лишь право, коимъ, согласно ст. 70 пол. о вз., банкъ можетъ и не воспользоваться, а новая опись и оцѣнка имѣнія также необязательны для кредитныхъ учрежденій на основаніи ст. 261 пол. о вз., но составленіе новой описи, предоставляемое банку факультативно, навязывается ему, однако, въ силу правила ст. 179 пол. о вз., какъ нѣчто обязатель-

ное, подѣ страхомъ судебнаго иска объ уничтоженіи продажи; что же касается мѣръ передачи управленія имѣніемъ, согласно ст. 70—76, то онѣ даютъ банкамъ одну изъ самыхъ цѣнныхъ гарантій сохраненія цѣлости имѣнія, коихъ они до сихъ поръ были совершенно лишены, и отказаться отъ этого права едва ли представится удобнымъ.

Но даже послѣ вычета указанныхъ двухъ статей издержки взысканія сводятся къ минимальной суммѣ въ 43 р. и максимальной въ 104 р., что даетъ въ среднемъ около 75 р. на каждое подвергаемое взысканію имѣніе. Если для примѣра остановиться на Московскомъ Земельномъ банкѣ, то при 1700 имѣній, публикуемыхъ къ продажѣ издержки составятъ сумму около *ста восьмидесяти тысячъ рублей въ годъ*.

Чѣмъ же, спрашивается, можетъ быть оправданъ такой колоссальный налогъ? Частный взыскатель, на котораго пол. о вз. возлагаетъ издержки безуспѣшнаго взысканія, несетъ послѣдствія своихъ собственныхъ дѣйствій и упущеній. Онъ могъ, во-первыхъ, избрать объектомъ своего взысканія другое, болѣе для того удобное имущество должника или вовсе не начинать безнадежное взысканіе; во-вторыхъ, онъ могъ оставить имущество за собою послѣ перваго или послѣ втораго торга. Если онъ ни того, ни другого не сдѣлалъ, то онъ, значитъ, безцѣльнымъ образомъ привелъ въ движеніе извѣстные органы публичной власти, а потому онъ и долженъ нести причиненные имъ расходы. Но банкъ *обязанъ* возбудить взысканіе противъ невнесшаго своего срочнаго платежа заемщика; а сверхъ того, банкъ *не имѣетъ права* взыскивать свой долгъ съ иного имущества заемщика *и не можетъ* оставлять имущества за собою послѣ перваго торга; словомъ, въ процедурѣ взысканія всѣ дѣйствія банка суть не что иное, какъ дѣйствія, обязательныя для него по уставу и по закону.

Невозможность примѣненія къ банкамъ всѣхъ тѣхъ предписаній и формальностей, которыя установлены для нихъ въ проектѣ положенія о взысканіяхъ, въ сущности доказываетъ только необходимость исключить изъ этого положенія все то, что ближайшимъ образомъ создаетъ указанныя выше непреодолимые затрудненія, каковое исключеніе оставить непри-

косновеннымъ то, что составляетъ самое существо новой системы. Разсмотрѣнію этой возможности посвящена слѣдующая глава.

IV.

Ни одинъ изъ видовъ и способовъ установленія и измѣненія правъ и притязаній на недвижимое имущество не можетъ совершиться внѣ воздѣйствія органовъ власти, завѣдующихъ вотчинными установленіями, и помимо вотчинной регистраціи. Поэтому ей одинаково должны быть подчинены какъ частное, такъ и банковское взысканіе, обращенное на недвижимое имущество. Но одинаковое не всегда тождественно, и въ той мѣрѣ, въ какой частное взысканіе разнится отъ банковскаго, и функція одинаковаго для обоихъ механизма, который приводится въ движеніе для цѣлей взысканія, не могутъ не быть различны.

Анализируя съ житейской точки зрѣнія юридическое дѣйствіе, именуемое взысканіемъ, легко убѣдиться, что, прибѣгая къ нему, взыскатель-банкъ и взыскатель-частное лицо побуждаются къ этому далеко не одинаковыми интересами.

Частное лицо всегда свободно въ выборѣ того или другаго имущества должника, какъ объекта для взысканія. Даже въ качествѣ залогодержателя, ограниченнаго по теперешнему закону заложеннымъ имуществомъ, частное лицо сохраняетъ эту свободу относительно времени возбужденія взысканія и пользованія понудительными мѣрами, предоставленными ему закономъ. По введеніи вотчинной реформы взыскатель по залоговому праву получить эту свободу и относительно выбора имущества (ст. 98 и 102 вотч. уст.). Эта свобода ни въ какомъ смыслѣ не принадлежитъ и не будетъ принадлежать банку.

Частный кредиторъ стремится, путемъ взысканія, къ осуществленію своего нарушеннаго права во всемъ его объемѣ. Взысканіе, возбуждаемое банкомъ, направлено къ понудительной уплатѣ срочнаго платежа, т. е. не болѣе 3% или 3¹/₂% лежащаго на имуществѣ долга, а свыше четырехъ срочныхъ платежей оно и простирается не можетъ (ст. 74 вотч. уст.).

Частный взыскатель въ огромномъ большинствѣ случаевъ стремится къ достиженію *конечной цѣли* взысканія, ибо для него наступаетъ необходимость въ понужденіи должника лишь тогда, когда онъ исчерпалъ все способы для полученія добровольнаго удовлетворенія, когда для него остается лишь одно—реализовать свое требованіе изъ ликвидированной стоимости имущества должника. Онъ знаетъ этого должника лично, знаетъ и его имущественное положеніе, и онъ, конечно, подвергнетъ себя риску напрасныхъ хлопотъ, нравственныхъ неприятностей, всегда сопровождающихъ процедуру взысканій, и напрасныхъ издержекъ лишь при увѣренности, что онъ свое получитъ.

Банкъ своихъ должниковъ лично не знаетъ, и для него процедура взысканія, независимо отъ обязательности возбужденія оной, имѣетъ своею побудительною причиною не достиженіе конечной ея цѣли путемъ продажи имѣній, а предостереженіе должника и напоминаніе ему о крайнемъ срокѣ, далѣ котораго не должно простираться его небреженіе къ исполненію своего обязательства. И статистическія свѣдѣнія о банковскихъ взысканіяхъ доказываютъ, что это предостереженіе, имѣющее свои градациі, достигаетъ своей цѣли въ 95 случаяхъ изъ ста. Градация эта такова, что чѣмъ ближе надвигается возможность продажи, тѣмъ дѣйствительнѣе впечатлѣніе, производимое понужденіемъ, хотя личный интересъ должника обратно пропорціоналенъ интенсивности онаго, ибо пеня возрастаетъ.

Этотъ порядокъ вещей, созданный жизнью и свидѣтельствующій о такихъ бытовыхъ чертахъ и экономическихъ условіяхъ, которыя свойственны лишь нашему отечеству и съ которыми невозможно не считаться и при законодательныхъ преобразованіяхъ,—лучше всякихъ теоретическихъ аргументовъ подтверждаетъ невозможность подчинить банковское взысканіе той же регламентаціи, какая выработана для частныхъ лицъ ¹⁾.

¹⁾ Настаивая на необходимости сохранить за банковскими взысканіями ихъ особенный порядокъ, насколько таковой не противорѣчитъ кореннымъ началамъ вотчинной реформы, мы имѣемъ въ виду возраженіе, которое можетъ быть сдѣ-

И чѣмъ менѣе новый порядокъ взысканія насильственно измѣнить указанныя бытовыя условія нашего обремененнаго ипотечными долгами землевладѣнія, тѣмъ лучше будетъ не только для землевладѣнія, но и для успѣха преобразования; ибо нельзя же допустить, чтобы для законодательства могло быть желательно, чтобы количество имѣній, подвергаемыхъ разорительной публичной продажѣ, хоть отдаленнымъ образомъ приблизилось къ колоссальной цифрѣ имѣній, назначаемыхъ банками въ такую продажу. Скажемъ болѣе: успѣхъ новаго порядка взысканія и его польза для ипотечнаго кредита будутъ вполне зависѣть отъ того, насколько этотъ порядокъ не отзовется насильственными измѣненіями, другими словами, насколько онъ оставитъ нетронутымъ то, что сложилось и съ успѣхомъ дѣйствовало не вслѣдствіе удачной регламентаціи (ибо уставы банковъ во всемъ, касающемся понудительнаго взысканія, крайне неудовлетворительны), а потому, что сама жизнь восполнила неясности и недомолвки

лано указаніемъ на примѣръ Германіи, гдѣ понудительное взысканіе въ интересахъ долгосрочнаго ипотечнаго кредита и земельныхъ банковъ ничѣмъ не отличается отъ общаго порядка взысканій съ недвижимаго имущества. Въ специальномъ законѣ по этому предмету отъ 24 мая 1897 г. (*Reichsgesetz über die Zwangsversteigerung und Zwangsverwaltung*), составляющемъ одинъ изъ дополнительныхъ законодательныхъ актовъ къ гражданскому уложенію, и имѣющему вступить въ дѣйствіе съ 1 января 1900 г., мы тщетно искали хотя бы малѣйшаго указанія на исключительныя права по взысканію для кредитныхъ учреждений. Но примѣръ Германіи и прочихъ странъ, пользующихся издавна т. н. ипотечною системою, нисколько не ослабляетъ нашего довода, а, напротивъ, можетъ только послужить лишнимъ аргументомъ въ пользу того общаго и давно признаннаго положенія, что юридическія нормы Запада непригодны для насъ безъ коренныхъ видоизмѣненій и дополненій. Въ частности же указанный порядокъ объясняется для Германіи, во-первыхъ, тѣмъ что въ Германіи ипотечная система возникла гораздо ранѣе развитія банковскаго земельного кредита, вслѣдствіе чего долгосрочный кредитъ (съ постепеннымъ погашеніемъ долга) существуетъ тамъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, помимо земельныхъ банковъ. Во-вторыхъ, самая процедура взысканія, при сравнительно короткихъ разстояніяхъ и округленности судебныхъ округовъ, не сопряжена съ такими проволочками, какъ въ Россіи. А въ-третьихъ, и это самое главное, нѣмецкій заемщикъ во многомъ отличается, такъ сказать психически, отъ русскаго заемщика. Число взысканій, которыя приходится періодически возбуждать германскимъ земельнымъ банкамъ, ограничивается единицами и десятками, между тѣмъ какъ взысканія русскихъ банковъ доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ и нигдѣ не бывають менѣе сотенъ.

закона и направила дѣло на путь самаго естественнаго и соотвѣтствующаго житейскимъ потребностямъ развитія.

Излагая соображенія, по которымъ нельзя оставить въ силѣ существовавшую до сихъ поръ необходимость оспаривать путемъ иска всякое малѣйшее упущеніе, допущенное при публичной продажѣ въ банкѣ, редакціонная коммисія (стр. 318 и 319) полагаетъ, что малое количество исковъ, возникающихъ по этому предмету, находятъ себѣ объясненіе лишь въ томъ, что истцу трудно бываетъ доказать „процессуальныя“ упущенія со стороны банка. Коммисія не сомнѣвается въ томъ, что „порядокъ, установившійся, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ банкахъ, не соотвѣтствуетъ указаніямъ закона, ограждающимъ интересы должника и его кредиторовъ“. Обвиненіе это подкрѣпляется *единичнымъ случаемъ*, почерпнутымъ изъ кассационнаго рѣшенія по дѣлу Вучетича съ Одесскимъ городскимъ кредитнымъ обществомъ (за 1883 г. № 50).

О ненормальности того юридическаго положенія, при которомъ малѣйшее упущеніе при публичной продажѣ, произведенной въ банкѣ, можетъ быть оспорено лишь путемъ иска, мы говорили уже выше; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы указали также насколько это положеніе служить поощреніемъ для предъявленія къ банкамъ недобросовѣстныхъ исковъ. Если при всемъ томъ, какъ удостовѣряетъ редакціонная коммисія, дѣйствія банковъ вызываютъ очень мало судебныхъ исковъ, то мы, вопреки ея заключенію, находимъ въ этомъ подтвержденіе поддерживаемаго нами аргумента: что положеніе вещей, установившееся до сихъ поръ, должно быть принято, какъ драгоцѣнное указаніе оправдавшагося опыта относительно предѣловъ, дальше которыхъ преобразование не должно простирается.

Предѣлы эти обрисовываются, послѣ всего сказаннаго, довольно ясно. Они даны, съ одной стороны, указанными результатами житейскаго опыта и экономическихъ условій нашего ипотечнаго кредита, а съ другой, коренными началами предстоящаго преобразованія.

Эти коренныя начала, весьма широкія по отношенію къ вотчинной реформѣ во всей ея цѣлости, сводятся къ немно-

гимъ положеніямъ въ ихъ примѣненіи къ процедурѣ понудительнаго взысканія, направленаго на недвижимое имущество. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Вотчинная регистрація должна служить полнымъ отраженіемъ юридическаго положенія каждаго недвижимаго имущества. А потому всякая переменна въ этомъ положеніи и всякое дозволенное или предписанное закономъ дѣйствіе, направленное къ такой переменѣ, должно быть отмѣчено въ вотчинной книгѣ этого имущества по возможности одновременно съ предпринятымъ дѣйствіемъ.

2) Вслѣдствіе безповоротности окончательно установленныхъ переменъ въ юридическомъ положеніи имѣнія, записи объ оныхъ, равно какъ временныя отмѣтки о дѣйствіяхъ, подготовляющихъ эти переменны, ввѣряются специальнымъ органамъ власти; а потому всѣ эти дѣйствія не могутъ быть предприняты помимо этихъ органовъ власти.

3) Взысканіе, обращенное на недвижимое имущество должника, будучи дѣйствіемъ понудительнымъ, т. е. проявленіемъ власти, подлежитъ во всѣхъ ступеняхъ своего процессуальнаго развитія вѣдѣнію вотчиннаго установленія.

4) Замѣна личнаго кредита кредитомъ реальнымъ, составляющая преимущество системы вотчинной регистраціи, обуславливаетъ требованіе, чтобы всѣ обеспеченные недвижимымъ имуществомъ долги прежняго собственника получили, насколько это возможно, удовлетвореніе изъ понудительной ликвидаціи стоимости имѣнія при переменѣ въ лицѣ собственника.

Этими четырьмя пунктами исчерпываются всѣ основныя положенія вотчинной системы въ ея примѣненіи къ порядку взысканія, и каковы бы ни были особенности ипотечнаго кредита, онѣ должны быть подчинены этимъ основнымъ положеніямъ. Отсюда ясно, что о сохраненіи за земельными банками права производить взысканія безъ посредства вотчинныхъ устиновленій не можетъ быть рѣчи. Точно также не можетъ быть рѣчи о сохраненіи права банковъ подвергать заложенное имущество продажѣ за цѣну, покрывающую одинъ банковскій долгъ съ недоимками по государственнымъ и обще-

ственнымъ сборамъ, безъ всякой заботы о достиженіи покупной цѣны, покрывающей долги, стоящіе ниже банковской ссуды.

Обращаясь засимъ къ критическому разбору отдѣльныхъ моментовъ той процедуры взысканія, которые установлены для банковъ въ проектѣ Редакціонной Коммисіи, мы можемъ теперь указать, какія изъ проектированныхъ нововведеній неразрывно связаны съ изложенными выше коренными началами реформы и какія изъ этихъ нововведеній, не будучи связаны съ этими началами, могутъ быть откинута безъ нарушенія оныхъ.

Для этого мы распредѣляемъ отдѣльныя дѣйствія по взысканію по группамъ и по каждой группѣ рассмотримъ, что необходимо и что оказывается излишнимъ стѣсненіемъ.

1) *Возбужденіе взысканія.* Порядокъ возбужденія банками взысканія установленъ въ ст.ст. 256—259 полож. о вз. Необходимо, чтобы взысканіе банка возбуждалось въ мѣстномъ по нахожденію имѣнія вотчинномъ установленіи; столь же необходимо, чтобы возбужденіе взысканія отмѣчено было порядкомъ, указаннымъ въ ст. 12 пол. о вз. Этими двумя пунктами вполнѣ исчерпываются тѣ измѣненія въ теперешнемъ порядкѣ возбужденія банками своихъ взысканій, которыя обусловливаются основными началами вотчиннаго преобразования.

Ненужнымъ оказываются всѣ тѣ дѣйствія мѣстнаго вотчиннаго установленія, которыя предписаны ст.ст. 257 и 259 пол. о вз., а именно:

а) Нѣтъ никакой надобности въ посылкѣ должнику повѣстки. Банковскій должникъ знаетъ не только о наступленіи срока своего платежа, но знаетъ также, что банкъ обязанъ по своему уставу возбудить взысканіе противъ неисправнаго плательщика. Ему, правда, извѣстно, что банкъ далеко не всегда доводитъ свое взысканіе до конца, даже противъ заемщика, не уплатившаго вовсе своего взноса. Но дабы воспользоваться снисхожденіемъ банка, онъ долженъ хлопотать предъ банкомъ, а не банкъ обязанъ обращаться къ нему. Вопросъ о томъ, имѣется ли надобность въ особомъ предувѣдомленіи банковскаго заемщика подробно разобранъ Пра-

вительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ за 1879 г. №№ 359 и 797 и за 1881 г. № 104 и разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что посылка повѣстки во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ въ ст.ст. 1095—1100 уст. гражд. суд., является излишнею для банка, и что юридическія послѣдствія, связанные съ моментомъ врученія повѣстки, наступаютъ сами собою съ началомъ теченія льготнаго срока для заемщика. Всѣ соображенія Правительствующаго Сената, высказанныя въ указанныхъ рѣшеніяхъ, сохраняютъ свою полную силу и при взысканіи на основаніи новыхъ законоположеній.

б) Коль скоро банку нѣтъ надобности вступить въ спеціальныя сношенія съ неисправнымъ плательщикомъ чрезъ посредство мѣстнаго вотчиннаго установленія, то ему нѣтъ также надобности въ избраніи пребыванія въ мѣстѣ нахождения этого установленія, т. е. въ наймѣ особаго уполномоченнаго для наблюденія за производствомъ на мѣстѣ. Банкъ можетъ стало-быть ограничиться посылкой указаннаго въ ст. 256 заявленія по почтѣ.

в) Если ничто не вызываетъ надобности въ спеціальному хожденіи банковъ предъ мѣстнымъ вотчиннымъ установленіемъ по поводу возбужденнаго взысканія, то ничто не вызываетъ и необходимости въ измѣненіи, проецированномъ второю частью ст. 259 полож. о вз. Возбужденіе взысканія должно, правда, быть отмѣчено въ производствѣ вотчиннаго установленія порядкомъ, указаннымъ первою частью этой статьи. Но для этого отнюдь не требуется отмѣны публикаціи, установленной въ § 20 земельныхъ банковъ (безъ опредѣленія дня торга). Совершенно достаточно, чтобы банкъ отсылалъ въ каждое изъ вотчинныхъ установленій, въ вѣдомствѣ коихъ находятся опубликованныя имѣнія, по печатному эземпляру своей первой публикаціи, отмѣтивъ въ ней особымъ знакомъ (напримѣръ красною чертой) имѣнія, подвѣдомственныя данному вотчину установленію, и чтобы послѣднія вносили запись объ обращеніи взысканія или налагали запрещеніе по всѣмъ отмѣченнымъ такимъ образомъ имѣніямъ. Такъ какъ свѣдѣнія, указанные въ 5 пунктахъ ст. 256 полож. о вз., и въ настоящее время включаются въ

публикацію, и могутъ быть включаемы и впредь, то къ печатному экземпляру публикаціи останется приложить лишь копію имѣющихся въ банкѣ описей тѣхъ имѣній, которыя въ публикаціи особо отмѣчены для каждаго вотчиннаго установленія.

О томъ какое громадное облегченіе доставить этотъ порядокъ возбужденія взысканія, сравнительно съ установленнымъ въ ст.ст. 256—259 пол. о вз., нѣтъ надобности распространяться.

2) *Распоряженія органовъ власти и дѣйствія сторонъ, указанныя въ ст.ст. 261—264 полож. о вз.* Въ этихъ статьяхъ установлены существенныя отступленія по отношенію къ банкамъ отъ общихъ предписаній по предмету описи, оцѣнки и управленія подвергнутого взысканію имѣнія. Всѣ эти распоряженія имѣютъ свою цѣлью охраненіе интересовъ взыскателя, а не должника. Мы уже имѣли случай указать, что эти распоряженія создаютъ чрезвычайно цѣнныя гарантіи сохраненія цѣлости имѣнія, и было бы весьма важно сохранить ихъ и для банковъ, и потому можно было бы настаивать на измѣненіи указанныхъ статей *въ этомъ смыслѣ*. Къ сожалѣнію, это оказывается совершенно невыполнимымъ при банковскихъ взысканіяхъ. Невыполнимость эту въ данномъ случаѣ усмотрѣла и Редакціонная коммисія, а потому превратила для нихъ въ факультативное право все то, что для частнаго взысканія установлено въ смыслѣ императивнаго правила. По этому желательно, чтобы въ разбираемыхъ статьяхъ было яснѣе отмѣчено что банки *могутъ* воспользоваться всѣми прерогативами, создаваемыми для взыскателя мѣрами къ охраненію цѣлости имѣнія, дабы банки могли, хотя въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ, или къ какой-либо изъ нихъ въ отдѣльности, какъ, на примѣръ, къ назначенію управителя, или къ обращенію на нужды взысканія доходовъ имѣнія согласно правилу, изложенному въ ст. 79 полож. о вз.

3) *Мѣсто публичной продажи.* Разсмотрѣнныя до сихъ поръ статьи пол. о вз. могутъ быть охарактеризованы какъ *подготовительная стадія* процедуры взысканія, которою для

банковъ и ограничивается производство противъ наибольшаго числа несправныхъ плательщиковъ. Этотъ подготовительный или устрашительный характеръ присвоенъ указаннымъ распоряженіямъ и по пол. о вз., что явствуетъ всего лучше изъ буквального смысла ст.ст. 10 и 257 полож. о вз. и изъ установленнаго въ нихъ срока, ранѣе котораго имѣніе не можетъ быть назначено въ продажу.

Вторая, рѣшительная стадія взысканія наступаетъ лишь съ момента публикаціи о *день и мсть* продажи, и коренное начало вотчинной системы, по которому вотчинная книга должна быть вѣрнымъ отраженіемъ всей юридической судьбы имѣнія, требуетъ, собственно говоря, чтобы и всѣ дальнѣйшія дѣйствія по взысканію произведены были тамъ, гдѣ ведется эта вотчинная книга, т. е. въ мѣстномъ вотчинномъ установленіи. Однако, пришлось отступить отъ этого начала не только для банковскихъ взысканій, но и для частныхъ (ст. 82—86 пол. о вз.). Относительно банковъ такое отступленіе установлено въ ст. 267 полож. о вз. Но предоставленіе банку указаннаго права подъ видомъ исключенія изъ правила явно противорѣчитъ дѣйствительному положенію вещей. Соображенія, по которымъ признано, что банкамъ *можетъ быть* предоставлено право перенести публичную продажу изъ мѣстнаго въ центральное вотчинное установленіе, должны были убѣдить въ томъ, что для банковъ *иной порядокъ невозможенъ*, ибо только продажа въ центральномъ установленіи по мѣсту нахождения банка, избавить послѣдній отъ необходимости производить взысканія по каждому имѣнію въ отдѣльности. Ст. 267 пол. о вз. лишь тогда будетъ правильною нормой, когда въ ней будетъ указано въ видѣ общаго правила, что мѣстомъ публичной продажи по банковскимъ взысканіямъ служитъ вотчинное установленіе того города, гдѣ находится правленіе банка, или его отдѣленіе, *съ предоставленіемъ банку, въ видѣ исключенія*, просить о продажѣ въ вотчинномъ установленіи по мѣсту нахождения имѣнія. Только при такомъ содержаніи ст. 267 можно будетъ обо всѣхъ имѣніяхъ, подвергаемыхъ въ данное полугодіе взысканію, сдѣлать одну общую публикацію

съ указаніемъ времени и мѣста торговъ; если же перенесеніе торговъ въ центральное мѣсто будетъ допускаемо лишь по спеціальному ходатайству, то это опять возвращаетъ насъ къ необходимости индивидуальныхъ производствъ по каждому имѣнію, т. е. къ тому, что будетъ непреодолимымъ препятствіемъ къ успѣху реформы вообще.

4) *Публичная продажа по первому и по второму торгу.* Четыре статьи (271—274), которыя посвящены въ главѣ XI пол. о вз. процедурѣ публичной продажи, ни въ чемъ существенномъ не изъемяютъ банковскихъ продажъ отъ общаго порядка, предписаннаго въ ст. 108—157 того же положенія. Не вдаваясь въ подробный анализъ, можно сказать, что всѣ эти правила распространены на банки потому, что всѣ второстепенныя правила взысканія обусловливаются слишкомъ далеко идущимъ обобщеніемъ частнаго и банковскаго взысканія. И если намъ удалось доказать необходимость разобщенія этихъ столь различныхъ между собою производствъ, то мы тѣмъ самымъ доказали и непримѣнимость къ банковскимъ продажамъ тѣхъ правилъ, коими регулируется обрядъ публичной продажи и дѣйствій, сопровождающихъ оную, которыя составляютъ не сущность, а формальную сторону дѣла.

Но вотъ измѣненіе, которое обусловливается самою сущностью вотчинной системы, а именно, необходимость начинать торгъ съ оцѣнки, по которой имѣніе принято въ залогъ (ст. 271 пол. о вз.). Трудно сомнѣваться, что при такой цѣнѣ для торга, на второй торгъ поступать очень многія изъ тѣхъ имѣній, которыя при теперешнихъ условіяхъ находятъ покупателей на первомъ торгѣ. Тѣмъ не менѣе мы не возражаемъ противъ ст. 271 пол. о вз., составляющей необходимое послѣдствіе основнаго принципа, изложеннаго выше подъ пунктомъ 4-мъ.

Во всемъ же остальномъ между частнымъ и банковскимъ взысканіемъ нѣтъ никакой аналогіи, а имѣются огромныя различія.

Это въ особенности относится до условій, при которыхъ назначается второй торгъ.

Банкъ связанъ относительно взысканія обязанностями, лежа-

щими на немъ по уставу; онъ возбуждаетъ взысканіе одновременно противъ сотенъ, а иногда противъ тысячъ должниковъ, коихъ онъ индивидуально не знаетъ и входитъ въ подробности положенія каждаго изъ нихъ не можетъ; банкъ взыскиваетъ лишь ничтожную часть стоимости продаваемого имѣнія; оставить за собою имѣніе послѣ неудавшагося перваго торга онъ не можетъ, и не можетъ обратить свое взысканіе на иное имущество должника; а въ случаѣ неудавшагося втораго торга для него обязательна третья продажа съ расходами на *временное* укрѣпленіе имущества за собою, при чемъ эта третья продажа, послѣ введенія вотчиннаго преобразованія, уже не можетъ быть публичною, какъ до сихъ поръ (§ 27 уставовъ зем. банковъ).

Вслѣдствіе этого проектированныя редакціонной коммисіей правила, относящіяся до втораго торга (ст. 143—157 пол. о вз.), оказываются во многомъ непримѣнными къ кредитнымъ учрежденіямъ; главнымъ же образомъ непримѣнимы правила, по которымъ для втораго торга требуется особое ходатайство взыскателя, что вновь создало бы для банка необходимость вести свои взысканія не суммарно, а отдѣльно по каждой недоимкѣ. А надобности въ этомъ нѣтъ никакой по той простой причинѣ, что для банка второй торгъ является *неизбѣжнымъ по природѣ вещей и обязательнымъ по уставу* послѣдствіемъ несостоявшагося по чему бы то ни было перваго торга.

5) *Присоединеніе къ возбужденному кредитнымъ постановленіемъ производству другихъ взыскателей.* Такое присоединеніе, установленное въ ст. 260 пол. о вз., не можетъ не быть допущено въ видѣ основного начала, изложеннаго выше подъ пунктомъ 4. Состоявшійся переходъ продаваемаго по взысканію банка имѣнія къ другому собственнику долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ полную ликвидацію всѣхъ обращенныхъ на это имѣніе требованій кредиторовъ прежняго собственника, насколько эти требованія могутъ быть покрыты изъ вырученной отъ продажи суммы. Поэтому отъ присоединенія ко взысканію банка никто изъ кредиторовъ не можетъ быть устраненъ. Но, присоединившись ко взысканію

банка, частный взыскатель не может не быть подчиненъ особенностямъ этого порядка взысканія, изъ которыхъ самая главная, по самой цѣли своей отличная отъ частнаго взысканія, заключается въ томъ, что взысканіе банка предназначено прежде всего къ тому, чтобы взыскатель не допустилъ имѣнія до продажи, что на практикѣ достигается въ 95 случаяхъ изъ 100. Подчиненія частнаго взыскателя послѣдствіямъ этой особенности требуетъ не только справедливость, но и весьма вѣское практическое соображеніе. Если частные взыскатели получаютъ возможность безъ всякихъ хлопотъ и личныхъ затратъ пользоваться процедурой банковскаго взысканія для реализаціи своихъ, хотя бы самыхъ незначительныхъ требованій на должникѣ, то огромная часть всѣхъ вообще взысканій, направленныхъ на недвижимыя имущества, будетъ приобщена ко взысканіямъ земельныхъ банковъ. Въ залогѣ въ банкахъ и городскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ состоитъ теперь значительная часть всѣхъ вообще недвижимыхъ имуществъ; а изъ нихъ, вслѣдствіе небрежности, свойственной заемщикамъ, громадный процентъ подвергается черезъ каждое полугодіе, по крайней мѣрѣ, первымъ предостерегательнымъ мѣрамъ взысканій. Если приостановленіе этихъ мѣръ взысканія вслѣдствіе покрытія банковской недоимки не будетъ зависѣть отъ кредитнаго учрежденія, возбудившаго производство, и каждый частный кредиторъ получитъ право настаивать на продолженіи взысканія и на доведеніи онаго до публичной продажи, то частные взыскатели явятся по каждому изъ многихъ тысячъ имѣній, подвергаемыхъ 2 раза въ годъ публикаціи со стороны кредитныхъ учреждений, ибо присоединеніе, сравнительно съ общимъ порядкомъ, неизмѣримо болѣе удобно и лицу, имѣющему какое либо требованіе, но заемщику банка, нужно будетъ только воздержаться отъ самостоятельнаго дѣйствія до ближайшаго *періода* банковскихъ взысканій, а затѣмъ, въ случаѣ прекращенія банкомъ своего взысканія, требовать продолженія производства на основаніи послѣдней части ст. 19 пол. о вз. Въ концѣ же концовъ это поведетъ къ тому, что число имѣній, продаваемыхъ „съ молотка“, безконечно возрастетъ.

Вотъ почему намъ кажется, что ст. 19, 26 и 260 пол. о вз. должны быть видоизмѣнены въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ прекращенія кредитнымъ учрежденіемъ возбужденнаго имъ взыскапія, присоединившіеся къ возбужденному производству другіе взыскатели не могутъ требовать продолженія его въ порядкѣ, установленномъ для этихъ учрежденій.

V.

По вопросу объ обязательности для пріобрѣтателя недвижимаго имѣнія договоровъ найма, заключенныхъ прежнимъ вотчинникомъ, устанавливается въ проектѣ вотчиннаго устава общее правило, въ силу котораго такіе договоры, хотя бы не пользующіеся старшинствомъ предъ правомъ новаго пріобрѣтателя по вотчинной книгѣ, или даже вовсе не внесенные въ нее, сохраняютъ свою силу на три года со времени внесенія новаго вотчинника, въ томъ числѣ и покупателя имѣнія съ публичнаго торга (ст. 22 вотч. уст., 18, 100, 125, 126, 127 и 173 полож. о взыск.). Исключеніе изъ этого правила допущено лишь относительно договоровъ, заключенныхъ послѣ внесенія записи объ обращеніи взыскапія или наложенія запрещенія по ст. 12 полож. о взыск. (ст. 17 полож. о вз.). Такіе договоры не могутъ быть заключены на срокъ болѣе одного года.

Редакціонная коммисія посвятила вопросу о наемныхъ договорахъ и ихъ обязательности для правопреемника по покупке имѣнія весьма обширное разсужденіе подъ ст. 32 вотчиннаго устава. Здѣсь не только указано, какое зло составляютъ договоры, заключаемые съ цѣлью обезцѣпенія имѣнія, но и цитировано состоявшееся 20 лѣтъ тому назадъ (18 апрѣля 1878 г.) мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ предполагалось специально оградить земельныя кредитныя учрежденія правиломъ, по которому договоры, заключенные собственникомъ на срокъ болѣе двухъ лѣтъ *послѣ запрещенія по выдачѣ залоговаго свидѣтельства*, необязательны для покупателей заложеннаго имѣнія. Сверхъ того, въ разсужденіяхъ указанъ уставъ дворянскаго земельного банка изд.

1890 г., по которому договоры по имѣнію обязательны для пріобрѣтателя съ публичнаго торга лишь въ теченіе одного года. Въ противность этимъ указаніямъ и воплѣ признавая тотъ фактъ, что обезцѣниваніе заложеннаго имущества договорами есть и въ настоящее время излюбленный недобросовѣстными заемщиками изворотъ, комиссія твердо устанавливаетъ, однако, общій принципъ трехлѣтней дѣйствительности наемныхъ договоровъ, не дѣлая никакихъ исключеній ни для имуществъ, вообще состоящихъ въ залогѣ, ни для имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Въ предѣлахъ трехлѣтняго срока редакціонная комиссія разрѣшаетъ, такимъ образомъ, спорный въ наукѣ вопросъ въ томъ смыслѣ, что Kauf bricht nicht Miete. Въ принципѣ едва-ли нужно что либо возразить противъ того разрѣшенія, которое принято редакціонной комиссіей. Однако слѣдуетъ имѣть прежде всего въ виду практическія послѣдствія. Всякій новый законъ вторгается въ дѣйствительную жизнь своимъ запретомъ или предписаніемъ, стѣсняя развитіе имущественнаго оборота и непринужденность добросовѣстныхъ договорныхъ отношеній; а вмѣстѣ съ тѣмъ подѣ охрану того же закона стремятся стать правоотношенія и сдѣлки, этой охраны не заслуживающія, или на самомъ дѣлѣ вовсе не существующія. Содержаніе, отнюдь не соотвѣтствующее требованіямъ закона, облакается въ предписанную онымъ внѣшнюю форму и такимъ образомъ подѣ защиту подводится умышленно созданная фикція. Но если на почвѣ новаго закона возникла возможность злоупотребленія, то тотъ же законъ долженъ заключать въ себѣ и способы парализовать такія злоупотребленія; въ противномъ случаѣ, вредъ можетъ превысить ожидаемую пользу.

Возможно ли признать установленный редакціонною комиссіей принципъ трехлѣтней крѣпости *всякаго* наемнаго договора справедливымъ относительно земельныхъ банковъ?

Заемщикъ земельного банка тѣмъ существенно отличается отъ обыкновеннаго должника, что его обязанность уплаты наступаетъ періодически, въ каждое полугодіе. Залогомъ своего имѣнія въ банкѣ, заемщикъ въ большинствѣ случаевъ

отчудилъ 60% стоимости своего имущества. При значительномъ облегченіи вотчиннаго кредита, который будетъ созданъ новою системою, заемщику банка будетъ въ будущемъ неизмѣримо легче исчерпать и остальные 40% этой стоимости. И вотъ такому заемщику дается возможность обезпечить себѣ пользованіе имуществомъ (чрезъ подставное лицо) на три года послѣ потери даже формальнаго права на него. Не являются ли ст. 32 вотч. устава и тѣсно связанная съ нею ст. 18 полож. о взыск. прямымъ поощреніемъ къ заключенію обезпѣчивающихъ договоровъ тѣмъ изъ заемщиковъ, которые исчерпали путемъ кредита всю стоимость своего залога? Если подобное право должника можетъ быть разорительнымъ и для обыкновеннаго залоговаго кредитора, сохраняющаго однако право обратить свое взысканіе и на другое имущество должника (ст. 98 и 102 вотч. уст.), то во сколько-же разъ это право опасно для кредитнаго учрежденія, для котораго источникомъ удовлетворенія служить только заложенное имѣніе (ст. 103 вотч. уст.)? А сверхъ того должно имѣть въ виду обязанность кредитнаго учрежденія укрѣпить за собою имѣніе, оставшееся непроданнымъ, т. е. понести издержки по укрѣпленію (ст. 274 полож. о взыск.) съ правомъ владѣнія не далѣе одного года (§ 27 устава банка). И даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда безуспѣшность продажи была прямымъ послѣдствіемъ существованія договора найма, его обязательность на 3 года прекращается для банка и его правопреемника лишь при выполненіи условій, указанныхъ въ ст. 100 и 147 полож. о вз. (ст. 274 того же полож.).

Намъ могутъ возразить, что противъ обезпѣченія имѣнія кредитору, а стало-быть и банку, даны разнообразныя способы, указанные въ ст. 34, 35, 78, 79 и 80 вотч. устава. Но нетрудно убѣдиться, что для земельного банка всѣ эти способы совершенно непригодны, ибо для банка, имѣющаго въ залогъ до восьми тысячъ имѣній и производящаго въ каждое полугодіе взысканія съ многихъ сотенъ имѣній, они невыполнимы.

Въ особенности невыполнимъ для банка важнѣйшій изъ способовъ борьбы противъ недобросовѣстности должниковъ,

указанный въ ст. 78 вотч. устава. Требовать уничтоженія обезцѣнивающихъ договоровъ банкъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ узнаетъ о существованіи такового. Но узнать объ этомъ банку неизмѣримо труднѣе нежели частному лицу. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ банкъ получить свѣдѣніе о такомъ договорѣ лишь послѣ наступленія необходимости обратиться къ понудительному взысканію по ст. 256 полож. о взыск., т. е. послѣ просрочки двухъ полугодовыхъ платежей. Огласить существованіе договора позаботится тогда самъ должникъ или его контрагентъ, въ огражденіе *своихъ правъ*, пользуясь льготой предоставляемою ему ст. 32 вотч. устава; банку же придется, на основаніи ст. 78 вотч. устава, предъявить искъ. Но судебные иски требуютъ для своего окончательнаго разрѣшенія отъ двухъ до трехъ лѣтъ. Стало-быть и благопріятное для банка рѣшеніе нисколько не предотвратитъ полнаго использованія фиктивного договора. Пока договоръ не признанъ фиктивнымъ, онъ долженъ почитаться обязательнымъ на три года, публичный же торгъ будетъ произведенъ гораздо ранѣе окончанія судебного спора. Чѣмъ недобросовѣстнѣе договоръ, тѣмъ болѣе онъ будетъ вліять на цѣну, предлагаемую на торгахъ. А такъ какъ торгъ будетъ начинаться съ полной суммы стоимости имѣнія (ст. 271 пол. о вз.), не вычитая изъ нея обезцѣнивающаго договора, то продажа въ этихъ случаяхъ никогда почти не состоится и имѣніе поступитъ во „временную“ собственность банка со всѣми ея убыточными послѣдствіями. Ст. 32 вотч. устава и связанная съ нею ст. 100 и 274 пол. о вз. не даютъ банку никакихъ реальныхъ и осуществимыхъ способовъ борьбы противъ фиктивныхъ договоровъ. Если указанная статья останутся безъ измѣненія, то фиктивные контракты размножатся до безконечности въ расчетѣ на формализмъ нашей судебной практики.

Вотъ почему кредитныя учрежденія должны быть ограждены по этому предмету особымъ правиломъ, соответствующимъ особенному положенію, создаваемому для банковъ злоупотребленіями этого рода. Правительствующій Сенатъ, какъ выше уже было указано, разъяснилъ, что врученію повѣстемъ

объ исполненіи, которое лишаетъ обыкновеннаго должника свободы заключенія договоровъ, соотвѣтствуетъ самый фактъ допущенія заемщикомъ кредитнаго учрежденія просрочки періодическаго платежа. Этимъ разъясненіемъ Правительствующій Сенатъ много способствовалъ успѣшной борьбѣ противъ фиктивныхъ договоровъ. А по правилу, вновь создаваемому проектами редакціонной комисіи, а именно, по ст. 17. Полож. о вз., собственникъ лишается права заключенія договоровъ дольше чѣмъ на годъ лишь со времени открытія производства о взысканіи. Для банковъ, по ст. 256 полож. о вз., это производство о взысканіи можетъ начинаться не раньше истеченія льготнаго срока; стало-быть заемщику банка, въ противность дѣйствовавшему до сихъ поръ правилу, предоставляется по новому закону полная свобода заключенія на три года договоровъ объ отдачѣ имѣнія въ наемъ послѣ просрочки *двухъ* полугодовыхъ платежей.

Начало производства о взысканіи, указанное какъ срокъ, съ котораго должникъ ограничивается въ своемъ правѣ относительно договоровъ, въ ст. 32 воч. уст. и въ ст. 100 и 147 полож. о вз., грозитъ, какъ изъ сказаннаго видно, значительнымъ ухудшеніемъ положенія банковъ по отношенію къ обезцѣнивающимъ договорамъ. Поправка, которая устранила бы этотъ недосмотръ, не потребовала бы однако никакихъ особенныхъ передѣлокъ въ проектахъ комисіи. Она можетъ быть сдѣлана въ видѣ примѣчанія къ ст. 17 положенія о взысканіяхъ слѣдующаго приблизительно содержанія: „Для собственника имѣнія, заложеннаго въ государственномъ, общественномъ или частномъ кредитномъ учрежденіи, ограниченіе правъ, указанное въ сей статьѣ, наступаетъ со времени пропущенія имъ срока на взносъ лежащихъ на немъ по уставу кредитнаго учрежденія повременныхъ платежей“.

Настаивая на этой поправкѣ, мы имѣемъ въ виду лишь сохраненіе того положенія, которое признано цѣлесообразнымъ и справедливымъ по отношенію къ земельнымъ банкамъ практикою, установленною Правительствующимъ Сенатомъ.

VI.

Редакціонная Коммисія сочла нужнымъ ввести для покупателей имѣній съ публичныхъ торговъ гарантію, которою они до сихъ поръ не пользовались, предоставивъ такимъ покупателямъ: „требовать въ исковомъ порядкѣ уничтоженіе продажи имѣнія, съ возвращеніемъ внесенныхъ за него денегъ, если въ проданномъ имѣніи обнаружится значительный недостатокъ земли противъ показаннаго въ описи пространства, или такое существенное несоотвѣтствіе съ содержаніемъ описи, которое, если бы было извѣстно до торга, не могло бы остаться безъ значительнаго вліянія на покупную цѣну, а также, если проданное имѣніе окажется обремененнымъ такимъ существеннымъ ограниченіемъ права собственности, которое должно было значительно вліять на покупную цѣну, но о которомъ не было до торга свѣдѣній въ производствѣ о взысканіи“ (ст. 179 Пол. о вз.).

Эта льгота покупателямъ съ публичнаго торга будетъ для кредитныхъ учрежденій источникомъ новыхъ и серьезныхъ затрудненій, въ особенности при правилѣ о трехлѣтней силѣ наемныхъ договоровъ.

Наемные договоры могутъ быть заключаемы безъ оглашенія ихъ чрезъ внесеніе въ отдѣлъ III вотчинной книги; не будучи внесены, они тѣмъ не менѣе обязательны на основаніи ст. 32 вотч. устава, и не смотря на это ст. 179 полож. о вз. даетъ покупщику право отказаться отъ покупки, если о такомъ договорѣ не было свѣдѣній въ производствѣ о взысканіи. Изъ того, что такихъ свѣдѣній „не было въ производствѣ“, еще не слѣдуетъ, конечно, что покупщикъ *не имѣлъ* этихъ свѣдѣній; тѣмъ не менѣе неимѣніе свѣдѣній въ производствѣ даетъ *каждому* покупателю право оспаривать дѣйствительность продажи. Нельзя не призадуматься, какое оружіе ст. 179, въ ея теперешней редакціи, даетъ въ руки любителямъ фантастическихъ сдѣлокъ, предназначаемыхъ для возбужденія совсѣмъ не фантастическихъ судебныхъ исковъ.

Контракты съ подставными лицами были въ большемъ ходу до сихъ поръ, несмотря на то, что законъ не давалъ

слишкомъ твердой точки опоры для спора противъ дѣйствительности публичной продажи. Они заключались собственникомъ подлежащаго продажѣ имѣнія съ фиктивнымъ контрагентомъ въ расчетѣ на формализмъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ судовъ, предъ которыми весьма трудно бываетъ опровергнуть актъ, въ виду несообразности его внутренняго содержания, коль скоро онъ съ внѣшней стороны соответствуетъ формальнымъ требованіямъ закона. Во сколько же разъ облегчены будутъ эти гражданскіе обманы, когда дана будетъ возможность недобросовѣстному должнику, съ одной стороны, обременить имѣніе, предназначенное въ публичную продажу, содержимымъ до поры до времени въ секретѣ договоромъ съ подставнымъ контрагентомъ, а затѣмъ купить имѣніе чрезъ другое подставное лицо, и вслѣдъ затѣмъ начать искъ объ уничтоженіи публичной продажи, основывая оный на ст. 179 полож. о вз., подъ предлогомъ,—неотразимымъ на этотъ разъ для отвѣтчиковъ и суда,—что о договорѣ не имѣлось до торга „свѣдѣній въ производствѣ о взысканіи“?

Какъ ни опасно вообще орудіе, создаваемое правиломъ ст. 179 пол. о вз., но для примѣненія этого правила къ случаямъ частнаго взысканія, можно еще подобрать теоретическое оправданіе въ тѣхъ строгихъ правилахъ, коими обставлена въ проектѣ Коммисіи процедура понудительнаго взысканія. Имѣніе, на которое обращено понудительное взысканіе, обязательно подвергается до торговъ описи и оцѣнкѣ и сверхъ того оно подчиняется надзору особаго хранителя, отвѣчающаго за цѣлость его состава. Этимъ какъ бы устраняется возможность рѣзкаго несоответствія между составомъ имѣнія во время продажи и описью, которая въ большинствѣ случаевъ будетъ предшествовать продажѣ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Но возможно ли и въ этомъ пунктѣ подводить кредитныя учрежденія подъ одинъ уровень съ частными взыскателями?

Прежде всего редакціонная коммисія впала здѣсь въ противорѣчіе съ ею же созданнымъ правиломъ, по которому опись имѣнія, продаваемаго по взысканію банка, составляетъ лишь въ томъ случаѣ, если этого требуетъ банкъ (ст. 261

полож. о вз.), а въ противномъ случаѣ продажа производится на основаніи описи, по которой имѣніе принято въ залогъ (ст. 256 и 271 того же положенія). Освобожденіе банковъ отъ составленія новой описи передъ публичною продажей имѣнія есть какъ бы одно изъ тѣхъ немногихъ особенныхъ правъ банка, котораго и редакціонная коммисія не рѣшилась уничтожить, принявъ во вниманіе особенныя условія, при которыхъ банку приходится производить свои взысканія. Но распространивъ на банки дѣйствіе ст. 179 полож. о взыск., ред. коммисія превратила указанную прерогативу въ ничто и сама указываетъ на это въ своихъ разсужденіяхъ подъ тою же якобы льготною ст. 261 полож. о вз., замѣчая, что „право покупателя потребовать уничтоженіе продажи, побудить банки позаботиться, чтобы имѣніе продавалось по вѣрной описи“. Опись, по которой имѣніе поступило въ залогъ, и которая по ст.ст. 256, 261 и 271 полож. о взыск. одна только обязательна для публичной продажи по взысканіямъ банковъ, будетъ предшествовать публичной продажѣ не на мѣсяцы, а на годы, иногда же и на десятки лѣтъ. Банкъ лишенъ возможности продѣлать индивидуально по каждому просроченному имѣнію все то, что предоставлено ст.ст. 37—80 пол. о вз. частному и единичному взыскателю, въ видахъ охраненія цѣлости имѣній. Опытъ показалъ, что должникъ банка *всегда* стремится оголить до послѣдней возможности имѣніе, которое онъ не можетъ за собою сохранить. Въ этихъ случаяхъ въ продажу поступаетъ не хозяйственное цѣлое съ инвентаремъ, показаннымъ въ описи при залогѣ, и послужившимъ основаніемъ къ опредѣленію доходности, а лишь то, что физически невозможно было оттуда убрать; словомъ продается не имѣніе, а голая земля. Въ виду этого едва ли возможно распространить на банки дѣйствіе ст. 179 пол. о взыск., не принявъ во вниманіе, что тутъ представляется одно изъ двухъ: либо такое распространеніе необходимо,—тогда банки должны быть подчинены и дѣйствію ст.ст. 37—69 пол. о вз. объ обязательной описи и оцѣнкѣ; либо банкамъ нельзя не предоставить льготы, указанной въ ст. 261,—въ такомъ случаѣ они должны

быть освобождены от дѣйствія ст. 179. Но дать банкамъ эту льготу и въ то же время „побуждать“ ихъ „заботиться“ чтобы имѣнiе продавалось по вѣрной описи“ чрезъ примѣненiе къ нимъ ст. 179 пол. о вз.—такой способъ не подobaетъ закону, ибо законъ не можетъ отнимать одною рукою того, что онъ даруетъ другою. Банкѣ не можетъ рисковать подпасть подъ дѣйствiе ст. 179 и допускать продажу на основанiи описи, составленной самимъ банкомъ, коль скоро по отношенiю къ нему не исключено будетъ примѣненiе ст. 179 Пол. о вз., ибо значительное несоотвѣтствiе между этою описью и состоянiемъ имущества предъ продажею *неизбѣжно*, а потому неизбѣженъ будетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ и искъ къ банку объ уничтоженiи продажи. А если такъ, то банки должны будутъ *всегда* требовать описи и оцѣнки при возбужденiи ими производства о взысканiи. Предоставляемая имъ ст. 261 Пол. о вз. льгота окажется, при такой постановкѣ дѣла, изъятiемъ болѣе опаснымъ, чѣмъ подчиненiе общему правилу о производствѣ описи и оцѣнки.

Скажутъ, быть-можетъ, что искъ въ предѣлахъ, указанныхъ ст. 179 Пол. о вз., не опасенъ, такъ какъ о вознагражденiи убытковъ требованiя быть не можетъ, и послѣдствiя неблагоприятнаго исхода для банка судебного спора сводятся къ возврату полученныхъ банкомъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи, и къ возвращенiю заложеннаго имѣнiя въ юридическое положенiе, существовавшее до продажи. Но, если всмотрѣться ближе въ искъ, создаваемый ст. 179 Полож. о вз., то окажется, что въ теперешней редакцiи статья эта представитъ крупный соблазнъ для даровой и значительной наживы на счетъ банка, а потому нельзя сомнѣваться въ многочисленности такихъ исковъ. Главный соблазнъ здѣсь будетъ заключаться въ огромной вѣроятности выигрыша процесса вслѣдствiе несоотвѣтствiя описи дѣйствительному состоянiю имѣнiя, или же вслѣдствiе обременяющихъ имѣнiе договоровъ. А выиграть судебное дѣло противъ банка будетъ всегда выгодно, хотя бы уничтоженiе продажи и возвратъ внесенныхъ за покупку денегъ никакого особеннаго интереса не представляли.

Въ самомъ дѣлѣ: искъ этотъ будетъ искомъ объ уничтоженіи крѣпостного акта на недвижимое имущество; онъ будетъ подсуденъ суду по мѣсту нахождения имѣнія (ст. 212 Уст. Гр. Суд.), а цѣну иска будетъ устанавливать истецъ, и притомъ не ниже цѣны имѣнія (ст. ст. 272—274 Уст. Гр. Суд.). Дѣйствительный денежный интересъ (возвратъ внесенныхъ денегъ) можетъ простираться на небольшую сумму, но судебныя издержки и вознагражденіе за веденіе дѣла упадутъ на банкъ съ суммы стоимости всего имѣнія.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, мы полагаемъ, что ст. 179 Пол. о взыска. не можетъ быть примѣняема къ случаямъ публичной продажи заложенныхъ въ земельныхъ банкахъ имѣній, что и могло бы быть выражено въ примѣчаніи къ этой статьѣ.

Еслибы однако сочтено было невозможнымъ изъять банковскія взысканія отъ дѣйствія ст. 179 Полож. о взыска., то простая справедливость требуетъ, чтобы статья эта была снабжена примѣчаніемъ о томъ: 1) что иски, основанные на оной, направленные противъ кредитныхъ учреждений, должны быть предъявляемы въ мѣстѣ нахождения правленій банковъ, 2) что цѣна такихъ исковъ не можетъ быть выше суммы внесенныхъ покупщикомъ денегъ и 3) что отвѣтчикъ-банкъ лишь въ томъ случаѣ несетъ судебныя по дѣлу расходы, если онъ вступитъ въ споръ по существу дѣла.

VI.

Какъ ни обширны возраженія противъ проектовъ вотчинной реформы, изложенныя въ настоящихъ замѣткахъ, ими, однако, далеко не исчерпывается все то, что можно сказать не только противъ проектированной системы регистраціи вотчинныхъ правъ вообще, но и противъ тѣхъ частей ея, которыя ближе всего затрогиваютъ права учреждений долгосрочнаго ипотечнаго кредита. Вполнѣ сознавая отрывочность этихъ замѣчаній и отсутствіе въ нихъ научной цѣльности, а, пожалуй, и объективности, мы сочли однако не лишнимъ представить ихъ на судъ болѣе обширнаго круга читателей исключительно въ виду

того, что текущая юридическая литература не дала ни одной болѣе систематической работы по предмету критики столь важнаго законопроекта.

Но признавая путь канцелярскаго обсужденія крайне непригоднымъ для столь важнаго и обширнаго законопроекта, мы настоящихъ замѣчаній опасаемся, что и ихъ можетъ постигнуть та же судьба.

Посвятивши не мало труда разбору проектовъ, намъ, конечно, было бы желательно выслушать компетентное возраженіе противъ поправокъ и компромиссовъ, которыя могли быть намѣчены лишь въ общихъ чертахъ. Непосредственный обмѣнъ мыслей особенно необходимъ здѣсь въ виду того, что указанные компромиссы, въ случаѣ ихъ принятія, должны бы повести къ соотвѣтствующему измѣненію редакціи многихъ статей проекта вотчиннаго устава, и въ особенности проекта положенія о взысканіяхъ.

Одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Редакціонной Коммисіи Л. В. Гантоверъ помѣстилъ въ газетѣ „Право“ отъ 20 декабря п. г. статью, посвященную общему вопросу о введеніи ипотечной системы. Въ этой статьѣ г. Гантоверъ между прочимъ удостовѣряетъ, что труды Коммисіи были еще въ 1892 г. разосланы во всѣ судебныя установленія и во всѣ земельныя банки Имперіи для доставленія замѣчаній. „Систематизированныя и отпечатанныя“, говоритъ далѣе г. Гантоверъ, „эти замѣчанія были подробно разсмотрѣны Коммисіей и приняты въ соображеніе при установленіи въ 1896 г. окончательной редакціи проектовъ, поступившихъ тогда же въ продажу и сдѣлавшихся такимъ образомъ доступными всѣмъ юристамъ“. По поводу этого заявленія г. Гантовера мы недоумѣваемъ прежде всего потому, что проекты Редакціонной Коммисіи, по крайней мѣрѣ, тѣ, по поводу которыхъ представлены были замѣчанія отъ имени земельныхъ банковъ, появились въ печати въ 1893 году, и тогда же поступили въ продажу. Новое изданіе 1896 г. „окончательной“ редакціи проектовъ намъ неизвѣстно и въ продажу не поступило. Замѣчанія земельныхъ банковъ представлены министерству финансовъ лишь въ началѣ 1898 г.,

а вновь переработанные проекты въ изданіи 1896 года, смѣемъ увѣрить г. Гантовера, остались до сихъ поръ вполнѣ недоступными юристамъ, ибо мы тщетно старались добыть экземпляръ изданія 1896 г., когда въ ноябрѣ 1898 г. впервые узнали о существованіи такового.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что во время „окончательной“ разработки своего проекта Редакціонная Коммисія не могла еще ознакомиться съ изложенными выше замѣчаниями со стороны земельныхъ банковъ. Г. Гантоверъ, съ своей стороны, также не упомянулъ о нихъ ни однимъ словомъ въ своей статьѣ, хотя трудно допустить, чтобы и ему они были неизвѣстны.

Если же г. Гантоверъ не счелъ нужнымъ высказаться по поводу точно формулированныхъ возраженій и предложеній земельныхъ банковъ, то мы еще менѣе понимаемъ, какая могла быть надобность серьезно убѣждать кого бы то ни было въ пользѣ упорядоченія нашей системы укрѣпленія вотчинныхъ правъ, и въ необходимости замѣны устарѣвшаго, тяжело-вѣснаго, слишкомъ дорогаго и медленнаго способа утилизаціи кредита, основаннаго на недвижимой собственности,—способомъ *единственно* соотвѣтствующимъ современному развитію гражданскаго оборота и особенностямъ этого кредита, какимъ онъ сложился у насъ преимущественно, а именно въ формѣ долгосрочнаго кредита, оказываемаго государственными, общественными и частными банками. Спорить противъ необходимости и важности измѣненія юридической основы этого кредита въ матеріальномъ и процессуальномъ отношеніи,—все равно, что спорить о преимуществахъ дореформеннаго судопроизводства передъ теперешнимъ производствомъ гражданскаго процесса, или доказывать, что донинѣ дѣйствующій у насъ гражданскій кодексъ, то есть: 1 часть X тома свода законовъ, вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ нашей „самобытности“ и не нуждается ни въ какой научной переработкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ средѣ Гоголевскихъ представителей стараго режима, насколько они остались въ живыхъ, еще можно услышать сожалѣнія о прелестяхъ поѣздокъ въ тарантасѣ на ближайшую ярмарку или въ „губернію“. Поѣздки

для совершенія „купчей“ и „закладной“ во многомъ сходны съ указанными патріархальными путешествіями „на долгихъ“; но сѣтовать противъ замѣны крѣпостныхъ актовъ записями въ вотчинной книгѣ, могутъ только тѣ, кто предпочитаетъ грунтовья дороги рельсовому пути. Но противъ такихъ взглядовъ возможно ли и стоитъ-ли спорить?

Стоило ли въ особенности вступать серьезно въ такой споръ послѣ того, какъ вопросъ о вотчинной реформѣ восемнадцать лѣтъ тому назадъ получилъ уже свое принципиальное разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ?

М. Гольденвейзеръ.

VI.

О ВЫЗОВѢ СВИДѢТЕЛЕЙ ПО ЗАКОНУ 18 МАРТА 1896 Г.

Высочайше утвержденнымъ 18 марта 1896 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта существенно измѣнены постановленія устава угол. судопр., опредѣляющія права подсудимыхъ на вызовъ свидѣтелей къ судебному слѣдствію. Отмѣнена ст. 574, въ силу которой свидѣтели, допрошенные во время производства предварительнаго слѣдствія, по ходатайству подсудимаго, обязательно вызывались предсѣдателемъ суда, за исключеніемъ случаевъ, въ законѣ опредѣленныхъ. Ст. 575 измѣнена въ томъ смыслѣ, что ходатайства подсудимыхъ о вызовѣ свидѣтелей, не только недопрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, но и допрошенныхъ, обсуждаются судомъ, который при этомъ принимаетъ въ соображеніе уже не „основательность представляемыхъ къ тому причинъ и важность обстоятельствъ, подлежащихъ разясненію“, а единственно то, „могутъ-ли имѣть значеніе для дѣла обстоятельства, подлежащія разясненію показаніями этихъ свидѣтелей“. Объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей составляетъ опредѣленіе, съ изложеніемъ основаній отказа.

При примѣненіи этого закона практика столкнулась съ вопросомъ, насколько сохранили свое значеніе разясненія Правительствующаго Сената статьи 575 въ прежней ея редакціи и, главнымъ образомъ, находящейся съ нею въ связи ст. 576 уст. угол. суд. На разсмотрѣніи и посылномъ разрѣшеніи этого вопроса мы и остановимся.

I.

При составленіи устава угол. суд., рѣшающее вліяніе на созданіе постановленій о вызовѣ свидѣтелей во время приговорительныхъ къ суду распоряженій оказалъ взглядъ составителей на значеніе прокурорскаго надзора. Они исходили изъ той мысли, что цѣль дѣйствій прокурора есть раскрытіе истины, почему онъ не долженъ представлять дѣло въ одностороннемъ видѣ и обязанъ требовать къ судебному слѣдствію всѣхъ свидѣтелей, которыхъ показанія могутъ служить къ раскрытію истины, а не тѣхъ исключительно, свидѣтельствомъ которыхъ подкрѣпляется обвиненіе. Въ виду этого подсудимому предполагалось предоставить право дополнять списокъ свидѣтелей, требуемыхъ прокуроромъ къ судебному слѣдствію, только ради желанія устранить всякій поводъ къ сомнѣнію въ одностороннемъ направленіи дѣла. вмѣстѣ съ тѣмъ было высказано предположеніе, что прокуроръ, какъ блюститель закона и общественныхъ интересовъ, не станеть требовать свидѣтелей по обстоятельствамъ побочнымъ или не идущимъ къ предмету обвиненія, тогда какъ отъ подсудимыхъ возможно ожидать злоупотребленій правомъ вызова въ судъ свидѣтелей, если это право будетъ ничѣмъ не ограничено. По этимъ соображеніямъ коммисія предположила не ограничивать права прокурора на вызовъ свидѣтелей во время приговорительныхъ къ суду распоряженій. Права-же подсудимаго предполагалось не ограничивать только въ отношеніи вызова свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи. Коммисія, по всей вѣроятности, при этомъ исходила изъ мысли, что показанія такихъ свидѣтелей всегда имѣютъ существенное для дѣла значеніе. Что-же касается до остальныхъ свидѣтелей, то вызовъ ихъ подсудимымъ предполагалось допустить при наличности извѣстныхъ условій, вошедшихъ впоследствии въ текстъ 575 ст. уст. угол. суд. 20 ноября 1864 года. Однако это начало не было проведено послѣдовательно. Коммисія, *не ставя никакихъ ограничительныхъ условій*, признала справедливымъ предоставить подсудимому право просить судъ о вызовѣ свидѣтелей на его счетъ или о предоставленіи ему пригласить ихъ отъ себя, каковое предположеніе коммисіи вошло въ текстъ ст. 576 ¹⁾.

Первоначально и кассационная практика не ограничивала подсудимаго въ его правѣ просить о вызовѣ свидѣтелей на его счетъ

¹⁾ См. объяснит. записку къ уст. угол. суд., стр. 286—288.

или о предоставленіи ему пригласить ихъ отъ себя (рѣш. угол. кас. д-та 1868 г. № 342; 1873 г. №№ 292 и 695; 1874 г. № 51 и 334). Но затѣмъ въ рѣшеніи 1878 г. № 34 по дѣлу Засуличъ Правительствующій Сенатъ создалъ цѣлую теорію относительно примѣненія ст. ст. 575 и 576 уст. угол. суд. Сенатъ раздѣлилъ свидѣтелей, о вызовѣ которыхъ ходатайствуетъ подсудимый, на три категоріи: свидѣтелей, имѣющихъ существенное для дѣла значеніе, свидѣтелей, показанія коихъ несущественны, но имѣютъ отношеніе къ дѣлу,—наконецъ, свидѣтелей, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу. Первыхъ судъ обязанъ вызвать по 575 ст. на счетъ казны. Вторые могутъ быть вызваны или приглашены по ст. 576. Свидѣтелей-же, никакого отношенія къ дѣлу неимѣющихъ, судъ не имѣетъ права ни вызвать по ст. 575, ни допускать въ отношеніи ихъ примѣненія ст. 576. Это толкованіе Правительствующаго Сената встрѣтило въ нашей литературѣ защиту со стороны покойнаго К. А. Анциферова, который находилъ, что кассаціонное рѣшеніе по дѣлу Засуличъ исполнѣе согласно съ основными началами нашего угол. процесса. По мнѣнію Анциферова, „судебное слѣдствіе у насъ не имѣетъ той самостоятельности, которая принадлежитъ слѣдствію процесса обвинительнаго. Оно есть только повѣрка слѣдствія предварительнаго, почему дополненіе дѣла новыми данными, не бывшими предметомъ изслѣдованія на предварительномъ слѣдствіи, вообще не должно имѣть мѣста, а если и допустимо, то въ наименьшемъ числѣ случаевъ; здѣсь, очевидно, выступаетъ чисто слѣдственное начало нашего процесса“.

„Подъ влияніемъ такой постановки предварительнаго слѣдствія создана ст. 574, признающая за подсудимымъ неотъемлемое право требовать вызова на судъ всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, которые были спрошены на предварительномъ слѣдствіи“. Статья-же 575 создана подъ влияніемъ той-же идеи объ ограниченіи права подсудимаго требовать новыхъ свидѣтелей. Оба условія, поставленныя 575 ст. для вызова свидѣтелей на счетъ казны—*основательность* причинъ домогательства и *важность* обстоятельствъ, подлежащихъ разясненію,—„рекомендуютъ суду весьма глубокое проникновеніе въ существо домогательства подсудимаго“. „И это исполнѣе согласуется съ основною идеею ограниченія правъ подсудимаго“.

„Здѣсь, прежде чѣмъ войти въ обсужденіе важности обстоятельствъ, подлежащихъ разясненію, предписывается обсудить еще самую причину домогательства подсудимаго“. „Если свидѣтель не спрошенъ на предварительномъ слѣдствіи,—то естественно остановиться

на вопросъ о причинѣ этого“. „Въ числѣ такихъ причинъ, безспорно, можетъ быть и то, что показаніе свидѣтеля не относится къ предмету дѣла“. „За разрѣшеніемъ вопроса о причинѣ, слѣдуетъ разрѣшеніе вопроса о *важности* обстоятельствъ“. „Уже изъ буквального выраженія закона легко видѣть, что здѣсь подразумѣвается предварительное разрѣшеніе вопроса объ относимости этихъ обстоятельствъ къ дѣлу“. „Ст. 575 имѣетъ принципиальное значеніе, связанное со всею системою нашего процесса и обусловленное идеею объ ограниченіи самаго *права* подсудимаго на вызовъ новыхъ свидѣтелей“. „Отсюда и истолкованіе 576 ст. должно получить то направленіе, которое ставитъ ее въ соотвѣтствіе съ основнымъ закономъ, въ ст. 575 изображеннымъ“. „Признавать, что снисходительность законодателя простирается до предоставленія подсудимому права поставить на судъ свидѣтелей, показанія которыхъ, по убѣжденію суда, даже не относятся къ дѣлу, значитъ отвернуться отъ существующей теоріи законодателя, значитъ забыть о коренныхъ началахъ нашего процесса и совершенно уничтожить смыслъ основнаго закона объ ограниченіи *правъ* подсудимаго“ ¹⁾).

Эти соображенія г. Анциферова, какъ и рѣшеніе Правительствующаго Сената по д. Засуличъ, вызвали вѣскія возраженія со стороны В. Д. Спасовича ²⁾, А. К. Вульфберта ³⁾ и В. П. Даневскаго ⁴⁾. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе основательности доводовъ, приведенныхъ г. Анциферовымъ въ подкрѣпленіе Сенатскаго рѣшенія по д. Засуличъ. Допустимъ даже, что они правильны. Въ настоящее время для насъ важно то, могутъ ли имѣть приведенныя соображенія г. Анциферова значеніе при измѣненіи закономъ 18 марта 1896 г. правилъ о вызовѣ свидѣтелей во время приговорительныхъ къ суду распоряженій,—пелъзя-ли и теперь исходить изъ мысли, что постановленія закона о вызовѣ свидѣтелей по ходатайству подсудимаго должны быть толкуемы въ ограниченномъ смыслѣ?

Мы уже видѣли, что ст. ст. 573—576 уст. угол. суд. 20 ноября

¹⁾ К. Д. Анциферовъ. Законъ и практика по вызову на судъ новыхъ свидѣтелей въ интересахъ подсудимаго. Журналъ гражд. и угол. права 1882 г. кн. VIII. Сборникъ статей Анциферова, 1898. изданіе Слб. юридическаго общества, стр. 463—471.

²⁾ Сочиненія, т. III стр. 339—357.

³⁾ Юридическій Вѣстникъ 1884 г. № 1, стр. 119—128.

⁴⁾ Приговорительныя къ суду распоряженія, стр. 50—57.

1864 г. были созданы подъ влияніемъ особаго взгляда составителей судебныхъ уставовъ на прокуратуру. Оправдались-ли эти предположенія, — вызывалъ-ли прокурорскій надзоръ свидѣтелей, руководствуясь только стремленіемъ раскрыть истину, а не исключительно интересами обвиненія, не требовалъ-ли онъ свидѣтелей „по обстоятельствамъ побочнымъ или не идущимъ къ предмету обвиненія“? „Мы желали-бы знать, спрашивалъ еще въ 1870 г. — въ первое время по введеніи реформы — К. К. Арсеньевъ, воспользовался-ли ктонибудь изъ нашихъ обвинителей, хотя одинъ разъ, правомъ, предоставленнымъ ему ст. 573, для того, чтобы вызвать новаго свидѣтеля или эксперта, благопріятнаго для защиты“¹⁾? Этотъ вопросъ съ полнымъ правомъ можно поставить и теперь. Да нельзя и не согласиться съ г. Арсеньевымъ въ томъ отношеніи, что если бы дѣятельность прокурорскаго надзора соотвѣтствовала идеалу, начертанному составителями уставовъ, то и нельзя было-бы возражать противъ постановленій, заключающихся въ ст. 573—575. Но дѣло въ томъ, что она ему не соотвѣтствуетъ, да и не можетъ соотвѣтствовать. Какъ только обвиненіе установилось въ формѣ обвинительнаго акта, какъ только прокурорская власть высказалась за необходимость преслѣдовать обвиняемаго, какъ только обвиняемый сдѣлался подсудимымъ и получилъ возможность пользоваться помощью защитника, — прокуроръ, по неотразимой силѣ вещей, становится *обвинителемъ, стороною*, предоставляет подсудимому и его защитнику заботиться о дополненіи дѣла въ смыслѣ защиты и старается самъ только о дополненіи его въ смыслѣ обвиненія²⁾. Точно также не осуществилось и другое предположеніе составителей судебныхъ уставовъ. Министерству Юстиціи пришлось разъяснить лицамъ прокурорскаго надзора, чтобы они при составленіи, на основаніи 521 и 573 ст. уст. угол. суд., списковъ свидѣтелей, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію, пользовались выраженнымъ въ помянутыхъ статьяхъ правомъ съ крайнею осторожностью, внося въ списокъ свидѣтелей лишь тѣхъ лицъ, показанія коихъ имѣютъ болѣе или менѣе существенное при разрѣшеніи дѣла значеніе, такъ какъ на практикѣ обнаружилось, что нѣкоторые лица прокурорскаго надзора вызываютъ такихъ свидѣтелей, которыхъ на судебномъ слѣдствіи приходится оставлять безъ допроса³⁾.

¹⁾ Преданіе суду, стр. 165.

²⁾ Тамъ же, стр. 164—165.

³⁾ Циркуляръ 10 января 1877 г. № 261.

При такомъ направленіи нашей практики, не оправдавшемъ ожиданій, высказанныхъ при составленіи уст. угол. суд., съ теченіемъ времени, естественно, долженъ былъ возникнуть вопросъ объ измѣненіи закона о вызовѣ свидѣтелей къ судебному слѣдствію. Это измѣненіе должно было идти въ двоякомъ направленіи. Разъ прокуратура не оказывала, да и не могла оказывать, по самому существу своей дѣятельности, содѣйствія подсудимому въ вызовѣ полезныхъ для защиты свидѣтелей, являлась необходимостью измѣнить законъ въ смыслѣ расширенія правъ подсудимаго по вызову свидѣтелей. Съ другой стороны, въ виду обнаружившихся на практикѣ неосмотрительныхъ вызововъ свидѣтелей прокурорскимъ надзоромъ, оказывалось нелишнимъ нѣсколько ограничить права обвинительной власти по вызову свидѣтелей, поставивъ и ея требованія подъ нѣкоторый контроль суда, т. е. установить извѣстную равноправность между обвиненіемъ и защитой. Однако законодательство наше не коснулось правъ прокурорской власти, а исключительно остановилось на опредѣленіи правъ подсудимаго по вызову свидѣтелей. Министерство Юстиціи прежде всего обратило вниманіе на то обстоятельство, что по условіямъ нашего предварительнаго слѣдствія оказывается, что допросъ судебнымъ слѣдователемъ того или другого лица, въ качествѣ свидѣтеля, отнюдь не служитъ ручательствомъ важности показанія сего лица, что въ числѣ допрошенныхъ судебнымъ слѣдователемъ всегда могутъ быть лица, показанія коихъ не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію суда. Обязательный вызовъ такихъ неимѣющихъ отношенія къ дѣлу свидѣтелей усложняетъ работу суда, препятствуетъ присяжнымъ засѣдателямъ сосредоточить свое вниманіе всецѣло на существенныхъ сторонахъ дѣла и тѣмъ самымъ невыгодно отражается на правильности ихъ сужденія. Въ виду этого Министръ Юстиціи полагалъ ст. 574 отмѣнить и подчинить вызовъ свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, дѣйствию ст. 575 ¹⁾.

Обращаясь-же къ ст. 575, Министръ Юстиціи нашель, что „по тексту ея судъ, разрѣшая домогательство о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, обязывается принимать при этомъ въ соображеніе основательность представляемыхъ къ тому причинъ и важность об-

¹⁾ Представленіе Министра Юстиціи въ Государственный Совѣтъ 28 декабря 1895 г. № 35972, стр. 2—3.

стоятельствъ, подлежащихъ разъясненію. Недостаточная опредѣлительность перваго изъ этихъ двухъ условий, а также возможность противопоставить ихъ одно другому породили недоразумѣнія на практикѣ. Последнія не были устранены и Правит. Сенатомъ, разъясненія котораго, напротивъ, приводятъ къ заключенію, что судъ, не отрицая важности для дѣла обстоятельствъ, въ подтвержденіе коихъ выставляются свидѣтели, тѣмъ не менѣе въ правѣ, на основаніи 575 ст., отказать въ вызовѣ ихъ, если считаетъ неосновательными причины, по которымъ проситель не указалъ прежде на этихъ свидѣтелей. Такое положеніе едва-ли можетъ быть признано соответствующимъ требованіямъ справедливости. Коль скоро обстоятельства, которыя имѣетъ удостовѣрить свидѣтель, дѣйствительно представляютъ важность для правильнаго рѣшенія дѣла, едва-ли возможно отказывать въ его вызовѣ на томъ только основаніи, что ходатайство о семъ могло быть заявлено во время предварительнаго слѣдствія, какъ бы ни были мало основательны причины, по которымъ ссылка на свидѣтеля не сдѣлана заблаговременно¹⁾. По этимъ основаніямъ Министръ Юстиціи полагалъ изъ ст. 575 исключить выраженіе „основательность представляемыхъ къ тому причинъ“²⁾. Эти соображенія раздѣлили и Государственный Совѣтъ.

Изъ приведенныхъ нами подробно законодательныхъ мотивовъ ясно видно, что съ изданіемъ закона 18 марта 1896 г. утвержденіе, подобное приведенному выше мнѣнію г. Анциферова, о томъ, что наше судебное слѣдствіе является только повѣркой слѣдствія предварительнаго, еще болѣе потеряло свое значеніе. Противъ мнѣнія г. Анциферова вообще можно было высказать, что то, что онъ утверждаетъ, было только предположеніемъ при обсужденіи основныхъ положеній реформы, отвергнутомъ при дальнѣйшихъ работахъ по составленію судебныхъ уставовъ. Судебному слѣдствію у насъ данъ болѣе широкій объемъ³⁾. Теперь-же, разъ законодательство стремится къ расширенію правъ подсудимаго и ставитъ подъ одинаковыя условія вызовъ допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи и новыхъ свидѣтелей, не выдвигая такимъ образомъ на первый планъ повѣрку слѣдствія предварительнаго, ограничительное толкованіе ст. 575 и 576—допущен-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 4.

²⁾ Тамъ-же, стр. 4.

³⁾ См. И. Я. Фойницкій, курсъ угол. суд. т. II, стр. 457 по изд. 1899 г.

ніе новыхъ данныхъ въ наименьшемъ числѣ случаевъ—вполнѣ противорѣчило-бы намѣренію законодателя. Стремленіе расширить права подсудимаго и оградить его интересы еще болѣе выразилось при размогрѣніи представленія Министра Юстиціи въ Государственномъ Совѣтѣ. „Для правильнаго отправленія правосудія, разсуждалъ Государственный Совѣтъ, необходимо, чтобы участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ были предоставлены всѣ законныя средства къ ихъ защитѣ. Поэтому отказъ въ вызовѣ свидѣтелей, показанія которыхъ хотя и могли бы имѣть значеніе для разъясненія дѣла, но представляются, по мнѣнію суда, несущественными, въ значительной мѣрѣ и безъ дѣйствительной въ томъ надобности стѣснилъ бы эту защиту. Вслѣдствіе сего департаменты, озабочиваясь огражденіемъ интересовъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, признаютъ соответственнымъ, въ измѣненіе предположенной Министерствомъ Юстиціи редакціи 575 ст. уст. угол. суд., постановить, что судъ, при разрѣшеніи ходатайствъ о вызовѣ свидѣтелей, принимаетъ въ соображеніе, могутъ-ли имѣть значеніе для дѣла обстоятельства, подлежація разъясненію“ ¹⁾). Въ такой редакціи ст. 575 Высочайше утверждена.

Въ виду столь ясно выраженной заботливости законодателя къ интересамъ подсудимаго, невозможно уже говорить о проведеніи нашимъ законодательствомъ идеи ограниченія правъ подсудимаго. Въ настоящее время, при примѣненіи 575 ст., въ новой ея редакціи, судъ долженъ только обсудить, имѣютъ-ли значеніе для дѣла, т. е. относятся ли къ дѣлу тѣ обстоятельства, о которыхъ имѣютъ показывать просимые свидѣтели. Вся прежняя Сенатская теорія о существенности или несущественности для дѣла показанія свидѣтеля падаетъ. Она стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ буквальнымъ текстомъ закона и особенно съ соображеніями, высказанными Государственнымъ Совѣтомъ при обсужденіи его. Если судъ признаетъ, что показаніе свидѣтеля относится къ дѣлу, онъ долженъ вызвать свидѣтеля на счетъ казны ²⁾). При противномъ-

¹⁾ Журналъ Госуд. Совѣта 5 февраля 1896 г. № 33, стр. 2.

²⁾ Съ отмѣною 574 ст. въ судебной практикѣ можетъ обнаружиться одно нежелательное явленіе. Суды, обсуждая вопросъ, имѣетъ ли значеніе для дѣла показаніе свидѣтеля, допрошеннаго на предварительномъ слѣдствіи, будутъ при этомъ обращать вниманіе на показаніе, занесенное въ протоколъ судебного слѣдователя, и съ нимъ сообразовать разрѣшеніе вопроса. Такой приѣмъ можетъ повести къ невыгоднымъ для подсудимаго послѣдствіямъ. Очень часто свидѣтели

же заключеніи, судъ, по ходатайству подсудимаго, заявленному въ установленный закономъ срокъ, долженъ вызвать свидѣтеля на счетъ подсудимаго или предоставить послѣднему пригласить отъ себя. Признавать сохранившими свою силу разъясненія Сената о томъ, что по 576 ст. могутъ быть вызваны лишь свидѣтели, показанія коихъ хотя и несущественны, но относятся къ дѣлу, значить фактически отмѣнить 576 ст., такъ какъ теперь и несущественные свидѣтели, показанія коихъ лишь относятся къ дѣлу, должны быть вызываемы по 575 ст. на счетъ казны. Слѣдовательно, въ виду измѣненія ст. 575, судъ долженъ удовлетворять домогательства подсудимыхъ, заявленные по 576 ст., даже и въ томъ случаѣ, если показанія просимыхъ свидѣтелей, по мнѣнію суда, не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу.

II.

Широкое право подсудимаго на вызовъ свидѣтелей къ судебному слѣдствію важно какъ для интересовъ самого подсудимаго, такъ особенно и въ томъ отношеніи, что оно даетъ обществу большую увѣренность въ справедливости судебныхъ приговоровъ. Но здѣсь выступаетъ другой не менѣе важный интересъ. Подсудимый, пользуясь своимъ правомъ, можетъ представлять такихъ свидѣтелей, которые своими показаніями будутъ только затемнять дѣло, задерживать безцѣльно ходъ судебного разбирательства и отвлекать вниманіе суда отъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла. Судъ долженъ сосредоточивать свое вниманіе лишь на тѣхъ обстоятельствахъ, рассмотрѣніе которыхъ необходимо для разрѣшенія вопроса о виновности и о примѣненіи къ виновному наказанія. Возникаетъ вслѣдствіе этого задача согласовать широкія права подсудимаго на вызовъ свидѣтелей къ судебному слѣдствію съ извѣстными предѣлами судебного разбирательства.

Прежде чѣмъ перейти къ разрѣшенію ея по нашему законода-

на предварительномъ слѣдствіи уклоняются отъ показанія, тогда какъ на судѣ послѣ принятія присяги даютъ подробныя и важныя показанія. Поэтому было бы болѣе правильнымъ, если бы суды не придавали рѣшающаго значенія протоколамъ предварительнаго слѣдствія, а обращали вниманіе исключительно на тѣ обстоятельства, которыя приводятся въ прошеніи подсудимаго. Въ противномъ-же случаѣ судъ можетъ отказать въ вызовѣ такого свидѣтеля, который на судѣ можетъ дать цѣнныя для защиты показанія. Въ этомъ смыслѣ высказаны соображенія и въ представленіи Министра Юстиціи въ Госуд. Совѣтъ (стр. 5).

тельству, мы остановимся нѣсколько на относящихся къ интересующему насъ вопросу постановленіяхъ германскаго устава уголовного судопроизводства. По этому уставу, прокурорскій надзоръ имѣетъ право вызывать непосредственно свидѣтелей (§ 221 ч. 1). Подсудимый же долженъ заявить предсѣдателю суда свое требованіе о вызовѣ свидѣтелей съ объясненіемъ тѣхъ фактовъ, которые желаетъ доказать (§ 218). Предсѣдатель обсуждаетъ ходатайство единственно по своему свободному, согласному съ долгомъ, усмотрѣнію. Онъ оцѣниваетъ важность указываемаго обстоятельства и качество названныхъ свидѣтелей, опредѣляетъ, можетъ ли допросъ ихъ оказать вліяніе на рѣшеніе ¹⁾). Подсудимый можетъ, въ случаѣ отклоненія его ходатайства, или даже и не обращаясь къ предсѣдателю, произвести вызовъ непосредственно черезъ судебного пристава; въ такомъ случаѣ онъ не только обязанъ принять на себя издержки вызова, но и представить вызываемому лицу въ наличности слѣдующее ему по закону вознагражденіе на путевые расходы и трату времени, или же представить ему удостовѣреніе, что оно внесено секретарю суда, причемъ обвиняемый можетъ надѣяться на принятіе, впоследствии, уплаты законнаго вознагражденія на счетъ казны въ виду признанія судомъ значенія показанія свидѣтеля для разъясненія дѣла (§ 219). Подсудимый можетъ и безъ посредства судебного пристава войти въ соглашеніе со свидѣтелемъ и представить его въ засѣданіе (§ 221 ч. 1). Наконецъ, подсудимый можетъ обратиться съ ходатайствомъ о вызовѣ свидѣтеля къ прокурору ²⁾). При составленіи проекта уст. угол. судимълось въ виду опредѣлить указанными правилами лишь *порядокъ доставленія* доказательствъ, предоставляя, во время судебного разбирательства, опредѣленіе объема разсмотрѣнія доставленныхъ доказательствъ усмотрѣнію суда ³⁾). „Объемъ разсмотрѣнія доказательствъ“, было установлено въ § 207 проекта, соотвѣтствующемъ § 244 закона, „опредѣляетъ судъ, не будучи при этомъ связанъ заявленными ходатайствами, отказами или предшествовавшими опредѣленіями“. Въ этомъ постановленіи проектъ видѣлъ коррективъ противъ предоставленнаго обвиняемому неограниченнаго права приглашенія свидѣтелей, но комиссія Рейхстага, разсматривавшая

¹⁾ Entwurf Str. Pr. Ord. III. стр. 178—179.

²⁾ Глазеръ. Руководство по угол. процессу, § 40. V.

³⁾ Тамъ же § 41. I.

проектъ, усмотрѣла въ этомъ фактическое уничтоженіе этого права обвиняемаго ¹⁾ и недопустимое ограниченіе обвиняемаго и прокуратуры въ представленіи доказательствъ. ²⁾ Вслѣдствіе этого 1 ч. 244 § была изложена въ такой редакціи: „Принятіе доказательствъ распространяется на всѣхъ вызванныхъ свидѣтелей и экспертовъ, какъ и на другія представленныя доказательства. Однако же отдѣльныя доказательства могутъ быть оставлены безъ разсмотрѣнія, если прокуроръ и обвиняемый согласны на это“. Предположенія проекта устава получили силу закона только при производствѣ дѣла въ судѣ шеффеновъ (§ 244 ч. 2).

Сообразно этому Имперскій кассационный судъ (Reichsgericht) разъяснилъ, что *вызванные* и явившіеся свидѣтели должны быть допрошены даже въ томъ случаѣ, если судъ призналъ несущественными тѣ обстоятельства, о которыхъ они должны показывать ³⁾, при этомъ законъ не различаетъ, вызваны-ли свидѣтели прокуроромъ, предсѣдателемъ или обвиняемымъ ⁴⁾. Подсудимый долженъ только представить суду доказательства приглашенія свидѣтеля черезъ судебного пристава ⁵⁾. Но *представленные* обвиняемымъ свидѣтели (§ 221 ч. 1) не принадлежатъ къ вызваннымъ, и обязательный допросъ ихъ закономъ не предписывается ⁶⁾; въ отношеніи показаній этихъ свидѣтелей суду принадлежитъ право войти въ разсмотрѣніе важности свидѣтельскаго показанія и, при отрицательномъ рѣшеніи этого вопроса, отклонить допросъ свидѣтеля. ⁷⁾ Отсутствіе у суда права входить въ разсмотрѣніе важности показаній вызванныхъ свидѣтелей (§ 218 219) и при признаніи ихъ несущественными оставлять свидѣтелей безъ допроса не должно, однако, служить основаніемъ къ допущенію злоупотребленій со стороны подсудимыхъ предоставленнымъ имъ § 244 правомъ. Судъ въ интересахъ охраненія своего достоинства имѣетъ право устра-

¹⁾ Schwarze. Commentar zu der Str. Pr. Ord., прим. къ § 244.

²⁾ v. Prittwitz. Ueber die Anwendung des § 244 der R. St. Proz. O. Archiv für Strafrecht—Goldammer. 28 т. 6 тер. 1880 г., стр. 426.

³⁾ Erk. 10 april 1880. Rechtsprechung des Reichsgerichts in Strafsachen I. S. 571. Erk. 10 Februar 1880. Entscheidungen des Reichsgerichts in Strafsachen. I. S. 225

⁴⁾ Erk. 24 April 1880.—Rechtsprechung. I. S. 661.

⁵⁾ Erk. 7 April 1880.—Rechtsprechung. I. S. 549. Erk. 7 Februar 1880.—Rechtspr. I. S. 357.

⁶⁾ Erk. 10 Februar 1880.—Rechtsprech. I. S. 335.

⁷⁾ Erk. 10 Febr. 1880.—Rechtspr. I. s. 335. Erk. 14 Febr. 1880.—Rechtspr. I. S. 357.

нять доказательства, не стоящія ни въ какой связи съ разсматриваемымъ дѣломъ, и на этомъ основаніи устранять отъ допроса свидѣтелей, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу. ¹⁾

Такимъ образомъ германскій уставъ, предоставляя подсудимому широкія права по вызову свидѣтелей, вмѣстѣ съ тѣмъ, по разъясненію кассационнаго суда, даетъ суду возможность вести судебное разбирательство въ извѣстныхъ предѣлахъ, устранять такихъ свидѣтелей, допросъ коихъ ничего по дѣлу не могъ бы разъяснить, ²⁾ а напротивъ повель-бы лишь къ затемненію и загроможденію дѣла. Суду только запрещается входить въ разсмотрѣніе важности или существенности показанія вызваннаго и явившагося свидѣтеля. Это послѣднее правило нельзя не признать цѣлесообразнымъ, такъ какъ понятіе важности или существенности въ высшей степени субъективное, оно не можетъ быть подведено ни подъ какую заранее установленную регламентацію, поэтому предоставленіе суду права входить въ разсмотрѣніе того, существенно или несущественно показаніе, повело-бы къ произвольнымъ выводамъ и крайнему стѣсненію сторонъ. Точно также слѣдуетъ признать въ высокой степени полезнымъ и важнымъ положеніе германскаго устава о разрѣшеніи вопроса объ относимости доказательствъ не во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, а во время судебного разбирательства, когда судъ располагаетъ большимъ матеріаломъ для правильнаго отвѣта на вопросъ, относится ли къ дѣлу данное обстоятельство, въ подтвержденіе котораго представлено извѣстное доказательство.

Обращаясь къ нашему законодательству, мы видимъ, что по существовавшей до послѣдняго времени практикѣ Правит. Сената вопросъ объ относимости доказательствъ долженъ былъ разрѣшаться, главнымъ образомъ, во время приготовительныхъ къ суду распоряженій. Это особенно выражено въ рѣшеніи по д. Засуличъ. По мнѣнію Правит. Сената, „признавать безусловное право защиты приглашать свидѣтелей, въ вызовѣ которыхъ судомъ было отказано на томъ основаніи, что показанія ихъ къ дѣлу совсѣмъ не относятся, значило-бы, если не упразднить, по отношенію къ та-

¹⁾ Erk. 3 März 1880. — Entscheidungen. I. S. 243—244. Erk. 16 Mai 1887. Rechtsprech. IX. S. 322. Löwe. Strafprozessordnung—примѣч. къ § 244. Steinglein. Commentar—примѣч. къ § 244.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ было высказано мнѣніе и въ комисіи Рейхстага, депутатомъ Ласкеромъ. См. указ. ст v. Prittwitz, стр. 427.

кимъ свидѣтелямъ, 611 ст. уст. угол. суд., обязывающую предсѣдателя суда устранять во время судебного слѣдствія все, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать для предсѣдателя суда исполненіе возложенной на него этимъ закономъ обязанности, почти неосуществимымъ“. „Дѣйствительно, для примѣненія 611 ст. уст. угол. суд. къ свидѣтелямъ, показанія которыхъ признаны уже судомъ вовсе къ дѣлу неотносящимися, необходимо выслушать хотя часть показанія такого свидѣтеля“. „Выслушанною-же частью показанія подобнаго свидѣтеля можетъ оказаться именно то, что свидѣтель, стремящійся запутать судебное слѣдствіе, признаетъ наиболѣе полезнымъ объяснить, а части такого, неимѣющаго къ дѣлу никакого отношенія, показанія было бы иногда достаточно для того, чтобы произвести ложное на присяжныхъ засѣдателей впечатлѣніе относительно такихъ обстоятельствъ, которыя, бывъ уже признаны судомъ къ предмету дѣла совершенно неотносящимися, должны быть устранены изъ судебного слѣдствія въ полномъ объемѣ“. Приведенныя соображенія Правит. Сената, еслибы и признать ихъ убѣдительными ¹⁾, слѣдуетъ считать потерявшими свое значеніе, такъ какъ съ измѣненіемъ 575 ст. уст. угол. суд. даже свидѣтели, не имѣющіе, по мнѣнію суда, никакого отношенія къ дѣлу, должны быть, какъ мы выше видѣли, вызваны на счетъ подсудимаго или могутъ быть имъ приведены (ст. 576). Слѣдовательно, вопросъ объ относимости такихъ доказательствъ можетъ быть разрѣшаемъ теперь не во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, а только на судебномъ слѣдствіи подобно тому, какъ это принято въ германскомъ процессѣ. Основанія для такого толкованія можно найти и въ нашей кассационной практикѣ. Въ рѣшеніи 1887 г. № 11 Правит. Сенатъ разъяснилъ, что предсѣдатель можетъ устранить допрошеннаго судебнымъ слѣдователемъ свидѣтеля отъ дальнѣйшаго вопроса, если на вопросъ предсѣдателя, формулированный по точному смыслу 718 ст. уст. угол. суд., свидѣтель заявить, что онъ по существу дѣла ничего не знаетъ, и если сторона, вызвавшая свидѣтеля, не объяснитъ, какіе именно относящіеся къ обстоятельствамъ дѣла вопросы намѣрена предложить свидѣтелю.

До закона 18 марта 1896 г. свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи, какъ извѣстно, обязательно вызывались предсѣдателемъ суда, по просьбѣ подсудимаго. Предсѣдатель не

¹⁾ См. Спасовичъ. Сочиненія т. III, стр. 343—346.

имѣлъ права отклонять ходатайство подсудимаго, хотя-бы находилъ показаніе такого свидѣтеля не относящимся къ дѣлу. Поэтому то Правит. Сенатъ и разъяснилъ судебнымъ мѣстамъ право возбудить на судебномъ слѣдствіи вопросъ объ относимости къ дѣлу такого доказательства и, въ случаѣ отрицательнаго разрѣшенія этого вопроса, устранять свидѣтеля отъ допроса. Такой же путь долженъ быть избранъ и теперь для тѣхъ случаевъ, когда судъ отклонитъ вызовъ свидѣтеля на счетъ казны по неотносимости къ дѣлу его показанія, а подсудимый воспользуется правомъ, предоставленнымъ ему 576 ст. уст. угол. суд. Слѣдовательно во время судебного разбирательства долженъ быть вновь обсужденъ вопросъ о значеніи тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ имѣеть показать такой свидѣтель ¹⁾.

Въ силу этого слѣдуетъ также считать потерявшими свое значеніе тѣ рѣшенія Правит. Сената, коими было разъяснено, что судъ не можетъ устранить отъ допроса свидѣтелей, приведенныхъ съ его разрѣшенія подсудимымъ (рѣш. 1869 г. № 384; 1870 г. № 331, 475).

Затѣмъ, имѣя въ виду, что на судебномъ слѣдствіи можетъ быть принято иное рѣшеніе вопроса объ относимости свидѣтельскаго показанія сравнительно съ тѣмъ, какъ постановилъ судъ во время приготовительныхъ распоряженій, слѣдуетъ придти, на основаніи 611 и 619 ст. уст. уг. суд., къ заключенію, что на судебномъ слѣдствіи вопросъ объ относимости къ дѣлу свидѣтельскаго показанія долженъ рѣшать судъ, а не предсѣдатель.

Въ виду измѣненій, произведенныхъ закономъ 18 марта 1896 г., возникаетъ также вопросъ о времени привода къ присягѣ такихъ свидѣтелей. Правит. Сенатъ по дѣлу Засуличъ высказалъ, что было бы крайне неумѣстно злоупотреблять обрядомъ, освященнымъ церковными правилами, для того единственно, чтобы свидѣтелю, съ первыхъ же словъ его показанія, объявить, что таковое къ дѣлу не относится. Въ отношеніи этого слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ

¹⁾ Здѣсь нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что съ момента открытія судебного засѣданія между прокуроромъ и подсудимымъ устанавливается полная равноправность (ст. 630 уст. уг. суд.; рѣш. 1868 г. № 943), почему судъ долженъ имѣть право отклонять допросъ свидѣтелей, не только вызванныхъ подсудимымъ, но и прокуроромъ, тѣмъ болѣе, что во время приготовительныхъ къ суду распоряженій предсѣдатель, вызывая указываемыхъ прокуроромъ свидѣтелей, не входитъ въ разсмотрѣніе значенія ихъ показаній для дѣла.

объ относимости свидѣтельскаго показанія можетъ быть разрѣшенъ прежде привода свидѣтеля къ присягѣ, тѣмъ болѣе, что приводъ свидѣтелей къ присягѣ отнесенъ не къ дѣйствіямъ, сопровождающимъ открытіе судебного засѣданія и производимымъ до прочтенія обвинительнаго акта, а къ дѣйствіямъ, производимымъ на судебномъ слѣдствіи (ст. 678—734 уст. уг. суд.) и послѣ прочтенія обвинительнаго акта (678 и 711 ст. уст. уг. суд.; рѣш. 1870 г. № 143), притомъ же, по разъясненію Правит. Сената, свидѣтель можетъ быть приведенъ къ присягѣ передъ самымъ отобраніемъ отъ него показанія (рѣш. 1868 г. № 90).

Въ заключеніе мы не можемъ не высказать, что разрѣшеніе вопроса объ относимости къ дѣлу показаній вызванныхъ по 576 ст. свидѣтелей въ публичномъ судебномъ засѣданіи послѣ непосредственнаго ознакомленія суда съ обстоятельствами дѣла не только представить значительную гарантію для подсудимаго, но и будетъ производить хорошее впечатлѣніе на присяжныхъ засѣдателей. Въ настоящее же время отказъ суда во время приговорительныхъ распоряженій въ вызовѣ свидѣтелей нерѣдко всплываетъ на судебномъ слѣдствіи и производитъ на присяжныхъ удручающее впечатлѣніе. Въ этомъ они видятъ стѣсненіе защиты, вслѣдствіе чего при нѣсколькомъ сомнительномъ обвиненіи предпочитаютъ выносить оправдательный вердиктъ.

В. Ширковъ.

VII.

АНГЛІЙСКІЙ КОНСОЛИДИРОВАННЫЙ ЗАКОНЪ О ПРЕДУ- ПРЕЖДЕНІИ ЖЕСТОКАГО ОБРАЩЕНІЯ СЪ ДѢТЬМИ И О ПОКРОВИТЕЛЬСТВѢ НАДЪ НИМИ, (17 августа 1894 г.) ¹⁾.

Ея Королевскимъ Величествомъ, духовными и свѣтскими лордами и членами палаты общинъ, засѣдающими въ парламентѣ текущей сессіи, по одобренію и согласію ихъ властью парламента, постановлено нижеслѣдующее:

Раздѣль 1.

Всякое лицо, старше шестнадцати лѣтъ, которое, имѣя попеченіе, присмотръ, уходъ за малолѣтнимъ моложе шестнадцати лѣтъ, самоумышленно чинить ему насиліе, дурно, нерадиво обращается съ нимъ, оставляетъ его безъ помощи, подвергаетъ опасности или даетъ другимъ чинить малолѣтнему насиліе, дурно, нерадиво обращаться съ нимъ, покинуть его или подвергать опасности, чѣмъ причина-

¹⁾ Потребность въ изданіи особаго закона о защитѣ дѣтей противъ жестокаго обращенія и о призрѣніи дѣтей безпріютныхъ и заброшенныхъ давно назрѣла. Законодательства западной Европы усилеио занимаютъ этимъ предметомъ крупной важности—какъ съ точки зрѣнія гуманности, такъ и охраны общества отъ тѣхъ вредныхъ элементовъ, которые рекрутируются изъ дѣтей безпрізорныхъ.

Редакція „Вѣстника Права“ считаетъ своимъ долгомъ знакомить читателей со всѣми явленіями въ области иностраннаго законодательства, посвященнаго указанному вопросу, и полагаетъ, что этимъ путемъ необходимость законодательнаго воздѣйствія глубже проникнетъ въ общественное сознаніе, а съ другой стороны, собранъ будетъ не безынтересный матеріалъ, который можетъ послужить почвою для законодательныхъ предположеній. Въ этихъ видахъ редакція

ются малолѣтнему безъ надобности страданія или вредъ его здоровью (заключающійся въ поврежденіи или потерѣ зрѣнія, слуха, части или органа тѣла или умственномъ разстройствѣ), признается виновнымъ въ проступкѣ;

а) если виновный осужденъ по обвинительному акту (on indictment), то подлежитъ, по усмотрѣнію суда, денежному штрафу, въ размѣрѣ не свыше ста фунтовъ, или тюремному заключенію, съ тяжкими работами или безъ оныхъ, на срокъ не болѣе двухъ лѣтъ, причемъ тюремное заключеніе можетъ быть опредѣлено или альтернативно съ штрафомъ, или какъ замѣна на случай несостоятельности осужденнаго къ платежу штрафа, или, наконецъ, совокупно съ штрафомъ;

б) если осужденіе послѣдовало въ суммарномъ порядкѣ производства, то виновный подлежитъ, по усмотрѣнію суда, денежному штрафу, не свыше двадцати пяти фунтовъ или тюремному заключенію, съ тяжкими работами или безъ оныхъ, на срокъ не болѣе шести мѣсяцевъ, причемъ заключеніе опредѣляется альтернативно, или совокупно съ штрафомъ, или же какъ замѣна его на случай несостоятельности виновнаго.

2) Обвиненіе въ нарушеніи, указанномъ въ этомъ раздѣлѣ, можетъ быть предъявлено или по обвинительному акту или въ порядкѣ суммарной подсудности, хотя бы и послѣдовала смерть малолѣтняго, надъ которымъ совершенъ проступокъ.

3) Если доказано, что преданный суду по обвиненію согласно сему раздѣлу имѣлъ денежный интересъ въ суммѣ, которая на случай смерти малолѣтняго должна получиться или быть выплачена, причемъ о такомъ полученіи или платежѣ было извѣстно обвиняемому, судъ, можетъ, по своему усмотрѣнію:

а) повысить размѣръ денежнаго штрафа, установленнаго сей статьей, но не болѣе, какъ до двухсотъ фунтовъ, или

предполагаетъ дать самый точный переводъ новѣйшихъ законодательныхъ актовъ, посвященныхъ вопросу о защитѣ малолѣтнихъ и покровительства надъ ними. Начиная съ англійскаго закона 17 августа 1894 г., редація имѣетъ въ виду то, что этотъ законъ оказывается наиболѣе полнымъ и притомъ открываетъ собою рядъ законодательныхъ работъ въ другихъ странахъ по тому же вопросу.

Переводъ англійскихъ актовъ сопряженъ съ значительными затрудненіями; но редація считала необходимымъ дать переводъ по возможности буквальный, дабы за одно дать читателямъ обращикъ одного изъ англійскихъ законодательныхъ актовъ, отличающихся отъ континентальной законодательной техники значительными особенностями.

Переводъ сдѣланъ Д. И. Хіенкинымъ подъ редакціей Г. Б. Слюзберга.

б) не присуждая къ иному наказанію, установленному сей статьей, приговорить обвиняемаго къ уголовному рабству, на срокъ не болѣе пяти лѣтъ.

4) Почитается денежно заинтересованнымъ, въ смыслѣ сей статьи, всякій, кто, не будучи управомоченнымъ по закону на полученіе платежа въ свою пользу, однако имѣетъ нѣкоторое участіе или же выгоду отъ этого платежа.

5) Проступокъ, предусматриваемый симъ раздѣломъ именуется наказуемымъ жестокимъ обращеніемъ.

Раздѣлъ 2.

Всякое лицо, которое:

а) заставляеть, побуждаетъ малолѣтнихъ: мальчика моложе четырнадцати лѣтъ или дѣвочку моложе шестнадцати лѣтъ, или, имѣя на обязанности своей попеченіе, присмотръ и уходъ за малолѣтнимъ, позволяетъ малолѣтнему—находиться на улицѣ, въ помѣщеніяхъ или иномъ мѣстѣ для прошенія, приниманія милостыни или побужденія къ дачѣ таковой посредствомъ пѣнія, игры, представленія, предложенія чего либо для продажи или инымъ какимъ либо путемъ;

б) заставляеть, побуждаетъ малолѣтнихъ: мальчика моложе четырнадцати лѣтъ или дѣвочку моложе шестнадцати лѣтъ,—или, имѣя на своей обязанности попеченіе, присмотръ и уходъ за малолѣтнимъ, позволяетъ малолѣтнему находиться между девятью час. веч. и шестью час. утра на улицѣ, въ помѣщеніяхъ, гдѣ разрѣшена торговля крѣпкими напитками, исключая тѣхъ мѣстъ, которыя открыты съ разрѣшенія начальства, согласно закону о публичныхъ развлеченіяхъ,—съ цѣлью пѣть, играть, участвовать въ представленіяхъ за плату или предлагать для продажи что либо.

с) заставляеть, побуждаетъ малолѣтняго, моложе одиннадцати лѣтъ, или, имѣя на своей обязанности попеченіе, присмотръ и уходъ за нимъ, позволяетъ ему находиться въ какое бы то ни было время на улицѣ, въ помѣщеніяхъ, гдѣ разрѣшена торговля крѣпкими напитками, въ помѣщеніяхъ, подчиняющихся дѣйствию закона о публичныхъ развлеченіяхъ, въ циркѣ или иномъ общественно-увеселительномъ мѣстѣ съ установленной входной платой, съ цѣлью пѣть, играть, давать представленія или съ цѣлью предложенія для продажи чего либо;

д) заставляеть, побуждаетъ малолѣтняго моложе шестнадцати

лѣтъ или, будучи обязаннымъ имѣть попеченіе, присмотрѣ и уходѣ за нимъ, позволяетъ ему находиться гдѣ бы то ни было для обученія занятіямъ акробата, гимнаста, наѣздника въ циркѣ или для участія въ выставкѣ или представленіи, опасныхъ по своему характеру,—

подлежитъ по признаніи его виновнымъ, въ порядкѣ суммарнаго производства, по усмотрѣнію суда, денежному штрафу, не свыше двадцати пяти фунтовъ или тюремному заключенію съ тяжкими работами или безъ оныхъ, на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ—альтернативно съ штрафомъ, или въ замѣну его, при несостоятельности къ уплатѣ штрафа, или совокупно съ нимъ.

При этомъ однако:

I) постановленіе настоящаго раздѣла не примѣняется относительно случайной продажи или увеселительнаго представленія, чистый доходъ съ коего поступаетъ цѣликомъ въ пользу школы или на иное благотворительное дѣло, если продажа или представленіе происходятъ не въ мѣстахъ, открытыхъ для продажи крѣпкихъ напитковъ, но и не въ мѣстахъ, открытыхъ съ разрѣшенія, даннаго по закону о публичныхъ увеселеніяхъ; оно не примѣняется также въ томъ случаѣ, если для данныхъ продажи или представленія, въ вышеуказанныхъ мѣстахъ имѣется особое разрѣшеніе на изытіе отъ дѣйствія сей статьи, выданное въ письменной формѣ за подписью двухъ мировыхъ судей;

II) мѣстнымъ властямъ предоставляется, въ случаѣ надобности, время отъ времени расширять или ограничивать особыми распоряженіями постановленія относительно часовъ, указанныхъ въ параграфѣ b. сей статьи, причемъ распоряженія эти могутъ касаться или всякаго дня недѣли, или одного опредѣленнаго дня или нѣкоторыхъ дней недѣли, для всего подвѣдомственнаго имъ округа или извѣстной его части;

III) параграфы c и d сего раздѣла не примѣняются при наличности особаго разрѣшенія, выданнаго согласно сему акту, и въ предѣлахъ этого разрѣшенія;

IV) параграфъ d сей статьи не примѣняется относительно лица, которое, состоя родителемъ или попечителемъ малолѣтняго, само занимается его обученіемъ.

Раздѣлъ 3.

1) Судъ малыхъ сессій, а въ Шотландіи, училищный совѣтъ, могутъ, не стѣняясь постановленіями сего акта, разрѣшить мало-

лѣтнему старше семи лѣтъ, на срокъ и на время дня, съ ограниченіями и условіями по усмотрѣнію суда или совѣта:

а) участвовать въ какомъ либо одномъ представленіи или въ серіи представленій, происходящихъ въ мѣстахъ, открытыхъ по разрѣшенію, выданному подъ дѣйствіемъ закона о публичныхъ развлеченіяхъ, въ циркѣ или другомъ вышеуказанномъ общественно-увеселительномъ мѣстѣ;

б) обучаться, какъ было выше сказано;

с) оба предмета,

если убѣдится въ пригодности малолѣтняго для указанныхъ занятій и если признаетъ достаточно доказаннымъ, что приняты надлежащія мѣры относительно обезпеченія здоровья и хорошаго обращенія съ дѣтьми, принимающими участіе въ данномъ представленіи или рядѣ представленій, или подвергающимися обученію; судъ и совѣтъ могутъ, въ случаѣ надобности, измѣнить, расширить или ограничить содержаніе выданнаго разрѣшенія.

Всякое подобное разрѣшеніе въ достаточной мѣрѣ охраняетъ лицъ, дѣйствующихъ на основаніи и въ предѣлахъ этого разрѣшенія.

2) Статсъ-секретарь можетъ возложить на одного изъ инспекторовъ, должность коихъ учреждена ст. 76 акта 1878 г. о фабричной и ремесленной промышленности, въ дополненіе къ ихъ обыкновеннымъ обязанностямъ, обязанность наблюденія за надлежащимъ исполненіемъ условій разрѣшенія, выдаваемого по сему раздѣлу, причемъ этому инспектору принадлежитъ такое же право посѣщать, подвергать осмотру и наблюденію всякое увеселительное мѣсто, въ которомъ дозволено, на основаніи сей статьи, временное занятіе малолѣтняго, каковымъ пользуется инспекторъ, на основаніи ст. 76 того закона, относительно посѣщеній, осмотровъ и наблюденія за фабриками и ремесленными мастерскими.

3) Ходатайствующій о выдачѣ разрѣшенія по сей статьѣ, обязанъ увѣдомить о томъ, по крайней мѣрѣ, за 7 дней до подачи своего ходатайства начальника полиціи того округа, на который испрашивается разрѣшеніе; начальникъ полиціи можетъ, лично явившись предъ учрежденіемъ, которое разсматриваетъ заявленное ходатайство или поручивъ другому явиться, представить свои соображенія, по которымъ не слѣдуетъ выдать разрѣшеніе. Учрежденіе, предъ которымъ заявлено ходатайство, отклоняетъ послѣднее, если не доказано, что указанное увѣдомленіе сдѣлано въ установленномъ порядкѣ.

4) По полученіи разрѣшенія по сему раздѣлу, получившій такое обязанъ не позже какъ черезъ десять дней послѣ выдачи разрѣшенія, послать копію его ремесленно-фабричному инспектору того округа, на который выдано разрѣшеніе; за неисполненіе сего, виновный присуждается въ суммарномъ порядкѣ къ штрафу не свыше пяти фунтовъ.

5) Настоящій раздѣлъ, а также предшествующій ни въ чемъ не измѣняютъ постановленій акта 1876 г. о первоначальномъ воспитаніи, или акта 1878 г. о воспитаніи (въ Шотландіи).

Раздѣлъ 4.

1) Констебль можетъ безъ приказа задержать всякаго, кто:

а) на его глазахъ совершаетъ проступокъ, предусмотрѣнный симъ актомъ или какой либо проступокъ, упомянутый въ приложеніи къ сему акту, если констеблю неизвѣстно и имъ не можетъ быть установлено имя и жительство виновнаго.

в) учинилъ, или если имѣется основаніе полагать, что учинилъ, актъ жестокаго обращенія съ дѣтьми, предусматриваемый симъ закономъ или какой-либо изъ проступковъ, упоминаемыхъ въ приложеніи къ сему акту, если при томъ есть основаніе опасаться, что виновный скроется или если имя и жительство его неизвѣстны констеблю и не можетъ быть послѣднимъ установлено.

2) Въ случаѣ задержанія кого либо безъ приказа констеблемъ по сему раздѣлу, приставъ или констебль, завѣдующій участкомъ, куда приведенъ задержанный, можетъ, приступая къ разслѣдованію дѣла, освободить задержаннаго—при условіяхъ, обезпечивающихъ его явку на судъ, развѣ если, по его мнѣнію, освобожденіе задержаннаго съ отдачей на поруки, грозило бы вредомъ интересамъ правосудія или повлекло бы за собою опасность для малолѣтняго, сдѣлавшагося жертвой проступка.

Раздѣлъ 5.

1) Констебль можетъ помѣстить въ убѣжище малолѣтняго, надъ которымъ учиненъ проступокъ, предусмотрѣнный параграфомъ *a* второго раздѣла сего акта или надъ которымъ учинено, или по основательнымъ предположеніямъ существуетъ подозрѣніе въ томъ, что учинено, предусмотрѣнное симъ актомъ жестокое обращеніе или дѣяніе, предусмотрѣнное въ приложеніи къ нему.

2) Малолѣтній, который помѣщенъ такимъ образомъ въ убѣжищѣ, а также малолѣтній, моложе шестнадцати лѣтъ, который самъ ищетъ пристанища въ убѣжищѣ, можетъ быть здѣсь удержанъ до тѣхъ поръ, пока его можно будетъ представить суммарному суду; судъ затѣмъ или постановляетъ рѣшеніе, упоминаемое ниже, въ слѣдующемъ раздѣлѣ, или опредѣляетъ, чтобы съ малолѣтнимъ поступлено было смотря по обстоятельствамъ, пока обвиненіе, возбужденное противъ даннаго лица за учиненіе проступка относительно малолѣтняго, не закончится преданіемъ суду присяжныхъ, осужденіемъ или оправданіемъ обвиняемаго.

3) Если судъ суммарной подсудности или судья найдетъ, что надъ малолѣтнимъ, представшимъ предъ судомъ, учиненъ проступокъ жестокаго обращенія или какое либо иное, упоминаемое въ приложеніи къ сему акту, дѣяніе, и что интересы здоровья и безопасности малолѣтняго пострадаютъ, если не послѣдуетъ опредѣленіе, ниже указываемое, судъ можетъ, независимо иныхъ полномочій, указываемыхъ симъ актомъ, постановить опредѣленіе, согласно требованіямъ обстоятельствъ, относительно попеченія надъ малолѣтнимъ и содержанія его до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ время для возбужденія преслѣдованія противъ лица за совершенный имъ проступокъ или, если преслѣдованіе уже возбуждено, до тѣхъ поръ, пока оно не завершится преданіемъ суду присяжныхъ, осужденіемъ или оправданіемъ обвиняемаго; подобное опредѣленіе можетъ послѣдовать, не смотря на заявляемое кѣмъ либо требованіе объ отдачѣ на его попеченіе малолѣтняго.

4) Опекунскіе совѣты, а въ Шотландіи приходскіе совѣты, изыскиваютъ мѣры къ приему дѣтей, доставленныхъ въ рабочій домъ на основаніи сего акта. Если убѣжище, куда помѣщенъ малолѣтній, есть рабочій домъ, завѣдующій имъ долженъ принять малолѣтняго, буде здѣсь имѣется необходимое для этого помѣщеніе, и держать его до тѣхъ поръ, пока не закончится дѣло; расходы, вызываемые содержаніемъ малолѣтняго, считаются расходами по вспомошествованію бѣднымъ.

Раздѣлъ 6.

1) Если лицо, обязанное имѣть попеченіе, присмотръ и уходъ за малолѣтнимъ моложе шестнадцати лѣтъ было судомъ:

а) осуждено за жестокое обращеніе въ смыслѣ сего акта или за учиненіе проступка, предусматриваемаго въ приложеніи къ сему акту,

b) предано суду присяжныхъ за такой проступокъ, или

c) обязано судомъ не нарушать мира относительно малолѣтняго, то этотъ самый судъ,—безъ особаго о томъ требованія, въ порядкѣ новаго процесса, одновременно съ осужденіемъ, преданіемъ его суду присяжныхъ или обязаніемъ его, а затѣмъ во всякое другое время и малый ассизный судъ, предъ которымъ кто либо заявить соотвѣтственное ходатайство,—можетъ, если по достаточномъ разслѣдованіи найдетъ необходимымъ для малолѣтняго, постановить опредѣленіе объ изытаніи его изъ попеченія лица, осужденнаго, находящагося подъ судомъ или выдавашаго обязательство, съ отдачей на его попеченіе родственнику или иному подходящему указанному судомъ лицу, въ случаѣ они изъявятъ на это согласіе, до достиженія малолѣтнимъ шестнадцати лѣтъ, или на болѣе короткій срокъ; судъ можетъ, по своей инициативѣ или по заявленію третьяго лица, время отъ времени возобновить, измѣнить и отмѣнить свое распоряженіе; распоряженіе, согласно сей статьѣ, можетъ быть сдѣлано лишь въ случаѣ, если родитель малолѣтняго осужденъ, преданъ суду присяжныхъ по обвиненію въ томъ же проступкѣ или находится подъ судомъ по обвиненію въ соучастіи въ немъ или обязанъ судомъ хранить миръ относительно малолѣтняго.

2) Распоряженіе, указанное въ сей статьѣ, должно быть выражено въ письменной формѣ и можетъ быть сдѣлано судомъ въ отсутствіе малолѣтняго; наличность согласія лица принять на себя попеченіе о малолѣтнемъ, на основаніи даннаго распоряженія, удостоверяется судомъ такимъ путемъ, какой судъ находитъ достаточнымъ въ смыслѣ обязательности сдѣланнаго заявленія.

3) Если распоряженіе, указанное въ сей статьѣ, сдѣлано въ отношеніи лица, преданнаго суду, то въ случаѣ оправданія его или въ случаѣ прекращенія преслѣдованія, распоряженіе отпадаетъ со всеми послѣдствіями, исключая лишь тѣхъ его частей, которыя въ силу его законно исполнены.

4) Статсъ-секретарь Англи, въ Шотландіи—секретарь Шотландіи, и въ Ирландіи—лордъ-лейтенантъ Ирландіи, могутъ, по своему усмотрѣнію, въ любое время, освободить малолѣтняго изъ попеченія лица, которому на основаніи сей статьи малолѣтній отданъ, безусловно или на такихъ условіяхъ, которыя статсъ-секретарь, секретарь или лордъ-лейтенантъ, опредѣляютъ; они могутъ, далѣе, въ случаѣ надобности, установить правила относительно

малолѣтнихъ, отданныхъ постороннимъ лицамъ, и объ обязанностяхъ этихъ лицъ относительно малолѣтнихъ.

5) Статсъ-секретарь можетъ, если найдетъ то полезнымъ для малолѣтняго, который отданъ постороннему лицу на попеченіе въ силу сей статьи, уполномочить послѣдняго на эмиграцію ребенка, но, при отсутствіи такого полномочія, лицо, которому малолѣтній отданъ на попеченіе, не вправе переселять его.

Раздѣлъ 7.

1) То лицо, которому отданъ малолѣтній въ силу распоряженія суда, сдѣланнаго согласно сему акту, во все время дѣйствія распоряженія обладаетъ тѣми же правами надзора надъ малолѣтнимъ, какъ если бы оно было его родителемъ и отвѣтственно за его содержаніе; малолѣтній остается на попеченіи этого лица, не взирая на требованіе со стороны родителя объ его отобраніи.

2) Судъ, имѣющій право передать малолѣтняго на попеченіе, имѣетъ право сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы родитель покрывалъ расходы по содержанію малолѣтняго въ теченіе вышеуказаннаго времени, подобно тому, какъ это бываетъ относительно малолѣтняго, содержамаго согласно законамъ о профессиональныхъ школахъ; но, вмѣсто предѣльной суммы, обозначенной въ законахъ о профессиональныхъ школахъ, предѣльный размѣръ ежедневной суммы, которая можетъ быть истребована отъ родителя, по сей статьѣ, на покрытіе расходовъ по содержанію малолѣтняго, равняется одному фунту.

3) Подобное распоряженіе можетъ послѣдовать по ходатайству или заявленію лица, которому отданъ на временное попеченіе малолѣтній, или одновременно съ распоряженіемъ о передачѣ малолѣтняго, или въ позднѣйшее время, и деньги, представленныя родителемъ, передаются специально на содержаніе малолѣтняго тому лицу, которое будетъ назначено судомъ.

4) Если сумма, назначенная ко взысканію съ него согласно сему распоряженію, не внесена, то наступаютъ тѣ же послѣдствія, какъ и въ случаѣ невзноса денегъ, слѣдуемыхъ по опредѣленію суда, послѣдовавшаго на основаніи акта о незаконнорожденныхъ 1872 г., или, въ Шотландіи,—денегъ, опредѣленныхъ за алименты, а въ Ирландіи—какъ въ случаѣ неуплаты суммы, подлежащей взысканію по рѣшенію, послѣдовавшему въ порядкѣ суммарнаго производства.

5) Если распоряженіе, согласно сему акту, объ отдачѣ малолѣтняго на попеченіе родственниковъ или иного лица, сдѣлано въ отношеніи лица, которое предано суду присяжныхъ по обвиненію въ проступкѣ, то судъ не вправѣ обязать родителя на выдачу денегъ на содержаніе малолѣтняго до окончанія суда надъ нимъ.

Раздѣлъ 8.

1) При выборѣ лица, которому имѣеть быть отданъ на попеченіе малолѣтній согласно сему акту, судъ обязанъ выяснитъ вѣроисповѣданіе той семьи, которой принадлежит малолѣтній, и остановитъ свой выборъ, если возможно, на лицѣ того же вѣроисповѣданія или на лицѣ, которое даетъ обязательство, удовлетворяющее судъ, въ томъ, что малолѣтній будетъ воспитываемъ въ духѣ своего вѣроисповѣданія; послѣднее должно быть указано въ опредѣленіи суда.

2) Если малолѣтній былъ помѣщенъ, согласно распоряженію суда у лица, которое не исповѣдуетъ вѣры малолѣтняго или не дало упомянутого обязательства, судъ по ходатайству, заявленному кѣмъ бы то ни было, если при томъ указано будетъ подходящее лицо, которое исповѣдуетъ вѣру малолѣтняго или которое дастъ указанное обязательство и желаетъ принять къ себѣ на попеченіе малолѣтняго, — постановляетъ о помѣщеніи малолѣтняго у того лица, которое принадлежит тому же вѣроисповѣданію или даетъ указанное обязательство.

3) Если малолѣтній былъ помѣщенъ у кого-либо, кто, давъ указанное обязательство, не исполняетъ такового, то въ отношеніи къ такому случаю примѣняется правило, установленное для случаевъ, когда малолѣтній помѣщенъ у лица чужого вѣроисповѣданія и когда обязательство не было дано.

Раздѣлъ 9.

1) Если малолѣтній моложе шестнадцати лѣтъ представленъ въ судъ малыхъ сессій при обстоятельствахъ, разрѣшающихъ примѣненіе къ малолѣтнему постановленій законовъ о профессиональных школахъ, судъ, въ случаѣ надобности, можетъ, не отсылая малолѣтняго въ профессиональную школу, распорядиться, согласно сему акту, объ отдачѣ малолѣтняго на попеченіе родственника или иного лица, указаннаго судомъ.

2) Распоряженіе суда объ отсылкѣ малолѣтняго въ профессиональную школу, можетъ, по усмотрѣнію суда, вступить въ силу или немедленно или нѣкоторое время спустя, въ зависимости отъ возраста и состоянія здоровья малолѣтняго; если распоряженіе не должно вступить немедленно въ силу, или, если ко времени, назначенному въ распоряженіи, обнаружится, что малолѣтній не можетъ по неспособности быть посланъ въ школу, то судъ вправѣ передать малолѣтняго на попеченіе родственника или лица, по избранію суда, согласно постановленію сего акта, на опредѣленное время или до вступленія этого распоряженія въ силу.

Раздѣлъ 10.

1) Коронный судья или двое мировыхъ судей могутъ,—признавъ заслуживающимъ уваженія присяжное заявленіе лица, которое по мнѣнію ихъ, дѣйствуетъ добросовѣстно въ интересахъ малолѣтняго моложе шестнадцати лѣтъ, о томъ, что имѣется основательное предположеніе, что малолѣтній являлся или является въ предѣлахъ подвѣдомаго данному судѣ или мировымъ судьямъ округа жертвой насилія, дурного, небрежнаго обращенія, могущаго подвергать его безъ надобности лишеніямъ или опасности для здоровья, или что надъ малолѣтнимъ совершено или совершается какое либо преступное дѣяніе, упоминаемое въ приложеніи къ сему акту,—издать приказъ, уполномочивающій указанное въ немъ лицо сдѣлать разслѣдованіе о такомъ малолѣтнемъ, и если онъ найденъ будетъ подвергшимся или подвергающимся насилію, дурному, жестокому обращенію въ указанномъ смыслѣ, или вышеуказанному дѣянію,—отобрать его и содержать въ безопасномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока его можно будетъ представить суду суммарной юрисдикціи; приказъ можетъ быть выданъ и на перемѣщеніе малолѣтняго, съ правомъ разслѣдованія или безъ таковаго, въ безопасное мѣсто, содержаніе его тамъ до тѣхъ поръ, пока его можно будетъ представить суду суммарной юрисдикціи; судъ, предъ которымъ предстанетъ малолѣтній, можетъ постановить о примѣненіи къ нему пятаго раздѣла сего акта; при чемъ—

а) указанное здѣсь право двухъ судей можетъ быть осуществлено и однимъ судьей, если, согласно заявленію, онъ найдетъ дѣло неотложнымъ, и

б) относительно Шотландіи право, представленное судѣ или двумъ судьямъ, осуществляется лишь шерифомъ или его замѣстителемъ.

2) Судья, издающій на основаніи сего раздѣла приказъ, можетъ этимъ самымъ приказомъ требовать, чтобы обвиняемый въ совершеніи проступка относительно малолѣтнихъ, былъ задержанъ и приведенъ въ судъ, и чтобы приняты были мѣры, обеспечивающія исполненіе приговора о взысканіи съ него по закону.

3) Лицо, уполномоченное приказомъ, выданнымъ согласно сему раздѣлу на разслѣдованіе о малолѣтнемъ или о перемѣщеніи его, съ правомъ разслѣдованія или безъ онаго, можетъ войти (если нужно и силой) въ домъ, строеніе или другое мѣсто, обозначенное въ свидѣтельствѣ, и увести оттуда малолѣтняго.

4) Приказъ, указанный въ настоящемъ раздѣлѣ, выдается на имя суперинтендента, начальника полиціи или другого высшаго полицейскаго чина, коими и приводится въ исполненіе въ сопровожденіи лица, сдѣлавшаго заявленіе, если оно того желаетъ, и если въ приказѣ нѣтъ иного указанія; выдающій приказъ можетъ указать, что при исполненіи приказа имѣетъ находиться одинъ изъ внесенныхъ въ списекъ практикующихъ врачей.

5) Въ заявленіи и въ приказѣ, выдаваемомъ согласно сему раздѣлу, имя малолѣтняго можетъ не быть обозначено.

Раздѣль 11.

1) Если судомъ, коимъ или передъ коимъ кто-либо изобличенъ въ наказуемомъ жестокомъ обращеніи съ малолѣтнимъ, въ смыслѣ настоящаго акта или въ совершеніи проступка, упомянутаго въ приложеніи къ сему акту, будетъ признано, что онъ, будучи родителемъ потерпѣвшаго малолѣтняго, или проживая съ родителемъ, — привычный пьяница въ смыслѣ актовъ 1879 и 1888 г.г., то судъ можетъ, не приговаривая его къ тюремному заключенію, если признаетъ цѣлесообразнымъ, сдѣлать распоряженіе объ его помѣщеніи на точно указанный срокъ, не свыше однако 12 мѣсяцевъ, въ пріютъ, открытомъ на основаніи названныхъ актовъ, если смотритель его согласенъ на пріемъ такого лица; подобное распоряженіе имѣетъ такую же силу и копіи его должны также быть посланы мѣстной власти и государственному секретарю, какъ если бы оно послѣдовало по ходатайству указанной власти, признанному уважительными двумя судьями, на основаніи означенныхъ актовъ; судъ можетъ приказать судебному приставу или констеблю отвезти осужденнаго въ пріютъ, причемъ и въ этомъ случаѣ вступаютъ въ силу постановленія указанныхъ актовъ,

съ послѣдствіями, которыя наступили бы, если-бы онъ помѣщенъ былъ по распоряженію, основанному на означенныхъ актахъ. При этомъ,

а) распоряженіе о задержаніи въ пріютѣ можетъ быть сдѣлано въ томъ лишь случаѣ, если зная, что судъ намѣренъ удостовѣриться въ фактѣ его привычнаго пьянства, обвиняемый согласится на то, чтобы такое распоряженіе послѣдовало;

в) если супругъ обвиняемаго, присутствующій при разбирательствѣ дѣла, возражаетъ противъ распоряженія о помѣщеніи въ пріютъ, судъ обязанъ прежде, чѣмъ постановить свое опредѣленіе, принять во вниманіе заявленіе, сдѣланное этимъ супругомъ;

е) прежде, чѣмъ отдать распоряженіе, судъ обязанъ убѣдиться по даннымъ, которыя онъ признаетъ достаточно основательными, въ томъ, что будутъ приняты мѣры обезпеченія покрытія расходовъ на все время содержанія данного лица въ пріютѣ.

Раздѣлъ 12.

При производствѣ дѣла по обвиненію въ предусмотрѣнномъ настоящимъ актомъ проступкѣ, или въ дѣяніяхъ, указанныхъ въ приложеніи къ акту, обвиняемый имѣетъ право, но не обязанъ давать показанія; супругъ обвиняемаго, хотя можетъ быть потребованъ для дачи показаній, какъ обыкновенный свидѣтель по дѣлу, но не обязанъ давать показанія

Раздѣлъ 13.

1) Если судья на основаніи показаній практикующаго врача, признаетъ, что явка къ суду малолѣтняго, потерявшаго отъ жестокаго обращенія въ смыслѣ сего акта, или отъ одного изъ проступковъ, упомянутыхъ въ приложеніи къ сему акту, грозитъ серьезной опасностью его жизни или здоровью, то судья можетъ занести показаніе, данное подъ присягой малолѣтнимъ въ протоколь, подписать таковой съ указаніемъ основанія занесенія показанія, времени и мѣста, когда оно послѣдовало, и именъ лицъ, присутствовавшихъ при этомъ (если таковыя были налицо).

2) Судья, снявъ показаніе, отсылаетъ протоколь показаній:

а) если показанія были даны по дѣлу, по коему обвиняемый уже былъ преданъ суду,—то должностному лицу того суда, коему обвиняемый преданъ;

b) въ остальныхъ случаяхъ—клерку мирового съѣзда, графства или города, гдѣ допросъ произведенъ; клеркъ, которому отосланъ протоколъ допроса, обязанъ его зарегистрировать и хранить въ архивѣ.

Раздѣлъ 14.

Въ производствѣ дѣла предъ судомъ присяжныхъ по обвиненію кого либо въ предусмотрѣнномъ настоящимъ актомъ жестокѣмъ обращеніи съ малолѣтнимъ или въ учиненіи какаго либо изъ дѣяній, упомянутыхъ въ приложеніи къ сему акту, допускается въ качествѣ доказательства обвиненія или защиты показаніе малолѣтняго, данное при условіяхъ, указанныхъ въ актѣ 1848 г. о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ по обвинительнымъ актамъ, или же актѣ 1849 г. для Ирландіи, а равно въ актѣ 1851 г. о малыхъ сессіяхъ въ Ирландіи, или, наконецъ, въ настоящемъ актѣ, безъ дальнѣйшей повѣрки этого показанія, если судъ признаетъ на основаніи данныхъ, представленныхъ практикующимъ врачомъ, что явка въ судѣ малолѣтняго, потерпѣвшаго отъ составляющаго предметъ обвиненія преступнаго дѣйствія, грозитъ серьезной опасностью его жизни и здоровью, и если притомъ:

a) на протоколѣ имѣется подпись судьи, передъ которымъ показаніе было дано, и

b) если доказано, что обвиняемый, по чьему дѣлу произведенъ допросъ малолѣтняго, былъ въ достаточной мѣрѣ предупрежденъ, что полученнымъ при допросѣ показаніемъ обвиненіе имѣетъ въ виду воспользоваться, какъ доказательствомъ, и что онъ или его защитникъ, или его повѣренный имѣлъ или могъ имѣть, еслибъ онъ желалъ явиться, случай перекрестно допрашивать малолѣтняго, давшаго показанія.

Раздѣлъ 15.

1) При производствѣ дѣла по обвиненію въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ настоящимъ актомъ, или проступкѣ, упоминаемомъ въ приложеніи къ сему акту, потерпѣвшій малолѣтній или иной малолѣтній, предложенный въ свидѣтели, находящійся въ нѣжномъ возрастѣ, можетъ, если, по мнѣнію суда, онъ не сознаетъ значенія присяги, однако давать показаніе и не подѣ присягою, если, по мнѣнію суда, онъ обладаетъ достаточнымъ разумѣніемъ для того, что допросъ могъ быть произведенъ, и сознаетъ обязанность

показывать правду; такое показаніе, хотя и данное не подъ присягой, изложенное въ протоколѣ, согласно 17 ст. акта о преступленіяхъ 1848 г. или 14 ст. акта о малыхъ сессіяхъ 1851 г. или, наконецъ разд. 13 настоящаго акта, почитается показаніемъ въ смыслѣ сихъ законовъ; при этомъ:

а) подсудимый не подлежитъ осужденію за проступокъ, если показаніе, допускаемое сей статьей и направленное въ пользу обвиненія, не подтверждено другими фактическими доказательствами обвиненія же;

б) если малолѣтній, съ котораго снятъ допросъ въ указанномъ порядкѣ, дастъ завѣдомо лживыя показанія, то противъ него возбуждается обвиненіе и онъ предается суду. По осужденіи, онъ можетъ быть приговоренъ къ наказанію, установленному 11 статьей закона 1879 г. о суммарномъ производствѣ дѣлъ относительно несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, или въ Ирландіи—4 статьей Ирландскаго акта 1884 г. о суммарномъ судѣ надъ дѣтьми.

2) Настоящій раздѣлъ не примѣняется въ Шотландіи.

Раздѣлъ 16.

Если при производствѣ дѣла по обвиненію въ жестокомъ обращеніи въ смыслѣ сего акта, или проступкѣ, упоминаемомъ въ приложеніи къ сему акту, судъ убѣждается изъ показанія практикующаго врача въ томъ, что явка на судъ потерпѣвшаго малолѣтняго грозитъ опасностью жизни или здоровью его и если судъ полагаетъ, что показаніе малолѣтняго не имѣетъ существеннаго значенія для правильнаго разрѣшенія дѣла, то рассмотрѣніе дѣла можетъ продолжаться и закончиться въ отсутствіи малолѣтняго.

Раздѣлъ 17.

При обвиненіи въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ симъ актомъ, или въ проступкѣ, упоминаемомъ въ приложеніи къ сему акту, потерпѣвшій малолѣтній, который въ обвинительномъ актѣ обозначенъ недостижимымъ даннаго возраста, и если судъ находитъ такое указаніе вѣроятнымъ, то малолѣтній въ цѣляхъ сего акта почитается недостижимымъ этого возраста, доколѣ противное не доказано.

Раздѣль 18.

1) Если кто-либо обвиняется въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ настоящимъ актомъ и въ приложеніи къ нему относительно двухъ или нѣсколькихъ малолѣтнихъ, то дозволяется однимъ и тѣмъ же заявленіемъ и повѣсткою требовать его къ суду за дѣйствія, учиненныя относительно всѣхъ малолѣтнихъ или нѣкоторыхъ изъ нихъ, но обвиняемый подлежитъ карѣ за каждаго отдѣльнаго малолѣтняго лишь въ случаѣ производства дѣла о каждомъ въ отдѣльности.

2) Дозволяется также возбуждать обвиненіе въ одномъ заявленіи или повѣсткѣ за совершеніе дѣйствій, заключающихся одновременно въ насиліи и дурномъ, небрежномъ обращеніи, и въ томъ, что малолѣтній покинуть, въ совокупности за всѣ дѣйствія или въ отдѣльности, но, если эти дѣйствія инкриминируются совмѣстно, обвиняемый не подлежитъ карѣ за каждое изъ этихъ дѣйствій въ отдѣльности.

3) Виновный въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ симъ актомъ, или упоминаемомъ въ приложеніи къ сему акту, подвергается преслѣдованію въ суммарномъ порядкѣ въ томъ лишь случаѣ, если дѣяніе совершено въ полномъ объемѣ или частью не далѣе, какъ за 6 мѣсяцевъ до подачи заявленія о немъ; но если дѣло производится, то могутъ быть представляемы и доказательства относительно дѣйствій, входящихъ въ составъ дѣянія, хотя они и совершены въ прежнее время.

4) Если проступокъ, предусматриваемый симъ актомъ или приложеніемъ къ сему акту, вѣнчается въ вину данному лицу, какъ преступное дѣйствіе продолжающееся, то нѣтъ надобности обозначать въ заявленіи, повѣсткѣ или обвинительномъ актѣ даты совершенія отдѣльныхъ дѣйствій, образующихъ составъ преступления.

Раздѣль 19.

На постановленный въ суммарномъ порядкѣ приговоръ, равно какъ на распоряженія, послѣдовавшія согласно шестой, седьмой или девятой статьи сего акта, за исключеніемъ случаевъ, когда распоряженіе исходитъ отъ судьи или ассизнаго суда, осужденный, не признающій себя виновнымъ, а равно всякій, считающій себя обиженнымъ распоряженіемъ или рѣшеніемъ суда, можетъ быть

подана жалоба—въ Англіи или Ирландіи суду четвертныхъ сессій, а въ Шотландіи—Главному Суду въ порядѣ, предусмотрѣнномъ (шотландскимъ) закономъ 1875 г. объ апелляціонномъ разборѣ дѣлъ суммарнаго свойства или актомъ, измѣняющимъ этотъ законъ.

Раздѣлъ 20.

1) Если проступокъ, предусмотрѣнный симъ актомъ, составляетъ предметъ обвинительнаго акта, предъявляемаго суду присяжныхъ, то издержки по процессу возмѣщаются такимъ же путемъ, какъ и въ случаѣ обвиненія въ преступленіи.

2) Сія статья не примѣняется въ Шотландіи.

Раздѣлъ 21.

Совѣтъ попечителей, а въ Шотландіи приходскій совѣтъ—одного или нѣсколькихъ приходовъ могутъ изъ своихъ подотчетныхъ средствъ вносить суммы на возмѣщеніе расходовъ и издержекъ въ тѣхъ процессахъ, которые имъ возбуждены, на основаніи сей статьи, по преслѣдованію насильственнаго дѣйствія, дурного, небрежнаго обращенія съ дѣтьми, оставленія ихъ безъ призора или поставленія въ опасность, а въ случаѣ соединенія нѣсколькихъ приходовъ расходы и издержки ложатся на общій фондъ.

Раздѣлъ 22.

Всѣ особы постановленія, издаваемыя въ силу сего акта, починаются:

а) въ Англіи дѣйствию 184 статьи закона 1875 г. о народномъ здравіи, и всякая мѣстная власть Англіи, дѣйствуя въ силу акта, почитается мѣстною властью въ смыслѣ указанной статьи, съ замѣной департамента мѣстнаго управленія государственнымъ секретаремъ.

в) въ Шотландіи—дѣйствию 62 статьи (шотландскаго) закона 1867 г. о народномъ здравіи, поскольку рѣчь идетъ объ утвержденіи правилъ и предписаній и о дѣйствіяхъ, предшествующихъ исполненію ихъ.

с) въ Ирландіи дѣйствию 221 статьи акта 1878 г. о народномъ здравіи, съ замѣной департамента мѣстнаго управленія государственнымъ секретаремъ.

Раздѣлъ 23.

1) Постановленія сего акта, упоминающія о родителѣ малолѣтняго, примѣняются къ его отчиму, мачихѣ и къ другому лицу, которое проживаетъ совмѣстно съ родителемъ малолѣтняго, и выраженіе „родитель“, употребляемое въ отношеніи малолѣтняго, обнимаетъ и опекуна или другое лицо, обязанное содержать малолѣтняго.

2) Сей актъ примѣняется и къ родителю, который, будучи лишенъ средствъ къ содержанію ребенка, не озабочивается его содержаніемъ согласно законамъ о вспомоствованіи бѣднымъ, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда родитель инымъ образомъ относится нерадиво къ малолѣтнему.

3) При примѣненіи сего акта,—

родитель малолѣтняго, предполагается имѣющимъ надзоръ за нимъ;

лицо, которому отданъ малолѣтній на присмотръ родителемъ, предполагается имѣющимъ о немъ попеченіе;

всякое другое лицо, которое фактически содержитъ у себя малолѣтняго или имѣетъ надъ нимъ надзоръ, почитается имѣющимъ обязанность смотрѣть за нимъ.

Раздѣлъ 24.

Настоящимъ актомъ отноудь не уничтожаются и не ослабляются права родителя, наставника или другого лица, имѣющаго по закону надзоръ или присмотръ за малолѣтнимъ, примѣнять къ нему карательныя мѣры.

Раздѣлъ 25.

Если въ семъ актѣ не содержится особаго указанія, то—

выраженіе „мѣстная власть“ обозначаетъ по отношенію къ городу—городской совѣтъ; по отношенію къ городу Лондону общинный совѣтъ; по отношенію къ графству Лондона совѣтъ графства, а въ другихъ мѣстахъ окружные совѣты, а до учрежденія окружного совѣта, городскую или сельскую санитарную власть;

выраженіе „высшій полицейскій чинъ“ обозначаетъ въ лондонскомъ графствѣ и въ его округахъ комиссара городской полиціи; въ округѣ столичной полиціи—комиссара столичной полиціи;

въ другихъ мѣстахъ Англій,—перваго констебля или другой чинъ, какое бы названіе онъ не имѣлъ, если только ему принадле-

жить высшее начальство надъ мѣстной окружной полиціей и по отношенію къ нему умѣстно подобное выраженіе;

выраженіе „улица“ заключаетъ въ себѣ указаніе на большую дорогу и на другія публичныя мѣста, со съезнымъ проѣздомъ или безъ такового;

выраженіе „убѣжище“ содержитъ въ себѣ указаніе на всякое мѣсто, опредѣленное мѣстной властью на основаніи и согласно задачамъ сего акта, какъ напр. на рабочій домъ, полицейскій участокъ, госпиталь или подобнаго рода учрежденіе;

выраженіе „акты о профессиональныхъ школахъ“ обозначаетъ относительно Англійи и Шотландіи актъ 1866 г. о профессиональныхъ школахъ и дополнителныя къ нему акты

(Раздѣлы 26 и 27 содержатъ соотвѣтственныя поясненія относительно Шотландіи и Ирландіи).

Раздѣлъ 28.

1) Этотъ актъ именуется Prevention of cruelties to children Act, 1894.

2) Акты the prevention of cruelty to u. protection of children act 1889 г. и the prevention of cruelty of children (Amendment) act, 1894, симъ отмѣняются.

3) Сей актъ вступаетъ въ силу съ 21 августа 1894 года.

П р и л о ж е н і е .

Къ сему же акту относятся постановленія о проступкахъ, предусматриваемыхъ 27, 25 или 56 статьями акта о проступкахъ противъ личности 1861, и всякій проступокъ относительно малолѣтняго, моложе шестнадцати лѣтъ, предусматриваемый 43 и 52 статьями того же акта; проступокъ, предусматриваемый актомъ 1879 г. объ опасныхъ представленіяхъ дѣтей; всякій другой проступокъ, заключающій въ себѣ нанесеніе тѣлеснаго вреда малолѣтнему моложе шестнадцати лѣтъ.

VIII.

СВОЕОБРАЗНАЯ КРИТИКА.

(По поводу статьи В. Нечаева: „Вѣстникъ Права и юриспруденція XIX вѣка“ въ журн. Мин. Юст. 1899 № 3).

I.

Въ мартовской книжкѣ Журнала Министерства Юстиціи напечатана большая статья подъ заглавіемъ: „Вѣстникъ Права и юриспруденція XIX вѣка“, представляющая попытку дискредитировать Вѣстникъ Права, его программу и редакцію въ глазахъ читателей, практическихъ юристовъ, „учащейся юриспруденціи молодежи“ и Спб. юридическаго общества—и защитить Иеринга, въ нападенію на коего сводится, по толкованію автора статьи, г. Нечаева, главная часть программы Вѣстника. По правилу *du choc des opinions jaillit la vérité* была бы весьма желательна всесторонняя критика того взгляда на общественныя задачи юриспруденціи, который выраженъ въ программной статьѣ Вѣстника, или хотя бы критическій разборъ отрицательныхъ составныхъ частей этого взгляда—доводовъ противъ программы исторической и новой практическо-догматической школы. Но статья г. Нечаева никакого *choc des opinions* не содержитъ и даже не даетъ повода и матеріала для полемики; въ ней никакихъ новыхъ доводовъ и самостоятельныхъ научныхъ мыслей нѣтъ. Она представляетъ собою сообщеніе чужихъ и давно извѣстныхъ взглядовъ (въ виду большой распространенности и популярности коихъ именно написаны соотвѣтственные части статьи Вѣстника), повторяемыхъ авторомъ отчасти собственными сло-

вами, отчасти путем дословныхъ выписокъ изъ сочиненій другихъ, въ перемежку съ восторженными похвалами по адресу Геринга и авторовъ этихъ сочиненій и восклицаніями порицанія по адресу Вѣстника, думающаго иначе, нежели авторитеты г. Нечаева. Эти восклицанія играютъ роль краткихъ соединительныхъ звеньевъ между отдѣльными частями весьма пространной компиляціи, а большая интенсивность выражаемыхъ ими чувствъ придаетъ всему этому литературному произведенію своеобразный комическій оттѣнокъ. Намъ впервые приходится наблюдать такой оригинальный случай, чтобы человекъ, обуреваемый столь напряженными, можно сказать, страстными чувствами—крайнимъ негодованіемъ и озлобленіемъ, съ одной стороны, благоговѣніемъ и восторгомъ, съ другой,—разразился для изліянія такихъ чувствъ—длинной и кропотливой компиляціей.....

Наименѣе компилятивный характеръ имѣетъ та часть изложенія, гдѣ авторъ собственными словами излагаетъ мнѣнія Геринга; здѣсь, по крайней мѣрѣ, матеріалъ взятъ не изъ „третьихъ рукъ“, какъ въ большей части статьи. Но зато эта часть и наиболѣе ясно показываетъ, что составитель поступаетъ весьма благоразумно, не рѣшаясь пускаться въ самостоятельныя разсужденія и даже чужія мысли излагая не по первоисточникамъ, а главнымъ образомъ по „пособіямъ“ и при томъ словами этихъ пособій. Такъ, для отраженія „неосмотрительной квалификации“ теоріи права Геринга, какъ оппортунистической, и для доказательства ея идеальной, этической основы составитель предлагаетъ изложеніе собственными словами содержанія тѣхъ страницъ перваго тома „Цѣли въ правѣ“, гдѣ Герингъ утверждаетъ, что право есть ничто иное, какъ „политика силы“, что нормы являются воплощеніемъ эгоизма сильнаго, ради своей выгоды регулирующаго свое поведеніе путемъ установленія опредѣленныхъ правилъ и границъ. Изъ собственныхъ, въ особенности подчеркнутыхъ словъ составителя компиляціи („по эгоизмъ и сила—*общечеловѣческія свойства*: сила одного противостоитъ сила другого; сегодняшній побѣдитель завтра побѣжденный. Сознаніе собственной выгоды приноситъ *самоограниченіе силы*, эгоизма и интересовъ. И вотъ, вмѣсто господства силъ и интереса, на почвѣ самоограниченія послѣднихъ, создаются *этическія нормы*“) видно, что онъ вѣрнѣе, будто его изложеніе собственными словами этихъ взглядовъ Геринга является умною ихъ защитой съ этической точки зрѣнія; здѣсь благоразумно пропущено подчеркнутое Герингомъ опредѣленіе „права, какъ поли-

тики силы“; всѣмъ людямъ, стало быть, и тѣмъ слабымъ, которые необходимы для теоріи Геринга, безъ боязни логической несообразности, приписано свойство быть сильнѣе другихъ, такъ что теорія Геринга оказывается удобною и для нихъ; юридическія нормы, какъ непосредственное выраженіе самоупорядоченія силы, руководствующейся эгоистическимъ расчетомъ, замѣнены „этическими нормами“, которыя при томъ, какъ *deus ex machina*, появляются только „на почвѣ“ самоограниченія силы, эгоизма и интересовъ, но зато производятъ при невдумчивомъ чтеніи впечатлѣніе, будто указана этическая почва теоріи права Геринга (который, впрочемъ, и нравственныя нормы сводитъ къ расчету и эгоизму, но, конечно, иначе и во всякомъ случаѣ послѣдовательнѣе и толковѣе, нежели вышеприведенныя собственныя слова составителя). Съ равнымъ успѣхомъ г. Нечаевъ могъ бы для доказательства своего, выражающаго негодованіе, восклицанія: „Никогда Герингъ не отрицалъ могущества и важности *принциповъ!*“ (стр. 322) помѣстить подобное переложеніе содержанія любой изъ тѣхъ многочисленныхъ страницъ разныхъ сочиненій Геринга, гдѣ практичный, эгоистическій расчетъ выставляется единственно резоннымъ масштабомъ нравственности, политики, права, или даже тѣхъ мѣстъ его сочиненій, гдѣ онъ прямо говоритъ о принципахъ, отождествляя ихъ чуть ли не съ глупостью, помраченіемъ здраваго смысла. Ср. напр., *Ihering Entwicklungsgeschichte d. r. R.*, стр. 18, гдѣ авторъ находитъ, что грубое, примитивное право отличается большимъ здравымъ смысломъ, находитъ, что древнее римское право поэтому заслуживаетъ предпочтенія предъ современнымъ и объясняетъ это тѣмъ, что грубая эпоха „пользуется неоцѣнимымъ преимуществомъ предъ высоко развитою: *она не знаетъ еще принциповъ* (*sie kennt noch keine Prinzipien*, въ текстѣ подчеркнуто). Кто знаетъ изъ исторіи тѣ безобразія, которыя натворили принципы и еще въ наше время ежедневно творятъ, тотъ пойметъ, что то время, которое не знало принциповъ, а только руководствовалось здравымъ, т. е. направленнымъ только на практическія цѣли, разсудкомъ, лучше могло создать то, въ чемъ оно нуждалось, чѣмъ этого можетъ достигнуть развитая эпоха, духовное зрѣніе которой затемняется принципами“¹⁾. Такимъ

¹⁾ Между прочимъ, составитель рядомъ съ выраженіемъ негодованія по поводу характеристики теоріи Геринга, какъ оппортунистической, и по поводу упрека въ скептическомъ отношеніи его къ принципамъ еще восклицаетъ: „Никогда не измѣнялъ онъ великимъ идеаламъ философіи XVIII вѣка!“ (стр. 322), а въ другомъ мѣстѣ

же образомъ можно было бы доказать, что Герингъ былъ защитникомъ слабыхъ, врагомъ политики силы и порабощенія, изложивъ, напр., собственными словами основную идею „Духа римскаго права“ или даже специально тѣ мѣста его сочиненія, гдѣ авторъ идеализируетъ (со своей точки зрѣнія) и превозноситъ грандіозный національный завоевательный аппетитъ, дѣлающій Римлянъ способными къ универсальной миссиіи вслѣдствіе того, что вождельніе ихъ эгоизма простирается на все (dass sie Alles begehrt, I § 20, „Величіе національнаго эгоизма“); здѣсь мы находимъ блестящія картины, написанныя въ торжественномъ стилѣ, въ родѣ: „кульминаціонный пунктъ (исторіи Рима) показываетъ намъ римское государство, стоящее на рубежѣ древняго и новаго міра, а у ногъ его разможенные и растертыя народы тогдашняго времени.... Какъ остріе меча (римскаго) наносило кровавыя раны народамъ древняго міра, такъ острота понятій, которая характеризуетъ римское право, наносила раны новой народной правовой жизни. Но раны и боль—цѣна операціи. Съ этой точки зрѣнія мы привѣтствуемъ римскій народъ при его появленіи на свѣтъ словами“..... За этимъ слѣдуютъ восторги по поводу хитрой раз-

(стр. 349) приписываетъ Герингу такую теорію исторіи: эта теорія „видитъ въ исторіи права ростъ самостоятельнаго этического начала“.

Для пониманія отрицательнаго отношенія Геринга къ принципамъ, его презрительнаго отношенія къ „великимъ идеаламъ философіи XVIII вѣка“ (ср. приведенное въ текстѣ мѣсто или, напр., Geist d. r. R. II § 25, „die öden Wüsteneien des Naturrechts“) и даже къ исторической школѣ, поскольку она, по его мнѣнію, еще не вполне освободилась отъ мечтаній школы естественнаго права (ср. тамъ же § 25 „bei Schwärmern und Urtheislosen eine Sehnsucht nach dem „Recht, das mit uns geboren“), и т. п. взглядовъ и вообще для правильной оцѣнки его „философіи“ слѣдуетъ принимать во вниманіе, что онъ резоннымъ и цѣлесообразнымъ считалъ только то, что истекаетъ изъ эгоистическаго разчета и сводится къ эгоизму, такъ что цѣлесообразность и эгоизмъ у него играютъ роль синонимовъ и одно понятіе безразлично употребляется вмѣсто другого (ср., напр., его восхваленіе духа римскаго народа въ Geist, въ особенности I § 20 passim, напр.: „Ich erblicke in ihm nur die Folge jener Richtung auf praktische Zwecke, jener zur zweiten Natur gewordenen Gewohnheit der Römer, ihre ganze geistige und moralische Kraft im Dienst der Selbsucht zu verwenden. Die Römer konnten, möchte ich behaupten, nichts Zweckwidriges thun“... „Auch die Religiosität der Römer... war im Wesentlichen durch das Motiv der Zweckmässigkeit oder der Selbsucht bestimmt“.... „Die römische Welt, im Ganzen und Grossen erfasst, lässt sich mit einem Wort als der Triumph der Idee der Zweckmässigkeit bezeichnen... ist nichts als die Objektivierung oder der Organismus der nationalen Selbsucht“; текстъ между прим. 224а и 228а).

счетливости, по поводу практичности, выражающейся даже в экслютаціи религіи и боговъ для практическихъ, т. е. эгоистическихъ цѣлей (надпись: Масштабъ цѣлесообразности.—Религія. § 20); можно было бы привести для той же цѣли начало § 17: апологию войны и милитаризма, разсужденія объ обогащеніи содержанія государства путемъ милитаризма („Den Kern der folgenden Ausführung können wir in den Satz zusammenfassen: das militärische Interesse ist das Motiv, das den Staat um einen Gedanken bereichert...“). Ибо если г. Нечаевъ не сознаетъ того, что парафразируемое имъ мѣсто „Цѣли въ правѣ“, не смотря на его собственное мудрое изреченіе: „но эгоизмъ и сила—общечеловѣческія свойства“, какъ посылку для оправданія теоріи, и другія неточности, только компрометируетъ защищаемое имъ ученіе и доказываетъ именно то, что онъ объявляетъ неправдою,—то отчего не найти этическую почву, защиту слабыхъ и т. п. и въ оправданіи порабощенія или растиранія и размощенія слабыхъ народовъ, ибо сила и эгоизмъ „общечеловѣческое свойство“ и всѣ могутъ порабощать или растирать всѣхъ другихъ или заниматься этимъ этическимъ упражненіемъ по очереди ¹⁾.

¹⁾ Столь же удачны тѣ мѣста статьи, гдѣ самостоятельность автора проявляется въ выборѣ перепечатываемыхъ отрывковъ изъ первоисточника. Тѣ выдержки изъ сочиненій Іеринга, которыя перепечатаны авторомъ не въ связи съ текстомъ пособій, а отъ себя въ качествѣ найденныхъ имъ самостоятельно доказательствъ разныхъ достоинствъ Іеринга тоже доказываютъ какъ разъ противоположное. На стр. 321 приведена длинная выдержка изъ Scherz und Ernst, гдѣ Іерингъ одновременно заявляетъ свою преданность своей спеціальности и предмету ея—римскому праву („Я не потерялъ интереса и къ римскому праву, которому я обязанъ тѣмъ, чѣмъ я являюсь, и что я сдѣлалъ“) и сожалѣніе, что не избралъ другой спеціальности; отрывокъ этотъ производитъ, вслѣдствіе видимаго противорѣчія этихъ заявленій, впечатлѣніе чего то искусственнаго и дѣланнаго для спеціальной цѣли и становится понятнымъ только вслѣдствіе тонкаго намека, содержащагося въ словахъ: „съ завистью смотрю на другія отрасли знанія, которыя собрали за то же время богатую жатву... если бы я былъ молодъ, я избралъ бы другую область изученія“, намека на то, что, если бы онъ выбралъ другое научное поприще, то его гений нашелъ бы болѣе широкое поле примѣненія и онъ бы достигъ тамъ несравненно большаго, нежели то, чѣмъ онъ обязанъ избранной собою спеціальности, не соотвѣтствующей размѣру его гения. Вторая, краткая выдержка гласитъ: „Я сознаю, что этимъ сочиненіемъ я ставлю на карту свое научное имя, на которое будетъ наложено неизгладимое пятно, если упреки и нападенія, которыя я дѣлаю противъ Савиньи, окажутся неосновательными. Я подвергаю возрѣнію Савиньи безпощадной критикѣ, и кто мнѣ желаетъ зла, тому не трудно обвинить меня въ недостатокѣ почтительности,—упрекъ, отъ котораго не спасетъ меня и

Значительно дѣльнѣе слѣдующая часть статьи, гдѣ авторъ не притязаетъ на самостоятельность въ смыслѣ изложенія мыслей Геринга или его поклонниковъ собственными словами, или въ смыслѣ самостоятельнаго выбора отрывковъ по первоисточнику, а просто перепечатываетъ цѣлыми страницами чужіе хвалебные отзывы о Герингѣ дословно.

Но для какой цѣли составитель столь усердно занимается въ своей статьѣ перепечаткою чужого, всѣмъ доступнаго изложенія? Если бы онъ тѣ части своей статьи, которыя ему пришлось переписывать или вырѣзывать ножницами и наклеивать, замѣнилъ обычными ссылками, то вмѣсто длинной статьи получилась бы короткая, а „доказательная“ сила ея отъ этого нисколько бы не умалилась. Мало того, составитель могъ бы исключить и переложеніе собственными словами высказанныхъ другими и давно извѣстныхъ взглядовъ, оставивъ такимъ образомъ только порицательныя восклицанія и инсинуаціи по адресу редакціи Вѣстника и добавивъ къ этому указаніе, что онъ самъ ученіе Геринга признаетъ за *ratio scripta* и что есть и болѣе авторитетные люди, пріобрѣвшіе уже ученую степень или даже имя на наукѣ, которые являются горячими поклонниками Геринга, въ частности существуетъ такая то магистерская диссертация, гдѣ читатели могутъ прочесть не мало похвалъ по адресу Геринга и убѣдиться въ томъ, что ре-

мая порука въ томъ, что я въ полной мѣрѣ признаю ученныя заслуги Савиньи для нашей науки. Но пусть будетъ такъ! Я дешево цѣню свою личность въ томъ случаѣ, когда этого требуетъ дѣло; великой цѣли нельзя достигнуть, не жертвуя своей личностью!“ Отрывокъ этотъ взятъ изъ предисловія къ „Der Besitzwille“—толстой книгѣ, посвященной тонкой технической контроверзѣ изъ области владѣльческихъ исковъ, а именно, вопросу объ *animus possidendi* по ученію римскихъ юристовъ. Не требуется большого развитія эстетическаго и этическаго чутья и сознанія, чтобы и къ этому отрывку отнестись критически, а во всякомъ случаѣ не выставлять его въ качествѣ лучшаго свидѣтельства Геринга о самомъ себѣ. Ибо всякаго не лишеннаго нравственно-эстетическаго сознанія и чутья поражаетъ фальшь этого заявленія (какъ будто это сочиненіе, раздувающее мелкій вопросъ до грандіознаго триумфа надъ Савиньи, можетъ быть названо „жертвою своей личности“ и при томъ „для великой цѣли“) и полное несоотвѣтствіе столь шумной рекламы темъ сочиненія. Но составитель этого не сознаетъ и восклицаетъ: „Трудно, намъ кажется, дать болѣе убѣдительныя доказательства искренности научнаго интереса и любви къ истинѣ у Геринга, чѣмъ приведенныя“. Лучше было бы Герингу имѣть дѣло съ врагами своего ученія, нежели съ такимъ защитникомъ его *нравственныхъ качествъ*, который не можетъ среди массы напечатанныхъ имъ страницъ найти „болѣе убѣдительныхъ доказательствъ“ въ его пользу, нежели такія случайныя свидѣтельства его человѣческихъ слабостей.

дакція Вѣстника проявляетъ дерзость имѣть собственное, противоположное сужденіе по тѣмъ же вопросамъ. Тѣмъ болѣе, что разныя вырѣзки изъ чужихъ сочиненій и переложенія собственными словами вставлены составителемъ совсѣмъ не кстати, такъ какъ они вовсе не относятся къ вопросамъ, обсуждаемымъ въ программной статьѣ Вѣстника.

Хотя составъ статьи не даетъ, какъ мы уже сказали, никакого основанія для научной полемики, а во всякомъ случаѣ дѣлаетъ неумѣстной научную полемику съ г. Нечаевымъ, какъ компиляторомъ взглядовъ другихъ, тѣмъ не менѣе его статья, вставленные имъ звенья между компилируемыми отрывками, а отчасти и способъ расположенія этихъ отрывковъ, заслуживаетъ и требуетъ отвѣта въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ необходимости разъясненій для возстановленія истины и публичнаго порицанія съ точки зрѣнія литературной нравственности.

II.

Достойна серіознаго порицанія даже, повидимому, вполне невинная первая (I) часть его статьи, которая состоитъ въ послѣдовательной перепечаткѣ отрывковъ программной статьи Вѣстника, и гдѣ составитель отъ себя почти ничего не добавляетъ, а только дѣлаетъ по сравненію съ подлиннымъ текстомъ разные пропуски. Но такъ какъ для обнаруженія характера примѣненной здѣсь политики пропусковъ потребовалось бы много мѣста по самому существу дѣла (пришлось бы повторить здѣсь подлинный полный текстъ съ указаніемъ сдѣланныхъ компиляторомъ пропусковъ), а съ другой стороны, всякій желающій легко можетъ, даже не теряя времени на скучное занятіе сопоставленія и провѣрки по частямъ, а только сравнивъ общее впечатлѣніе, вызываемое подлиннымъ текстомъ въ Вѣстникѣ и его передачу въ Журн. Мин. Юст., убѣдиться въ значеніи сдѣланныхъ пропусковъ, то мы по поводу первой части статьи г. Нечаева, обозначенной цифрою I, ограничиваемся ссылкой на подлинный текстъ программы Вѣстника.

Вторая часть (II), наиболѣе важная съ точки зрѣнія цѣлей составителя, несмотря на свой компилятивный характеръ, не лишена извѣстной внѣшней эффектности и даже, въ случаѣ обычной вѣры читателя въ bona fides автора, способна дѣйствительно возбудить впечатлѣніе обоснованности тѣхъ обвине-

ній по адресу „органа Спб. Юридического Общества“, которыя наиболѣ скоплены и наиболѣ рѣзко формулированы здѣсь, но повторяются и въ другихъ мѣстахъ. Къ тому же, какъ ни странно, почувствовавъ благородное негодованіе и подъемъ духа разразиться для выраженія сихъ чувствъ компиляціей, тѣмъ не менѣ эта часть статьи именно своимъ „благороднымъ негодованіемъ“ можетъ укрѣпить вѣру въ bona fides составителя. Здѣсь мы находимъ наиболѣ сильныя съ точки зрѣнія риторики и обвинительной силы собственныя вставки компилятора: „наименѣ объективный изъ этихъ критиковъ (ученія Іеринга), невѣрно уясняющій истинный смыслъ философскаго ученія Іеринга, изложеннаго въ „Zweck im Recht“, признаетъ величіе ученаго, къ которому столь субъективно относится. Теперь мы слышимъ отъ органа Спб. Юридического Общества, что Іерингъ загрязнилъ науку права, что онъ трусливый кротъ, что онъ раздувалъ вождельнія и аппетиты сильныхъ, суля имъ защиту и т. д., и невольно спрашиваемъ себя: для кого и для чего нужно столь невѣроятное загрязненіе чистаго и безупречнаго имени великаго ученаго“... Приведа затѣмъ упомянутыя выше лучшія „доказательства искренности научнаго интереса и любви къ истинѣ“ Іеринга, его исканія истины „во всеоруженіи знанія, таланта и самопожертвованія“, — путемъ перепечатки отрывковъ изъ Іеринга съ сообщеніемъ, что они написаны предъ смертью, закончившею весьма трудолюбивую жизнь, г. Нечаевъ помѣщаетъ слѣдующую наиболѣ эффектную вставку отъ себя:

„Никогда Іерингъ и его школа не возводили интереса и эгоизма на степень самодовлѣющихъ цѣлей человѣческаго существованія! Никогда они въ примѣненіи права къ жизни не покровительствовали вождельніямъ сильныхъ въ ущербъ слабымъ! Никогда Іерингъ не отрицалъ могущества и важности *принциповъ*! Никогда не измѣнялъ онъ великимъ идеаламъ философіи XVIII вѣка!“ (322).

Дальнѣйшая часть страницы посвящена упомянутому выше переложенію собственными словами разсужденій Іеринга о правѣ, какъ политикѣ силы и эгоизма, а затѣмъ вся остальная часть раздѣла состоитъ въ перепечаткѣ отрывковъ изъ пособия, содержащаго похвальные отзывы о Іерингѣ, при чемъ соединительными звеньями компиляціи служатъ слѣдующія собственныя вставки: 1) сообщенія, что составитель не можетъ не перепечатать еще одного куска изъ своего превосходнаго пособия (стр. 324), затѣмъ, заявленія „Мы не можемъ дѣлать безъ конца длинныхъ выписокъ и позволимъ себѣ здѣсь

передать лишь послѣднее звено въ цѣпи разсужденій“ (конечно, чужихъ), „сюда относящихся, чтобы показать, что для Иеринга послѣдній источникъ творчества—въ Богѣ“; перепечатавъ кусокъ изложенія, доказывающій религіозность Иеринга, авторъ опять пишетъ отъ себя: „Мы не можемъ, наконецъ, не привести съ сокращеніями параграфа труда П. И. Новгородцева“ слѣдуютъ четыре страницы перепечатки; 2) „Гдѣ здѣсь (т. е. въ перепечатанныхъ отрывкахъ о Иерингѣ) пошлость и цинизмъ мысли, гдѣ низменныя стремленія, гдѣ ученіе о томъ, что люди создаютъ право, выдумывающія институты, прикрывающіе ихъ интересы и т. п.“

И вотъ, хотя кромѣ незначительной части текстъ этой второй главы апологіи Иеринга дословно перепечатанъ изъ чужихъ сочиненій, тѣмъ не менѣ *вся* эта вторая глава составляетъ corpus литературнаго прегрѣшенія.

При этомъ мы имѣемъ въ виду не неправильныя обвиненія редакціи Вѣстника во лжи, содержащіяся въ отрицательныхъ восклицаніяхъ въ родѣ „Никогда Иерингъ не отрицалъ могущества и важности принциповъ!“ и т. п. Напротивъ, мы полагаемъ, что здѣсь сознательно ложнаго обвиненія другихъ во лжи не содержится, что составитель не знакомъ съ подлинными сочиненіями Иеринга и добросовѣстно убѣжденъ въ правильности своихъ обвинительныхъ восклицаній. Здѣсь слѣдуетъ констатировать только наличность большого литературнаго легкомыслія и некультурности: составитель бросаетъ другимъ въ лицо цѣлую серію оскорбленій, рядъ категорическихъ обвиненій во лжи и не считаетъ при этомъ нужнымъ справиться во исполнѣ доступномъ для него источникѣ провѣрки, не сознаетъ или не признаетъ обязанности провѣрить положенія, которыя онъ категорически клеймитъ какъ ложь, по подлинному тексту Иеринга, а довольствуется для обоснованія столь серьезныхъ обвиненій перепечаткою изъ своего пособия краткихъ общихъ хвалебныхъ отзывовъ о Иерингѣ и его сочиненіяхъ.

Мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду тотъ литературный порокъ, которымъ заражено все построеніе и содержаніе второй главы и который состоитъ въ систематическомъ перетолковываніи и искаженіи всего поносимаго содержанія статьи Вѣстника для перенесенія всѣхъ вопросовъ изъ высокой и чистой сферы идейной борьбы въ низкую и мелочную сферу личныхъ нападковъ и инсинуацій. Составитель представляетъ все дѣло такъ, какъ будто программа Вѣстника была направлена на „загрязненіе чистаго и безупречнаго имени великаго ученаго“, какъ будто она содер-

жить отрицательную характеристику Геринга, какъ человека, какъ будто редакция занимается обсужденіемъ личныхъ свойствъ Геринга, обвиняетъ его въ томъ, „что онъ трусливый крокъ, что онъ раздувалъ вождельнія и аппетиты сильныхъ, суля имъ защиту“, „въ примѣненіи права къ жизни“ наносилъ ущербъ слабымъ въ угоду сильнымъ, обнаруживалъ „низменные стремленія“ и т. п., вообще какъ будто содержаніе программы Вѣстника таково, что подлежатъ защитѣ личное поведеніе и свойства характера Геринга, что приходится въ его защиту говорить о его трудолюбіи, любви къ наукѣ и т. п. пошлости. Съ равнымъ основаніемъ составитель могъ бы еще добавить сообщенія, свидѣтельствующія, что Герингъ Богу молился, въ карты не игралъ, водки не пилъ и т. п.

Все это отъ начала до конца одна неправда; неправдивое повѣствованіе содержится даже въ буквальной перепечаткѣ чужихъ словъ—въ противопоставленіи ихъ программѣ Вѣстника.

Программа эта, какъ ясно показываетъ все ея существо и содержаніе, не посвящена и не могла быть посвящена столь постороннему для научной программы и для науки вообще и столь мелкому въ данномъ случаѣ дѣлу, какъ оцѣнка личныхъ свойствъ и поведенія какой-либо отдѣльной личности, хотя бы и столь выдающейся, какъ Герингъ.

Мало того, было бы нелѣпо посвящать программную статью даже менѣе личному и мелкому дѣлу—научной оцѣнкѣ трудовъ какого либо отдѣльнаго ученаго. Ибо и это совсѣмъ посторонній и не имѣющій никакого отношенія къ дѣлу и существу программы вопросъ.

Программа Вѣстника вращается въ болѣе высокомъ и безличномъ мірѣ идей и при томъ только такихъ идей, которыя освободились отъ личной связи съ тѣмъ или инымъ человѣческимъ индивидуумомъ и достигли безличнаго могущества и власти надъ умами и сердцами поколѣнія, опредѣляя и окрашивая міросозерцаніе безличной въ свою очередь и грандіозной силы—юриспруденціи нашего вѣка, или же, по крайней мѣрѣ, такихъ идей, которыя являются симптомомъ и типичнымъ воплощеніемъ этого міросозерцанія.

Этой безличной постановкой проблемы, высотой сферы борьбы, происходящей внѣ личностей и ихъ не задѣвающей, а съ другой стороны признаніемъ могущества и грозной силы того надъ-личнаго противника, съ которымъ ведется борьба, опредѣляется и характеръ и тонъ полемики программной статьи Вѣстника.

Здѣсь нѣтъ мѣста для оговорокъ учтивости, для разговоровъ

о личном таланте, трудолюбии и т. п. и даже для упоминания полезных и талантливых трудов и оценки их литературных и научных качеств, а с другой стороны, исключается и пользование специальными и особенными слабостями и промахами этих трудов для целей борьбы, а тем более указание каких-либо чисто личных недостатков и слабостей какого-либо человека ¹⁾.

¹⁾ Больше личный характер имеет весьма отрицательная оценка нового направления юриспруденции в книге Л. Петражицкого „Права добросовестного владельца на доход“, на которую составитель ссылается на стр. 332. Если бы свои обвинения составитель направил против этой книги, они имели бы более резонную почву, потому что здесь действительно говорится и специально о Иеринге и, конечно, упоминается его имя, чего в программной статье Вестника сообразно ее безличному характеру не делается. В этой книге находятся, между прочим, и доказательства некоторых из тех положений, относящихся к Иерингу, которые составитель произвольно приписывает программной статье Вестника. Так, напр., в этой книге, но не в статье Вестника, говорится о стремлении Иеринга объяснять разные явления права тем, что (как выражается составитель, стр. 324) „люди создают право, выдумывая институты, прикрывающие их интересы“. Но за то здесь же приводятся и подтверждения („Права доброс. влад.“ стр. 397), в том числе слова Эйка в некрологе Иеринга: „Нам кажется этот прием Иеринга сводит всевозможные положения римского права на хитрые и злые мотивы произвольным и несправедливым“, и его удивление, что Иеринг мог с любовью и удовольствием заниматься наукой права, которое он так толковал. Составитель же произвольно приписывает это положение Вестнику и негодует, как против безпочвенной клеветы. Так как в этой книге (но не в статье Вестника) говорится специально о Иеринге и находятся упреки по его адресу, то здесь создается и должный противовес. Иерингу приписывается здесь „могучий талант“ и даже гениальность (стр. 420), говорится, что Иеринга „следует причислить к величайшим корифеям романизма“ (стр. 415), указывается на те его действительные заслуги, которых особенно у нас обыкновенно не замечают и не отмечают, заменяя их мнимыми, в частности, здесь особенно выдвигается заслуга Иеринга в области юридической методологии: „Главнейшей заслугой Иеринга, как юриста, которая сама по себе давала бы ему право на бессмертное имя в науке, мы считаем его теорию юридической конструкции и юридической техники вообще“ (стр. 415). Между прочим, составитель в упрек Вестнику выставляет на стр. 321 положение: Иеринг „дает такую методологию этой юриспруденции, до силы которой не возвысился никто ни раньше, ни после“. Это производит тем более странное впечатление, что составитель, видящий *ratio scripta* в позднейших взглядах Иеринга, называет тот юридический метод, который первоначально разработывал Иеринг, „схоластиком“, плодом недоразумения etc. Впрочем, оценкою личных качеств и личного поведения Иеринга не занимается и упомянутая книга Л. Петражицкого, так что рассуждения о его трудолюбии, набожности, научном интересе—о низменных стремлениях, трусливости и т. п. и там отсутствуют.

Даже то мѣсто, которое съ особымъ торжествомъ подхватилъ составитель, сдѣлавъ изъ нихъ нелѣпныя варіаціи („слышимъ отъ органа Спб. Юридическаго Общества, что Іерингъ . . . трусливый кротъ“, „никогда и нигдѣ Іерингъ не былъ трусливымъ кротомъ“ . . .), а именно:—„горизонтъ созидающей науки, политики права, и ея проблемъ и горизонтъ разрушительной работы практическихъ кротовъ, копающихъ ямки подъ отдѣльными частицами дѣйствующаго права,—несравнимы и несоизмѣримы по самому существу своему“—не только не означаетъ приписанія какихъ либо личныхъ качествъ характера (узости личнаго горизонта, практичности въ житейскомъ смыслѣ) отдѣльнымъ людямъ или классу людей, а тѣмъ паче одному „нѣмецкому ученому“, но даже не означаетъ неуваженія къ нѣмецкой юриспруденціи или нѣмецкой наукѣ вообще. Напротивъ, здѣсь имѣются въ виду такія *impersonalia*, которыя не допускаютъ подстановки сравнительно безличнаго понятія „нѣмецкая юриспруденція“, а могутъ быть отнесены только къ чему то чисто идейному, къ извѣстному научному методу. Рядомъ съ этимъ можно безъ всякаго противорѣчія поставить не только указаніе на всевозможныя величественныя черты личнаго характера Іеринга, но и приписать нѣмецкой юриспруденціи склонность къ величественнымъ и широкимъ концепціямъ, къ самому возвышенному идеализму. Эти свойства мы дѣйствительно считаемъ типичными и прекрасными достоинствами нѣмецкой науки, но тѣмъ болѣе мы вооружаемся противъ оппортунизма и мелко-практическаго характера міросозерцанія конца вѣка, какъ болѣзнь столь грозной и сильной, что она даже съумѣла свить себѣ гнѣздо въ столицѣ идеализма и великихъ научныхъ концепцій—въ средѣ нѣмецкой науки.

Что составителю трудно было возвыситься до той степени отвлеченности пониманія, которой требуетъ и ожидаетъ отъ читателя порицаемая имъ статья, такъ какъ для него наука и идеи, повидимому, доступны, главнымъ образомъ, въ видѣ конкретныхъ ученыхъ мужей и ихъ авторитетныхъ для него изреченій,—впрочемъ, вполне вѣроятно. Но и это обстоятельство не объясняетъ столь явнаго и поразительнаго произвола, какъ упорное внушеніе читателю мысли, что въ критикуемой имъ статьѣ Іерингъ называется трусливымъ кротомъ и т. п. положенія и приемы второй главы.

III.

Столь же рѣшительнаго порицанія заслуживаетъ и слѣдующая глава (III). И она, несмотря на свой компилятивный характеръ, находится въ систематической коллизіи съ правдою. Глава эта посвящена защитѣ взглядовъ Геринга и вообще практической школы на догматику противъ критики Вѣстника; защита ведется слѣдующими приемами.

Большая часть главы выписками и переложеніями собственными словами пытается доказать, что особенности, составляющія существо новаго направленія, а именно легкомысленное отношеніе къ юридической логикѣ, къ „понятіямъ“, юридическимъ принципамъ, вообще къ юридической конструкціи, а равно и свободное отношеніе къ источникамъ (толкованіе, несогласное съ „волею законодателя“) для практическихъ цѣлей, вовсе не присущи новой школѣ, такъ что соответственныя указанія и упреки Вѣстника не соответствуютъ дѣйствительности. Конецъ же главы содержитъ не только полное признаніе этихъ особенностей новой школы (и даже признаніе большаго въ томъ же направленіи), но и указаніе на нихъ, какъ на заслуги и единственно правильное отношеніе къ дѣлу, при чемъ приводятся приличныя дѣлу выписки изъ авторитетовъ. Конечно, эти противорѣчивыя положенія не выставлены сразу и рядомъ, какъ здѣсь, а излагаются постепенно и раздѣлены своеобразными другими сообщеніями, нѣсколько прикрывающими противорѣчія, по крайней мѣрѣ, для читателя, не слѣдящаго внимательно за приемами изложенія и не сопоставляющаго разныхъ частей его.

Въ началѣ выставляются слѣдующія положенія: „Догматическая теорія исторической школы, на защиту и за возстановленіе которой выступаетъ Вѣстникъ Права, вся была основана на признаніи самостоятельной, абстрактно-логической природы юридическихъ понятій“ (стр. 329 такую природу не только за юридическими, но и за всякими отвлеченными понятіями признаетъ, конечно, всякій образованный человѣкъ. Далѣе употребляются болѣе осмысленныя поясняющія выраженія: „вѣрили въ неизмѣнность основной схемы этихъ понятій и представляемыхъ ими институтовъ гражданского права въ исторіи“... „не хотѣли признать все-таки измѣнчивости основныхъ понятій однихъ и тѣхъ же институтовъ“). „Герингъ и его школа, поэтому, отрицаютъ не логику и принципы, а лишь абстрактно-логическое постоянство юридиче-

скихъ понятій (въ текстѣ подчеркнуто), что далеко не одно и то же. У Иеринга это выражено совершенно ясно" (стр. 332). Слѣдуетъ длинная выписка изъ Иеринга, а затѣмъ выраженіе торжества отъ имени этого писателя и своего: „Прежде чѣмъ говорить объ изгнаніи изъ юриспруденціи логики, Вѣстникъ Права долженъ будетъ опровергнуть логичность приведенныхъ выше соображеній о значеніи юридическихъ понятій“ (стр. 333).

Тріумфъ по поводу этой „логичности“ напрасенъ, и вызовъ „Вѣстнику“ легко можетъ кончиться конфузомъ. Опровергнуть эту „логичность“ можетъ не только „Вѣстникъ“, но и всякій, кто знакомъ съ логикою. Элементарнымъ и основнымъ правиломъ этой науки относительно понятій является требованіе единства и прочнаго фиксированія (не-„измѣнчивости“) понятій и ихъ обозначеній—словъ. Имѣемъ ли мы дѣло съ понятіями „столь“, „организмъ“ или „право“, „собственность“,—элементарнымъ и основнымъ требованіемъ логики и научной методологіи является такое фиксированіе и употребленіе этихъ понятій и терминовъ, чтобы они не имѣли пяти, десяти, или хотя бы двухъ различныхъ смысловъ, а только одинъ, точно фиксированный, неизмѣнный смыслъ. Этимъ отличается научная терминологія отъ обыденнаго, нерѣдко двусмысленнаго или даже многосмысленнаго словоупотребленія. То правило, которое составитель выставляетъ, вмѣстѣ съ вызовомъ Вѣстника на логическій бой и съ радостною увѣренностью въ тріумфъ, является логическою несообразностью, а его поясненія къ нему, въ частности, приводимый имъ примѣръ измѣнчивости понятія права собственности, уясняютъ только то, что ясно и безъ того изъ другихъ частей его статьи, а именно его незнакомство съ логикою и научною методологіей. Примѣненіе этого правила на дѣлѣ уничтожило бы науку и превратило бы ее въ хаосъ и столпотвореніе вавилонское. Тогда не было бы, напр., въ наукѣ понятія „собственности“, „обязательства“, „организма“, и т. п., а получились бы десятки или сотни „понятій“ собственности и т. д., а если еще распространить послѣдовательно это курьезное требованіе „измѣнчивости понятій“ по времени на различія по мѣсту, то имѣющееся уже число смысловъ пришлось бы помножить на такое же или большее число, соответствующее „измѣнчивости понятій“ по мѣсту, народности и т. п. Напротивъ, наука должна позаботиться объ установленіи такого понятія „права собственности“, „организма“ и т. п., чтобы оно было едино и неизмѣнно, одинаково подходило ко всякому случаю „собственности“,

„организма“ и т. п., когда бы и гдѣ бы обозначаемыя этими словами явленія ни имѣли мѣста. Правила, соблюденіе коихъ необходимо для этой цѣли, можно найти въ любомъ учебникѣ логики.

Но дѣло не въ томъ, что составитель имѣлъ неосторожность вызвать Вѣстникъ на этотъ логическій поединокъ, не вооружившись пособіемъ по логикѣ, а въ болѣе существенномъ недоразумѣніи. Требуется большая увѣренность въ незнакомствѣ читателя съ историческою школою и съ новымъ практическо-догматическимъ направлениемъ, чтобы скептическое отношеніе послѣдняго къ „юридической логикѣ“ свести къ приведеннымъ положеніямъ (хотя бы они и не являлись случайнымъ *lapsus linguae* съ точки зрѣнія логики), которыя къ тому же внушаютъ недоразумѣніе, будто особенностію исторической школы являлось отрицаніе исторической точки зрѣнія, а особенность и заслуга практическаго направленія состоитъ въ проведеніи отрицаемой историческою школою исторической точки зрѣнія. Какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, этотъ пріемъ не можетъ быть оправданъ невѣдѣніемъ.

Вызвавъ у читателя, какимъ себѣ его представляетъ г. Нечаевъ, представленіе, что упреки по адресу теоріи интересовъ по поводу ея отрицательнаго отношенія къ „юридической логикѣ“, къ юридическимъ понятіямъ, юридическимъ принципамъ, къ послѣдовательности юридическихъ выводовъ, юридической конструкціи и т. д. совсѣмъ лишены почвы и явно несправедливы, что дѣло сводится къ весьма невинному дѣлу, даже къ улучшенію „юридической логики“ путемъ признанія „измѣнчивости юридическихъ понятій“ въ исторіи, г. Нечаевъ уже въ дальнѣйшемъ изложеніи считаетъ забытыми эти положенія и говоритъ уже не о правильномъ (съ точки зрѣнія его „логики“) образованіи юридическихъ понятій, а объ упраздненіи школою Іеринга понятій и замѣнѣ ихъ иными элементами, о „парализованіи“ понятій и т. п. Такъ, на стр. 333 читаемъ: „Школа Іеринга, отвергая понятія, замѣняетъ ихъ въ догматической теоріи *принципами* и такимъ образомъ не только не отвергаетъ послѣдніе, но, наоборотъ, возвышаетъ ихъ на первое мѣсто въ дѣятельности судьи и юриста-практика“.

Это признаніе отъ имени школы Іеринга, что она „отвергаетъ понятія“ и замѣняетъ ихъ чѣмъ то инымъ, противорѣчитъ предыдущему и содержитъ въ себѣ логическій *non sens*. Положеніе объ устраненіи понятій и ихъ замѣнѣ „принципами“ немислимо не только съ точки зрѣнія логики, но и психологіи, поскольку даже такіе „представители“ этой школы, какъ составитель статьи,

несомнѣнно относятся къ роду homo sapiens. Мыслима и встрѣчается субъективная атрофія или неразвитіе извѣстнаго свойственнаго нормальнымъ людямъ круга понятій (и eo ipso сужденій), въ томъ числѣ правовыхъ и вообще этическихъ (moral insanity), но это болѣзненные и исключительныя явленія; всякій же психически здоровый человѣкъ, даже въ случаѣ на то направленныхъ усилій не могъ бы освободиться не только отъ понятій вообще, но и отъ правовыхъ или нравственныхъ понятій въ частности. Къ тому же положенія: „школа Іеринга, отвергая понятія, замѣняетъ ихъ... принципами“—уничтожаютъ, „парализуютъ“ (стр. 334, гдѣ „логическій выводъ изъ понятія.. парализуется логическимъ выводомъ изъ другаго принципа“, sic!) другъ друга; не только „принципы“, но и никакія сужденія въ логическомъ смыслѣ не мыслимы безъ понятій, ибо сужденія состоятъ изъ понятій; юридическіе „принципы“ есть ничто иное, какъ извѣстное соединеніе соотвѣтственныхъ понятій. Замѣчательно, что составитель предлагаетъ свои разсужденія читателямъ Журнала Министерства Юстиціи въ качествѣ методологическихъ разъясненій по адресу непонимающаго методологіи „школы Іеринга“ Вѣстника и обѣщаетъ подарить въ будущемъ болѣе „детальное“ методологическое разсужденіе въ томъ же родѣ (стр. 339, ср. также стр. 345, гдѣ онъ говоритъ по адресу другихъ о „методологическихъ заблужденіяхъ“, грѣхъ „противъ логики“ и т. п.).

Но это сравнительно мелочи. Важнѣе цѣль этихъ разсужденій и средства, употребленныя для ея достиженія. Цѣль состоитъ въ возбужденіи представленія, будто Вѣстникъ говоритъ неправду, вводитъ напрасную клевету на практическо-догматическую школу, упрекая ее въ легкомысленномъ отношеніи къ юридическимъ принципамъ, а средства состоятъ въ пользованіи различными смыслами слова „принципъ“, въ подмѣнѣ понятій. Вызвавъ на предыдущихъ страницахъ впечатлѣніе отраженія упрека Вѣстника по адресу практическаго направленія по поводу юридическихъ понятій, здѣсь составитель жертвуетъ уже ненужными болѣе „понятіями“ для того, чтобы съ тѣмъ большею силою отразить упрекъ по поводу юридическихъ принциповъ. Но изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что дѣло идетъ о вызовѣ чисто виѣшняго впечатлѣнія въ случаѣ не особенно внимательнаго чтенія. А именно „принципы“, которые школа Іеринга не только не отвергаетъ, но даже именно возвышаетъ, воцаряя ихъ на мѣсто отвергнутыхъ ею юридическихъ понятій и ставя ихъ на первое мѣсто въ дѣятельности „судьи

и юриста-практика", совсѣмъ не то, о чемъ говорить статья Вѣстника. Здѣсь слово „принципы“ является только маскою, придающею положенію видъ отрицанія положеній Вѣстника, а на самомъ дѣлѣ означаетъ совершенно другое понятіе, ничего общаго съ понятіемъ юридич. принциповъ, о которыхъ говоритъ Вѣстникъ, не имѣющее, такъ что положеніе составителя, на самомъ дѣлѣ, не только не отражаетъ упрека Вѣстника, но даже содержитъ подъ маской отрицанія скрытое признаніе. А именно, изъ другихъ мѣстъ изложенія оказывается, что происхождение и смыслъ употребленнаго здѣсь двусмысленнаго слова „принципы“ (между прочимъ, образецъ пользы „измѣнчивости понятій“!) таково: тѣ весьма разнородныя указанія и соображенія, которыя въ практическо-догматической школѣ обыкновенно служатъ для оправданія отступленія отъ юридич. принциповъ и вообще отъ требованій „юридич. логики“ (указанія на „интересъ“ одной изъ сторонъ, „практическія соображенія“, требованія цѣлесообразности, справедливости, „практическаго такта“ и т. д.), составитель замѣняетъ спеціальнымъ понятіемъ цѣлей и направленій политики законодателя, мотивовъ и цѣлей, которыми руководствовался законодатель при созданіи нормъ. Эти цѣли и направленія онъ называетъ „принципами“ и выставляетъ упомянутое утвержденіе, показывающее, что Вѣстникъ говоритъ, такъ сказать, больше, чѣмъ неправду, ибо школа Геринга именно „принципамъ“ и только имъ придаетъ рѣшающее значеніе. Здѣсь содержится тройное злоупотребленіе словомъ „принципы“ и такое же несогласіе съ истиною.

Выдвинувъ, повидимому, вопреки утвержденіямъ Вѣстника „принципы“, составитель получаетъ такимъ образомъ базисъ для дальнѣйшихъ стратегическихъ операцій. Онѣ столь же печальны, какъ и предыдущія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи путемъ выписокъ и передачи собственными словами вызывается представленіе, будто отличіе школы Геринга отъ метода, защищаемаго Вѣстникомъ, состоитъ въ томъ, что школа Геринга требуетъ непримѣненія закона къ случаямъ, „отклоняющимся отъ предусмотрѣнныхъ“ въ законѣ (стр. 336 и сл.: „считаться съ такими отклоненіями отъ установленныхъ закономъ типовъ“, „оцѣнка явленій, отклоняющихся отъ предусмотрѣнныхъ“), какъ будто кто либо требуетъ такого примѣненія. Въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько разъ, внушается читателю мысль, будто это отличіе состоитъ въ томъ, что школа Геринга требуетъ примѣненія аналогіи (335, 336, 337), какъ будто кто либо возстаетъ противъ творчества путемъ аналогіи. Возбуждается также

представленіе, будто это отличіе состоитъ въ томъ, что Вѣстникъ исключаетъ изъ догматики и практики толкованіе путемъ обращенія къ *ratio legis* (*passim*, въ особенности стр. 337, слова: „опасеніе предоставить судѣ возможность самостоятельной и разумной оцѣнки нормъ права не только съ точки зрѣнія ихъ логическаго смысла, но и съ точки зрѣнія лежащихъ въ ихъ основаніи законодательныхъ цѣлей и мотивовъ“). Приемъ обращенія къ *ratio legis*, конечно, признается (и признавался и до Геринга) всеми, въ томъ числѣ и Вѣстникомъ, и требуется, какъ необходимый элементъ логическаго толкованія, ибо онъ примѣняется именно для опредѣленія „логическаго смысла“ законовъ, точно также какъ и историческое толкованіе. (И относительно послѣдняго дѣлается, повидимому, попытка вызвать вредныя для Вѣстника представленія путемъ перепечатки въ этой связи чужихъ разсужденій о необходимости историческаго толкованія, стр. 338; точно также можно подумать, что Вѣстникъ является защитникомъ правилъ *stricti juris*, на основаніи переложенія замѣчаній Геринга о *jus aequum*).

Эти приемы не новы; къ нимъ уже пытались прибѣгнуть прежніе юридическіе органы противъ новаго коллеги—газеты „Право“. Чтобы отрѣзать путь такимъ жетолкованіямъ, въ программной статьѣ Вѣстника (XXIV—XXVI) специально говорится о буквальномъ толкованіи (примѣненіи закона по буквѣ его къ случаямъ, по смыслу закона „отклоняющимся отъ предусмотрѣнныхъ“ и т. п.), о примѣненіи *jus strictum*, объ аналогіи и т. п. и рѣшительно заявляется и поясняется, что объ исключеніи какихъ-либо правилъ и приемовъ логическаго толкованія или примѣненія аналогіи нѣтъ и не можетъ быть рѣчи („Въ частности, нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы стремленіе проводить начало законности означало требованіе примѣненія буквальнаго толкованія, примѣненія началъ *jus strictum*, устранененія аналогіи, толкованія по общему духу законовъ и т. п.“, стр. XXV. „Аналогія есть одно изъ средствъ распространенія начала законности на такія области, гдѣ, при отсутствіи этого средства, господствовали бы интересы, а не право. Ея смыслъ: и при отсутствіи закона для даннаго случая, все таки должны рѣшать не интересы и произволь, а право—законъ наиболѣе сроднаго случая или принципъ наиболѣе сроднаго института“ и т. д.; о буквальномъ толкованіи и *jus strictum* особо говорится на стр. XXV). Но составитель статьи противъ Вѣстника не смущается и повторяетъ тѣ же

приемы борьбы, для которых, казалось, окончательно отрезанъ былъ путь.

При всѣхъ этихъ переменѣхъ декорацій и фикціяхъ вещи не называются своими именами. Когда говорится о разныхъ видахъ толкованія, объ аналогіи, *ratio legis* и т. п., то эти техническія и твердо установленныя понятія замѣняются неясными и неточными описаніями, длинными разсужденіями съ трудно уловимымъ смысломъ и т. п. Если бы эту воду устранить и придать изложенію научную форму съ надлежащей терминологіей, съ названіемъ вещей ихъ научными именами, и безъ двусмысленныхъ выраженій и изреченій, то статья, конечно, не была бы напечатана. Теперешній туманъ для незнакомыхъ съ дѣломъ методологии и юридическихъ школъ нѣсколько скрываетъ истинный смыслъ утвержденій и намековъ и ихъ несогласіе другъ съ другомъ и съ фактами. Но и при полномъ незнаніи дѣла и некритическомъ чтеніи достаточно только запомнить начальныя и исходныя положенія составителя, чтобы въ концѣ главы констатировать, что она вся является явнымъ и поразительнымъ противорѣчіемъ и научнымъ нулемъ по формулѣ: $+a - a = 0$. Ибо послѣ всѣхъ указанныхъ выше и не указанныхъ изворотовъ, частныхъ противорѣчій и приемовъ, вызывающихъ впечатлѣніе, будто Вѣстникъ въ своей статьѣ напрасно клеветаетъ на практическую школу, будто эта школа вовсе не посягаетъ на юридическую логику и *voluntas legis*, а, напротивъ, неправильныя юридическія понятія исправляетъ, принципы возвышаетъ и т. д.,—въ концѣ статьи наступаетъ крупная и рѣшительная переменѣ декораціи. Здѣсь (стр. 339, 340) юридическая конструкція просто объявляется лишнимъ дѣломъ и плодомъ недоразумѣнія, приводится, въ качествѣ методологическаго образца и вмѣстѣ съ тѣмъ авторитета въ пользу школы Геринга, разсужденіе римскаго юриста Трифонина, въ которомъ, по мнѣнію составителя, юристъ „не слѣдуетъ за логикою, и даже прямо отрицаетъ ее“, и мнѣніе другого авторитета въ пользу исправленія закона со стороны исполнителей его (стр. 340, 341) ¹⁾.

¹⁾ Вообще отношеніе къ логикѣ въ статьѣ г. Нечаева представляетъ своего рода литературную и „логическую“ достопримѣчательность и не лишено своеобразнаго остроумія. Степени признанія „логики“ въ статьѣ расположены въ убывающей прогрессіи слѣдующимъ образомъ: 1) полное признаніе („Герингъ и его школа, поэтому отрицаютъ не логику и принципы“ и т. п. стр. 332); 2) частичное признаніе надобности (стр. 335, „подлежать лишь отчасти логическому изученію“); 3) соблюденіе *arrangances* (336, „судья, подражая законодателю, кажется руководству-

Характерно, что этой послѣдней части главы приданъ видъ заключительнаго триумфа, какъ будто подготовленнаго предыдущимъ изложеніемъ и являющагося послѣднимъ ударомъ въ томъ же направленіи, въ какомъ наносились удары Вѣстнику въ предыдущихъ частяхъ изложенія. Здѣсь послѣ несогласованныхъ другъ съ другомъ переложеній и выписокъ изъ новыхъ авторитетовъ появляются въ качествѣ послѣдней инстанціи авторитетъ римскихъ юристовъ, въ частности фрагментъ Трифонина, и, наконецъ, *ipse dixit* схоластики—Аристотель; дается побѣдоносный и окончательно уничтожающій противника совѣтъ редакціи Вѣстника „дать себѣ трудъ открыть 5-ю главу Никомаховой этики великаго философа“ (для самоличнаго убѣжденія, что *ipse dixit* въ

щимся логикою, но когда случаи сложны, ему приходится входить и въ сложные, чисто законодательныя соображенія“); 4) рѣшительный ударъ (340, Трифонинъ „не слѣдуетъ за логикою и даже прямо отрицаетъ ее“). Эта остроумная нисходящая прогрессія уваженія къ логикѣ съ другой точки зрѣнія, а именно съ точки зрѣнія научной, представляетъ восходящую прогрессію—прогрессію обнаруженія незнанія и непониманія методологій (и вообще логики, восходящую прогрессію научнаго и логическаго *absurdum*. Странную роль въ методологическомъ разсужденіи играетъ изреченіе о частичномъ логическомъ изученіи; не достааетъ только для полноты научной картины опредѣленія доли допускаемаго логическаго и иного (не логическаго) изученія. Еще болѣе странно прочесть на страницахъ научнаго журнала разговоръ о томъ, что въ „простыхъ“ случаяхъ „судья, подражая законодателю, кажется руководствующимся логикою“, а въ сложныхъ перестаетъ показывать этотъ видъ, т. е., какъ призналъ бы всякій образованный и мыслящій человѣкъ на основаніи этой мудрой посылки,—откровенно и безъ притворства говорить вздоръ, а по мнѣнію автора—именно подражаетъ законодателю и пускается въ какія то нелогическія (въ отличіе отъ предыдущаго, гдѣ подражаніе законодателю означало видъ логичности), но сложныя и глубокія разсужденія. Наконецъ, откровенный и рѣшительный *non sens* заключается въ возведеніи въ образецъ методологій разсужденія, гдѣ (яко бы) не только нѣтъ соблюденія, но есть отрицаніе логики. Несмотря на довольно ясный намекъ въ статьѣ Вѣстника (стр. XII), составитель еще не ориентировался въ вопросѣ объ отрицаніи логики, не усвоилъ той простой истины, что отрицаніе логики не только со стороны людей, имѣющихъ дѣло съ наукою, но даже просто со стороны человѣка въ здоровомъ умѣ и твердой памяти совершенно недопустимо, что этотъ курьезъ есть результатъ элементарнаго смѣшенія понятій, что на самомъ дѣлѣ можно говорить лишь объ отрицаніи извѣстнаго рода посылокъ съ замѣною ихъ другими послылками (и притомъ логически правильно составленными изъ логически правильно образованныхъ понятій) для выводовъ, что въ данномъ случаѣ можно говорить только о замѣнѣ юридическихъ посылокъ (положеній нормъ права и вытекающихъ изъ нихъ частныхъ или общихъ, по сравненію съ отдѣльными нормами, выводовъ) иными, на правѣ не основанными, послылками, т. е. о замѣнѣ права не-правомъ, а не о замѣнѣ логики, чѣмъ то инымъ.

пользу исправления неудовлетворительных законов исполнителями), при чем г. Нечаевъ пользуется, конечно, случаемъ помѣстить еще одну длинную выписку и перепечатываетъ изъ перевода Никомаховой этики то, что относится къ дѣлу, и то, что къ дѣлу не относится ¹⁾).

Въ дѣйствительности вся эта глава, какъ и предыдущая, къ дѣлу совсѣмъ не относится. Имѣла бы отношеніе къ дѣлу критика того, что въ программной статьѣ Вѣстника и въ другихъ, въ послѣдніе годы появившихся, статьяхъ было высказано по поводу смысла и значенія чистоты юридическаго метода, по поводу объективности и правдивости толкованія и логической послѣдовательности юридич. конструкціи и т. д. ²⁾ Противъ того, что по этимъ вопросамъ сказано въ статьяхъ Вѣстника и другихъ, составитель, повидимому,

¹⁾ Писатель изъ эпохи до-схоластическаго періода, когда люди также мало проявляли смѣлости самостоятельнаго мышленія, а спорили и доказывали путемъ цитатъ изъ авторитетовъ, но когда роль ipse dixit игралъ, главнымъ образомъ, не Аристотель, а Платонъ, воспользовался бы болѣе рѣшительнымъ и вообще по содержанію послѣдней части главы статьи г. Нечаева лучшимъ доказательствомъ, а именно—переписалъ бы изъ діалога „Политикъ“ разсужденія Платона о томъ, что законы представляютъ вредное и лишнее ограниченіе для мудрыхъ правителей, мѣшающіе имъ въ конкретномъ случаѣ выбрать наиболѣе правильное рѣшеніе, что поэтому лучше, чтобы государствомъ управляли не законы, а мудрые правители и т. д. Выписки изъ позднѣйшаго діалога „Законы“ того же философа, гдѣ указывается на неосуществимость въ дѣйствительности такого идеала правителей, при которомъ ихъ мудрость слѣдовало бы предпочесть законамъ, на величайшую важность для дѣйствительныхъ государствъ господства законовъ, безпрекословнаго имъ подчиненія всѣхъ и т. д.—было бы, конечно, неудобно приводить. А если бы составитель въ своихъ поискахъ за годными для перепечатанія авторитетными отрывками натолкнулся на извѣстный діалогъ Сократа съ Критономъ (гдѣ Сократъ отвергаетъ спасеніе своей жизни цѣною отступленія отъ принципиальнаго отношенія къ закону и доказываетъ, что ему слѣдуетъ воспріять смертную казнь по принципиальнымъ причинамъ) и не только принялъ во вниманіе, но и понялъ этотъ великій символъ и образецъ принципиальности такъ, какъ его слѣдуетъ понять, не только разумомъ, но и сердцемъ? Тогда онъ, конечно, не написалъ бы того, что онъ написалъ.

²⁾ Ср. стр. IX—XIV нашей программной статьи; основныя положенія, выясняющія промахи практическаго направленія, не только не опровергаются въ полемической части статьи, но и, послѣдовательно, пропущены въ первой, реферирующей главѣ при перепечаткѣ статьи Вѣстника, гдѣ за то помѣщены непонятныя и странныя вслѣдствіе нарушенія подлинной связи замѣчанія или неправдивыя сообщенія съ приписаніемъ ихъ редакціи (ср., напр., подлинный текстъ и его реферирующее искаженіе: „Поставивъ себѣ задачей покровительство вождѣльнѣямъ и интересамъ отдѣльныхъ лицъ, юристы, о которыхъ идетъ рѣчь, отрицаютъ „юриспруденцію понятій“ (Begriffsjurisprudenz), т. е. „ло-

въ своихъ авторитетныхъ пособіяхъ возраженій не нашель, такъ что вся эта глава только по недоразумѣнію можетъ быть сочтена полемикой противъ Вѣстника и защитой приѣмовъ практическаго направленія.

И наше предыдущее изложеніе представляетъ, конечно, не полемику въ научномъ смыслѣ съ г. Нечаевымъ, а только вынужденное обсужденіе литературныхъ приѣмовъ, примѣненныхъ въ статьѣ, напечатанной въ Журналѣ Министерства Юстиціи, и возстановленіе истины.

Поэтому по поводу разныхъ положеній, приписанныхъ въ статьѣ практическо-догматическому направленію составителемъ ея, взявшимъ на себя роль истолкователя и защитника этого направленія, какъ то: что это направленіе отвергаетъ понятія и замѣняетъ ихъ принципами въ смыслѣ г. Нечаева, т. е. (*implicite*) отвергаетъ и юридическіе принципы и замѣняетъ ихъ законодательными цѣлями и мотивами, что эта школа отвергаетъ методъ конструкціи, считая его плодомъ недоразумѣнія, и т. п.—мы не беремъ на себя роли защитника этого направленія противъ его защитника, а ограничимся только краткимъ замѣчаніемъ, что довѣріе къ статьѣ было бы столь же, если не болѣе, вредно для защищаемаго тамъ направленія, какъ и для его противниковъ. Хотя г. Нечаевъ исходитъ изъ пособій, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе неумѣлаго пользованія ими, онъ возбуждаетъ несправедливыя подозрѣнія противъ предмета защиты. Если бы практическое направленіе дѣйствительно исходило изъ тѣхъ положеній, которыя отъ его имени провозглашаетъ путемъ неправильной передачи своими словами г. Нечаевъ, то и оно не было бы достойно научной полемики, а во всякомъ случаѣ лишне было бы отрывать противъ него особую борьбу.

IV.

Послѣдняя глава (IV) статьи г. Нечаева могла бы быть по примѣру сочиненій прежнихъ вѣковъ озаглавлена *Chaos*; это—свалочное мѣсто для приведенія найденныхъ въ пособіяхъ, но не приуроченныхъ еще къ предыдущимъ рубрикамъ, цѣнныхъ крохъ отъ трапезы авторитетовъ и вообще для помѣщенія имѣющихся еще въ распоряженіи литературныхъ обломковъ и мелкаго мусора, еще

гиву“ вообще...” (стр. 313). Это краткое предложеніе заключаетъ въ себѣ два несогласныя съ истиною положенія.

нѣсколькихъ похвалъ по адресу Іеринга и пособій, порицаній по адресу Вѣстника и его программы, между прочимъ и выходокъ, не касающихся программы Вѣстника, а направленныхъ противъ другихъ.

Требуютъ здѣсь упоминанія слѣдующіе упреки, относящіяся къ программѣ Вѣстника.

1. Перепечатавъ отрывокъ изъ статьи Вѣстника, содержащій одобреніе правдиваго и объективнаго толкованія источниковъ и принципиальнаго отношенія къ „юридической логикѣ“, свойственныхъ исторической школѣ (прежде это сообщалось и повторялось собственными словами) и повторивъ еще разъ свое неодобреніе метода конструкціи и утвержденіе, что догматика исторической школы представляла схоластику и что школа Іеринга „внесла въ эти идеи“ „существенныя поправки“, составитель восклицаетъ: „Никакая область права не нуждается, наоборотъ, въ большей реформѣ, какъ эта романистическая догматическая теорія исторической школы!“ ¹⁾ (стр. 342).

¹⁾ Въ подкрѣпленіе этого положенія съ восклицательнымъ знакомъ приводится слѣдующее сообщеніе безъ восклицательнаго знака: „Это отлично сознаютъ всѣ современные юристы, а направленія, складывающіяся на почвѣ изученія новаго гражданскаго уложенія, показываютъ убѣдительно, что почти вся огромная, необозримая даже, догматическая литература, выросшая подъ знаменемъ исторической школы въ теченіе нынѣшняго столѣтія, будетъ сдана въ архивъ, чтобы никогда не быть оттуда извлеченной“. Это также хорошій образецъ литературнаго творчества составителя. Значеніе этотъ „аргументъ“ получаетъ при незнаніи и невнимательности или несообразительности читателя. Старая „догматическая литература“ естественно и постепенно „сдавалась въ архивъ“ послѣдующей литературѣ. Новая догматическая литература, „сданная въ архивъ“ уложеніемъ, представляетъ главнымъ образомъ продуктъ новой практическо-догматической школы. Собственно замѣчаніе составителя не представляетъ вообще аргумента, а только вызываетъ при некритическомъ чтеніи впечатлѣніе такового. И въ этомъ кажущемся аргументѣ вмѣсто практической школы поставлена историческая школа. Поскольку эта, играющая здѣсь роль своеобразнаго эффекта, „сдача въ архивъ“ затрогиваетъ (въ другомъ смыслѣ) программы школъ и можетъ служить аргументомъ для критики программы, она относится къ программѣ Іеринга. Ср. Пётражицкій, Права добр. влад. стр. 401:

„Политика права и въ частности гражданская политика, какъ наука, не существуютъ, и въ этомъ смыслѣ мы не можемъ сказать, чтобы лозунги и приемы модной школы искажали и портили эту дисциплину. Тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ отношеніяхъ модныя теченія и въ этой области не остаются безъ вреднаго вліянія: 1) Лозунги модной школы ведутъ къ апатіи въ области политики права, въ частности возбуждаютъ ложное представленіе, будто для развитія гражданскаго права не требуется законодательной реформы его, вообще законодательной

Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, что Вѣстникъ Права со своею программю является здѣсь не больше, какъ представителемъ косности. Не ради этого ли впечатлѣнія допущено здѣсь противорѣчіе, а именно, послѣ указанія на произведенную школою Іеринга существенную реформу теоріи догматики авторъ признаетъ необходимость произвести въ этой „области права“ (какъ онъ называетъ теорію догматики) существенную реформу. Въ дѣйствительности программа Вѣстника въ области теоріи догма-

дѣтельности и науки законодательства—науки политики права, а достаточно перетолковыванія дѣйствующаго права сообразно съ появляющимися новыми интересами, „достойными защиты“. Вѣдь модная юриспруденція видитъ свою истинную задачу въ такой спецификаціи дѣйствующихъ законовъ, чтобы получить изъ позитивнаго права иное „право“, приспособленное такъ сказать ко вкусамъ новыхъ потребителей, напр., древнее римское право посредствомъ разныхъ соусовъ и ингридентовъ приспособить ко вкусамъ и интересамъ современныхъ потребителей этого права. Когда эти современные вкусы и интересы въ будущемъ опять измѣнятся, то можно и нужно будетъ опять перетолковывать римское право на иной ладъ etc. etc. Такова въ существѣ дѣла была программа всѣхъ практическихъ школъ въ прошлыхъ вѣкахъ исторіи юриспруденціи, такова же и модная программа Ihering'a: durch das römische Recht über dasselbe hinaus. Поэтому мы считаемъ вовсе не случайнымъ явленіемъ, что практическая школа проспала такъ сказать вопросъ кодификаціи, забыла о его существованіи и была застигнута врасплохъ, внезапно и неурядно пробуждена лишь появленіемъ проекта новаго уложенія. Между тѣмъ какъ Савиньи и его современники оживленно обсуждали вопросъ кодификаціи гражданскаго права въ Германіи, въ частности программа Савиньи была разсчитана на подготовленіе кодификаціи (хотя онъ не указалъ правильного пріема подготовки къ этому великому дѣлу и не далъ достаточно широкой для этого программы), Іерингъ и его послѣдователи какъ бы забыли совсѣмъ, что юриспруденціи предстоитъ въ недалекомъ будущемъ совершить эту гигантскую, сложную и трудную работу. Ихъ программа основывалась на роковомъ игнорированіи наличности вопроса кодификаціи гражданскаго права и приближенія его рѣшенія. Пробужденіе было довольно болѣзненное и состояло въ неожиданномъ разгромѣ романизма, въ униженномъ фіаско программы „durch das römische Recht“. Въ прошломъ году программа Іеринга, которой авторъ ея по странному недоразумѣнію приписывалъ универсальное, вѣчное значеніе, довольно невѣжливо была сдана законодательнымъ порядкомъ въ архивъ историческихъ промаховъ. Но не исключена опасность, что этотъ историческій урокъ будетъ современемъ забытъ и что германская юриспруденція въ будущемъ составитъ себѣ аналогичную программу, въ которой только вмѣсто римскаго права будетъ фигурировать новое германское уложеніе. Не исключена опасность, что вмѣсто научной подготовки къ реформѣ и исправленію кодифицированнаго въ прошломъ году права, германская юриспруденція удовлетворится программой фальсификаціи этого права и поддѣлки его подъ измѣняющіеся вкусы и интересы. Какъ увидимъ ниже, уже есть симптомы зарожденія этой болѣзни“ (ср. стр. 408—413).

тики есть программа реформы и дѣятельности, а не сохраненія простого *statu quo* и бездѣятельности. Она стремится проводить и пропагандировать болѣе правильные взгляды на существо, задачи и методъ догматики, нежели господствующіе взгляды, путемъ разъясненія связи чистоты юридическаго метода, въ частности послѣдовательности „юридической логики“ съ великимъ принципомъ и постулатомъ „правового государства“. Съ этой точки зрѣнія само существо и задачи юриспруденціи представляются въ существенно иномъ свѣтѣ, нежели тотъ, который распространенъ теперь, и который намъ представляется не свѣтомъ, а мракомъ, непониманіемъ существа и задачи догматики. Теперешніе взгляды на догматику страдаютъ тѣмъ кореннымъ, искажающимъ и затемняющимъ все существо дѣла, недостаткомъ, что, съ одной стороны, отсутствуетъ пониманіе истиннаго смысла и общественной и культурной миссіи догматики—быть стражемъ принципа правомѣрности и органомъ проведенія, развитія и укрѣпленія этого принципа въ государствахъ и обществахъ, искоренителемъ произвола и отступленія отъ закона со стороны исполнителей его—и, въ связи съ этимъ, отсутствуетъ пониманіе принципиальной цѣнности и важности проведенія правдиваго и безпристрастнаго толкованія источниковъ, послѣдовательности и чистоты „юридической логики“, конструктивной работы и т. д., а, напротивъ, видятъ въ этомъ какой то лишній формализмъ, непрактичность и т. п. Съ другой стороны, не понимая истинной задачи и смысла догматики, ей приписываютъ не свойственную ей и даже принципиально вредную, прямо противоположную дѣйствительной общественной и культурной миссіи ея, задачу сдѣлаться пособіемъ и средствомъ для оппортунистической политики со стороны тѣхъ, которые призваны примѣнять дѣйствующее право, а не проводить подъ маскою права ту политику, которая имъ нравится. Г. Нечаевъ между прочимъ, на стр. 337, воодушевившись по поводу „творчества“ школы Иеринга, пишетъ: „Естественно при этомъ условіи создается норма дѣятельности судьи, отклоняющаяся отъ закона, но въ сущности его развивающая, а не искажающая. Во второмъ ряду исключеній изъ закона вслѣдствіе особенности отдѣльныхъ случаевъ могутъ настолько возрасти, что составятъ общее правило, а законные случаи будутъ исключеніями. Законъ снова измѣнится, но не къ своему ущербу и не вопреки волѣ законодателя“. Оставляя въ сторонѣ противорѣчивыя увѣренія на тему, что можно и большой капиталъ пріобрѣсти и невинность соблюсти, и даже отмѣтивъ выраженное

здѣсь желаніе все таки сохранить законъ безъ ущерба, несмотря на совѣтъ исполнителямъ упразднить его (впрочемъ, не совсѣмъ, а такъ, чтобы остались все таки нѣкоторые случаи его примѣненія), какъ признакъ нѣкотораго пониманія и хоть частичной уступки, мы можемъ воспользоваться приведеннымъ мудрымъ изреченіемъ, именно какъ нагляднымъ воплощеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *reductio ad absurdum* взглядовъ школы Іеринга на догматику. Въ случаѣ послѣдовательнаго проведенія этихъ взглядовъ на дѣлѣ дѣйствительно могъ бы получиться такой результатъ, что „законные случаи будутъ исключеніями“, каковой результатъ, впрочемъ, достигается нѣкоторыми исполнителями закона при отсутствіи достаточныхъ гарантій принципа правомѣрности и безъ предварительнаго пребыванія въ „школѣ“ не только Іеринга или великихъ его пророковъ, но даже и не столь великихъ, и не обучившихся въ „школѣ Іеринга“ или недоучившихся комментаторовъ глоссаторовъ его.

Уже проведеніе и распространеніе правильныхъ общихъ взглядовъ на смыслъ и общественную и культурную задачу юриспруденціи, на значеніе „юридич. логики“, конструкціи и т. д., требуетъ не косности и апатіи, а дѣятельной пропаганды, не исключая и борьбы, конечно, не противъ взглядовъ г. Нечаева или т. п., потому что при наличности только такихъ представителей, истолкователей и защитниковъ „школы“ она бы сама себя давно дискредитировала, а противъ взглядовъ серьезныхъ сторонниковъ ея и достойныхъ противниковъ.

Но и проведеніе и разработка частныхъ послѣдствій и примѣненіе этихъ общихъ взглядовъ въ области теоріи догматики, въ частности и методологіи, представляютъ поле для полезной работы. Что касается герменевтики и конструкціи, то мы дѣйствительно полагаемъ, что „выработанные и освященные вѣками почтенной дѣятельности юриспруденціи“ (прогр. стр. XXIV) методологическіе приемы требуютъ не замѣны чѣмъ то инымъ, а сохраненія, и въ этомъ смыслѣ мы говоримъ, что „никакихъ нововведеній, никакой замѣны прежняго способа построенія новымъ не требуется“ (XXIV), но это, конечно, не исключаетъ дальнѣйшей разработки, развитія и улучшеній. Таковыхъ слѣдуетъ ожидать уже вслѣдствіе выясненія отношенія этихъ приемовъ (напр., образованія понятій, *regulae juris*, примѣненія аналогіи) къ общественной и культурной задачѣ юриспруденціи. То, что выработалось инстинктивно и чисто эмпирически, безъ осмысленной теоріи или даже

вопреки поверхностнымъ и неправильнымъ взглядамъ, можетъ быть улучшено и развито сознательно-научною работою.

2. Второй упрекъ составителя противъ программной статьи Вѣстника заключается въ томъ, что въ ней не указаны заслуги науки права XIX столѣтія въ области разработки исторіи права („Огромная масса трудовъ по исторіи римскаго, а особенно по исторіи германскаго, французскаго и англійскаго права, по сравнительному правовѣдѣнію, иногда написанныхъ съ широко-философскою мыслью, могутъ быть достаточными свидѣтелями плодотворности ея работы“, стр. 344). Въ этомъ умолчаніи составитель видитъ тѣмъ болѣе серьезный поводъ для обвиненія, что въ порицаемой имъ статьѣ онъ находитъ упоминаніе о новыхъ успѣхахъ въ области исторіи права ¹⁾). Впрочемъ, далѣе этотъ упрекъ онъ

¹⁾ Выражено это въ статьѣ Журнала Министерства Юстиціи слѣд. образомъ: „Редакція „Вѣстника Права“ молчитъ объ этихъ успѣхахъ юриспруденціи, хотя, повидимому, имѣетъ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Въ своей программѣ дѣятельности юриспруденціи въ XX вѣкѣ редакція говоритъ, какъ мы видѣли, что“... (слѣдуетъ вторичная перепечатка замѣчаній статьи Вѣстника о томъ, что при созданіи политики права необходимо и возможно воспользоваться результатами „разныхъ отраслей наукъ, изучающихъ существо, дѣйствующія силы и фактический ходъ общественной жизни и историческаго процесса“, а равно успѣхами теоріи познанія и методологіи). Въ пользу составителя слѣдуетъ указать, что и здѣсь редакція имѣетъ въ виду и указываетъ вовсе не работы по исторіи разныхъ правъ, а такіе научные успѣхи, къ которымъ юриспруденція почти совсѣмъ не причастна, хотя редакція, конечно, имѣетъ „свѣдѣнія“ о ходѣ и успѣхѣ историческихъ работъ юристовъ и при томъ совсѣмъ иныя свѣдѣнія, нежели составитель, который свое знаніе и пониманіе этого дѣла обнаруживаетъ разными краткими, но достаточными для оцѣнки замѣчаніями и намеками. Составитель не знаетъ и не понимаетъ, почему и какъ историческая школа опровергла воззрѣніе о сознательномъ дѣловомъ происхожденіи права, каковое воззрѣніе ютится теперь только въ „школѣ Геринга“, а всѣми прочими „школами“ и науками признается наивнымъ и несомвѣстнымъ съ теперешнимъ пониманіемъ историческаго процесса. Онъ сообщаетъ, что, напротивъ, Герингъ опровергъ воззрѣніе истор. школы, стр. 348. По поводу замѣчаній Вѣстника объ экономическомъ материализмѣ составитель смѣло заявляетъ, что они не вѣрны, и хотя тутъ же признаетъ другими словами, что они вѣрны, тѣмъ не менѣе говоритъ о „близости“ теоріи Геринга и Меркеля къ экономическому материализму, о „подготовленіи почвы“ ему и т. п. (стр. 348); на стр. 349 онъ говоритъ о „ранней исторіи германскаго права, выросшей въ новое время на идеяхъ Геринга“; въ теоріи Геринга видитъ онъ возвышенную теорію „роста самостоятельнаго этическаго начала“ въ исторіи права; характерны также замѣчанія о сочетаніи философіи и исторіи и т. п. историко-философскомъ исправленіи; сюда относится, повидимому, и то, что Герингъ считаетъ и называетъ „историко-философскимъ“ приѣмомъ, и сравнительное правовѣдѣніе, соціологія и т. п. вещи, къ которымъ Герингъ не причастенъ, и даже программа Вѣстника (стр. 343, 347,

замѣняетъ другимъ, сроднымъ: „Мы, впрочемъ, понимаемъ происхожденіе этого недоразумѣнія. Редакція „Вѣстника Права“, по видимому, не подозрѣваетъ возможности изученія права внѣ практическихъ задачъ, связанныхъ съ такимъ изученіемъ, т. е. задачъ реформы законодательства и примѣненія права въ судѣ. Отсюда она говоритъ только о догмѣ права и „наукѣ“ ¹⁾ политики права“.

По поводу этихъ упрековъ возникаетъ дилемма: или состави-

ср. въ частности слова: „Вѣстникъ Права желаетъ обосновать свою „науку политики“ на сочетаніи идей естественнаго права и историческихъ данныхъ, добытыхъ строго научными методическими приемами, и не находитъ достаточно жесткихъ словъ, чтобы очернить философію Іеринга, построенную какъ разъ на этихъ базисахъ, какъ это видно изъ сдѣланной выше большой выдержки изъ сочиненія П. И. Новгородцева“). Взгляды составителя на заслуги Іеринга въ области исторіи, на т. н. „историко-философское“ направленіе и на отношеніе къ нему Вѣстника объясняются отчасти непониманіемъ программы Вѣстника и пособій, а отчасти ошибками самихъ пособій, по нѣкоторыя утвержденія противопоставляемыя, какъ антитезъ взглядамъ Вѣстника, еще болѣе сомнительнаго происхождения.

¹⁾ Ковычки употреблены здѣсь съ отнѣнкомъ нѣкоторой извѣстности; составитель, слѣдуя неудачной терминологіи, принятой его авторитетными пособіями, названіе наука относитъ только къ наукамъ, изучающимъ законы явленій, во всякомъ случаѣ только къ теоретическимъ, а не практическимъ наукамъ. Мы считаемъ эту терминологію неудачной, не отвѣчающей ни исторически выработавшемуся понятію науки, ни духу языка, ни задачамъ научной терминологіи, которыя требуютъ одного термина для понятія систематическихъ и методическихъ дисциплинъ, посвященныхъ изученію опредѣленнаго круга проблемъ. Не понимая, что дѣло во всякомъ случаѣ сводится къ вопросу словоупотребленія, и смѣшивая этотъ терминологическій вопросъ и терминологическое обьясненіе нѣкоторыхъ позитивистовъ съ вопросами и правилами логики, г. Нечаевъ далѣе замѣчаетъ: „Требованіе созданія „науки политики“, грѣша противъ логики, противопологающей науку политикѣ, основано также и на невѣрномъ предположеніи возможности систематизированнаго знанія по отдѣльнымъ и общимъ вопросамъ „правосозданія“, знанія, добытаго прямо въ интересахъ практическихъ“. Здѣсь и въ главномъ предложеніи (въ подтвержденіе коего далѣе перепечатываются авторитетныя вышски), какъ и въ придаточныхъ и почти всѣхъ другихъ главныхъ и придаточныхъ предложеніяхъ неумѣлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неправдиваго изложенія, заключается нѣсколько недостатковъ. Первый недостатокъ состоитъ въ отсутствіи точнаго и толковаго выраженія сообщаемой мысли. Имѣется въ виду сказать другое, а именно то общеизвѣстное положеніе, что выводы практическихъ наукъ должны имѣть въ своемъ основаніи теоретическія послыжкі (хотя бы онѣ, какъ часто бывало въ исторіи, и были собраны именно для цѣлей практической науки). Второй недостатокъ заключается въ неправдивости упрека; что неправильность его извѣстна составителю, видно изъ его же изложенія на стр. 344 и 345.

тель не понималъ темы поносимой имъ статьи, посвященной практической дѣятельности науки права на пользу человѣчества (въ пользу этого говоритъ проявляемая составителемъ въ другихъ мѣстахъ степень научнаго развитія въ связи съ отсутствіемъ заглавія надъ статьею Вѣстника; противъ этого говоритъ все существо и содержаніе статьи), или же, что гораздо хуже для него, онъ понималъ, о чемъ говорится въ статьѣ и почему тамъ не говорится специально о чисто научныхъ вопросахъ и задачахъ, независимыхъ отъ непосредственной общественной миссіи юриспруденціи. Въ пользу и субъективной неправдивости, неискренности упрека говоритъ то, что (независимо отъ указаній въ самой статьѣ Вѣстника на важность правильной теоріи права и необходимость критической ревизіи новыхъ теоретическихъ ученій) Вѣстникъ Права на первомъ мѣстѣ въ первой книгѣ, тотчасъ послѣ редакціонной статьи, помѣстилъ большую чисто теоретическую статью: „Что такое право?“, что составитель упрекаетъ ее въ томъ, что она занимается чисто теоретическими разсужденіями, прибѣгаетъ къ примѣру договора съ діаволомъ и т. п., „забывая реальныя, житейскія, но великія задачи развитія русской юридической жизни“ (стр. 350).

3. Дальнѣйшій упрекъ состоитъ въ томъ, что программа Вѣстника „производитъ реформу тамъ, гдѣ она уже произведена“. Составитель имѣетъ въ виду ту часть программы Вѣстника, которая касается политики права, и находитъ, что требованія программы Вѣстника въ этомъ отношеніи уже осуществлены. Дальше онъ поясняетъ, что въ школѣ Іеринга требуемая реформа осуществлена даже на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ ее предлагаетъ обосновать Вѣстникъ, т. е. (по толкованію составителя) „на сочетаніи идей естественнаго права и историческихъ данныхъ, добытыхъ строго научными методическими пріемами“. (Здѣсь составитель уже забываетъ, что прежде упрекалъ редакцію Вѣстника въ незнаніи необходимости теоретическихъ основаній для прикладной науки). Но статья Вѣстника именно и содержитъ полемику противъ той политики права, которая осуществляется въ „школѣ Іеринга“ и которая состоитъ въ смѣшеніи задачъ и пріемовъ юриспруденціи и политики, въ искаженіи и того, и другого вслѣдствіе отсутствія ихъ идейнаго и пракческаго раздѣленія. Поэтому то Вѣстникъ Права и говоритъ о необходимости возвратиться къ такому отношенію этихъ дисциплинъ, которое существовало въ эпоху школы естественнаго права, а ту реформу, ко-

торая „уже произведена“ считаетъ существеннымъ и весьма вреднымъ заблужденіемъ.

4. Наконецъ, послѣдній ударъ Вѣстнику и триумфъ составителю заключается въ послѣднихъ словахъ статьи:

„Что въ самомъ дѣлѣ, кромѣ общихъ бессодержательныхъ фразъ представляетъ собою конкретная программа журнала, приведенная нами въ концѣ § 1 нашей статьи?“

Это дѣйствительно наиболее ловкій и эффектный ударъ, и не даромъ его г. Нечаевъ приберегъ къ концу статьи, хотя для помѣщенія его въ этомъ мѣстѣ пришлось прибѣгнуть къ искусственнымъ и даже нѣсколько комическимъ средствамъ прицѣпления. Составитель здѣсь никакихъ толкованій и разсужденій отъ себя не помѣщаетъ, а приглашаетъ только читателя убѣдиться самому въ правильности его презрительнаго восклицанія, взглянувъ на „конкретную программу журнала“, „во избѣжаніе недоразумѣній“ помѣщенную въ подлинномъ видѣ, путемъ перепечатки подлинныхъ словъ Вѣстника въ концѣ § 1 его статьи. И дѣйствительно всякій читатель, не подозрѣвающий, конечно, возможности фальсификаціи при сообщеніи „подлиннаго“ документа на столбцахъ читаемаго имъ журнала, не можетъ не согласиться, что заключительное восклицаніе г. Нечаева въ самомъ дѣлѣ заслужено Вѣстникомъ: въ другихъ частяхъ статьи Вѣстника говорится въ общихъ выраженіяхъ о великихъ идеалахъ права и великихъ задачахъ политики права, а въ видѣ конкретной программы дѣятельности политики права въ XX вѣкѣ приводится рядъ указаній, касающихся формальной стороны права, формъ положительнаго права, закона и обычая, ясной редакціи законовъ, точнаго разграниченія устанавливаемой компетенціи и т. д. Получается крайне компрометирующее программу Вѣстника впечатлѣніе, усугубляемое еще тѣмъ, что при перепечаткѣ подлинныхъ словъ „конкретной программы“ Вѣстника довольно удачно примѣнена политика пропусковъ, еще болѣе уменьшающая удобопонимаемость, значеніе и содержательность перепечатываемыхъ подлинныхъ отрывковъ „конкретной программы“ Вѣстника. И мы увѣрены, что на дѣлѣ изъ всѣхъ средствъ, примѣненныхъ составителемъ статьи для дискредитированія Вѣстника, то, которымъ онъ воспользовался по отношенію къ „конкретной программѣ“, можетъ оказаться наиболее дѣйствительнымъ и успешнымъ. Ибо, что касается предыдущихъ частей изложенія, посвященныхъ критикѣ „абстрактной“ программы Вѣстника, то развѣ ужъ очень неразвитой и малообразованный читатель не съумѣетъ замѣтить разныхъ

натяжекъ, противорѣчій, нелогичностей и т. п. сомнительныхъ явленій, а прочитавшіе статью сознательно и критически должны будутъ себѣ сказать, что въ концѣ концовъ, допустивъ даже логическую и этическую правильность всего весьма длиннаго изложенія, касающагося „абстрактной“ программы Вѣстника, эту программу приходится признать этимъ изложеніемъ совѣзмъ не поколебленную просто потому, что составитель предлагаетъ не критику этой программы, не контръ-аргументы, а повтореніе отвергаемыхъ и опровергаемыхъ Вѣстникомъ прежнихъ ходячихъ взглядовъ отчасти своими словами, отчасти же перепечатанными чужими словами прежнихъ сочиненій.

Между тѣмъ именно всякій интеллигентный и критически относящійся къ читаемому имъ читатель можетъ признать, что „конкретная программа“, которую въ концѣ концовъ предлагаетъ Вѣстникъ какъ бы на смѣну предыдущихъ общихъ разсужденій, дѣйствительно сама по себѣ, какъ таковая, ниже всякой критики; къ тому же она не вяжется съ предыдущими общими разсужденіями и взглядами Вѣстника и находится по вѣсу и значенію своему внѣ всякаго соответствія съ ними. Тогда какъ въ главной части статьи составитель уподобляется повѣренному, который не можетъ найти и привести „опроверженій“ противъ „возраженій“, а ограничивается только жалобнымъ повтореніемъ содержанія искового прошенія,—здѣсь онъ выступаетъ въ побѣдоносной роли той процессуальной стороны, которой для уничтоженія противника и убѣжденія суда въ своей правотѣ достаточно показать отысканный ею подлинный документъ, написанный противною стороною. Здѣсь рѣшеніе процесса въ пользу примѣнившей такое оружіе стороны не можетъ подлежать никакому сомнѣнію,—развѣ бы былъ предъявленъ и обоснованъ споръ противъ подлинности документа.

Бываютъ такіе документы, въ которыхъ самъ текстъ вѣренъ, но допущено такое искаженіе только одного слова—подписи или надписи, что послѣдствія такого, повидимому, незначительнаго измѣненія оказываются весьма серьезными.

Въ случаѣ литературнаго нападенія, конечно, „спора о подлогѣ“ документа не можетъ быть возбуждено, но литературную недопустимость примѣннаго здѣсь приема борьбы слѣдуетъ отмѣтить; „неточность“ допущена здѣсь въ надписи. А именно успѣхъ заключительнаго удара, наносимаго Вѣстнику въ глазахъ читателей Журнала Министерства Юстиціи, былъ подготовленъ заранѣе (еще въ § 1) посредствомъ помѣщенія надъ упомянутыми до-

словно перепечатанными отрывками статьи Вѣстника слѣдующей надписи:

„Въ заключеніе редакція намѣчаетъ рядъ ближайшихъ практическихъ задачъ, которыя должна будетъ разрѣшить „наука политики права“ въ XX вѣкѣ. Онѣ слѣдующія“.

Вотъ эта надпись и есть неправдивое сообщеніе, лишшающее подлинности весь документъ такъ же, какъ если бы путемъ перемѣны надписи, вмѣсто документа иного рода, получилось заемное письмо, духовное завѣщаніе и т. п. Дѣло въ томъ, что перепечатанные отрывки взяты не изъ „конкретной программы“, которую Вѣстникъ предлагаетъ наукѣ политики права на XX вѣкѣ, а изъ указаній программной статьи Вѣстника, что для достиженія и соблюденія законности недостаточно, конечно, правильной постановки догматики, правдиваго толкованія источниковъ и чистоты юридическаго метода, а важны и разныя формальныя, а отчасти и матеріальныя свойства самихъ источниковъ, отсутствіе пробѣловъ, хорошая редакція законовъ, развитіе контроля, административной юстиціи, правильнаго разграниченія компетенціи между разными органами и т. п. Сдѣланы были эти замѣчанія, чтобы отразить возможный упрекъ въ томъ, будто Вѣстникъ правильную постановку догматики выставляетъ „какъ всеобщее и достаточное средство для устраненія противозаконій, для достиженія всеобщаго неуклоннаго соблюденія права и воспитанія правосознанія въ народѣ“ (стр. XXVII). Составитель только замѣнилъ эту надпись инымъ реферирующимъ сообщеніемъ отъ имени редакціи.

Таковы способы, посредствомъ которыхъ сдѣлано было покушеніе дискредитировать Вѣстникъ Права и, между прочимъ, возбудить неудовольствіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества противъ редакціи Вѣстника. Производить здѣсь общую оцѣнку этихъ „методовъ“, вообще помѣщать здѣсь какіе либо общіе выводы или объясненія мы считаемъ дѣломъ слишкомъ неприятымъ. Поэтому отъ всякихъ общихъ сужденій о цѣляхъ и средствахъ произведеннаго на насъ незаслуженнаго нападенія мы воздерживаемся. Вмѣсто этого въ заключеніе отмѣтимъ только, что общій характеръ статьи пріобрѣтаетъ еще особый усугубляющій оттѣнокъ, вслѣдствіе упорнаго своеобразнаго привлеченія къ этому дѣлу имени Спб. Юридическаго Общества. Въ особенности усиливаетъ всѣ эти впечатлѣнія то, что напечатано на стр. 310 и 311: „Спб. Юридическое Общество само впало или, можетъ быть, случайно введено въ заблужденіе относительно существующихъ

направленій въ современной научной юриспруденціи и желаетъ вести своихъ читателей по пути, еще болѣе неопредѣленному, чѣмъ тотъ практическій, которому оно до сихъ поръ слѣдовало. Мы не хотимъ винить Спб. Юридическое Общество за ошибку..... Но въ то же время мы не можемъ остаться и равнодушнымъ читателемъ тѣхъ совершенно невѣрныхъ свѣдѣній о состояніи и задачахъ современной юриспруденціи, которыя подъ его авторитетомъ излагаются практическимъ юристамъ, не всегда имѣющимъ подъ руками провѣрочныя научныя данныя, и особенно учащейся юриспруденціи молодежи“.

Эти замѣчанія вполне соотвѣтствуютъ цѣли, характеру и почему содержанію всей статьи, но, какъ и вся статья, мало соотвѣтствуютъ не только объективной правдѣ, но и требованіямъ субъективной литературной правдивости и искренности. Съ равнымъ основаніемъ мы бы могли говорить, что мы не обвиняемъ Министерства Юстиціи за то, что въ его журналѣ помѣщена такая статья, незаслуженно подрывающая репутацію другого юридическаго органа, вводитъ въ заблужденіе читателей и т. п.

Отвѣтственность за поносимую составителемъ статью Вѣстника лежитъ на редакціи журнала и только на ней. Она готова отвѣчать за эту статью, каждое слово которой *viribus unitis* было серьезно взвѣшено и обдуманно съ полнымъ сознаніемъ нравственной и научной отвѣтственности предъ читателями и обществомъ. Только удовольствіе доставила бы намъ серьезная научная полемика въ особенности со стороны представителей школы Геринга.

IX.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. Обвиненіе братьевъ Скитскихъ въ убійствѣ Комарова.

Слѣдя за лѣтописью уголовныхъ процессовъ послѣдняго времени, нельзя не замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло возбуждаетъ общественный интересъ по особенностямъ ли самого преступленія, по положенію ли лицъ, обвиняемыхъ или потерпѣвшихъ, — часто возникаютъ непреодолимые сомнѣнія, приговоры судовъ оказываются далеко не всегда успокаивающими общественную совѣсть, и что нерѣдко судебное разсмотрѣніе дѣла не даетъ того луча, который способенъ былъ бы освѣтить темную сферу даннаго преступленія. Часто остаются не вполне выясненными либо вопросъ о самомъ событіи преступленія, либо вопросъ о дѣйствительной виновности или невиновности осужденныхъ или оправданныхъ.

Есть какое то большое мѣсто, или, быть можетъ, не одно, а нѣсколько, въ нашемъ уголовномъ процессѣ. Гдѣ отыскивать его, — въ условіяхъ ли объективныхъ, легальныхъ, т. е. въ несовершенствѣ закономъ установленной процедуры и гарантій отысканія истины, или въ условіяхъ субъективныхъ, касающихся не формъ судопроизводства, а лицъ производящихъ разслѣдованіе, слѣдствіе, направляющихъ и, руководящихъ слѣдствіемъ и, наконецъ, рѣшающихъ дѣло?

Несомнѣнно, что имѣются несовершенства и перваго рода. Но тѣ особенности новѣйшихъ, такъ называемыхъ, громкихъ процессовъ, о которыхъ мы заговорили, повидимому, коренятся не въ этихъ

несовершенствахъ. За послѣднее время (мы говоримъ о послѣднемъ десятилѣтіи) объективныя легальныя условія почти не измѣнились, а тѣмъ не менѣе указанныя особенности оказываются продуктомъ именно новѣйшаго времени. Измѣнились ли условія самого совершенія преступленій? Конечно,—да; разслѣдованіе, розысканіе виновныхъ стало несомнѣнно труднѣе; пути сообщенія, усовершенствованіе и осложненіе самой жизни, осложнили самый механизмъ преступной дѣятельности. Но было бы печально, если бы оказалось, что параллельно съ этимъ не усовершенствовались и способы розысканія и изслѣдованія со стороны органовъ власти.

Неужели всѣ триумфы, одержанные фотографіею, антропометріею, судебною медициною, химіею, телефонами и телеграфами и т. д. и т. д.,—все это превзойдено преступниками, осталось назади сравнительно съ прогрессомъ, усвоеннымъ спеціально лицами, совершающими преступленія.

Нерозысканіе убійцы мальчика, убитаго среди бѣлаго дня на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ столицы, въ мѣняльной лавкѣ,—можно ли приписать такое явленіе только тому, что законъ о разслѣдованіи преступленій не совершененъ? И неужели какъ разъ здѣсь законъ оказывается непреодолимымъ препятствіемъ къ успѣшнымъ результатамъ усилій органовъ власти, долженствующихъ быть направленными на успокоеніе общества, естественно смущаемаго такимъ дерзкимъ преступленіемъ, и еще болѣе нерозысканіемъ преступника?

Между тѣмъ знакомство съ хроникою уголовного суда приводитъ къ серьезнымъ опасеніямъ,—не хитрѣ ли преступники, чѣмъ изслѣдователи преступленій и розыскиватели ихъ авторовъ, не оказываются ли тѣ органы, на которыхъ возложена обязанность открывать преступленія и ихъ совершителей, плохими развѣдчиками.

Тратятъ неимоверныя усилія для усовершенствованія условій дѣятельности суда въ смыслѣ улучшеній, или предполагаемыхъ улучшеній, въ законахъ о судопроизводствѣ и законахъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ; не слѣдуетъ ли прежде всего употреблять такія же усилія на улучшеніе субъективныхъ условій дѣятелей; не слѣдуетъ ли хорошенько присмотрѣться къ тому, хороши ли наши слѣдователи, достаточно ли подготовлены руководители слѣдствій—представители прокурорской власти, и не лежитъ ли въ нихъ, а не въ законахъ, причина печальныхъ особенностей новѣйшихъ громкихъ процессовъ.

Достаточно указать на такіе процессы, какъ мултановское дѣло, убійство присяжнаго повѣреннаго Старосельскаго, и, наконецъ, дѣло братьевъ Скитскихъ,—что бы видѣть, что имѣется болѣзнь въ процессуальныхъ порядкахъ, примѣняемыхъ къ дѣламъ, гдѣ отсутствуетъ сознание подсудимаго, гдѣ нѣтъ очевидцевъ преступленія, гдѣ вообще возникаютъ серьезныя сомнѣнія съ самаго начала. Стоитъ дѣлу оказаться темнымъ, сложнымъ, и оно остается темнымъ до конца: ни предварительное слѣдствіе, ни судебное слѣдствіе, ни, наконецъ,—приговоръ не вносятъ свѣта въ мракъ, и дѣло остается такимъ же спорнымъ и сомнительнымъ, какимъ оно было раньше. вмѣсто свѣта—въ дѣло вносится горячность, задоръ обвиненія или защиты,—задоръ доходящій до обжалованія приговоровъ со стороны защиты и опротестованія ихъ со стороны обвинительной власти по явно неосновательнымъ поводамъ, или если и по поводамъ, признаннымъ въ кассационной инстанціи основательными, то такимъ, устраненіе коихъ зависѣло и отъ самой обвинительной власти, если бы она отнеслась къ дѣлу спокойно и умѣло.

На крайне мрачныя размышленія по поводу указанныхъ особенностей новѣйшихъ процессовъ наводитъ дѣло братьевъ Скитскихъ,—дѣло, быть можетъ, безпримѣрное за послѣднее время. Этому дѣлу суждено было стать безпримѣрнымъ во всѣхъ стадіяхъ его производства и во всѣхъ отношеніяхъ. Самое преступленіе, составляющее предметъ обвиненія, поражаетъ своею загадочностью, и къ этой загадочности стала прибавляться съ каждымъ шагомъ, на который подвигалось изслѣдованіе и разсмотрѣніе его, все большая и большая странность и необычность въ подобныхъ случаяхъ способовъ его изслѣдованія.

I.

Молодой, дѣльный и строгій начальникъ Полтавской духовной консисторіи, секретарь ея, Комаровъ, въ одинъ прекрасный лѣтній день,—15 іюля 1897 г.—найдень убитымъ неподалеку отъ его дачи, въ 4 верстахъ отъ города Полтавы, у дороги, по которой постоянно проѣзжаютъ въ городъ и изъ города. Убійство совершено среди бѣлаго дня; убитый имѣлъ при себѣ заряженный револьверъ, который найдень не разряженнымъ въ лѣвомъ наружномъ карманѣ пиджака; похищенными оказались лишь дамскіе часы, бывшіе на убитомъ. Были ли у Комарова какія либо бумаги съ собою во время убійства, бралъ ли онъ какія нибудь бумаги

съ собою, уходя со службы изъ консисторіи, цѣлы ли всѣ консисторскія входящія бумаги—объ этомъ въ дѣлѣ не упоминается и, очевидно, осталось не изслѣдованнымъ. Послѣдній разъ до убійства видѣли Комарова въ 2 ч. 25 м. дня въ понедѣльникъ 14 іюля; трупъ его найденъ черезъ сутки, а судебный слѣдователь появился на мѣстѣ лишь черезъ день, т. е. въ среду утромъ. Неприбытіе Комарова на дачу къ обычному времени сразу обезпокоило жену его, которая почему то предположила болѣзнь, безчувственное состояніе, препровожденіе въ больницу; безпокойство ея сообщилось всѣмъ окружающимъ, и 15 іюля Полтавская консисторія представляла собою необычное явленіе,—занятія прекратились и всѣ чиновники обращены были на поиски своего исчезнуваго главы. Надо думать, что консисторская служба не подготовила чиновниковъ къ полицейскимъ розыскамъ, и ихъ усилія почти до вечера не увѣнчались успѣхомъ,—только къ 5 час. дня обнаруженъ былъ трупъ. Но отправленіе на поиски оказалось на дѣлѣ особымъ какъ бы испытаніемъ, какъ бы судомъ Божиимъ, ибо уклоненіе отъ этого необычнаго для чиновниковъ консисторіи занятія со стороны братьевъ Степана и Петра Скитскихъ послужило первымъ поводомъ къ подозрѣнію, не они ли убійцы Комарова.

Отысканъ былъ трупъ не благодаря дѣятельному розыску чиновниковъ,—а о полиціи въ дѣлѣ до отысканія трупа нѣтъ свѣдѣній вовсе,—а благодаря болтливымъ сорокамъ, громко кричавшимъ, сидя на вѣткѣ дерева, подъ которымъ спалъ вѣчнымъ сномъ убитый Комаровъ.....

Оба Скитскіе—чиновники консисторіи; изъ нихъ—Степанъ занималъ должность казначея, а раньше столоначальника. Петръ Скитскій—типъ мелкаго консисторскаго чиновника, добродушнаго, безхарактернаго и горькаго пьяницы: и въ пивной, и подъ открытымъ южнымъ небомъ, и въ тѣни деревъ, у него одно занятіе—ропить бутылку; напивается до потери памяти и послѣ выпивки—чувствуетъ себя плохо, не помнитъ того, что происходило съ нимъ въ пьяномъ видѣ. Болѣзненности въ его приверженности къ алкоголю, однако, въ дѣлѣ не констатировано.

Прежде чѣмъ перейти къ подробностямъ дѣла нельзя не указать на то, что еще въ день похоронъ,—непосредственно за вскрытіемъ трупа,—16 іюля, преосвященный Иларіонъ, епископъ Полтавскій, на отгѣваніи произнесъ рѣчь, въ которой указывая на качества Комарова, между прочимъ сказалъ: ¹⁾.... „Но къ со-

¹⁾ Рѣчь, какъ вообще свѣдѣнія о разбирательствѣ дѣла въ г. Полтавѣ,

жалѣнію, исполненіе служебнаго долга не всѣми одинаково понимается. Строгое, но справедливое замѣчаніе въ душѣ испорченной и развращенной принимается за личное оскорбленіе и вызываетъ чувство злобы и мести. И вотъ, когда ты шелъ съ спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго долга и находился всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собственнаго крова, гдѣ ждалъ тебя твой другъ—супруга, рука злодѣя сразила тебя. Если бы ты зналъ это, то бы не спѣшилъ домой, но сторицею воздалъ бы своему врагу, чтобы успокоить его и спасти свою жизнь“. Рѣчь архипастыря закончилась молитвою, „что правосудный Богъ откроетъ злодѣя“.

Заключалось ли въ этихъ словахъ преосвященнаго владыки указаніе на зародившееся уже тогда у него подозрѣніе о тѣсной связи убійства съ строгими и справедливыми замѣчаніями по службѣ, исходившими отъ покойнаго Комарова, какъ начальника? Воздаяніе сторицей своему врагу, о которомъ упоминается въ рѣчи, заключаетъ ли въ себѣ намекъ на то, что убійство находится въ связи съ лишеніемъ награды по службѣ?

Показаніе Преосвященнаго имѣется въ дѣлѣ, оно касалось взаимныхъ отношеній Степана Скитскаго и Комарова—на почвѣ служебной; но мы не находимъ въ дѣлѣ указаній на то, что бы приведенныя слова архипастыря выяснены были. Скитскій много лѣтъ служилъ въ консисторіи; по службѣ ему приходилось часто имѣть сношеніе съ владыкой; характеръ его былъ хорошо знакомъ Преосвященному. Непосредственныя, хотя и неопредѣленныя впечатлѣнія имѣютъ большое значеніе, они иногда даютъ вѣрное указаніе для изслѣдованія; это инстинктивное чутье, предшествующее спокойному мыслительному процессу. И если приведенныя слова заключали въ себѣ намекъ, то они имѣютъ громадное значеніе для дѣла. Къ сожалѣнію, это не выяснено въ дѣлѣ; не выяснено также, какъ поняты были слова владыки, произнесенныя при столь скорбной обстановкѣ, окружающими и, между прочимъ, властями.

Результатомъ довольно продолжительнаго предварительнаго слѣдствія, производившагося подъ руководствомъ товарища прокурора Полтавскаго окружнаго суда г. Дамиловскаго, были данныя, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, коимъ братья Степанъ и Петръ Скитскіе преданы были суду Харьковской судебной па-

латы съ участіемъ сословныхъ представителей по обвиненію ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1451 и 1453 улож. о нак.

Приводимъ дословно весь этотъ документъ.

Обвинительный актъ о коллежскомъ ассесорѣ Степанѣ Леонтьевѣ и канцелярскомъ служителѣ Петрѣ Леонтьевѣ Скитскихъ.

„15-го іюля 1897 года, около 8 часовъ вечера, судебному слѣдователю 3 участка Полтавскаго уѣзда мѣстный уѣздный исправникъ далъ знать, что въ 3-хъ верстахъ отъ города Полтавы, близъ дороги на деревню Терновщину, найденъ трупъ секретаря Полтавской духовной консисторіи Алексѣя Яковлевича Комарова съ признаками насильственной смерти. Отправившись на слѣдующій день на мѣсто происшествія, судебный слѣдователь обнаружилъ слѣдующее: трупъ Комарова лежалъ въ кустарникахъ близъ проѣзжей дороги отъ Полтавы на деревню Терновщину, въ полуверстѣ отъ послѣдней, гдѣ Комаровъ проживалъ на дачѣ профессора Склифасовскаго. Дорога эта послѣ выѣзда изъ Полтавы и спуска съ Колонійской горы до Терновщины на разстояніи двухъ верствъ пролегаетъ въ довольно глубокомъ яру, между склонами двухъ горъ, изъ которыхъ лѣвый, по направленію отъ города, чистый, а правый покрытъ отчасти лѣсомъ, отчасти кустарниками и небольшими полянками. Мѣстность эта глуха и безлюдна, особенно вторая половина дороги, прилегающей къ дачѣ и ведущей исключительно къ деревнѣ Терновщинѣ. На этой второй части дороги, почти на половинѣ пути, перекинутъ черезъ сухой и неглубокій яръ деревянный мостъ, отъ конца котораго вправо идетъ небольшой уступъ земли и дальше мѣстность покрыта кустарниками и деревьями. Трупъ Комарова найденъ близъ мостика, со стороны дачи вправо и вкось отъ дороги на разстояніи 22-хъ шаговъ отъ барьера, на небольшой площадкѣ, окруженной кустарниками и большими деревьями, такъ что проходящему по дорогѣ черезъ мостикъ трупа не видно. Отъ мостика и до мѣста, гдѣ лежалъ трупъ, на всемъ пространствѣ и возлѣ самого трупа на сухой твердой и покрытой травой землѣ—слѣдовъ борьбы не видно. Два деревца у ступней ногъ покойнаго и немного выше колѣнъ оказались пригнутыми и придавленными трупомъ, а жилетъ и брюки на колѣняхъ выпачканы въ сыроватую и глинистую землю (почва земли), изъ чего при осмотрѣ сдѣлано заключеніе, что на это мѣсто трупъ былъ перетащенъ и его какъ-бы волокли по землѣ. По направленію отъ

мостика къ трупѣ въ 4-хъ шагахъ отъ конца барьера, почти на самой дорогѣ найдены были золотые разбитые очки покойнаго; въ пяти шагахъ отъ этого мѣста по направленію къ трупѣ оказался неизвѣстно кому принадлежащій суконный изношенный картузь, а на два шага дальше по тому же направленію—бѣлая соломенная шляпа Комарова и его темный изломанный зонтикъ. Въ 4-хъ шагахъ отъ трупа немного выше, между большими кустами было усмотрѣно „вытолоченное“ мѣсто, гдѣ, повидимому, сидѣли, поджидая жертву, два человѣка. Мѣсто это настолько удобно, что, сидя тамъ, свободно можно видѣть мостикъ и часть дороги на Полтаву; идущему же по дорогѣ черезъ мостикъ къ Терновщинѣ сидящихъ въ засадѣ не видно. На этомъ мѣстѣ найдены: два небольшихъ куска колбасы, оба съ одного конца надѣденные, два куска объѣденной корки булки и откупоренная бутылка ($\frac{1}{40}$ ведра) съ небольшимъ количествомъ водки. Тутъ же, 15 іюля, по отысканіи трупа, Полтавскимъ полиціеимейстеромъ былъ найденъ представленный судебному слѣдователю бумажный мѣшочекъ, въ какихъ обыкновенно изъ мелочныхъ лавочекъ отпускаютъ товаръ, на одномъ углу котораго напечатано: „М. Ф. управляющаго акцизными сборами Полтавской губерніи... дня 18... г. №... г. Полтава“, а посрединѣ написано: „къ докладу по прибытіи г. ревизора фонъ-Винтергофа“. Въ трехъ шагахъ отъ трупа лежало золотое пенснѣ съ разбитымъ лѣвымъ стекломъ.

„Одѣтъ былъ покойный, поверхъ бѣлья, въ чечучовый пиджакъ и такой-же жилетъ, суконныя темныя брюки и открытыя ботинки. Вся одежда была въ порядкѣ и нигдѣ не порвана. Въ лѣвомъ наружномъ карманѣ пиджака оказался шестизарядный револьверъ со всѣми шестью патронами, а въ правомъ — носовой платокъ и коробка шведскихъ спичекъ; во внутреннемъ боковомъ карманѣ пиджака найденъ кожаный портсигаръ съ измятыми и поломанными папиросами; въ правомъ карманѣ брюкъ найденъ кожаный кошелекъ съ ключами, а въ лѣвомъ—другой такой-же кошелекъ съ серебряною монетою на 1 р. 20 к. и двумя монетами по полъ коп. Подъ трупомъ была найдена другая коробка шведскихъ спичекъ въ серебряномъ футлярѣ. На указательномъ пальцѣ правой руки покойнаго надѣто золотое обручальное кольцо, а на мизинцѣ той же руки маленькое золотое колечко съ бирюзой.

„Только дамскіе золотые часы, бывшіе у Комарова, исчезли, но это можетъ быть объяснено тѣмъ, что часы кто нибудь, случайно проходившій вскорѣ послѣ убійства по дорогѣ черезъ мостикъ,

поднять, или-же они взяты злоумышленниками съ цѣлью придать убійству видъ грабежа.

„Трупъ лежалъ ницъ къ землѣ и тамъ, гдѣ приходилось лицо, земля была пропитана вытекшею изо рта и носа кровью, вслѣдствіе чего и лицо было выпачкано ею. На кожѣ лица, тыльной поверхности обѣихъ кистей рукъ и соотвѣтственно правой ключицы и плеча, оказались многочисленныя ссадины, безъ кровоподтековъ, которыя, по мнѣнію врача, произведены концами вѣтокъ кустарниковъ при перетаскиваніи трупа съ одного мѣста на другое. Ротъ раскрытъ и языкъ ущемленъ зубами. Вокругъ шеи три раза обмотана бечевка и свободные концы ея съ лѣвой стороны шеи завязаны двумя узлами. По снятіи бечевки съ шеи, длина ея оказалась въ $4\frac{3}{4}$ аршина; бечевка эта скручена руками вдвое изъ тонкой, но очень крѣпкой новой, или почти не бывшей въ употребленіи фабричной „шворки“ (веревки). На кожѣ вокругъ шеи замѣтна блѣдная полоса, шириною около $\frac{1}{2}$ вершка, отъ находившейся на томъ мѣстѣ бечевки; полоса эта не вдавлена, между тѣмъ какъ бечевка была сильно углублена въ тѣло. Затѣмъ по наружному осмотру, кромѣ того, что на подбородкѣ и верхней части шеи подъ подбородкомъ кожица изъязвлена (стерта) отъ тренія о землю при перевозакиваніи трупа на другое мѣсто, никакихъ другихъ поврежденій замѣчено не было.

„Производившій вскрытіе трупа Полтавскій уѣздный врачъ нашелъ у покойнаго переломъ 4 и 5 реберъ съ правой стороны груди прижизненнаго происхожденія и разорваніе плевры. Смерть Комарова, какъ заключилъ врачъ, на основаніи данныхъ, записанныхъ въ протоколѣ наружнаго осмотра трупа и внутренняго изслѣдованія слизистой оболочки гортани, дыхательнаго горла, гдѣ содержалось много пѣнистой кровянистой жидкости, и начала пищепріемника, послѣдовала отъ удавленія черезъ воспрепятствованіе доступа воздуха въ легкія сдавливаніемъ шеи веревкою. Въ виду отсутствія на трупѣ признаковъ самообороны, врачъ заключилъ, что въ совершеніи преступленія участвовало не одно лицо, а по всей вѣроятности два. Принявъ же во вниманіе всю обстановку, среди которой трупъ Комарова найденъ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что убійство совершено не съ цѣлью грабежа, а изъ мести.

„Вслѣдъ за обнаруженіемъ преступленія, подозрѣніе въ лишеніи жизни Комарова пало на чиновниковъ Полтавской духовной консисторіи братьевъ Степана и Петра Скитскихъ, занимавшихъ: первый

должность казначея, а второй мѣсто канцелярскаго служителя. Отношенія Степана Скитскаго къ Комарову, поведеніе обоихъ братьевъ въ день происшествія и на слѣдующій день, объясненіе ихъ о мѣстонахожденіи въ моментъ совершенія преступленія, ихъ сбивчивыя и, во многихъ случаяхъ, неправдоподобныя показанія, а также и другія обстоятельства дѣла, обнаруженныя какъ дознаніемъ полиціи, такъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, — привели судебного слѣдователя къ убѣжденію въ основательности возведеннаго на Скитскихъ подозрѣнія и дали поводъ привлечь ихъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ въ предумышленномъ убійствѣ.

„Покойный Комаровъ съ женою своею Надеждою и прислугой Анной Дубиной проживалъ на дачѣ въ дер. Терновщинѣ съ 26 апрѣля 1897 года, въ городской-же его квартирѣ, въ нижнемъ этажѣ зданія консисторіи, оставались мать и сестра его жены и прислуга Екатерина Дуленкова. Въ верхнемъ этажѣ, надъ квартирой Комарова, помѣщался Степанъ Скитскій, который съ послѣдней недѣли Великаго поста проживалъ въ ней одинъ. Обыкновенно въ 9 часовъ утра Комаровъ уходилъ на службу въ консисторію и возвращался на дачу въ обѣденную пору, къ 4-мъ часамъ. Для того чтобы пройти отъ консисторіи до дачи (4 версты), онъ употреблялъ $\frac{3}{4}$ часа, а иногда и 35 минутъ. Жена Комарова всегда выходила встрѣчать мужа, но, выйдя на встрѣчу къ нему въ урочный часъ 14 іюля, она его не встрѣтила; между тѣмъ служащіе на кирпичномъ заводѣ, устроенномъ на пути отъ Полтавы къ Терновщинѣ, водовозы Сила Кошевой и Евтихій Корацюпа, видѣли его шедшимъ изъ города по направленію къ дачѣ и приближающимся къ мостику. Придя въ Полтаву, въ свою городскую квартиру, Комарова узнала, что мужъ ея вышелъ изъ консисторіи въ обыкновенное время. На слѣдующій день, по распоряженію одного изъ членовъ консисторіи, многіе чины послѣдней отправились розыскивать своего секретаря и въ 5 часовъ вечера нашли его мертвымъ на указанномъ выше мѣстѣ. Время выхода Комарова изъ консисторіи показаніями свидѣтелей: Юсифа Котелевца, Владиміра Каменецкаго, Михаила Шиленка, Павла Горностаева, Ивана Лекторскаго, Андрея Леонова, Александра Никольскаго и Максима Вороницына—установлено точно: онъ вышелъ въ 25 минутъ 3-го часа дня. Свидѣтель Вороницынъ видѣлъ, какъ онъ, пройдя Архіерейскую улицу, повернулъ на Колонійскую—къ Колонійской горѣ.

„Итакъ несомнѣнно, что Комаровъ лишенъ жизни между 3-мъ

и 4-мъ часами дня. Гдѣ были въ это время братья Скитскіе—этого они никакъ доказать не могли.

„Степанъ Скитскій, явившись 14 іюля утромъ въ консисторію, скоро оттуда ушелъ, сказавъ при этомъ, что идетъ въ городъ по дѣламъ. И дѣйствительно, онъ заходилъ въ этотъ день въ разные мѣста, но преимущественно ходилъ по Колонійской улицѣ, приближаясь къ выходу изъ города къ тому самому пути, по которому Комаровъ ушелъ на дачу. Такъ: на Колонійской улицѣ онъ былъ въ семинарскомъ дворѣ и, встрѣтившись тамъ съ діакономъ Мачуговскимъ, спрашивалъ у него дома-ли учитель семинаріи Конопатовъ; былъ онъ недолго въ женскомъ епархіальномъ училищѣ у діакона Михаила Дарагана, которому говорилъ, что ему нужно зайти къ Конопатову, и хотя Дараганъ сказалъ, что Конопатова нѣтъ дома, но онъ все-таки пошелъ въ его квартиру, во дворѣ вдовы Елизаветы Мартыновой (противъ семинаріи), куда заходилъ около 2-хъ часовъ дня.

„Петръ Скитскій 14 іюля пришелъ въ консисторію въ 11 час. утра и ушелъ оттуда въ половинѣ перваго. Онъ жаловался своимъ товарищамъ на головную боль, говоря при этомъ, что наканунѣ сильно пьянствовалъ, но съ кѣмъ и гдѣ—не говорилъ. Куда онъ ушелъ изъ консисторіи и гдѣ былъ цѣлый день, на это, кромѣ его собственныхъ объясненій, никакихъ постороннихъ указаній въ дѣлѣ не имѣется. Возвратился онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ въ квартиру, какъ это видно изъ показаній швейцара Іосифа Котелевца и Татьяны Будаевской, въ 2 часа ночи.—15 іюля утромъ Степанъ Скитскій явился не надолго въ консисторію и, уходя, сказалъ, что идетъ на почту, но, какъ оказалось впоследствии, онъ былъ въ разныхъ мѣстахъ и все въ противоположныхъ концахъ города. Между прочимъ, онъ, Степанъ Скитскій, въ началѣ шестого часа былъ въ монастырѣ и заходилъ къ іеромонахамъ Смарагду и Вонифатію (для передачи медалей Императора Александра III). У перваго просидѣлъ съ $\frac{1}{4}$ часа, а у втораго пробылъ долго и ушелъ отъ него въ 8 часовъ вечера. Къ іеромонаху Вонифатію въ это время пришелъ гробовщикъ Андрей Молчановъ и когда онъ заявилъ, что Комаровъ найденъ убитымъ, то Скитскій, обратясь къ хозяину какъ-бы удивлено, сказалъ „что онъ говорить?“ а Молчанова переспросилъ: „кто убитъ?“ и затѣмъ, сложивъ на груди руки и обратясь къ иконамъ, сталъ креститься. Іеромонаху Вонифатію показалось, что Скитскій въ это время былъ какъ-бы выпивши. Возвращаясь изъ монастыря въ городъ, Сте-

панъ Скитскій зашелъ въ винную лавку, расположенную на Монастырской ул., и когда сидѣлица Матильда Николаевна, знавшая уже объ отысканіи трупа Комарова, спросила у него, что это случилось у нихъ въ консисторіи, то онъ сказалъ, что ничего не случилось, а зачѣмъ, когда она сообщила ему, что Комаровъ найденъ убитымъ, онъ отвѣтилъ, что уже слышалъ объ этомъ въ монастырѣ. Прежде Скитскій никогда не заходилъ къ свидѣльницѣ безъ дѣла, въ этотъ же разъ онъ зашелъ къ ней будто-бы съ тѣмъ, что-бы заказать мужу ея электрическую зажигательную машинку, стоящую очень дорого. Просидѣлъ онъ въ винной лавкѣ до 10 ч. вечера и, уходя, забылъ свой портфель, за которымъ впрочемъ скоро вернулся.

„16 іюля, въ 10 час. утра, Степанъ Скитскій заходилъ на нѣкоторое время въ консисторію и, встрѣтивъ тамъ члена консисторіи Мазанова, вель себя очень странно: онъ былъ блѣденъ, взволнованъ и руки у него тряслись. Обращаясь къ Мазанову, Скитскій спросилъ, что значить, что его не пускаютъ въ консисторію развѣ онъ арестованъ? Мазановъ высказалъ удивленіе, что, его все нѣтъ дома, приказалъ ему никуда не отлучаться, такъ какъ послѣ погребенія Комарова онъ можетъ понадобится архіерею, но Скитскій неизвѣстно куда скрылся и его не могли розыскать.

„Свидѣтель Терентій Шепитько (сторожъ консисторіи) удостоившись, что приставъ Червоненко три раза посылалъ его въ этотъ день въ квартиру Скитскаго узнать дома-ли онъ; свидѣтель стучалъ въ двери, но достучаться не могъ; въ 6 час. вечера приставъ со свидѣтелемъ самъ ходилъ въ квартиру Скитскаго, но также никого не дозволялся и не достучался. Наконецъ въ 8-мъ часу вечера Скитскій явился въ канцелярію консисторіи и былъ арестованъ.

„15 іюля пришелъ въ консисторію и Петръ Скитскій; онъ былъ въ такомъ странномъ возбужденномъ состояніи, что обратилъ на себя вниманіе сослуживцевъ, хотя они объяснили такое его состояніе пьянствомъ наканунѣ.

„Въ это время уже было извѣстно, что Комаровъ куда-то исчезъ; многіе изъ чиновниковъ высказывали по этому поводу разные предположенія, но Петръ Скитскій въ разговорѣ объ этомъ никакого участія не принималъ и держалъ себя такъ, какъ бы для него было все равно, что-бы съ Комаровымъ ни случилось. Между прочимъ, нѣкоторымъ своимъ товарищамъ онъ рассказывалъ, что,

выйдя наканунѣ изъ консисторіи, зашелъ въ пивную Брикера, гдѣ выпилъ три бутылки пива, а потомъ на Александровской улицѣ купилъ бутылку водки и выпилъ послѣднюю на улицѣ въ Корпусномъ саду, послѣ чего такъ опьянѣлъ, что съ нимъ сдѣблялся какъ-бы ударъ. Въ садъ подошелъ его братъ Степанъ, который прикладывалъ къ головѣ его лопухъ, а затѣмъ повелъ его на рѣку Ворсклу, гдѣ они катались на лодкѣ и ловили раковъ. Однакоже, какъ оказалось потомъ, въ пивной Брикера хотя онъ и былъ 14 іюля, но не днемъ, а въ 8 часовъ утра, при чемъ дѣйствительно выпилъ двѣ бутылки пива; гдѣ-же онъ покупалъ водку, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

„Когда чиновники консисторіи отправились розыскивать Комарова, то и Петръ Скитскій съ однимъ изъ сослуживцевъ—своимъ квартирнымъ хозяиномъ Алексѣемъ Головко, также пошелъ было на розыски, но вмѣсто того уговорилъ послѣдняго зайти въ Монастырскій лѣсъ, купивъ на дорогѣ водки и закуски. Въ лѣсу во время выпивки онъ завелъ рѣчь о томъ, какъ они провели съ братомъ вчерашній вечеръ, и между прочимъ говорилъ, что они были на Ворсклѣ и катались на лодкѣ, при чемъ, перемѣняя весла, онъ нечаянно ударилъ брата по рукѣ весломъ, отчего у него опухъ палець. Послѣ закуски Головко приглашалъ Скитскаго отправиться въ деревню Яковцы (по дорогѣ на Терновщину), чтобы узнать что-нибудь отъ товарищей, но онъ не пошелъ, а предложилъ вернуться въ консисторію. Идя туда, по дорогѣ они зашли въ будочку, гдѣ продается квасъ, и тамъ узнали, что Комаровъ найденъ мертвымъ, послѣ чего они пошли въ консисторію, и когда извѣстіе это подтвердилось, то Головко предложилъ Скитскому отправиться на мѣсто происшествія—посмотрѣть трупъ, но онъ и отъ этого отказался: тогда свидѣтель пошелъ туда съ другимъ товарищемъ, а вернувшись обратно, засталъ Скитскаго дома. Изъ показаній этого свидѣтеля, между прочимъ, видно, что Петръ Скитскій не возвращался домой съ 11 іюля. Въ среду, 16 іюля, уже послѣ того, какъ похоронная процессія съ тѣломъ Комарова прослѣдовала въ монастырь, чиновники Михаилъ Шиленко и Яковъ Гриценко, а съ ними и Петръ Скитскій, отправились на Ворсклу и, вернувшись къ вечеру въ городъ, все вмѣстѣ зашли въ гостиницу „Марсель“, куда подошелъ и свидѣтель Дмитрій Дорошенко. Когда зашелъ разговоръ о томъ, что Степана Скитскаго арестовали, то извѣстіе это такъ поразило Петра Скитскаго, что у него изъ рукъ выпала вилка, онъ сталъ просить пойти въ консисторію, чтобы

провѣрить этотъ слухъ, при чемъ страшно волновался. Затѣмъ онъ потребовалъ водки, и хотя самъ почти не пилъ, но выйдя изъ гостинницы, едва могъ идти, все спотыкался и, наконецъ, совершенно ослабѣлъ, такъ что Гриценко взялъ его въ свою квартиру на ночлегъ, гдѣ онъ всю ночь провелъ въ безпокойствѣ. На другой день арестовали и его, Петра Скитскаго, при чемъ во время допроса его приставомъ съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ.

„Въ полиціи было обращено вниманіе на то, что на рукахъ у обоихъ Скитскихъ было много царапинъ. Царапины на рукахъ у Петра Скитскаго и большую ссадину, заклеенную бумажкой или пластыремъ, на одномъ изъ пальцевъ правой руки у Степана Скитскаго замѣтилъ 15 іюля и чиновникъ консисторіи Федоръ Просяникъ. Степанъ Скитскій 16 іюля вечеромъ, а Петръ Скитскій 17 были освидѣтельствованы Полтавскимъ уѣзднымъ врачомъ, причемъ у перваго изъ нихъ оказались царапины на кожѣ тыла мизинца правой руки и на кожѣ тыла руки лѣвой. Такія-же царапины оказались и на рукахъ Петра Скитскаго. Поврежденія эти, произошли отъ тренія рукъ, конечно случайно, о незначительные предметы, напр. прутья древесныхъ вѣтвей, и приобрѣтены первымъ не больше двухъ, а вторымъ не больше трехъ сутокъ назадъ. Независимо отъ этого, у Степана Скитскаго кисть лѣвой руки со стороны тыла большого пальца оказалась отечно припухшей, что, по мнѣнію врача, могло произойти какъ отъ удара по рукѣ необъемистымъ предметомъ, напримѣръ, кулакомъ, весломъ и т. п., такъ и отъ паденія на землю. Показаніями свидѣтелей Генриха Лангера, Якова Матвѣева, Кузьмы Кацюры, Гирша Воронеля и Дмитрія Ткаченка было установлено слѣдующее: Генрихъ Лангеръ найденные на мѣстѣ происшествія и предъявленные ему два куска колбасы призналъ издѣліемъ своего колбаснаго заведенія. Свидѣтели Яковъ Матвѣевъ и Кузьма Кацюра, служащіе въ колбасной Лангера, подтвердивъ показаніе своего хозяина, добавили: Матвѣевъ—что Степанъ Скитскій, котораго онъ хорошо знаетъ, 13 или 14 іюля заходилъ въ ихъ заведеніе и покупалъ колбасу, которую отпускалъ ему Кузьма Кацюра; этотъ послѣдній свидѣтель разъяснилъ, что 13 или 14 іюля днемъ Степанъ Скитскій, зайдя въ ихъ заведеніе, потребовалъ такъ называемой „московской“ колбасы, и когда свидѣтель отпустилъ ему одну, то Скитскій сказалъ, что одной будетъ мало, тогда онъ отпустилъ ему другую. Сколько было въ обѣихъ колбасахъ фунтовъ, свидѣтель не помнитъ, но одна изъ нихъ была длиннѣе и толще,

а другая короче и тоньше. Два куска колбасы, предъявленные ему при слѣдствіи, по размѣрамъ своимъ (толщинѣ) походятъ на тѣ колбасы, которыя свидѣтель продалъ Степану Скитскому. Кузьма Кацюра, по желанію Степана Скитскаго, былъ передопрошенъ въ его присутствіи, причѣмъ, какъ ни старался послѣдній убѣдить свидѣтеля, что онъ не покупалъ у него колбасы въ означенное время и что свидѣтель говоритъ неправду, однако-же Кацюра остался при своемъ показаніи. Гиршъ Воронель заявилъ, что Степана Скитскаго знаетъ хорошо, такъ какъ Скитскій забираетъ въ его лавочкѣ товаръ. Свидѣтель помнитъ, что 11 іюля Скитскому изъ его лавки была отпущена еврейская булка въ 5¹/₂ фунтовъ и что предъявленные ему два куска отъ нижней корки булки имѣютъ полное сходство съ такою-же коркой булки, проданной имъ Скитскому. Относительно бумажнаго пакета (мѣшочка), найденнаго на мѣстѣ убійства, свидѣтель заявилъ, что онъ купилъ въ Полтавскомъ губернскомъ акцизномъ управленіи много разной бумаги, изъ которой и надѣлалъ мѣшочки для обертки товара. На нѣкоторыхъ бумагахъ имѣлись такіе же штемпеля, какой оказался на предъявленномъ ему мѣшочкѣ. Крестьянинъ Дмитрій Ткаченко (проживающій въ деревнѣ Яковцахъ, близъ Терновщины) показалъ, что 14 іюля, часа въ два дня, а можетъ быть и позже, онъ пасъ своихъ коровъ и, находясь на склонѣ горы, въ полуверстѣ отъ того мѣста, гдѣ на другой день найденъ былъ трушъ Комарова, видѣлъ послѣдняго идущимъ къ себѣ на дачу въ Терновщину. Черезъ полчаса или черезъ часъ послѣ прохода Комарова Ткаченко видѣлъ двухъ человекъ, направлявшихся отъ мѣста, гдѣ былъ убитъ Комаровъ, къ склону горы, гдѣ онъ, Ткаченко, сидѣлъ, но, замѣтивъ его, неизвѣстные вдругъ измѣнили направленіе и быстрыми шагами пошли въ лѣсъ Склифасовскаго, откуда можно перейти и въ Монастырскій лѣсъ, а затѣмъ и на Ворсклу. Прошли эти два человека шагахъ въ 100 отъ свидѣтеля и онъ хорошо замѣтилъ какъ одежду, въ которой они были, такъ и ростъ cadaго изъ нихъ и фигуру. Одинъ изъ нихъ, по словамъ Ткаченка, былъ въ темной одеждѣ, а другой въ свѣтлой и этотъ послѣдній былъ полнѣе перваго; одѣтый же въ черное платье былъ выше ростомъ своего товарища; головы у этихъ людей были обмотаны чѣмъ-то бѣлымъ, почему лицъ ихъ Ткаченко разсмотрѣть не могъ. При предъявленіи свидѣтелю Степана и Петра Скитскихъ, одѣтыхъ въ ту самую одежду, которая была на нихъ весь день 14-го іюля, а именно первый въ парусинную форменную

пару, а второй—въ черную пиджачную, онъ призналъ ихъ по одеждѣ, сложенію и росту похожими на тѣхъ двухъ человѣкъ, которыхъ онъ при описанныхъ выше обстоятельствахъ 14-го іюля видѣлъ проходившими по склону горы въ лѣсъ Склифасовскаго. Снятая съ шеи Комарова бечевка, по сличеніи ея въ раскрученномъ видѣ съ бечевками, отысканными въ казначейской, комнатѣ въ консисторіи, экспертами Кузьмою Жерновымъ и Иваномъ Федоровымъ, занимающимися продажей веревокъ, признана какъ по толщинѣ, такъ и по качеству матеріала, вполне схожею.

„Во время производства предварительнаго слѣдствія чинами Полтавской полиціи былъ обнаруженъ владѣлецъ отысканнаго на мѣстѣ происшествія картуза. Это обстоятельство дало поводъ женѣ Степана Скитскаго Евдокии бросить тѣнь подозрѣнія на одного изъ консисторскихъ сторожей Моисея Клименка, но подозрѣніе это при слѣдствіи совершенно устранено. Картузь оказался принадлежащимъ извозчику Якову Кондратко и нѣкоторое время дѣйствительно находился у Моисея Клименка; попалъ-же къ нему этотъ картузь случайно при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1897 г. Кондратко встрѣтилъ Клименка на базарѣ совершенно пьянымъ и, будучи съ нимъ хорошо знакомъ, взялъ его къ себѣ на квартиру, чтобы дать ему возможность протрезвиться. Когда-же Клименко не захотѣлъ остаться у него, то онъ, Кондратко, отвезъ его въ консисторію, причемъ далъ ему старый ненужный картузь, такъ какъ Клименко, будучи пьянъ, свой картузь потерялъ. Картузь этотъ нѣкоторое время висѣлъ въ консисторской сторожкѣ на гвоздѣ, потомъ валялся на нарахъ и, наконецъ, неизвѣстно куда исчезъ. Означенная сторожка помещается въ верхнемъ этажѣ консисторіи, вблизи квартиры Степана Скитскаго. Слѣдствіемъ твердо установлено, что не только Клименко, но и другіе сторожа (Шепитько и Котелевецъ) въ день происшествія находились въ консисторіи,—первые двое до 4-хъ, а послѣдній до 6 часовъ дня, и такимъ образомъ картуза на мѣсто происшествія занести не могли.

„Причины, побудившія Скитскихъ совершить взведенное на нихъ преступленіе, были тѣ дурныя отношенія между Степаномъ Скитскимъ и Комаровымъ, возникшія исключительно на служебной почвѣ, о которыхъ удостовѣряютъ многіе свидѣтели.

„Изъ показаній членовъ консисторіи Петра Мазанова, Николая Уралова, Іоанна Галабутскаго, Николая Леонтовскаго, а также чиновниковъ Владиміра Каменецкаго, Павла Горностаева, Федора

Просяника, Федора Знайкова и Владиміра Богаевского, видно, что первое время по прїѣздѣ Комарова въ Полтаву отношенія его къ Степану Скитскому, занимавшему тогда должность столоначальника, были сносныя, но затѣмъ отношенія между ними измѣнились къ худшему, вслѣдствіе разныхъ со стороны послѣдняго упущеній. Комаровъ неоднократно дѣлалъ Скитскому замѣчанія въ присутствіи чиновъ консисторіи и иногда, какъ говорятъ свидѣтели, въ рѣзкой формѣ, но замѣчанія эти не достигали своей цѣли. Одно время отношенія между ними какъ бы улучшились и Степанъ Скитскій, съ согласія Комарова, перешелъ на должность казначея, послѣ чего и занялъ въ консисторіи казенную квартиру. Это было въ началѣ 1896 года.

„Въ декабрѣ 1896 года, а въ особенности въ январѣ 1897 года, въ служебныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ лицъ опять произошла перемѣна къ худшему, что повлекло за собою нѣкоторыя для Скитскаго непріятности. Такъ, по инициативѣ Комарова, Скитскій передъ праздникомъ Святой Пасхи былъ лишенъ наградныхъ денегъ, чѣмъ послѣдній былъ сильно возмущенъ и жаловался своимъ товарищамъ на несправедливость Комарова. Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца Скитскому было выдано наградныхъ денегъ на нѣсколько рублей меньше, чѣмъ столоначальникамъ, и это окончательно озлобило его противъ Комарова. Отношенія ихъ обострились настолько, что Скитскій собирался жаловаться на Комарова оберъ-прокурору святѣйшаго синода или въ синодъ. Въ послѣднее время онъ, какъ говорятъ его товарищи, очень измѣнился, сдѣлался какимъ-то страннымъ; будучи прежде разговорчивымъ и веселымъ, сталъ задумчивымъ, скрытнымъ и сосредоточеннымъ. Въ концѣ концовъ Комаровъ, за нѣсколько дней до убійства, черезъ члена консисторіи Уралова, предложилъ Скитскому оставить должность казначея и перейти на прежнюю должность столоначальника.

„Хотя большая часть означенныхъ выше свидѣтелей въ показаніяхъ своихъ какъ бы стараются придать отношеніямъ Комарова къ Скитскому форму придиричivosti перваго ко второму, называя Комарова человѣкомъ нервнымъ и раздражительнымъ, а Степана Скитскаго услужливымъ и покорнымъ, а въ тоже время и хитрымъ, но изъ осмотра памятныхъ книжекъ Комарова, взятыхъ въ консисторіи въ его кабинетѣ, видно, что Скитскій очень часто былъ неаккуратенъ и неисполнителенъ по службѣ, чѣмъ и вызвалъ справедливое къ себѣ недовольство Комарова и неоднократно

напоминаніе объ исполненіи имъ тѣхъ или другихъ служебныхъ обязанностей и порученій; Комаровъ не разъ говорилъ чиновникамъ Богадкому, Лекторскому и Никольскому, что Скитскій бѣгаетъ отъ дѣла.

„Характерируя какъ личности Комарова и Степана Скитскаго, такъ и взаимныя ихъ отношенія, преосвященный Иларіонъ, епископъ Полтавскій и Переяславскій, показалъ, что Скитскаго знаетъ онъ съ 1884 г. и, по его мнѣнію, это былъ чиновникъ прежней консисторской заправки: способный, дѣловой, свѣдующій въ дѣлопроизводствѣ, ко всѣмъ привѣтливый, любезный и услужливый. При прежнихъ секретаряхъ онъ пользовался большимъ значеніемъ въ консисторіи и эти внѣшнія его качества „были полезны для него, но приносили вредъ службѣ“.

„Въ 1894 г. на должность секретаря консисторіи поступилъ Алексѣй Яковлевичъ Комаровъ, человѣкъ съ академическимъ образованіемъ и, по отзыву преосвященнаго, высокочестный, энергичный и хорошо знакомый съ порядками и строемъ синодальной канцеляріи. Заставъ въ Полтавской консисторіи нежелательный порядокъ и направленіе, онъ сразу замѣтилъ, что Степанъ Скитскій пользуется своимъ служебнымъ положеніемъ во вредъ службѣ, и принялъ зависящія мѣры къ искорененію зла. Скитскій очутился въ положеніи зауряднаго чиновника, что подорвало его значеніе и авторитетъ въ консисторіи, съ чѣмъ, конечно, ему не легко было примириться, такъ какъ прежде онъ привыкъ себя считать значительнымъ лицомъ въ консисторіи, вслѣдствіе чего между нимъ и Комаровымъ возникли непріязненные отношенія; но Комаровъ шелъ противъ традицій стараго времени твердо и съ энергіей. Впослѣдствіи отношенія между ними какъ бы улучшились, но въ 1897 г. они опять ухудшились. Въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ Комаровъ докладывалъ преосвященному о разныхъ униженіяхъ Скитскаго по службѣ. Передъ праздникомъ Святой Пасхи, по настоянію Комарова, Скитскій былъ лишенъ денежной награды, послѣ чего преосвященный призывалъ къ себѣ Скитскаго и убѣждалъ его объясниться съ Комаровымъ, выяснитъ существующія между ними недоразумѣнія, но цѣли своей онъ не достигъ и на слова, сказанныя имъ Скитскому: „ты камень носишь въ душѣ твоей противъ Комарова“, получилъ отъ него дрожащимъ отъ волненія голосомъ отвѣтъ: „не могу, какъ вамъ угодно“. Изъ этой бесѣды преосвященный убѣдился, какую сильную непріязнь Степанъ Скитскій питалъ къ Комарову. Изъ отношенія Полтавской

духовной консисторіи видно, что Комаровъ, на основаніи 283 ст. У. Д. К. изд. 1883 г., по отношенію къ Скитскимъ былъ начальникомъ, почему имъ и предъявлено обвиненіе по 1451 ст. улож. о наказ.

„Не признавая себя виновными, они на допросѣ у судебного слѣдователя дали слѣдующія объясненія: Степанъ Скитскій,—что, выйдя утромъ 14 іюля изъ консисторіи, онъ пошелъ сперва на почту, а затѣмъ на Колонійскую улицу, гдѣ заходилъ по дѣламъ въ женское духовное училище, семинарію и въ квартиру учителя Конопатова. Встрѣтивъ на этой улицѣ своего брата Петра сильно пьянымъ, онъ повелъ послѣдняго на рѣку Ворсклу съ тѣмъ, чтобы освѣжить его купаньемъ. Спустившись по землѣ Лазарева съ Колонійской горы и перейдя черезъ гору въ монастырскій лѣсъ, они дальше прошли по горѣ къ рѣкѣ. Шли они мимо монастырскаго тока, гдѣ ихъ, вѣроятно видѣли пастухи. На берегу Ворсклы братъ обвиняемаго Петръ легъ на землѣ и онъ прикладывалъ къ головѣ его компрессы, пока тотъ не заснулъ, послѣ чего обвиняемый нѣсколько разъ выкупался, а проснувшись и Петръ сталъ купаться. Въ 7 часовъ вечера они, черезъ деревню Кривохатки, пошли къ земской водокачкѣ, гдѣ наняли лодку и долго катались по рѣкѣ. На пути къ водокачкѣ за Кривохатками ихъ могли видѣть сторожа при куренѣ. Въ городѣ вернулись они въ 12-мъ часу ночи и братъ Петръ остался у обвиняемаго ночевать. Утромъ на слѣдующій день обвиняемый узналъ объ исчезновеніи Комарова, а того-же дня вечеромъ, будучи въ монастырѣ, отъ гробовщика Молчанова услышалъ, что Комаровъ за городомъ найденъ убитымъ. Относительно бечевки, снятой съ шеи Комарова, Степанъ Скитскій заявилъ, что такія бечевки имѣются въ консисторіи для упаковки казенныхъ тюковъ и въ его отдѣленіи, и у другихъ лицъ.

„Дальше обвиняемый говоритъ, что колбасы у Лангера онъ хотя и покупалъ, но всегда по одной; двухъ же колбасъ одновременно никогда у него не покупалъ. Царапины на рукахъ онъ, обвиняемый, причинилъ себѣ во время купанья и ловли раковъ, а опухоль пальца произошла отъ удара по рукѣ весломъ, нанесеннаго ему нечаянно братомъ Петромъ во время катанья на лодкѣ. Объ отношеніяхъ своихъ къ Комарову обвиняемый говоритъ, что онъ всегда старался исполнять свои служебныя обязанности какъ слѣдуетъ, но замѣчалъ, что Комаровъ питалъ къ нему нерасположеніе и притѣснялъ его.

„Другой обвиняемый показалъ,—что 13 іюля днемъ онъ съ чи-

новникомъ консисторіи Яковомъ Гриценкомъ „гулялъ“, а придя вечеромъ къ брату ночевать, еще пилъ водку, вслѣдствіе чего у него на слѣдующій день болѣла голова, почему онъ и вышелъ изъ консисторіи раньше обыкновеннаго. Зайдя въ гостиницу „Марсель“, онъ выпилъ тамъ двѣ бутылки пива, а потомъ на Александровской улицѣ въ винной лавкѣ № 1 купилъ бутылку водки, которую и выпилъ въ Корпусномъ саду, послѣ чего такъ опьянѣлъ, что не помнитъ, какъ съ братомъ и на Ворсклу попалъ. Придя въ себя онъ въ 6-мъ часу вечера купался въ Ворсклѣ съ братомъ, потомъ они катались на лодкѣ, и въ 12-мъ часу ночи вернулись въ городъ въ квартиру брата.

„Однако слѣдствіемъ установлено: а) что пастухи Корнилій Бѣлизный, Семень Яковенко, Алексѣй и Павелъ Палченко, пасшіе 14 іюля скотъ возлѣ монастырскаго тока, и сторожа при куренѣ Крыницкаго за деревней Кривохатками Прокофій Зирка, Антонъ Пидрига и Николай Марченко не видѣли, чтобы Скитскіе означеннаго числа проходили вблизи ихъ; б) приставъ Червоненко удостовѣрилъ, что отъ Колонійской горы къ рѣкѣ Ворсклѣ есть ближайшій и болѣе удобный путь, чѣмъ тотъ, по которому, какъ увѣряютъ Скитскіе, они шли, и находитъ невозможнымъ, чтобы Скитскіе, изъ которыхъ Петръ былъ сильно пьянъ, могли перейти черезъ монастырскую гору, черезъ которую онъ, свидѣтель, розыскивая однажды бѣжавшаго арестанта, едва могъ перейти при помощи трехъ постороннихъ лицъ, и в) свидѣтель Митрофанъ Кононенко заявилъ, что, возвращаясь 14 іюля въ половинѣ восьмого часа вечера съ купанья, онъ встрѣтилъ за деревнею Кривохатками Скитскихъ и, по его мнѣнію, они шли не съ того мѣста на рѣкѣ Ворсклѣ, гдѣ они, по ихъ словамъ, купались, а съ противоположной стороны и скорѣе съ монастырскаго лѣса.

„Такимъ образомъ объясненія обвиняемыхъ не нашли въ главныхъ чертахъ подтвержденія. Равнымъ образомъ и заявленное женою Степана Скитскаго Евдокіей подозрѣніе въ возможности совершенія убійства Комарова другими лицами—ни въ чемъ на слѣдствіи не нашло себѣ подтвержденія.

„На основаніи изложеннаго, Степанъ Леонтьевъ Скитскій, 42 лѣтъ, и Петръ Леонтьевъ Скитскій, 30 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что, состоя на службѣ въ Полтавской духовной консисторіи, первый въ должности казначея, а второй канцелярскимъ служителемъ, и находясь въ непосредственномъ подчиненіи у секретаря консисторіи Алексѣя Яковлева Комарова, они изъ мести къ нему, вслѣдствіе

непріязненныхъ отношеній, возникшихъ исключительно на служебной почвѣ, согласились лишить послѣдняго жизни, съ каковою цѣлью 14 іюля 1897 года, между 3 и 4 часами пополудни, отправились въ лѣсъ, расположенный вблизи деревни Терновщины, въ 4-хъ верстахъ отъ города Полтавы, мимо котораго Комаровъ обыкновенно проходилъ къ себѣ на дачу, скрылись въ засадѣ и, когда Комаровъ приближался къ дачѣ, напали на него и, накинувъ на шею его бичевку, удавили, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1451 и 1453 ст. ст. улож. о наказ.

„Вслѣдствіе этого и на основаніи 201 ст. уст. уголов. судопр., они, Степанъ и Петръ Скитскіе, подлежатъ суду Харьковской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей“.

II.

Остановимся на нѣкоторое время на этомъ документѣ.

Обвинительный актъ обыкновенно представляетъ собою конденсацію всего того обвинительнаго, уличающаго матеріала, который добытъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Мы почти не знаемъ примѣра, что бы судебное слѣдствіе обнаружило болѣе матеріала въ пользу обвиненія противъ даннаго подсудимаго, чѣмъ заключается въ обвинительномъ актѣ. Напротивъ того, сплошь и рядомъ данныя обвинительнаго акта оказываются въ значительной степени ослабленными провѣркою ихъ на судѣ. Нерѣдко оказывается, что показаніе записано слѣдователемъ не совсѣмъ точно, что тонъ показанія иной, что защитою добыты новыя данныя оправданія и т. д. Но допустимъ, что все занесенное въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Скитскихъ нисколько не ослаблено было на судебномъ слѣдствіи, что все пунктуально подтвердилось,—и относительно время препровожденія обоихъ Скитскихъ въ день убійства, и относительно страннаго ихъ поведенія въ слѣдующіе дни, и даже относительно двухъ колбасъ, одной толще, а другой потоньше, купленныхъ у Лангера, и относительно корки хлѣба, будто приобретенной у лавочника Воронеля. Что же даетъ во всемъ, допустимъ, точно установленный этотъ матеріаль?

Оказывается, трущъ обнаруженъ въ 5 ч. дня во вторникъ 15 іюля, а судебному слѣдователю дано знать объ этомъ мѣстнымъ уѣзднымъ исправникомъ около 8 ч. вечера. Слѣдователь, несмотря на то, что убійства при такой загадочной обстановкѣ въ Полтавѣ, насколько извѣстно, случаются не каждый мѣсяць,—не

торопится прибыть на мѣсто происшествія и принять немедленно мѣры обезпеченія отъ сокрытія слѣдовъ преступленія,—а лишь на слѣдующій день (не сказано даже, въ какомъ часу,—едва ли поэтому въ 4 ч. утра, напримѣръ) онъ „обнаружилъ слѣдующее“. Надо замѣтить, что въ Полтавѣ въ 8 ч. вечера въ іюлѣ еще совершенно свѣтло, что въ три часа утра уже полный день. При такой неторопливости въ отношеніи храненія матеріальныхъ слѣдовъ преступленія обнаруживается, однако, какая то близорукая торопливость при арестованіи обоихъ Скитскихъ,—уже въ четвергъ вечеромъ Степанъ арестованъ, а подлежалъ аресту съ утра, но его не нашли. Какая была опасность отъ того, что онъ остался бы на свободѣ и за его непринужденными дѣйствіями возможно было бы нѣкоторое время слѣдить,—трудно понять. Между тѣмъ оставленіе его на свободѣ при надлежащимъ за нимъ надзорѣ, быть можетъ, дало бы еще болѣе цѣнный матеріалъ, чѣмъ то, что онъ 15 іюля „явился не надолго въ консисторію, уходя сказалъ, что идетъ на почту, но какъ оказалось впоследствии, былъ въ разныхъ мѣстахъ и все въ противоположныхъ концахъ города“, былъ въ монастырѣ, передавалъ медали и мирно бесѣдовалъ съ отцами монахами, и даже заходилъ въ винную лавку для продолжительной бесѣды (съ 8 до 10 ч. вечера) съ сидѣлицей. Быть можетъ, пока Скитскій гулялъ бы на свободѣ полиціи и слѣдственной власти удалось бы обнаружить, куда дѣлись дамскіе часы, похищенные у Комарова, о которыхъ въ обвинительномъ актѣ ни словомъ, послѣ констатированія похищенія ихъ, не упоминается болѣе... Во время ареста Степана Скитскаго еще уличающая сила надѣденныхъ съ одного конца колбасъ и корки булки не обнаружена была, путанныя объясненія его насчетъ того, какъ онъ провелъ время между 2—3 часами дня 14 іюля, не имѣлись въ виду, увѣренности или хотя бы приблизительной увѣренности въ томъ, что убійцами были братья Скитскіе не могло быть. Къ чему же было торопиться его арестомъ, къ чему было съ первой же минуты лишить слѣдственную власть возможности изъ дальнѣйшаго поведенія Скитскихъ дѣлать болѣе подкрѣпленные доводы и основанія къ подозрѣнію. Мы отмѣчаемъ это обстоятельство потому, что во многихъ, если не въ большинствѣ, случаяхъ такая поспѣшность принятія, при данномъ положеніи дѣла, совершенно ненужныхъ мѣръ обезпеченія, какъ заключеніе подозрѣваемаго,—вмѣсто того, чтобы содѣйствовать раскрытію дѣла, только мѣшаетъ ему, и имѣетъ своимъ источни-

комъ совершенное неумѣніе спокойно, объективно относиться къ добываемымъ слѣдствіемъ даннымъ, неумѣніе быть хотя бы нѣкоторое время объективнымъ наблюдателемъ, безалаберное отношеніе къ свободѣ личности, подвергаемой лишенію свободы по первой мысли о подозрѣніи, по первой отдаленной косвенной уликѣ, а быть можетъ и въ непростительномъ и легкомысленномъ желаніи скорѣе дойти до конечной точки—обнаруженія преступника, скорѣе добраться до того момента слѣдствія, когда вмѣстѣ съ арестомъ подозрѣваемаго, можетъ появиться мнѣніе объ энергіи полиціи или слѣдственной власти.

Съ момента задержанія—на мѣсто изслѣдованія о преступленіи, слѣдствіе неминуемо превращается въ изслѣдованіе о предполагаемомъ преступникѣ, а задержанномъ. Вмѣсто объективныхъ данныхъ, касающихся преступленія, слѣдствіе, одѣвъ на себя шоры, препятствующія глядѣть по сторонамъ, направляется прямолинейно на выслѣживаніе того, что касается содержащагося въ заключеніи, и если, не дай Богъ, первое впечатлѣніе полицейскаго или слѣдственнаго органа неправильно,—преступленіе остается неизслѣдованнымъ и уничтожается всякая возможность потомъ пойти по болѣе вѣрному пути.... Мѣра предупрежденія сокрытія слѣдовъ преступленія или уклоненія отъ слѣдствія превращается въ самое надежное средство именно сокрытія преступленія или преступника....

Къ несчастію, эта ошибка повторяется нерѣдко. Слѣдственная власть недостаточно проникнута сознаніемъ того, что задержаніе заподозрѣннаго—не обязанность и не безусловная необходимость, а напротивъ того, только право, въ случаѣ необходимости; что надо различать задержаніе во избѣжаніе сокрытія слѣдовъ преступленія (Collusionshaft), и заключеніе обвиняемаго подъ стражу въ видѣ обезпеченія явки къ слѣдствію и суду; что случаи необходимости примѣненія перваго и втораго практически почти противоположны. Была ли опасность, что Скитскіе укроются отъ слѣдствія и суда, послѣ того какъ они два дня держали себя, какъ заявляется въ обвинительномъ актѣ, подозрительно, была ли опасность, что они скроютъ слѣды преступленія,—изъ обстоятельствъ дѣла не видно, или вѣрнѣе видно, что ни той, ни другой опасности не было. Казалось бы, что скорѣе можно было бы дойти, исходя изъ недоѣденныхъ колбасъ, до истины, если бы Кадюръ и другимъ причастнымъ къ колбасному эпизоду свидѣтелямъ, предложень былъ вопросъ—кто покупалъ у васъ двѣ колбасы разомъ, вмѣсто

вопроса, — не покупалъ ли Скитскій двѣ колбасы; и если бы вмѣсто экспертизы веревки, на предметъ выясненія того, не есть ли эта веревка какъ разъ такая, которая имѣлась въ распоряженіи Скитскаго въ консисторіи, и по винѣ Скитскаго употреблена, вмѣсто перевязки консисторскихъ дѣлъ, на удавленіе вершителя ихъ, полиція или слѣдователь догадались обойти полтавскія лавки, гдѣ продаются веревки (а этихъ лавокъ въ Полтавѣ, вѣроятно, меньше сотни), — и разспросить, кто покупалъ веревку (она была новая вѣдь), и, наконецъ, если бы вмѣсто выясненія прежде всего, куда дѣлись $\frac{1}{2}$ часа времени Скитскаго въ день 14 іюля, полиція и слѣдствие направили свои усилія на то, куда дѣлись золотыя дамскіе часы, купленные (какъ выяснилось на судебномъ слѣдствіи) въ Штутгартѣ. Быть можетъ, всѣ эти обстоятельства выяснились бы въ томъ смыслѣ, что противъ Скитскихъ обнаружены были бы серьезныя улики или даже доказательства, и общественная совѣсть была бы успокоена, не возникалъ бы мучительный вопросъ, нѣтъ ли судебной ошибки и одного лишь печальнаго недоразумѣнія во всемъ этомъ безпримѣрномъ дѣлѣ.

Слѣдователь поторопился заключить Скитскихъ подъ стражу, и вотъ посмотрите, что обнаружено долгимъ, вѣроятно и усерднымъ — по такому громкому дѣлу — слѣдствіемъ. Обнаружено, что Скитскій — одинъ только Степанъ — былъ не въ ладахъ съ Комаровымъ и несомнѣнно имѣлъ противъ него злобное чувство. По выраженію владыки — носилъ камень въ душѣ своей. Скажемъ тутъ же, въ глазахъ архипастыря — камень въ душѣ едва ли могъ бы быть отождествляемъ съ веревкой въ карманѣ; что камнемъ этимъ, очевидно былъ тотъ проектъ бумаги, которою въ видѣ жалобы Св. Синоду Скитскій имѣлъ въ виду поразить Комарова. Обнаружено, что было, по крайней мѣрѣ, двое убійць, бывшихъ въ засадѣ; обнаружено, что Скитскіе въ день убійства предавались обыкновеннымъ занятіямъ — Степанъ бѣготилъ по дѣламъ службы, а Петръ — обычному пьянству; трудно сказать, что еще обнаружено слѣдствіемъ, ибо колбаса, корка, картузь, шапка, веревка — все это найдено при осмотрѣ, а не обнаружено слѣдствіемъ. За этими положительными данными — весь обвинительный актъ содержитъ въ себѣ данныя относительно того, что не обнаружено, или что вовсе не обнаруживалось.

Повторяемъ еще разъ, не обнаруживалось, куда дѣлись дамскіе часы, похищенные у Комарова; не обнаружено и, повидимому, не было сдѣлано попытокъ обнаружить, съ какого времени и для

какой цѣли пріобрѣтенъ и носимъ былъ Комаровымъ револьверъ. При разсмотрѣніи дѣла еще въ первый разъ, въ Полтавѣ, вдова Комарова заявила, что револьверъ купленъ былъ за нѣсколько дней до смерти „и носилъ его отъ собакъ, которыя водились въ окрестностяхъ“. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что свидѣтельница даетъ искреннее показаніе, но гдѣ матеріалъ для провѣрки того, не введена ли она въ заблужденіе, насчетъ истинной цѣли покупки револьвера. Револьверъ въ Полтавѣ—явленіе не столь обычное; собаки же, напротивъ того, какъ вообще въ провинціальныхъ губернскихъ городахъ, явленіе весьма обычное, и поэтому объясненіе, что револьверъ понадобился и носимъ былъ Комаровымъ „отъ собакъ“—нѣсколько легкомысленное. Далѣе затѣмъ въ обвинительномъ актѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, съ кѣмъ встрѣчался, какими специально дѣлами занимался Комаровъ въ послѣднее время, и съ какими нѣшними событіями совпадаетъ пріобрѣтеніе револьвера секретаремъ консисторіи. Весь обвинительный актъ построенъ на служебной, если такъ можно выразиться, почвѣ, будто несомнѣнно съ самаго начала, что только на этой, а не на какой либо иной, *возможно* было преступленіе. Независимо того, что это основное положеніе „не обнаружено“, а только констатируется обвинительнымъ актомъ, даже на этой узкой, почвѣ, не выяснено, не сталкивался ли Комаровъ съ другими подчиненными ему лицами, кто они такіе, гдѣ они и не подходят ли они по своему характеру болѣе къ типу убійцы, чѣмъ заподозрѣнные и съ первой же минуты заключенные подъ стражу Скитскіе. Между тѣмъ изъ судебного слѣдствія обнаруживается, что чистка старыхъ поядковъ консисторіи, предпринятая Комаровымъ, какъ начальникомъ ея канцеляріи, выразилась не только въ вывѣшиваніи объявленія о недопущеніи въ канцелярію постороннихъ лицъ, изъ каковаго запрета не изъяты были даже отцы благочинные, и не только въ перемѣщеніи Степана Скитскаго съ должности столоначальника на должность казначея (лучшую, такъ какъ казначею полагается казенная квартира), въ лишеніи его къ пасхѣ награды, но и въ увольненіи отъ службы около 40 лицъ, бывшихъ на службѣ въ консисторіи. Гдѣ они, кто они—это можно было бы выяснитъ при предварительномъ слѣдствіи, но совершенно невозможно—при судебномъ слѣдствіи.

Возлѣ трупа найдены подальше отъ него и ближе къ мостику разбитыя очки Комарова, а въ трехъ шагахъ отъ трупа найдено

золотое пенсне съ разбитымъ лѣвымъ стекломъ; что это за пенсне? Носили ли Коморовъ и очки и пенсне? Судя по тому, что пенсне оказалось разбитымъ и не въ карманѣ, а возлѣ трупа, надо думать, что оно было сверху, надѣто—или на убитомъ или на убійцѣ. Носили ли Скитскіе золотое пенсне? Казалось бы, что розыски о пенсне заслуживали такого же вниманія, какъ и розыски о мѣшкѣ изъ старой канцелярской, акцизной бумаги.

Протоколъ вскрытія трупа—также соотвѣтствуетъ полнотѣ изслѣдованія, изображеннаго въ обвинительномъ актѣ. „Смерть послѣдовала отъ удавленія черезъ воспрепятствованіе доступа воздуха въ легкія сдавленіемъ шеи веревкою“. Полно здѣсь лишь то, что врачъ, производившій вскрытіе не полагался на одно слово удавленіе и пояснилъ, что оно обозначаетъ. Но тотъ же осмотръ обнаружилъ разорваніе плевры при переломѣ 4 и 5 реберъ прижизненнаго происхожденія. Неясно—разорвана ли плевра также прижизненно, и если да, то смертельно ли это поврежденіе и какое оно имѣетъ отношеніе къ количеству гѣнистой кровяной жидкости, найденной въ дыхательномъ горлѣ. Изъ обвинительнаго акта видно, что предъ совершеніемъ преступленія закусывалось и выписывалось. Не вся водка изъ найденной бутылки оказалась выпитой. Что, кажется, естественнѣе изслѣдовать, дабы имѣть точное представленіе о времени смерти Камарова, изслѣдовать при вскрытіи состояніе и содержаніе желудка. Когда принималъ Комаровъ въ послѣдній разъ пищу? Чѣмъ исключается возможность того, что изъ колбасы, булки и водки, что либо найдено было бы въ желудкѣ Камарова. О знаменитой, всегда красующейся при изслѣдованіяхъ удавленія, бороздѣ, о цвѣтѣ ея, формѣ и т. д. въ обвинительномъ актѣ упомянута лишь указаніемъ на то, что „на кожѣ вокругъ шеи замѣтна блѣдная полоса, шириною около $\frac{1}{2}$ вершка, отъ находившейся на томъ мѣстѣ бечевки (а она была 3 раза обмотана); полоса эта не вдавлена, между тѣмъ какъ бечевка была сильно углублена въ тѣло“.

Какъ объяснить, что смерть произошла отъ удавленія веревкою, а между тѣмъ бечевку успѣли три раза обмотать, борозда блѣдная, хотя веревка углублена,—вѣдь это противорѣчитъ самымъ элементарнымъ понятіямъ судебной медицины.

Обвинительный актъ на основаніи простого разчета,—исходя изъ момента выхода Камарова изъ консисторіи и доходя до времени отравленія Камаровой на встрѣчу мужу,—констатируетъ съ несомнѣнностью, что „Комаровъ лишенъ жизни между 3 и 4 ча-

сами дня". Почему такая несомнѣнность? Казалось бы, напротив того, обвинительный актъ самъ устанавливаетъ факты, дающіе полный просторъ сомнѣніямъ. Констатировано, что была засада,— сидѣли въ кустахъ прикрытые ими отъ мостика люди; было двое человекъ. Засада, повидимому, длилась болѣе или менѣе продолжительное время; успѣли закусить колбасой и хлѣбомъ и выпить значительную часть бутылки водки. Во всякомъ случаѣ, видимо злоумышленники рассчитывали на долгое сидѣніе въ ожиданіи жертвы,—и предусмотрительно запаслись провизіей и водкою. Отсюда вытекаетъ одно изъ двухъ: или въ засадѣ сидѣли люди, не знавшіе обычнаго времени возвращенія Камарова со службы домой на дачу, и поэтому заранѣе усѣвшіеся за кустами; или, если бывшіе въ засадѣ знали время возвращенія, то естественно предположить, что убійцамъ пришлось болѣе или менѣе долго ждать, что объ этомъ они были освѣдомлены заранѣе, и такимъ образомъ—убійство не могло быть совершено 14 июля между 3 и 4 часами дня, какъ увѣряетъ обвинительный актъ. Но посмотримъ далѣе, насколько эта засада съ закускою и выпивкою подходитъ къ Скитскимъ. Обвинительный актъ весь сосредоточенъ на вопросѣ, гдѣ были Скитскіе между 3 и 4 часами дня, и центръ обвиненія заключается въ томъ, что при наличности подозрѣнія противъ нихъ—какъ по мотивамъ, такъ и по послѣдующему ихъ поведенію,—они никакъ не могли доказать, гдѣ были они въ это время. Конечно, доказать задвигъ числомъ, гдѣ люди, въ обычное время при обычномъ ходѣ вещей, были, какъ разъ данный одинъ часъ,—трудно или невозможно, особенно если само предварительное слѣдствіе этимъ не особенно занято (мы увидимъ, что розыски о времени ухода Скитскаго съ почты не дѣлались и указаніе на это время оказалось какъ бы новымъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ). Исслѣдовать маленькую точку, конечно, труднѣе, чѣмъ цѣлое пятно. Но совершенно непонятно, какъ вяжется этотъ одинъ недостающій Скитскимъ часъ времени съ продолжительною засадою и съ запасливостью въ отношеніи пищи и питья.

Около 2 часовъ дня Степана Скитскаго видѣли еще занятымъ обычною бѣготнею, раздачей по разнымъ мѣстамъ медалей. Допустимъ самый неблагоприятный для него моментъ времени—а именно, что только около двухъ часовъ дня (не позже) онъ заходилъ во дворъ вдовы Елисаветы Мартыновой. Комаровъ вышелъ изъ консисторіи въ 2 ч. 25 м., значитъ Скитскій могъ бы прибыть къ мостику только на какихъ нибудь полчаса раньше Комарова;

не забудемъ еще, что ему, согласно обвинительному акту, еще нужно было встрѣтиться съ Петромъ и его взять съ собою. Спѣша къ мѣсту преступленія, имѣя предъ собою какихъ нибудь $\frac{1}{2}$ —1 часъ времени, подсудимые обзаводились бы двумя колбасами, хлѣбомъ, водкою, успѣли бы закусить и выпить.. Все это въ ожиданіи съ минуты на минуту появленія Комарова...

Не обнаруживалось, какъ видно изъ обвинительнаго акта, видѣлъ ли кто изъ тѣхъ многихъ лицъ, которыя въ теченіи дня 14 іюля встрѣчались со Степаномъ Скитскимъ, что онъ имѣлъ съ собою пакетъ съ колбасой бумажнымъ мѣшечкомъ съ хлѣбомъ. Если около 2 часовъ его видѣли во дворѣ Мартыновой, и безъ запаса провизіи, то, очевидно, ему изъ двора противъ архіерейскаго дома нужно было побѣжать за покупками, и тогда изъ получасу времени, бывшаго въ его распоряженіи осталось бы еще меньше, или долженъ былъ бы забѣжать къ себѣ на квартиру (если показаніе, полученное въ колбасной лавкѣ не точно относительно времени покупки Степаномъ колбасы) и тогда консисторскіе сторожа или швейцаръ не могли бы не замѣтить его, такъ какъ квартира Степана была подъ консисторією. Всѣмъ этимъ обвинительный актъ не занимается; предварительное слѣдствіе ему матеріала для этого не дало.

Оно, не уклоняясь въ сторону, направлено на братьевъ Скитскихъ, оно фиксировано на одной точкѣ—куда дѣлся часъ между 3 и 4 часами дня. Нельзя не имѣть кромѣ того въ виду, что оба Скитскіе были безъ пальто, одинъ былъ въ форменномъ платьѣ, что спрятать значительный пакетъ—хлѣба, 2 колбасы и водку—въ карманахъ почти невозможно. Сопоставьте—засаду, убійство днемъ, доказанное по обвинительному акту времяпровожденіе Степана Скитскаго до 2 часовъ дня, и ясно станетъ, что обвинительный актъ не только не даетъ основанія къ обвиненію братьевъ Скитскихъ, но прямо опровергаетъ это обвиненіе. И вотъ на основаніи данныхъ этого обвинительнаго акта состоялось два разсмотрѣнія дѣла—одно въ Полтавѣ съ оправдательнымъ приговоромъ, другое въ Харьковѣ съ обвинительнымъ.

Мы такъ долго оставляемся на обвинительномъ актѣ въ виду того, что именно этотъ документъ показываетъ всю безотрадную неумѣлость, какая проявлена, повидимому, въ этомъ дѣлѣ. Быть можетъ, братья Скитскіе и виновны; мы стоимъ лицомъ къ лицу съ двумя приговорами одинаково компетентныхъ судей, которые по большинству голосовъ оправдали, а затѣмъ по большин-

ству же голосовъ обвинили; ни на одну минуту не можетъ у здраво-мыслящаго человѣка возникнуть и тѣни подозрѣнія, относительно полной искренности и убѣжденности одного большинства въ невиновности, а другого—въ виновности подсудимыхъ. Но попытайтесь только заглянуть въ душу судей, судившихъ настоящее дѣло и посмотрѣть, какую душевную борьбу, сколько мученій, спеціально судейскихъ, причинено имъ разсмотрѣніемъ его; ни одной твердой точки опоры, ни одного рычага, который способенъ былъ бы подвинуть дѣло въ ту или другую сторону. Предварительное слѣдствіе ничего не обнаружило твердаго, вѣрнаго; какъ мы увидимъ ниже—есть полное основаніе полагать, что подобно тому, какъ первый приговоръ оправдательный состоялся подъ вліяніемъ обнаруженнаго даже послѣ судебного слѣдствія, — а именно показанія почтоваго чиновника Воробьевскаго относительно того, что Степанъ Скитскій ушелъ изъ почтамта около 2 часовъ дня,—такъ и второй приговоръ—обвинительный, быть можетъ, основанъ главнымъ образомъ на обнаруженномъ также не предварительнымъ слѣдствіемъ фактъ наблюденія одною дамою изъ окна ея квартиры черезъ бинокль за двумя лицами, которыя 14 іюля, а можетъ быть и около 14 іюля спѣшили по дорогѣ къ Яковцамъ...

Можно ли спокойно относиться къ слѣдствію, которое все направлено было только на добываніе опроверженій *alibi*, т. е. на что то отрицательное, вмѣсто того, чтобы искать чего нибудь положительнаго, и которое напередъ завязало себѣ глаза и скорѣе готово было допустить, что Степанъ Скитскій,—смирный, типическій, услужливый консисторскій столоначальникъ, безъ внѣшнихъ непосредственныхъ поводовъ, а только по неудовольствію своимъ начальникомъ, рѣшился бы изъ засады жестоко-звѣрскимъ образомъ задавить его, вовлекъ въ это дѣло добраго, безхарактернаго брата—всегда полушьянаго Петра и все это продѣлалъ такимъ рафинированнымъ образомъ,—между дѣловою бѣготнею на службѣ, отправленіемъ пакетовъ на почтѣ и разноскою медалей, и мирнымъ катаньемъ на лодкѣ и ловлею раковъ,—скорѣе допустить все это, чѣмъ искать, разслѣдовать матеріальную обстановку злодѣйства. Скитскіе арестованы, слѣдствіе производится уже не объ убійствѣ Комарова, а о лишеніи жизни начальника подчиненными ему по службѣ Скитскими; вмѣсто доказательствъ обвиненія, преданіе суду основывается на отсутствіи доказательствъ оправданія.

III.

Естественно, что при такой скудости матеріала, собраннаго предварительнымъ слѣдствіемъ, при оказавшейся неполной цѣпи косвенныхъ уликъ, судебное слѣдствіе по дѣлу бр. Скитскихъ, происходившееся въ засѣданіяхъ особаго присутствія Харьковской судебной палаты (съ участіемъ сословныхъ представителей) 17—21 марта 1898 г. въ Полтавѣ, было посвящено не столько провѣркѣ предварительнаго слѣдствія, сколько добыванію и разслѣдованію новаго матеріала.

Изъ данныхъ, выяснившихся на судебномъ слѣдствіи, видно, что еще въ день убійства у жены Комарова, занятой поисками, явилось опасеніе за жизнь ея мужа, при чемъ она „невольно подумала на Скитскаго“; такая же мысль, по заявленію ея, возникла и у ея сестры, но потомъ онѣ отказались отъ этой мысли: „слишкомъ ужъ мало мало было повода у Скитскаго для такого преступленія, къ тому же Скитскій имъ казался слишкомъ трусливымъ“. Подозрѣніе на Скитскаго возникло у пристава Царенка, когда онъ узналъ, что многимъ чиновникамъ казалось страннымъ, почему Скитскіе не были ни на поискахъ, ни на похоронахъ. Относительно исчезнувшихъ часовъ оказывается (показанія приставовъ Косолапова и Семенова), что до полиціи доходили слухи о находящихся будто у бывшаго чиновника консисторіи Слизька этихъ часовъ, но что этимъ слухамъ не придавалось значенія, къ тому же запрещено было производить какіе бы то ни было розыски безъ указанія судебного слѣдователя или прокурора. Показаніями другого пристава, Червоненка, установлено одно обстоятельство, которое должно быть особенно отмѣчено. Петръ Скитскій арестованъ былъ послѣ Степана и содержался подъ надзоромъ пристава Червоненка. Въ видахъ полученія отъ Петра какихъ либо признаній, къ нему посаженъ былъ переодѣтый агентъ, который угостилъ Петра водкою и предложилъ при посредствѣ своего знакомаго передать письмо Степану Скитскому. Петру же еще до того приставъ Червоненко, „въ видахъ выясненія истины“, заявилъ, что его братъ Степанъ сознался въ убійствѣ Комарова. Вслѣдствіе этого Петръ воспользовался предложеніемъ неизвѣстнаго относительно письма и написалъ своему брату, рѣзко порицая его и говоря, что если онъ дѣйствительно совершилъ ужасное преступленіе, то онъ отрекается отъ него и т. д. Это письмо, конечно, передано было приставу Червоненку, который сообщилъ о немъ товарищу прокурора Дамиловскому и

по приказанію послѣдняго должно было быть передано судебному слѣдователю, который, по обсужденіи содержанія письма вмѣстѣ съ товарищемъ прокурора, призналъ его не относящимся къ дѣлу. *Самое письмо оказалось неразысканнымъ.* Письмо это признано не относящимся къ дѣлу—о виновности Скитскихъ, такъ какъ оно, конечно, прямо относилось къ дѣлу о невинности ихъ....

Вещественное доказательство—колбаса на судебномъ слѣдствіи потеряло свою убѣдительность; свидѣтели признали только, что эта колбаса похожа на произведеніе колбасной Лангера, относительно же колбасы, проданной Скитскому, прикащикъ Кацюра не помнитъ какой толщины и какого качества она была. Бумажный мѣшечекъ, признанный свидѣтелемъ Воронелемъ за его издѣліе, оказывается вовсе не изъ подъ хлѣба,—а изъ подъ риса или муки или вообще продуктовъ, которыхъ Степанъ Скитскій, за отъѣздомъ жены его еще до Пасхи, вовсе не покупалъ у свидѣтеля.

Относительно отношеній, бывшихъ между Комаровымъ и Степаномъ Скитскимъ судебное слѣдствіе выяснило несомнѣнно существовавшія между ними враждебныя отношенія, но не дало никакихъ указаній на наличность такой обостренности ихъ, которая, выходя за служебную сферу и за предѣлы способовъ чисто канцелярскаго антагонизма и средствъ проявленія его, должна была по болѣе или менѣе вѣроятному психологическому разсчету привести къ возникновенію хотя бы отдаленной мысли объ убійствѣ.

Самый любопытный эпизодъ перваго разсмотрѣнія дѣла,—это возобновленіе судебного слѣдствія уже послѣ того, какъ за окончаніемъ преній сторонъ, судьи собрались 21 марта для совѣщанія и постановленія резолюціи.

Въ совѣщательную комнату первымъ явился членъ палаты В. О. Губертъ; вскорѣ по приходѣ его, запасный сословный представитель, старшина Тахтауловской волости, передалъ ему визитную карточку почтоваго чиновника Воробьевскаго, на которой сообщалось, что онъ, Воробьевскій а также чиновникъ Топчій могутъ свидѣтельствовать, что Степанъ Скитскій 14 іюля ушелъ съ почты не ранѣе 1 ч. 40 м. по полудни. Изъ исчезнувшаго часа времени неожиданно, такимъ образомъ, представилось возможнымъ отыскать въ пользу Степана Скитскаго цѣлыхъ 40 минутъ. Если вспомнить сказанное въ обвинительномъ актѣ, легко понять, что это открытіе оказалось весьма существеннымъ; настолько существеннымъ, что особое присутствіе судебной палаты нашло необ-

ходимымъ, возобновивъ засѣданіе по дѣлу, предложить сторонамъ высказаться по вопросу о возобновленіи слѣдствія.

Заимствуемъ изъ протокола засѣданія изложеніе хода дѣла по указанному инциденту:

„Прокуроръ находя, что обстоятельство, которое могутъ удосто- вѣрить свидѣтели, не является новымъ, что вопросъ о времени пребыванія Степана Скитскаго въ почтовой конторѣ 14 іюля уже достаточно обслѣдованъ, что эти новыя свѣдѣнія, полученные внѣ судебнымъ путемъ, на основаніи слуховъ, вышедшихъ изъ зала засѣданія, онъ считаетъ сомнительными, полагалъ судебное слѣд- ствіе не возобновлять“.

„Защитникъ находилъ, съ своей стороны, открывшееся обстоя- тельство новымъ и подлежащимъ изслѣдованію, и, указавъ на то, что онъ былъ допущенъ къ защитѣ подсудимыхъ, все же имѣлъ мало времени для полнаго ознакомленія съ дѣломъ, столь слож- нымъ, и для вызова всѣхъ необходимыхъ свидѣтелей, просилъ о возобновленіи судебного слѣдствія и вызовѣ въ качествѣ свидѣте- лей Воробьевскаго и Топчія“.

„Прокуроръ поддерживалъ высказанное мнѣніе, возражая про- тивъ вызова новыхъ свидѣтелей, какъ указанныхъ несвоевременно и въ виду невозможности, за увольненіемъ всѣхъ допрошенныхъ свидѣтелей, которые, быть можетъ, окажутся необходимыми для опроверженія показаній новыхъ свидѣтелей; на случай же, если бы палата не согласилась съ его мнѣніемъ, прокуроръ находилъ, что дѣло надлежитъ обратить къ дослѣдованію, примѣнительно къ ст. 549 уст. угол. суд., для выясненія отношеній вновь указывае- мыхъ свидѣтелей, Воробьевскаго и Топчія, къ подсудимымъ“.

„Защитникъ противъ обращенія дѣла къ дослѣдованію не воз- ражалъ и, наоборотъ, настоятельно о томъ ходатайствовалъ, за- являя, что дослѣдованіе избавитъ Скитскихъ отъ положенія под- судимыхъ“.

„Судебная палата удалилась для совѣщанія. По возвращеніи особаго присутствія въ залъ засѣданія, предсѣдатель объявилъ слѣдующее постановленіе палаты: обсудивъ заявленіе Воробьев- скаго и принимая во вниманіе: 1) что вопросъ о времени пребы- ванія Степана Скитскаго въ почтовой конторѣ 14 іюля 1897 г. подвергался подробному изслѣдованію на предварительномъ слѣд- ствіи и на судѣ; 2) что, такимъ образомъ, обстоятельство, коего касается упомянутое заявленіе, не является новымъ для дѣла, а составляетъ лишь новое доказательство по предмету, подверг-

шесюся изслѣдованію на судѣ; 3) что провѣрка этого новаго доказательства, въ виду важности и существенности въ настоящемъ дѣлѣ возможно точнаго выясненія времени ухода Степана Скитскаго изъ почтовой конторы въ день убійства является необходимымъ, особое присутствіе опредѣляетъ: на основаніи ст. 734 уст. угол. суд. возобновить судебное слѣдствіе“.

Къ 5 часамъ того же дня вызваны были новые свидѣтели Воробьевскій и Топчій, а затѣмъ передопрошены другіе свидѣтели, показанія коихъ касались времени появленія Степана Скитскаго въ разныхъ мѣстахъ.

Оправдательный для обоихъ подсудимыхъ приговоръ особаго присутствія постановленъ былъ по большинству голосовъ (по отношенію къ Степану Скитскому—3 сословныхъ представителей и 1 члена палаты, а Петра Скитскаго—3 сословныхъ представителей и 2 членовъ палаты).

Какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ постановляется по большинству голосовъ, соображенія, излагаемыя въ приговорѣ, отражаютъ въ себѣ борьбу двухъ мнѣній, борющихся въ общемъ стремленіи установленія истины. Вслѣдствіе этого такіе приговоры обыкновенно скорѣе изобилуютъ излишними соображеніями, серьезность коихъ разноцѣнна. Наряду съ соображеніями вполне серьезными, встрѣчаются и соображенія не серьезные, отъ которыхъ дѣло болѣе не разъясняется, и излишнія, потому, что достаточно однихъ соображеній серьезныхъ для того, чтобы логически правильно мотивировать выводъ, т. е. резолюцію. Мы касаемся здѣсь крайне важной особенности нашего процессуальнаго обихода; на которой мы остановимся ниже.

Приговоръ особаго присутствія (въ составѣ старшаго предсѣдателя М. В. Красовскаго, членовъ палаты: О. А. Компаніецъ, В. О. Губертъ и В. Г. Юрьева, сословныхъ представителей—Полтавскаго губернскаго предводителя дворянства С. Е. Бразоль, городского головы В. П. Трегубова и старшины Васильевской волости Е. С. Кудря)—большое произведеніе, занимаетъ болѣе 50 страницъ.

Вотъ его построеніе. Изложивъ обстоятельства дѣла и данныя, послужившія основаніемъ къ преданію бр. Скитскихъ суду, особое присутствіе резюмируетъ добытыя противъ подсудимыхъ улики, сводя ихъ къ 10 пунктамъ, а именно: 1) враждебныя отношенія Степана Скитскаго къ Комарову на почвѣ исключительно служебной; 2) подсудимые не могли доказать, гдѣ они 14 іюля находились около 3 ч. дня, при этомъ объясненіе Степана Скитскаго о той

дорогѣ, по которой онъ отправился къ р. Ворсклѣ купаться съ братомъ, и вообще все его показаніе относительно того, какъ онъ провелъ время въ 2 ч. дня, представляются, по мнѣнію обвиненія, неправоподобными; 3) подозрительное непосредственное поведеніе подсудимыхъ 15 и 16 іюля и то, что они отнеслись будто равнодушно къ убійству Комарова; 4) царапины оказавшіяся на рукахъ и ногахъ обоихъ подсудимыхъ и опухоль на пальцѣ руки Степана Скитскаго, относительно коихъ не дано подсудимыми удовлетворительнаго объясненія; 5) на мѣстѣ преступленія найдены остатки двухъ колбасъ, по размѣру и сорту сходныхъ съ купленными Степаномъ Скитскимъ въ колбасномъ заведеніи Лангера 13 или 14 іюля; 6) на мѣстѣ преступленія оказались корки хлѣба, коимъ торгуетъ Воронель, подобный хлѣбъ пріобрѣлъ у него Степанъ Скитскій 12 іюля; а также бумажной мѣшокъ изъ лавки того же Воронеля у коего Скитскій забиралъ товаръ; 7) на мѣстѣ преступленія найденъ картузь (фуражка), висѣвшій въ послѣднее время въ сторожкѣ консисторіи, и взятый, повидимому, для отвлеченія подозрѣнія; 8) снятая съ шеи Комарова бечевка, признанная схожею съ бичевками консисторскими; 9) показаніе Ткаченко, пастуха, о замѣченныхъ имъ на разстояніи ста шаговъ двухъ мушницъ, — одного въ черномъ, другого въ свѣтломъ платьѣ, и 10) отсутствіе указаній какъ на то, что Комаровъ могъ быть убитъ изъ другихъ мотивовъ, такъ и на то, что бы кто либо иной, кромѣ Степана Скитскаго, могъ имѣть достаточно сильный мотивъ для убійства Комарова. Обсуждая эти улики, судебная палата находила, что „производившіяся почти въ теченіи 5 дней судебнымъ слѣдствіемъ, допросамъ болѣе 70 свидѣтелей и 6 свѣдущихъ лицъ, всѣ перечисленные выше улики съ возможною тщательностью были провѣрены. Посильный судейскій трудъ привелъ большинство особаго присутствія къ твердому убѣжденію въ томъ, что убійство Комарова не было дѣломъ руецъ Скитскихъ, и что привлеченіе послѣднихъ, основанное на добросовѣстномъ убѣжденіи органовъ власти, коимъ ввѣрено было первоначальное изслѣдованіе дѣла, въ виновности Скитскихъ было *послѣдствіемъ необслѣдованія другихъ путей*, которыя, можетъ быть, привели бы слѣдственную власть къ совершенно инымъ выводамъ. Къ такому заключенію особое присутствіе приходитъ на основаніи подробнаго разбора *каждаго обстоятельства*, которому обвинительный актъ придаетъ значеніе улики“. „Обвиненіе Скитскаго, продолжаетъ палата, основано на такъ называемыхъ *косвенныхъ уликахъ*; изъ нихъ многія те-

ряютъ, или наоборотъ, пріобрѣтаютъ то или другое значеніе по отгѣнкамъ редакціи передъ слѣдственной властью или передъ судомъ. По дѣлу Скитскихъ многіе свидѣтели дали иныя показанія на судѣ, чѣмъ у слѣдователя; указаній на то, что кто либо изъ нихъ былъ подговоренъ или подкупленъ къ ложному свидѣтельству на судебномъ слѣдствіи установлено не было (не смотря на присутствіе Комаровой), и поэтому при оцѣнкѣ правильности всѣхъ показаній присутствіе признало наиболѣе правильнымъ и согласнымъ съ закономъ полагаться преимущественно на слышанное и видѣнное на судѣ и только на основаніи непосредственно видѣннаго и услышаннаго придти къ окончательному выводу относительно каждаго предъявленнаго доказательства“.

Переходя къ обсужденію враждебныхъ отношеній Степана Скитскаго къ Комарову и разобравъ всѣ данныя дѣла по этому вопросу, особое присутствіе признаетъ доказаннымъ, что Степанъ Скитскій не любилъ Комарова, какъ не любили его другіе, но эти непріязненные отношенія не такого свойства, чтобы они могли побудить Скитскаго къ убійству; вся личность Степана Скитскаго говоритъ противъ возможности приписать ему убійство, при такой звѣрской обстановкѣ, предполагающей звѣрскія наклонности преступника, „не постѣснившагося для того, чтобы, какъ бы поглотиться надъ своею жертвою, изобразить концами веревки подобіе галстучнаго банта“. Скитскій, совершая преступленіе ничего не пріобрѣталъ, а все терялъ..... „Такое явное неотразимое противоположеніе преступленія, съ видимыми его побужденіями, пріобрѣтаемыми преступникомъ выгодами и личностью Степана Скитскаго создаетъ между подсудимымъ и злодѣяніемъ, въ которомъ его обвиняютъ, глубокую пропасть и для того, чтобы ихъ связать, правосудіе обязано требовать ясныхъ, неопровержимыхъ уликъ“. По второму пункту—alibi, особое присутствіе находило, что пребываніе Скитскаго въ городѣ Полтавѣ безусловно доказано до 2 час. 35 мин., или даже 40 мин. дня, что доказанностью этою должно быть признано достовѣрнымъ, что они не могли быть на мѣстѣ преступленія настолько заблаговременно до прихода Комарова, чтобы успѣть избрать мѣсто засады, выпить бутылку водки, съѣсть почти двѣ колбасы и хлѣбъ и просидѣть тамъ настолько долго, что по осмотру, произведенному черезъ 48 час. мѣсто, гдѣ сидѣли злоумышленники, оказалось вытолоченнымъ, какъ записано въ протоколѣ слѣдователя. Установлено съ точностью, что Комаровъ ушелъ изъ консисторіи въ 2 час. 15 мин.—20 мин., при чемъ

уходъ былъ торопливый, для прохожденія до мѣста преступленія требуется—30 минутъ, значитъ Комаровъ былъ убитъ въ 2 часа 50 мин. Къ этому времени Степанъ Скитскій не могъ бы поспѣть. Установлено, что онъ былъ до исхода втораго часа на почтѣ, по выходѣ оттуда встрѣтилъ Корохова, бесѣдовалъ съ нимъ, былъ для покупки марокъ въ казначействѣ, заходилъ для справки въ казенную палату, вернулся въ консисторію, оттуда пошелъ для передачи медалей въ Епархіальное училище, не заставъ начальницу, пошелъ къ диакону Дарагану, передавъ медали, выждалъ изготовленія росписки въ полученіи, пошелъ къ Конопатову въ д. Мартыновой и не засталъ его, взялъ брата и пошелъ на Ворсклу. Въ приговорѣ сдѣланъ самый тщательный и осторожный расчетъ времени и въ окончательномъ выводѣ палата приходитъ къ твердому заключенію, что послѣднее посѣщеніе—въ д. Мартыновой не могло быть раньше 2 час. 40 мин., т. е. за 10 мин. до совершенія убійства.

На основаніи свидѣтельскихъ показаній особое присутствіе приходитъ затѣмъ къ заключенію, что показанія Скитскаго объ избранной имъ дорогѣ на р. Ворсклу вполне правоподобны.

Затѣмъ въ приговорѣ говорится, что „установивъ, что Степанъ Скитскій по складу своей личности не могъ совершить убійство Комарова и что ни онъ, ни братъ его не были на мѣстѣ преступленія когда тамъ былъ Комаровъ, особое присутствіе могло бы считать задачу свою оконченною; но во исполненіе ст. 797 уст. угол. суд. оно вошло въ обсужденіе остальныхъ уликъ“, и находитъ—что поведеніе подсудимыхъ, какъ это подтверждено показаніями свидѣтелей, ничего подозрительнаго собою не представляло; неучастіе въ розыскахъ—ничего не доказываетъ, такъ какъ и другіе чиновники не участвовали; царапины и ссадины, согласно съ заключеніемъ экспертовъ, не указываютъ на борьбу, а вполне объясняются ловлею раковъ и ударомъ весломъ; относительно колбасъ—особое присутствіе находитъ, что по показаніямъ, даннымъ на судѣ свидѣтелями,—можно лишь придти къ заключенію о сходствѣ ихъ съ произведеніями Лангера, но не о тожествѣ. Послѣдовательно разобравъ и другія „улики“ и признавъ ихъ не подтвержденными, присутствіе останавливается на соображеніи объ отсутствіи другихъ мотивовъ убійства; оно признаетъ, что убійство не совершено съ цѣлью грабежа; но человѣкъ можетъ быть убитъ и вслѣдствіе другихъ разныхъ побужденій, что осталось необслѣдованнымъ. „Однако, вѣроятно, не

безъ основанія Комаровъ высказывалъ предчувствіе, что его убьютъ (показ. Мат. Николаевой); вѣроятно не безъ основанія онъ носилъ при себѣ заряженный револьверъ; жену онъ могъ увѣрить, что это отъ собакъ въ видахъ ея успокоенія; но собакъ въ этой глухой мѣстности не было. Сопоставляя же револьверъ съ предчувствіемъ, нужно думать, что въ его жизни было какое то даже для жены его тайное обстоятельство, которое осталось не раскрытымъ, быть можетъ, только потому что никакихъ мѣръ для раскрытія не принято. Не сдѣлано надлежащаго разслѣдованія относительно Ливина ¹⁾; слишкомъ поспѣшно былъ покинутъ слѣдъ по клочку бумаги съ адресомъ Комарова ²⁾, найденной приставомъ Косолаповымъ на мѣстѣ преступленія“.

„Во всякомъ случаѣ, дѣлать бр. Скитскихъ отвѣтственными за пробѣлы слѣдствія представляется невозможнымъ, и если нынѣ особое присутствіе лишено возможности указать слѣдственной власти путь, по которому слѣдуетъ идти, чтобы обнаружить истинныхъ виновниковъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что на каторгу должны быть отправлены братья Скитскіе, невиновность которыхъ глубоко проникла даже въ сознаніе общественной совѣсти жителей Полтавы, выразившейся въ тѣхъ потрясающихъ кликахъ восторга, которые раздавались по провозглашеніи оправдательнаго о нихъ приговора со стороны нѣсколькихъ сотъ лицъ, находившихся въ стѣнахъ суда и тысячной толпы, ожидавшей объявленія приговора на улицѣ“.

„Если за всѣмъ этимъ остановиться на мысли, что Комаровъ умерщвленъ изъ мести Полтавскимъ врагомъ его, то у Комарова было много враговъ, и обвиненіе относило это его попыткамъ введенія реформъ въ темное царство консисторскихъ порядковъ. Однако, съ такимъ предположеніемъ трудно согласиться; консисторскіе порядки, на которые намекала обвинительная власть, въ настоящее время анахронизмъ и всѣмъ слѣдящимъ за современнымъ преобразованиемъ по сему предмету, извѣстно, что нынѣ консисторскіе порядки не тѣ, что были нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Во всякомъ случаѣ, на судебномъ слѣдствіи по дѣлу Скитскихъ, не смотря на тщательный разпросъ, не было обнаружено ни

¹⁾ По поводу бракоразводнаго дѣла, рѣшенію котораго мѣшалъ, будто, Комаровъ.

²⁾ Этотъ клочекъ найденъ 2 недѣли спустя послѣ обнаруженія трупа, и найденъ не слѣдователемъ, а приставомъ. Адресъ оказался писаннымъ въ консисторіи.

малѣйшихъ данныхъ во свидѣтельство того, что въ Полтавской консисторіи существовали порядки, за измѣненіе которыхъ могло возникнуть стремленіе лишить Комарова жизни; предположеніе что онъ былъ убитъ за внесенный имъ свѣтъ, почвы на судебномъ слѣдствіи не нашло“.

Конецъ приговора посвященъ разсмотрѣнію тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя добыты относительно Петра Скитскаго, причемъ особое присутствіе останавливается на приведенномъ выше эпизодѣ съ письмомъ Петра, оказавшагося не приобщеннымъ къ дѣлу и признаннымъ слѣдователемъ не относящимся къ дѣлу. Заключившая характеристикой обвинительнаго акта, особое присутствіе говоритъ: „едва ли однако въ лѣтописяхъ уголовныхъ процессовъ можно найти другое дѣло, по которому при ставкѣ двухъ человѣческихъ жизней споръ шелъ бы о 15—20 минутахъ, какъ то имѣетъ мѣсто по настоящему дѣлу“.

Выводъ изъ столь подробно мотивированнаго приговора,—что благодаря недостаточности слѣдствія, виновники убійства Комарова не розысканы... Оправдательный приговоръ для Скитскихъ, оказался обвинительнымъ приговоромъ для слѣдственной власти, которая, не только плохо разслѣдовала дѣло, но почему то сочла законнымъ удалить изъ дѣла письмо Петра къ Степану...

IV.

На этотъ приговоръ прокуроръ Харьковской судебной палаты принесъ кассационный протестъ. Вотъ какіе поводы къ отмініи приговора приведены въ этомъ протестѣ:

1) Небывалое въ практикѣ возобновленіе слѣдствія послѣ утвержденія вопросовъ и удаленія судей въ совѣщательную комнату, что, по мнѣнію прокурора, несогласно съ ст. 734 уст. угол. суд., которая говоритъ о новыхъ доказательствахъ, представленныхъ сторонами; въ данномъ случаѣ доказательство представлено постороннимъ лицомъ. Прокуроръ допускаетъ возможность возобновленія слѣдствія въ случаѣ, если судъ послѣ преній самъ усмотритъ необходимость вызова того или другого свидѣтеля; но допрашивать новыхъ свидѣтелей, которые сами высказали свои соображенія въ запискѣ, переданной судьямъ *во время ихъ совѣщанія*, представляется серьезнымъ нарушеніемъ принципа, который ограждаетъ судей отъ всякаго посторонняго вліянія во время ихъ совѣщанія. Въ этомъ же обстоятельствѣ протестъ усматриваетъ нарушеніе ст. 765 уст. уг. суд.

„Доказательство появилось съ задняго хода, закономъ не установленнаго“.

2) При объявленіи постановленія палаты о возобновленіи слѣдствія раздались аплодисменты публики, чѣмъ оказано было давленіе общественнаго мнѣнія на сословныхъ представителей.

3) Въ опредѣленіи времени ухода Скитскаго изъ почтовой конторы 14 іюля въ *приговоръ большинства* (?) протестъ замѣчаетъ неточность.

4) Приговоръ много говоритъ о неполнотѣ предварительнаго слѣдствія.

5) Улики, выставленныя обвиненіемъ перечислены въ приговорѣ и остались безъ обсужденія съ точки зрѣнія ихъ истиннаго смысла и значенія; приговоръ обнаруживаетъ чисто формальное отношеніе къ нимъ, какъ на примѣръ, къ вопросу о безучастіи Скитскихъ, о томъ, что Степанъ Скитскій при Комаровѣ превратился въ зауряднаго чиновника и т. д.

Дѣло бр. Скитскихъ, по протесту прокурора Харьковской судебной палаты, доложено было въ судебномъ засѣданіи 4 отдѣленія Уголовнаго Кассационнаго Департамента 13/20 ноября 1898 г. Заключение давалъ исполняющій должность оберъ-прокурора И. Я. Фойницкій.

Заключение это представляетъ значительный интересъ по принципиальной постановкѣ затрагиваемыхъ протестомъ вопросовъ, мы поэтому считаемъ полезнымъ привести это заключение цѣликомъ: ¹⁾

„22 марта особое присутствіе Харьковской судебной палаты съ сословными представителями, послѣ почти 6-дневнаго разбора въ г. Полтавѣ, вынесло оправдательный приговоръ братьямъ Степану и Петру Скитскимъ, обвинявшимся въ убійствѣ изъ мести, на почвѣ служебной, бывшаго ихъ начальника, секретаря консисторіи Комарова. На приговоръ этотъ принесенъ кассационный протестъ прокуроромъ палаты, ходатайствующимъ объ отмѣнѣ его за нарушеніемъ ст. 734, 765 и 797 уст. угол. суд. и въ виду того что приговоръ постановленъ подъ давленіемъ ясно выраженнаго мнѣнія присутствовавшей въ засѣданіи публики.

¹⁾ Заключение И. Я. Фойницкаго передано было въ газетахъ въ краткомъ извлеченіи, которое не можетъ дать точнаго представленія о немъ. Мы не можемъ не выразить здѣсь благодарности И. Я. Фойницкому, любезно предоставившему въ наше распоряженіе подробное изложеніе его заключенія, которое, въ отношеніи затронутыхъ имъ вопросовъ, представляетъ собою научную разработку ихъ

„Обстоятельства, подавшія прокуратурѣ поводъ усмотрѣть въ дѣйствіяхъ палаты нарушение ст. 765 уст. угол. суд., какъ видно изъ доклада, состояли въ томъ, что запасный старшина Тахтауловской волости (онъ остался неспрошеннымъ) проникъ въ совѣщательную комнату судей, когда тамъ находился только членъ палаты Губертъ, и передалъ Губерту полученную имъ карточку почтоваго чиновника Воробьевскаго, къ суду невызывавшагося, съ надписью объ извѣстности Воробьевскому точнаго времени, до котораго Степанъ Скитскій 14 іюля оставался въ почтовой конторѣ; имѣло это мѣсто послѣ того уже, когда судьи и сословные представители, закончивъ судебное слѣдствіе, удалились въ совѣщательную комнату для обсужденія и постановленія резолюціи и, по мнѣнію прокуратуры, доказываетъ, что совѣщательная комната не ограждалась надлежащимъ образомъ отъ посторонней публики, свободно туда входившей. Все изложенное установлено и протоколомъ засѣданія палаты. Однако, нельзя согласиться съ протестомъ, будто бы совѣщательная комната судей съ сословными представителями должна быть ограждена отъ постороннихъ сношеній въ той же мѣрѣ, какъ и совѣщательная комната присяжныхъ засѣдателей. Есть крупная разниа между постановленіями ст. 615, 616, 675 и 806 уст. съ одной стороны и 765—съ другой. Между тѣмъ какъ первыя, имѣющія въ виду присяжныхъ засѣдателей, признаютъ неумѣстными сношенія ихъ съ постороннею публикою вообще и строго предписываютъ предупрежденіе ихъ, послѣдняя постановляетъ лишь, что въ особой комнатѣ судей при совѣщаніи ихъ „не могутъ находиться ни прокуроръ, ни участвующія въ дѣлѣ лица“,—чего въ данномъ случаѣ и не было. Да и не могъ законъ общимъ образомъ воспретить всякія сношенія судей, такъ какъ имъ, и особенно предсѣдателю, можетъ постоянно встрѣтиться надобность сдѣлать по дѣлу распоряженія, требующія такихъ сношеній, принять участіе въ безотлагательныхъ дѣйствіяхъ по судебному управленію и по разбору другихъ дѣлъ. Можно было бы замѣтить, что въ составѣ особаго присутствія палатъ, кромѣ судей, принимаютъ участіе сословные представители; но и протестъ не возбуждаетъ сомнѣнія о примѣнимости здѣсь какой либо иной статьи, а не ст. 765 уст. угол., такъ что сношенія съ посторонней публикой, а не со сторонами для особаго присутствія палаты сами по себѣ не составляютъ кассационнаго повода. Но, конечно, сношенія эти должны происходить въ извѣстномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ условій, которыя обезпечивали бы предупрежденіе

нежелательныхъ вліяній публики на судей и сословныхъ представителей. Для этого существенно важно, чтобы сношенія, если въ нихъ окажется надобность, происходили черезъ предсѣдателя; участіемъ его обеспечивается законность ихъ дѣлей и предупреждается опасность вредныхъ вліяній. Членъ палаты Губертъ позволилъ себѣ непосредственно войти въ сношенія съ запаснымъ старшиною, передавшимъ ему карточку Воробьевскаго. Онъ нарушилъ этимъ свой долгъ и заслуживаетъ отвѣтственности, но его вина сводится только къ нарушенію порядка сношеній съ постороннею публикою, которая сама по себѣ закономъ невоспрещены, и потому можетъ повести къ возбужденію вопроса о его дисциплинарной отвѣтственности, но не можетъ быть признана кассационнымъ поводомъ для приговора палаты.

„Другое нарушение, указываемое протестомъ, состоитъ въ томъ, что предсѣдатель особаго присутствія далъ ходъ заявленію о „новомъ“ доказательствѣ, представленномъ не сторонами, а какимъ-то случайнымъ лицомъ изъ публики, и палата возобновила судебное слѣдствіе, не смотря на возраженіе его, прокурора, и, не уваживъ ходатайства его объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію, немедленно приступила къ возобновленному ею слѣдствію. Въ этомъ протестѣ видятъ нарушение 734 ст. уст. угол. суд.

„Изложенное указаніе протеста требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Для оцѣнки его необходимо выяснить: 1) можетъ ли судъ вообще, и въ частности послѣ заключенія слѣдствія, постановить о дополненіи дѣла новыми доказательствами, ему представляющимися, по своей инициативѣ, безъ указанія сторонъ; 2) было ли въ данномъ случаѣ устранено участіе сторонъ отъ такого дополненія; 3) подлежало ли удовлетворенію ходатайство прокурора объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію; 4) допустила ли палата нарушение правъ прокуратуры, приступивъ немедленно къ возобновленному слѣдствію.

„Обращаясь къ *первому* вопросу, мы встрѣчаемся съ весьма распространеннымъ сомнѣніемъ о возможности разрѣшенія его въ утвердительномъ смыслѣ. Говорятъ, что предоставленіе суду привлечь къ дѣлу неуказанныхъ сторонами свидѣтелей было бы кореннымъ отступленіемъ отъ состязательнаго начала, которое принято у насъ для разбирательства окончательнаго, начиная съ приготовительныхъ къ суду распоряженій. Вѣрное этому началу, законодательство наше, замѣчаютъ, не приняло такъ называемой дискреціонной власти предсѣдателя, извѣстной законодательству

Вѣстникъ Права. Апрель 1899.

французскому и состоящей въ правѣ и обязанности предсѣдателя на дополнительное разслѣдованіе дѣла во время приготовительныхъ къ суду распоряженій и на пополненіе его при судебномъ слѣдствіи всѣми данными, которыя онъ признаетъ имѣющими значеніе для лучшаго его выясненія. Прибавляютъ, что въ случаяхъ, когда обвинительный актъ подлежитъ утвержденію палаты, какъ камеры преданія суду, она же утверждаетъ списокъ лицъ, подлежащихъ вызову, а за тѣмъ опредѣленія ея, въ качествѣ высшей инстанціи, не могутъ подлежать пересмотру и измѣненію со стороны окружнаго суда, какъ подчиненнаго ей мѣста, по его непосредственному усмотрѣнію. Указанія эти подкрѣпляются и ссылкой на текстъ дѣйствующаго закона, именно, на ст. 557, 575, 577, 630 п. 1, 720, 733 и 734 уст. угол. суд., при чемъ подчеркивается, что во всѣхъ этихъ постановленіяхъ для вызова дополнительныхъ свидѣтелей требуется или предполагается прямое о томъ ходатайство или требованіе одной изъ сторонъ, въ дѣлѣ участвующихъ.

„При ближайшемъ ихъ рассмотрѣніи, однако, доводы эти едва ли могутъ быть признаны рѣшительными и непреложными.

„Прежде всего, и не говоря уже о томъ, что созданный уставами 20 ноября уголовный процессъ даже въ окончательныхъ стадіяхъ разбирательства не есть чисто состязательный, а смѣшанный; различіе между состязательнымъ и розыскнымъ порядками отнюдь нельзя видѣть въ отсутствіи или наличности у суда права на разъясненіе себѣ дѣла матерьяломъ, въ дѣлѣ открывающимся, но сторонами неуказаннымъ. Даже процессъ гражданскій, управляемый гораздо болѣе началомъ частнымъ въ отличіе отъ публичнаго, какъ извѣстно, все таки знаетъ извѣстную самодѣятельность суда и отнюдь не ограничивается тѣми рамками и предѣлами изслѣдованія, которые намѣчаются сторонами. Для суда же уголовного, ex officio, по долгу службы обязаннаго стремиться къ раскрытію истины матерьяльной въ отличіе отъ формальной, сторонами намѣчаемой, эта самодѣятельность, конечно, представляется обязательно съ еще большею несомнѣнностью. И мы встрѣчаемъ признаніе ея во всѣхъ безъ исключенія западныхъ процессуальныхъ порядкахъ, служившихъ образцомъ для нашего законодательства. Различіе между ними усматривается только по вопросу относительно органа суда, которому предоставляется эта необходимая и изъ существа публичнаго начала всякаго процесса протекающая функція самодѣятельности. Законодательство французское возлагаетъ ее на единоличнаго предсѣдателя, создавая дискреціон-

ную власть послѣдняго. Законодательства австрійское и частью германское сохраняютъ принципъ дискреціонной власти въ видахъ разслѣдованія и поясненія дѣла, но вмѣсто предсѣдателя возлагаютъ ее на судебную коллегію. Только въ англійскомъ законодательствѣ мы не встрѣчаемъ ее въ окончательномъ производствѣ, но здѣсь 1) при производствѣ предварительномъ существуетъ основанная на старинныхъ обычаяхъ власть мировыхъ судей привлекать къ дѣлу необходимыя для выясненія его данныя, и 2) коронному судѣ, всегда единоличному, принадлежитъ весьма широкая власть въ опредѣленіи наказанія. Странно было бы, если бы при такомъ единодушіи между порядками, служившими образцомъ для нашего судебного законодательства, послѣднее по этому капитальному вопросу судебной политики пошло діаметрально инымъ путемъ, для котораго, при томъ, очевидно, не было никакой почвы и въ болѣе раннихъ нашихъ законодательныхъ памятникахъ, опредѣлявшихся положеніями розыскаго процесса.

„Противъ судебной инициативы въ пополненіи дѣла доказательствами во время приговорительныхъ къ суду распоряженій возражаютъ указаніемъ на то, что такимъ распоряженіямъ предшествуетъ опредѣленіе судебной палаты въ качествѣ камеры преданія суду, связывающее судъ, по существу ей подчиненный. Но 1) существующія въ нашихъ законахъ постановленія о приговорительныхъ распоряженіяхъ одни и тѣ же какъ для случаевъ, когда имѣло мѣсто судебное преданіе суду, такъ и для случаевъ, когда оно мѣста не имѣло; 2) при наличности ходатайствъ сторонъ опредѣленіе камеры преданія суду, очевидно, нисколько не связываетъ судъ по существу при разрѣшеніи этого вопроса по ст. 557 и 576 уст. угол. суд. Кромѣ этихъ отрицательныхъ доводовъ, въ подтвержденіе права суда по своей инициативѣ пополнять доказательственный по дѣлу матерьялъ даже во время приговорительныхъ распоряженій, мы имѣемъ и доводъ положительный. Въ изданіи государственной канцеляріи, подъ ст. 547 уст. угол. суд., возлагающей на судъ по существу весьма широкую обязанность „прежде всего, по докладу одного изъ членовъ суда, назначеннаго предсѣдателемъ, обсудить въ распорядительномъ засѣданіи, не требуетъ ли дѣло какихъ либо особенныхъ съ его стороны распоряженій, и опредѣлить порядокъ, въ которомъ оно подлежитъ дальнѣйшему производству“, приведена выдержка изъ объяснительной записки къ проекту устава 1863 г., гдѣ мы читаемъ:

„По полученіи каждаго дѣла, судъ прежде всего обязанъ удосто-
вѣриться:

„5. Не предстоить ли надобности въ дополненіи дѣла изыска-
ніемъ обстоятельствъ, требующихъ мѣстнаго изслѣдованія, или
„*истребованіемъ въ судъ какихъ либо доказательствъ*;

„6. Не слѣдуетъ ли открыть судебное засѣданіе на мѣстѣ
„происшества, или отсрочить разсмотрѣніе дѣла, по встрѣтив-
шимся препятствіямъ, до слѣдующаго періода засѣданій.

„Очевидно, что всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только
„властью суда въ законномъ составѣ присутствія, и что *до раз-
ршенія ихъ*, распоряженія предсѣдателя о вызовѣ лицъ, тре-
буемыхъ къ судебному слѣдствію, и о назначеніи подсудимымъ
„защитниковъ, были бы преждевременны“.

„Что же касается права судебной инициативы на пополненіе
доказательствъ во время судебного слѣдствія, то оно вытекаетъ
изъ текста ст. 690 уст. уг. с., предоставляющей суду, даже безъ
требованія о томъ сторонамъ, „вызвать въ свое засѣданіе лица,
производившія освидѣтельствованіе или испытаніе, и потребовать
отъ нихъ обстоятельнаго отчета въ ихъ дѣйствіяхъ“, а также
изъ ст. 692, предоставляющей суду, „по замѣчанію сторонъ, или
присяжныхъ засѣдателей, или *по собственному усмотрѣнію*, на-
значить новое освидѣтельствованіе или испытаніе черезъ избран-
ныхъ имъ или указанныхъ сторонами свѣдущихъ людей“. Тоже
подтверждаетъ новый текстъ ст. 548¹ уст. уг. с., предоставляю-
щей суду требовать явку въ засѣданіе подсудимаго даже по дѣлу,
по которому законъ даетъ право постановленія заочнаго приговора.
И если такое право существуетъ относительно свѣдущихъ людей
и подсудимыхъ, то нѣтъ основаній отрицать его относительно
свидѣтелей, сторонами не указанныхъ. Положеніе это, въ самомъ
дѣлѣ, подтверждается выдержкою изъ объяснительной записки
1863 г., приведенной въ изданіи Государ. Канцеляріи подъ ст.
690 уст. уг. суд. и имѣющей значеніе, обнимающее всѣ вообще
доказательства. Въ ней мы читаемъ:

„Начало судебного состязанія сторонъ не исключаетъ само-
дѣятельности суда въ уголовномъ судопроизводствѣ и не обяза-
ываетъ его рѣшать дѣла только по тѣмъ даннымъ, которыя предъ-
явлены сторонами, но требуетъ единственно того, чтобы по всѣмъ
„свѣдѣніямъ, относящимся къ дѣлу, сторонамъ предоставлена была
„возможность судебного состязанія. Задача уголовного суда есть
„открытіе въ каждомъ дѣлѣ безусловной истины. Въ стремленіи

„Есть этой цѣли, *судъ уголовный не можетъ принимать въ исключительное уваженіе желанія сторонъ*,—ни того, что самъ подсудимый не хочетъ оправдывать свою невинность, ни того, что самъ обвинитель потворствуетъ виновному. Поэтому, *если стороны не предъявили всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя должны служить данными для основательнаго разрѣшенія уголовного дѣла, то судъ не можетъ удовлетвориться одними ихъ заявленіями, но обязанъ потребовать дополнительныхъ свѣдѣній*“.

„Далѣе, въ подтвержденіе этого положенія, объяснительная записка приводитъ содержаніе ст. 688, 689, 690, 692 и 695 уст. уг. суд., и, притомъ, не какъ исчерпывающій перечень, а въ видѣ указываемыхъ самимъ закономъ примѣровъ судебной инициативы въ пополненіи доказательствъ.

„Кромѣ того, въ подтвержденіе того же положенія мы можемъ сослаться еще на другую выдержку изъ объяснительной записки 1863 г., приводимую въ изданіи Государст. Канцеляріи подъ ст. 619 уст. уг. с., гдѣ говорится о власти коллегіи суда по управленію ходомъ засѣданія. Здѣсь мы читаемъ:

„*Дополненіе дѣла, измѣненіе даннаго ему направленія, отступленіе отъ общаго порядка, дозволяемое закономъ въ крайнихъ случаяхъ, и все, что въ порядкѣ производства дѣла оспаривается сторонами, требуетъ постановленія суда*“.

„Но, быть можетъ, эта инициатива ограничена моментомъ заключенія судебного слѣдствія? Быть можетъ, послѣ окончанія слѣдствія и преній право представленія къ дѣлу новыхъ доказательствъ ограничивается единственно сторонами, такъ какъ только о нихъ упоминаютъ ст. 733 и 734 уст. уг. суд.? Безспорно, моментъ заключенія судебного слѣдствія имѣетъ важное процессуальное значеніе; но значеніе это, какъ признано Прав. Сенатомъ въ разъясненіи, данномъ еще въ 1875 г. по дѣлу Горанскаго (№ 69), направлено къ ограниченію сторонъ, произволу которыхъ, по замѣчанію Сената, законъ не желалъ предоставить возобновленіе судебного слѣдствія и самыхъ преній, а отнюдь не къ ограниченію суда. Въ этомъ рѣшеніи изложено: „право такого возобновленія судебного слѣдствія, по смыслу ст. 634 и 733 уст. уг. с., можетъ принадлежать исключительно усмотрѣнію суда, и стороны, за силою ст. 5 учр. суд. уст., не вправѣ жаловаться въ кассационномъ порядкѣ какъ на непріятіе судомъ новыхъ доказательствъ, представленныхъ ими по заключеніи судебного слѣдствія, такъ и на непрізнаніе судомъ доказательствъ этихъ вновь

открывшимися по дѣлу“. Для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе о власти суда возобновить судебное слѣдствіе при открытіи новыхъ доказательствъ, даже безъ ходатайства о томъ сторонъ, достаточно представить себѣ такой казусъ. Происходить разбирательство съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію подсудимаго въ убійствѣ X., трупъ котораго не былъ обнаруженъ, но о смерти котораго обвиненіемъ представлены доказательства, отрицавшіяся подсудимымъ; судебное слѣдствіе и пренія окончены, присяжные удалились въ совѣщательную комнату для постановленія вердикта; въ это время предсѣдательствующему подають карточку X., который оказывается въ живыхъ, явился въ судъ и желаетъ видѣть предсѣдательствующаго. Неужели послѣдній поступить правильно, а не окажется виновнымъ въ тяжкомъ бездѣйствіи власти и неправосудіи, отказавъ X. въ свиданіи и допустивъ присяжныхъ постановить обвинительный вердиктъ? Скажутъ, здѣсь вопросъ ставится о *corpus delicti*, а не о простомъ доказательствѣ. Но съ устраненіемъ формальной теоріи доказательствъ всякое между ними различіе по предустановленной силѣ ихъ отпало, и нынѣ новое доказательство *alibi* можетъ оказаться имѣющимъ для дѣла столь же рѣшающее значеніе, какъ и появленіе живымъ и невредимымъ челоуѣка, котораго обвиненіе считало убитымъ.

„По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ слѣдуетъ, казалось бы, придти къ заключенію, что право на дополненіе дѣла, всякаго рода новыми доказательствами, и въ томъ числѣ свидѣтельскими показаніями, оказывающимися необходимыми для разъясненія дѣла и справедливаго рѣшенія его, принадлежитъ суду уголовному, призванному къ рѣшенію дѣла по существу, не только по требованію сторонъ, но и по собственной его инициативѣ, — при томъ, какъ во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, такъ и по открытіи судебного засѣданія и даже по окончаніи судебного слѣдствія и преній сторонъ. Правительствующій Сенатъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній (1897 г. № 35) призналъ это право даже за апелляціонною инстанціею. Въ всякихъ сомнѣній стоитъ оно для мировыхъ судей и сѣздовъ, за которыми, по исконной практикѣ Правительствующаго Сената (1869 г. № 857, 1871 г. № 1016, 1874 г. № 166, 1872 г. № 577 и др.), всегда признавалось право, въ случаѣ неясности дѣла, вызывать къ разбирательству своему и такихъ свидѣтелей, допроса которыхъ стороны не требовали, за исключеніемъ только дѣлъ, подлежащихъ прекра-

ценію за примиреніемъ. Очевидно, съ большимъ основаніемъ право это должно быть признано за судами общими, какъ въ виду болѣе совершенной ихъ организаціи, такъ и вслѣдствіе того, что къ компетенціи ихъ отнесены дѣла большей важности, въ болѣе значительной мѣрѣ проникнутыя публичнымъ началомъ.

„Но допустувъ даже, что судъ не имѣетъ такой инициативы и можетъ сдѣлать опредѣленіе о вызовѣ новыхъ свидѣтелей по окончаніи судебного слѣдствія лишь по ходатайству о томъ сторонъ, и ставя *второй* изъ намѣченныхъ вопросовъ, было ли такое ходатайство по настоящему дѣлу, мы все таки должны будемъ дать на него отвѣтъ утвердительный. Какъ видно изъ протокола засѣданія, о карточкѣ Воробьевскаго предсѣдатель доложилъ по возвращеніи въ залъ засѣданія, и именно въ виду полученія ея предсѣдатель предложилъ прокурору дать свое заключеніе и защитнику изложить свое ходатайство. Прокуроръ полагалъ не возобновлять судебного слѣдствія, но защитникъ высказался въ противоположномъ смыслѣ и ходатайствовалъ о возобновленіи судебного слѣдствія. Это ходатайство и было предметомъ обсужденія палаты, въ результатѣ котораго сказалось опредѣленіе о возобновленіи слѣдствія. Такимъ образомъ, по настоящему дѣлу постановленіе ст. 733 и 734 уст. уг. суд. оказалось выполненнымъ, даже понимая его въ буквальномъ смыслѣ, потому что палата имѣла въ виду требованіе защиты о вызовѣ новыхъ свидѣтелей и уважила его, признавъ представленное доказательство вновь обнаруженнымъ. Собственно, этого не отрицаетъ и протестъ, который и допускаетъ „возможность возобновленія судебного слѣдствія, если судъ послѣ преній усмотритъ необходимость вызова того или другаго свидѣтеля“; протестъ не допускаетъ лишь допроса свидѣтелей, которые сами въ запискѣ высказали свои соображенія о необходимости ихъ вызова, видя въ этомъ нарушеніе принципа, которымъ судьи во время ихъ совѣщанія ограждаются отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній (ст. 675, 765, 806 уст. угол. суд.). Такого нарушенія, однако, по данному дѣлу, очевидно, не было, какъ по соображеніямъ, приведеннымъ при разсмотрѣніи перваго повода протеста, такъ и потому, что записка оглашена въ публичномъ засѣданіи, по содержанію ея выслушаны стороны и состоялось судебное опредѣленіе.

„Третьимъ вопросомъ по разсматриваемому поводу протеста представляется вопросъ, должна ли была палата постановить, въ виду появленія новыхъ свидѣтелей, объ обращеніи дѣла къ дослѣ-

дованію, какъ того требовалъ прокуроръ, и поступила ли она правильно, разрѣшивъ возобновить судебное слѣдствіе, не обращая дѣла къ дослѣдованію? Но здѣсь со стороны прокуратуры очевидное недоразумѣніе. Дослѣдованіе, т. е. обращеніе дѣла къ новому слѣдствію и преданію суду, допускается по закону лишь при существенномъ измѣненіи самаго обвиненія, какъ, напр., въ случаѣ ст. 753 уст. угол. суд. Въ данномъ же дѣлѣ рѣчь шла лишь о появленіи новыхъ доказательствъ, ранѣе неизвѣстныхъ, безъ измѣненія обвиненія, т. е. именно о такихъ условіяхъ, при которыхъ ст. 733 и 734 уст. угол. суд. допускаютъ возобновленіе судебного слѣдствія и дополненіе его.

„Наконецъ, въ *четвертыхъ*, какъ видно изъ протокола, прокуроръ отъ предложенной ему отсрочки рмзбирательства на сутки откалался и заявилъ согласіе на назначеніе болѣе короткаго срока, такъ что, согласно рѣшенію 1869 г. № 830 по дѣлу Лаиченковой, и въ этомъ отношеніи процессуальныя права прокуратуры нарушены не были.

„Сводя во едино сказанное по содержанію рзматриваемаго повода протеста, мы такимъ образомъ приходимъ къ заключенію, что никакихъ нарушеній ст. 734 уст. угол. суд. палатою допущено не было, и указанія протеста по этому предмету оказываются несостоятельными.

„Но затѣмъ центральное мѣсто въ кассационномъ протестѣ отводится указанію на то, что приговоръ палаты постановленъ подъ давленіемъ ясно выраженаго мнѣнія публики, присутствовавшей въ залѣ и находившейся на улицѣ, и, что палата, ограничившись чисто формальнымъ, механическимъ отношеніемъ къ доказательствамъ, выставленнымъ обвиненіемъ, не обсудила ихъ истиннаго смысла и значенія. Этою частью протеста затрогивается крайне важный вопросъ о соотношеніи судебной дѣятельности и общества, о взаимодѣйствіи ихъ дозволенномъ и законопротивномъ. И такой вопросъ можетъ и долженъ быть поставленъ потому, что законодатель, открывъ двери судебного засѣданія для публики, разрѣшивъ съ одной стороны печатаніе судебныхъ рѣшеній, а съ другой—обсужденіе въ печати происходящаго въ судѣ и отъ суда исходящаго, тѣмъ самымъ призналъ, что отношеніе между судомъ и обществомъ должно быть не отрицательное, характеризовавшее юстицію, которая отправлялась въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи, а положительное, выражающееся въ служеніи суда живымъ интересамъ общегитія, въ отраженіи въ его дѣятельности истиннаго

общественнаго правосознанія. Несомнѣнно, съ одной стороны, что гласный судъ оказываетъ воспитательное вліяніе на общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не можетъ быть отрицаемо, что самый фактъ раскрытія дверей суда для публики составляетъ приглашеніе для суда оставаться въ согласіи съ тѣми идеями, которыя составляютъ моральное достояніе общегитія въ опредѣленный историческій періодъ его жизни. Судъ уставовъ 20 ноября поставленъ не внѣ общества, а въ средѣ его, и законодатель желаетъ, чтобы онъ пользовался общественнымъ довѣріемъ, которое совершенно невозможно безъ живой связи между обществомъ и судебною дѣятельностью.

„Но, во первыхъ, эта связь, не исключая даже вліянія общественнаго мнѣнія на судебную дѣятельность и предполагая первое однимъ изъ могучихъ факторовъ второй, отнюдь не должна переходить въ подчиненіе суда выработавшимся внѣ его мнѣніямъ по отдѣльнымъ дѣламъ при рѣшеніи ихъ. Въ той формѣ общегитія, которая сложилась въ государство, общая совѣсть имѣетъ своимъ выразителемъ слова закона; мнѣнія отдѣльныхъ группъ могутъ съ нимъ расходиться, но при преслѣдованіи задачъ государственныхъ должны имъ подчиняться, пока не получаютъ санкціи закона. На судѣ дѣла должны рѣшаться по твердымъ правиламъ закона и самимъ судомъ, а отнюдь не посторонними ему и отдѣльно стоящими отъ него лицами или установленіями. Судьи, присяжные засѣдатели и сословные представители вносятъ въ залу суда общественныя симпатіи и антипатіи, но съ перваго же шага своей дѣятельности получаютъ предостереженіе воздерживаться отъ нихъ и принимаютъ на себя обязательство подавать свой голосъ, не увлекаясь ни дружбою, ни родствомъ, по закону и долгу совѣсти. Общественное мнѣніе, опредѣляя общія контуры судебной дѣятельности, и, такъ сказать, общее поведеніе суда, отнюдь не должно приниматься судомъ безъ провѣрки за непосредственное основаніе при рѣшеніи отдѣльныхъ дѣлъ.

„Во вторыхъ, отъ общественнаго мнѣнія нужно строго отличать голосъ даннаго общественнаго кружка, требованія толпы. Общественное мнѣніе, взаимодействіе между которымъ и судебною дѣятельностью не исключается закономъ и даже признается желательнымъ, означаетъ взглядъ, выработавшійся въ общегитіи по извѣстному вопросу общаго свойства и раздѣляемый разными слоями его, или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ гражданскаго общества. Онъ предполагаетъ предварительное изученіе обще-

ствомъ даннаго вопроса и составляетъ результатъ знанія, черезъ которое, какъ черезъ фильтръ, прошли различныя увлеченія индивидовъ и общественныхъ кружковъ и которымъ выработано общее моральное положеніе, примѣнимое ко всѣмъ одинаковымъ случаямъ. Общественное мнѣніе обыкновенно высказывается по какому-нибудь отдѣльному случаю, но примѣняетъ къ нему общее положеніе, имъ ранѣе выработанное, и потому повѣрка его всегда возможна. И въ голосѣ общественнаго мнѣнія центральное значеніе имѣетъ не то рѣшеніе, которое дается по частному случаю, а то положеніе, которое кладется въ его основаніе и даетъ каждому члену общезнания возможность придти къ опредѣленному отвѣту. Въ отличіе отъ него голосъ публики, толпы, всегда остается на почвѣ даннаго конкретнаго случая и въ предѣлахъ его; толпа есть сила стихійная, опредѣляемая чувствомъ, а не знаніемъ, моментальнымъ увлеченіемъ, а не разсудочнымъ изученіемъ, и отсюда характеристическія черты толпы, отмѣчаемыя ея изслѣдователями. Докторъ le Bon въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи *Psychologie des foules*, 1898 г., указываетъ на быструю воспримчивость толпы, измѣнчивость ея рѣшеній и дѣйствій подъ вліяніемъ увлеченій, которыя доводятъ до массовыхъ галлюцинацій. Толпа подчиняется обыкновенно крайнимъ чувствамъ, не терпитъ противорѣчій и возраженій, не только не подвергаетъ ихъ разсудочному анализу, а даже стихійно увлекается ими въ противоположномъ направленіи, живетъ воображеніемъ и дѣйствуетъ порывомъ. Словомъ, характеристическія черты толпы и законовъ ея дѣятельности діаметрально противоположны тѣмъ, чѣмъ должны быть судъ и законы его дѣятельности, въ основаніи которыхъ лежитъ не безпробѣрный и абсолютный голосъ чувства, а внимательное изученіе дѣла и рѣшеніе, основанное на знаніи его, чуждомъ увлеченія, спокойномъ и безпристрастномъ. И потому само собою разумѣется, что судъ, прежде всего и больше всего долженъ заботиться о томъ, чтобы сохранить свою свободу отъ толпы, стоять выше сенсаціонныхъ мнѣній, такъ или иначе образовавшихся въ данномъ кружкѣ или словѣ населенія по извѣстному дѣлу, и тщательно провѣрять такъ называемую народную молву, для чего въ распоряженіе его даны могущія средства. Уподобляясь толпѣ или становясь частью ея, судъ измѣняетъ самому высшему назначенію своему быть органомъ истины, добываемой знаніемъ, спокойнымъ изученіемъ.

„Обращаясь къ настоящему дѣлу, мы видимъ, что по нему съ несомнѣнностью установлено не только то, что по этому дѣлу на-

селеніе Полтавы составило себѣ опредѣленное мнѣніе помимо судебныхъ данныхъ, но и то, что населеніемъ дѣлались различныя попытки проявить такое мнѣніе съ очевидною цѣлью дать ему торжество. Протоколомъ судебного засѣданія палаты удостовѣрено, что накопленіе публики какъ въ залѣ суда, такъ и на улицѣ, при разсмотрѣніи дѣла Скитскихъ, было значительное, и что нѣсколько разъ публика, находившаяся въ залѣ, пыталась выразить свое мнѣніе по дѣлу аплодисментами, хотя и была каждый разъ своевременно останавливаема предсѣдателемъ. Эти попытки не остались безъ прискорбнаго вліянія на самый приговоръ особаго присутствія въ редакціи большинства, о чемъ имѣется и собственное сознаніе его составителей. Въ этой редакціи, въ завершеніе всѣхъ разсужденій относительно виновности Степана Скитскаго, мы читаемъ (л. дѣла 303, приг. 48): „Во всякомъ случаѣ, дѣлать братьевъ Скитскихъ ответственными за пробѣлы слѣдствія представляется невозможнымъ, и если нынѣ особое присутствіе лишено возможности указать слѣдственной власти путь, по которому слѣдуетъ идти, чтобы обнаружить истинныхъ виновниковъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что на каторгу должны быть отправлены братья Скитскіе, *невинность которыхъ глубоко проникла даже въ сознаніе общественной совѣсти жителей Полтавы, развившейся въ тѣхъ потрясающихъ кликахъ восторга, которые раздавались по провозглашеніи оправдательнаго о нихъ приговора со стороны нѣсколькихъ сотъ лицъ, находившихся въ стѣнахъ суда, и тысячной толпы, ожидавшей объявленія приговора на улицѣ*“. Такого яркаго признанія авторовъ судебного приговора въ составленіи его подъ диктовку толпы мнѣ еще не приходилось встрѣчать въ лѣтописяхъ нашей судебной хроники. И самое изложеніе приговора свидѣтельствуетъ, что, подъ вліяніемъ сотни голосовъ, предъ ними раздававшихся, составители приговора не могли остаться при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ доказательствъ на той по настоящему дѣлу высотѣ, которая для нихъ была обязательна во имя законности и справедливости.

„Законъ предоставляетъ суду оцѣнку доказательствъ по внутреннему его убѣжденію и полагаясь на совѣсть судей; поэтому, какъ неоднократно признавалъ и Правительствующій Сенатъ, такая оцѣнка не подлежитъ кассационному контролю. Но рѣшеніе дѣла по внутреннему убѣжденію и совѣсти отнюдь не означаетъ власти суда постановлять рѣшеніе по личному произволу. Иначе было бы совершенно непонятно отобраніе отъ судей и присяж-

ныхъ засѣдателей присяги въ томъ, что они приложатъ всю силу своего разумѣнія къ надлежащему рѣшенію дѣлъ. Судь обязанъ выносить свои отвѣты по доказательствамъ, закономъ допускаемымъ, суду представленнымъ и имъ провѣреннымъ, во всей ихъ совокупности; судебное доказательство въ смыслѣ современнаго процесса есть продуктъ знанія, а не вѣры или чувства; потому принятіе и оцѣнка доказательствъ подчиняются опредѣленнымъ правовымъ положеніямъ, обязательнымъ для суда и устраняющимъ мысль о произволѣ въ этой области. Положенія эти настолько осязательны, что соблюденіе ихъ, какъ неоднократно признавалось Правительствующимъ Сенатомъ, подлежитъ и кассационной повѣркѣ. Оцѣнка эта представляетъ собою общую логическую дѣятельность, подчиненную законамъ мышленія, которые Правительствующій Сенатъ не разъ бралъ подъ свою охрану. Такъ, Сенатъ, отмѣняя приговоры, въ основаніе разсужденій которыхъ было принято положеніе отмѣненной теоріи формальныхъ доказательствъ, напр., будто экспертиза или протоколъ акцизнаго надзора суть доказательства неопровержимыя, или когда приговоръ былъ основанъ на гадательныхъ предположеніяхъ, не выведенныхъ изъ обстоятельствъ дѣла (1872 г. № 1516, Шеретнева, 1883 г. № 4, Гевяндина и др.), или на показаніи свидѣтеля, противъ котораго по тому же дѣлу возбуждено преслѣдованіе въ лжесвидѣтельствѣ (1870 г. № 105, Смирнова и др.), или на собственномъ признаніи, данномъ на предварительномъ слѣдствіи, отъ котораго подсудимый отказался на судѣ (1872 г. № 572, Алескера), или на молчаніи подсудимаго, или на отказѣ отъ показанія лица, имѣющаго по закону право на такой отказъ (1870 г. № 1198, Венецкаго). Такимъ образомъ, отступленіе суда при оцѣнкѣ доказательствъ отъ общихъ законовъ мышленія или правилъ положительнаго законодательства, ихъ видоизмѣняющихъ, принятіемъ за основаніе разсужденій неправильной большой посылки или неправильнымъ построеніемъ заключенія изъ нея, признавались и должны быть признаваемы коренными нарушеніями самыхъ основъ судебной дѣятельности.

„Однимъ изъ непреложнѣйшихъ правилъ доказательственнаго права должно быть признано то, согласно которому имѣющіяся по дѣлу доказательства должны быть обсужены судомъ не только порознь, но и въ совокупности ихъ. По дѣлу Скитскихъ обвиненіемъ представленъ рядъ доказательствъ, которые приговоръ особаго присутствія Харьковской палаты называетъ доказательствами

косвенными. Характеристическая черта ихъ, по отзыву корифея въ литературѣ доказательственнаго права, англійскаго юриста Best'a, то, что если даже каждое изъ нихъ въ отдѣльности не приводитъ насъ къ несомнѣнному убѣжденію въ существованіи или несуществованіи искомаго, то нарастаніе ихъ оказываетъ рѣшительное вліяніе на наше сознание; этимъ качествомъ они обязаны своей связи съ искомымъ по законамъ причинности, такъ что чѣмъ ихъ больше, тѣмъ такая связь нагляднѣе, убѣдительнѣе. „Дѣйствительныя улики, говоритъ Best, имѣютъ то свойство, что даже въ случаяхъ, когда каждая изъ нихъ слаба въ отдѣльности общая ихъ совокупность обладаетъ значительною, иногда подавляющею силою“. Нѣтъ ничего легче критическаго разбора и испроверженія каждаго такъ называемаго косвеннаго доказательства въ отдѣльности; къ нимъ, именно, примѣнимъ афоризмъ: *la critique est aisée*. Но нельзя останавливаться на немъ, необходимо поставить и рѣшить дальнѣйшій вопросъ о значеніи ихъ въ совокупности, въ общей ихъ связи. Этого и нѣтъ въ приговорѣ особаго присутствія, который въ редакціи большинства разсматриваетъ отдѣльныя доказательства обвиненія, вовсе не задаваясь опредѣленіемъ значенія совокупности ихъ.

„Другое столь же твердое положеніе доказательственнаго права требуетъ, чтобы судъ основывался на точно установленныхъ обстоятельствахъ дѣла, а не на гадательныхъ предположеніяхъ. Правило это обязательно для всякаго вывода суда, для всякаго отвѣта его, какъ обвинительнаго, такъ и оправдательнаго. По настоящему же дѣлу невиновность подсудимыхъ Скитскихъ опирается палатою, между прочимъ, на предположеніи совершенно гадательномъ и не только не подкрѣпленномъ, но частью даже опровергнутомъ произведеннымъ слѣдствіемъ, именно на предположеніи о возможности столкновенія покойнаго Комарова съ третьими лицами. „Однако,—читаемъ мы въ редакціи большинства,—*вѣроятно*, не безъ основанія Комаровъ высказывалъ предчувствіе, что его убьютъ, какъ видно изъ показанія Матильды Николаевой; *вѣроятно*, не безъ основанія онъ носилъ при себѣ заряженный револьверъ. Жену свою, въ видахъ успокоенія ея, онъ могъ убѣдить, что носить онъ револьверъ отъ собакъ, но въ дѣйствительности собакъ въ той глухой мѣстности не было. Сопоставляя же револьверъ съ предчувствіемъ—читаемъ мы дальше,—нужно думать, что въ прежней жизни Комарова было какое то, даже для жены его тайное обстоятельство, которое осталось не раскрытымъ,

быть можетъ, только потому, что никакихъ мѣръ для раскрытія не принято“. Исходя изъ гадательнаго предположенія, большинство палаты покидаетъ почву фактовъ, обязательную для всякаго суда, и начинаетъ витать въ мірѣ фантазіи. Оно забываетъ, что въ дѣйствительности вопросы о предчувствіи Комарова и о причинахъ, по которымъ онъ носилъ револьверъ, возбуждались при производствѣ настоящаго дѣла и подвергались изслѣдованію, которымъ были опровергнуты догадки, несмотря на то принятія затѣмъ большинствомъ. Даже на судебномъ слѣдствіи шла о нихъ рѣчь, но о результатахъ его по этому предмету большинство тщательно умалчиваетъ, замѣняя фактическія данныя дѣла гадательнымъ предположеніемъ.

„Есть и другіе примѣры такой же забывчивости большинствомъ палаты фактическихъ данныхъ, въ порядкѣ судебномъ установленныхъ. Говоря, что консисторскія злоупотребленія, на которыя намекала обвинительная власть, въ настоящее время представляются анахронизмомъ, большинство обходитъ полнымъ молчаніемъ инцидентъ присылки г-жей Погуляй 10 руб., переданныхъ Комаровымъ Степану Скитскому для возвращенія. Заключенію прокурора объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію, заявленному по полученіи палатою карточки Воробьевскаго, большинство придаетъ совершенно несвойственное значеніе признанія будто бы прокуратурою недостаточности всего произведеннаго по дѣлу слѣдствія.

„И наоборотъ, мы встрѣчаемъ въ приговорѣ по редакціи большинства попытки обосновать даваемый отвѣтъ на обстоятельствахъ, которыя вовсе не были предметомъ судебной повѣрки въ палатѣ. Редакція эта, между прочимъ, ссылается на мнѣніе одного изъ членовъ, поданное противъ преданія Скитскихъ суду при разсмотрѣніи дѣла въ обвинительной камерѣ и оставшееся вовсе не оглашеннымъ въ судебномъ засѣданіи особаго присутствія; такая ссылка явно нарушаетъ коренной судопроизводственный законъ, предписывающій суду основываться исключительно на фактахъ, въ надлежащемъ порядкѣ судебного изслѣдованія установленныхъ.

„По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, находи, что приговоръ особаго присутствія Харьковской судебной палаты въ редакціи большинства опирается на непровѣренныя палатою обстоятельства и гадательныя предположенія, что въ соображеніяхъ своихъ палата упускаетъ изъ виду обстоятельства, бывшія предметомъ судебного изслѣдованія, а окончательные выводы дѣлаетъ на основаніи отдѣльныхъ обстоятельствъ, не обсудивъ значенія ихъ въ сово-

купности, и что въ самомъ изложеніи этого приговора содержится признаніе о постановленіи его подъ вліяніемъ дѣйствій и заявленій постороннихъ суду лицъ, находившихся частью въ составѣ публики въ залѣ судебного засѣданія, частью на улицѣ, я полагаю бы приговоръ особаго присутствія Харьковской судебной палаты по дѣлу Скитскихъ, за нарушеніемъ ст. 797 и 892 уст. угол. суд., отмѣнить и дѣло для новаго производства и рѣшенія въ другомъ составѣ присутствія возратить въ ту же палату⁴.

Правительствующій Сенатъ съ первою частью доводовъ и. д. оберъ-прокурора не согласился и отмѣнилъ приговоръ особаго присутствія, между прочимъ, и по нарушенію 733 и 734 ст. уст. угол. суд. Вотъ текстъ опредѣленія ¹⁾:

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, выслушавъ протестъ прокурора Харьковской судебной палаты на приговоръ палаты, по обвиненію Степана и Петра Скитскихъ по 1451 и 1453 ст. улож. наказ., находитъ: 1) что по точному смыслу ст. 733 и 734 уст. угол. суд. судъ можетъ отложить окончаніе судебного слѣдствія или возобновить его (рѣш. 1875 г. № 69) въ томъ только случаѣ, когда новое по дѣлу доказательство представлено одною изъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ; 2) что въ явное нарушеніе этого правила палата возобновила судебное слѣдствіе не по представленному одною изъ сторонъ новому доказательству, а по предъявленной во время совѣщанія по дѣлу членомъ ея, Губертомъ, выступившимъ изъ предѣловъ лежавшихъ на немъ, какъ судѣ, обязанностей, визитной карточкѣ совершенно посторонняго для дѣла лица, съ заявленіемъ о имѣющихся у него по дѣлу свѣдѣніяхъ; 3) что въ явное же нарушеніе ст. 797 уст. угол. суд. въ постановленный по большинству голосовъ членовъ присутствія приговоръ палаты включены такія данныя, которыя до существа дѣла не относились и предметомъ судебного слѣдствія и пренія сторонъ не могли и быть, а именно: въ подтвержденіе выводовъ о невинности Скитскихъ въ приговорѣ сдѣлана ссылка, во-1-хъ, на общественную совѣсть жителей г. Полтавы, выразившуюся,—какъ изложено въ приговорѣ,—въ кликахъ восторга, раздававшихся по провозглашеніи оправдательнаго приговора какъ въ судѣ, такъ и на улицѣ, и во-2-хъ, на

¹⁾ Опредѣленіе напечатано въ Журналѣ Министерства Юстиціи, январь, 1899 г. стр. 227.

особое мнѣніе одного члена палаты, заявленное въ обвинительной камерѣ о необходимости обратить дѣло въ дослѣдованію, и 4) что такой приговоръ, свидѣтельствуя о неспокойномъ и нехладнокровномъ обсужденіи дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о полнѣйшемъ пренебреженіи изложившимъ его членомъ палаты Губертомъ своими обязанностями, не можетъ быть признанъ соответствующимъ силѣ и достоинству судебного рѣшенія. Поэтому Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) приговоръ палаты, за нарушеніемъ ст. 733 734 и 797 уст. угол. суд., отмѣнить и дѣло возвратить въ палату для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія и 2) о вышеуказанныхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ члена палаты Губерта сообщить вѣдніемъ соединенному присутствію 1-го и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

V.

Мы вполне раздѣляемъ взглядъ, высказанный И. Я. Фойницкимъ по главнѣйшему вопросу, о томъ, вправѣ ли была палата возобновить судебное слѣдствіе. Опредѣленіе 4 отдѣленія основано на томъ, что новое доказательство—записка Воробьевскаго предъявлено *во время совѣщанія* по дѣлу членомъ палаты Губертомъ. Изъ протокола судебного засѣданія видно, что въ совѣщательной комнатѣ въ моментъ передачи карточки Воробьевскаго Тахтауловскимъ старшиной былъ одинъ только членъ палаты г. Губертъ, и, слѣдовательно, совѣщанія въ моментъ передачи этой карточки не было. Сообщение же о полученіи ея однимъ изъ членовъ совѣщанія своимъ товарищамъ по совѣщанію было прямою его обязанностью. Трудно было бы себѣ представить положеніе члена коллегии, который, такъ или иначе получивъ свѣдѣніе по дѣлу, сберечь бы его для себя,—скрылъ бы отъ товарищей то, что его волнуетъ, что вызываетъ въ немъ сомнѣніе...

Такимъ образомъ, ни полученіе членомъ палаты Губертомъ карточки (до совѣщанія и во всякомъ случаѣ не во время совѣщанія), ни сообщеніе этихъ свѣдѣній товарищамъ по совѣщанію не представляютъ собою никакого нарушенія и во всякомъ случаѣ не имѣютъ никакого отношенія до вопроса о томъ, вправѣ ли была палата, согласно ходатайству защиты, заявленному вслѣдствіе сдѣланнаго въ засѣданіи предсѣдателемъ сообщенія, возобновить судебное слѣдствіе. Замѣтимъ тутъ же, что со стороны прокурора, принесшаго кассационный протестъ, никакихъ возраженій противъ пред-

ложенія сторонамъ высказаться по поводу возникшаго новаго обстоятельства не послѣдовало, а, напротивъ того, прокуроръ, признавая вполнѣ нормальнымъ и правильнымъ самое предложеніе палатою на заключеніе сторонъ вопроса о запискѣ Воробьевскаго, вошелъ въ обсужденіе его по существу, заявилъ даже ходатайство о направленіи дѣла къ дослѣдованію, и никакого протеста противъ самаго обращенія палаты къ сторонамъ не заявлялъ; права прокурора какъ стороны сообщеніемъ о полученной записки не были нарушены; о нарушеніи правъ защиты—не можетъ быть и рѣчи. При такихъ условіяхъ, спрашивается въ чемъ заключается *нарушеніе*, допущенное палатою и почему возобновеніе судебного слѣдствія, которое могло послужить лишь къ обнаруженію истины, должно почитаться поводомъ къ отмѣнѣ оправдательнаго приговора.

Мы идемъ дальше и позволяемъ себѣ думать, что членъ палаты Губертъ, вопреки мнѣнію высказанному въ заключеніи исправляющаго должность оберъ-прокурора, никакого нарушенія своего долга не допустилъ, и никакого повода къ привлеченію его къ отвѣтственности не подавалъ. На самомъ дѣлѣ, въ чемъ выказалось подобное нарушеніе? Въ томъ ли, что онъ принялъ отъ старшины карточку? Или въ томъ, что получивъ ее онъ передалъ ее предсѣдателю? Думается, что не найдется во всей обширной Россіи ни одного судьи, который поступилъ бы иначе, чѣмъ поступилъ членъ палаты г. Губертъ, достоинство коего, какъ члена палаты, ни на одну минуту не должно было понизиться до опасенія, что разговоръ его съ Тахтауловскимъ старшиною можетъ подать поводъ къ какимъ нибудь толкамъ о вліяніи на него этого старшины и „томленія“, имъ испытаннаго. Къ сожалѣнію, ни въ заключеніи исправляющаго должность оберъ-прокурора, ни въ опредѣленіи 4 отдѣленія уголовного кассационнаго департамента не содержится указанія положительнаго, а именно о томъ, какъ долженъ былъ поступить г. Губертъ въ настоящемъ случаѣ и вообще возможно ли было поступить иначе. Онъ, конечно, могъ не принимать карточки Воробьевскаго,—но онъ не имѣлъ никакого права своею единоличною властью рѣшать вопросъ о томъ, надлежитъ ли принять во вниманіе содержащееся въ ней свѣдѣніе или не надлежитъ: этотъ вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ только самою палатою,—ибо передана была эта карточка г. Губерту не какъ частному лицу, а какъ члену палаты, который за отсутствіемъ въ данный моментъ предсѣдателя не имѣлъ, какъ судья, никакого права рѣшать тѣ или другіе вопросы по поводу сдѣланнаго ему

сообщенія. Самое большее, что могъ сдѣлать г. Губертъ,—это предложить старшинѣ передать карточку лично предсѣдателю,—но тогда въ томъ же положеніи, въ какомъ оказался г. Губертъ, оказался бы предсѣдатель, ибо иное положеніе было невозможно.

Лежавшія на г. Губертѣ, какъ на судѣ, обязанности именно ставили его въ необходимость дать то или другое направленію свѣдѣнію, имъ полученному. И разъ Правительствующій Сенатъ не призналъ правильнымъ указаніе—впрочемъ, явно неосновательное—протеста о томъ, что, вступая въ разговоръ съ постороннимъ лицомъ—старшиною, членъ особаго присутствія допустилъ нарушеніе ст. 765 уст. угол. суд., то никакого нарушенія, очевидно, не допущено тѣмъ, что въ результатѣ этого разговора оказался суду извѣстнымъ фактъ, признанный настолько существеннымъ (а провѣркѣ со стороны кассационнаго суда это положеніе не подлежитъ за силою ст. 5 учр. суд. уст.), что судъ счелъ нужнымъ предложить его на заключеніе сторонъ, которыя, повторяемъ, вошли въ его обсужденіе и формулировали свои ходатайства,—то, очевидно, судъ поступилъ правильно. Онъ не пошелъ, очевидно, по слѣдамъ товарища прокурора Полтавскаго окружнаго суда г. Дамиловскаго и производившаго слѣдствіе по дѣлу бр. Скитскихъ судебного слѣдователя, которые, въ явное нарушеніе лежавшихъ на нихъ обязанностей, не приобщили къ дѣлу письма Петра Скитскаго и признали его своею—превышенною—властью не относящимся къ дѣлу...

О сообщеніи о дѣйствіяхъ ихъ г. министру юстиціи и соединенному присутствію—свѣдѣній не имѣется...

Нельзя, кромѣ того не замѣтить, что возобновленіе судебного слѣдствія возможно по усмотрѣнію суда *даже* и при отсутствіи новаго доказательства или новаго обстоятельства. Это вытекаетъ изъ самой сущности задачи судьи—рѣшать дѣло по полномъ уясненіи себѣ дѣла. Если судъ при совѣщаніи усумнился въ томъ, правильно ли имъ понято показаніе свидѣтеля,—то едва ли кто станетъ отрицать за нимъ не только право, но и обязанность повтореніемъ слѣдственнаго дѣйствія устранить встрѣченное сомнѣніе. Такое право суда признавалось и кассационною практикою, между прочимъ и тѣмъ самымъ рѣшеніемъ угол. кас. деп., которое цитировано въ опредѣленіи по дѣлу Скитскаго (1875 г. № 79 по д. Горанскаго). Казалось бы, что *тѣмъ болѣе* это право должно быть предоставлено суду, когда вслѣдствіе сдѣлавшихся ему извѣстнымъ до постановленія резолюціи обстоятельствъ онъ призналъ необходи-

мым повторить слѣдственное дѣйствіе и дополнить его новымъ слѣдственнымъ дѣйствіемъ. Ст. 733 уст. уг. суд. касается только правъ сторонъ и если оно не содержитъ указанія на право суда возобновлять слѣдствіе, то изъ этого не слѣдуетъ, что судъ этого права не имѣетъ; афоризмъ: „что не воспрещено закономъ, то имъ дозволено“—примѣнимъ и къ процессуальнымъ правамъ.

Итакъ—возобновлять слѣдствіе палата была въ правѣ; провѣрить правильность заключенія суда о необходимости возобновленія въ кассационномъ порядкѣ невозможно; также не подлежитъ провѣркѣ и опредѣленіе суда о вызовѣ тѣхъ или другихъ свидѣтелей, признанныхъ существенными. Сообщение палатою о полученной карточкѣ,—составляло прямую обязанность палаты; въ чемъ же неправильность?

Къ сожалѣнію, опредѣленіе по дѣлу Скитскихъ такъ кратко, что разъясненіе, данное Сенатомъ, не даетъ руководства на будущее время.

Переходимъ къ другому основанію отмѣны—неправильности изложенія приговора.

Совершенно правильно указано въ заключеніи исправляющаго должность оберъ-прокурора, что логическая конструкція мотивовъ, всего приговора въ совокупности, должна составлять предметъ провѣрки со стороны кассационной инстанціи. Мы идемъ далѣе и утверждаемъ, что такая провѣрка одна способна выработать у насъ твердыя правила, совокупность коихъ составляетъ такъ называемое ученіе о доказательствахъ. Но допуская и признавая желательною такую провѣрку, нельзя, однако, смѣшивать вопросъ о логическомъ соответствіи данныхъ мотивовъ съ выводомъ и о логическомъ построеніи всего приговора съ вопросомъ о логичности каждаго въ отдѣльности приведеннаго соображенія. Идеаль письменнаго изложенія приговора,—полная серьезность и неопровержимость каждаго изъ доводовъ, каждаго соображенія. Къ сожалѣнію,—этотъ идеаль рѣдко осуществляется; изъ этого нельзя однако вывести, что большинство приговоровъ не годится и не должно быть оставляемо въ силѣ. Неправильность довода должна только тогда опровергнуть выводъ,—приговоръ, если этотъ доводъ составляетъ одно изъ звеньевъ логической цѣпи, которая, за устраненіемъ этого довода, должна распасться и, слѣдовательно, не можетъ уже привести къ выводу. Но если въ приговорѣ изложены параллельно разные доводы, которые образуютъ не цѣпь, а рядъ параллельныхъ, изъ которыхъ каждая приводитъ къ выводу, то очевидно,

что изъ десяти такихъ доводовъ девять могутъ оказаться явно нелогическими и тѣмъ не менѣе ничто не даетъ намъ права, съ логической точки зрѣнія, при провѣркѣ и въ порядкѣ кассационномъ—заключать къ неправильности вывода, ибо осталась одна параллельная линия, которая одна можетъ логически привести къ выводу.

По дѣлу Скитскихъ палата признала на основаніи доводовъ, не опороченныхъ съ точки зрѣнія логической, что у Степана Скитскаго не было и не могло быть мотива къ совершенію преступленія и что онъ не могъ быть въ засадѣ въ 2 ч. 50 м. дня 14 іюля; провѣрить правильность по существу этого довода Сенатъ не можетъ; но провѣряя самымъ строгимъ образомъ логическую правильность заключенія изъ посылокъ: 1) Комаровъ убитъ возлѣ мостика въ 2 ч. 50 м.; 2) Скитскій не былъ, ибо не могъ поспѣть, на этомъ мѣстѣ въ 2 ч. 50 м.,—ergo Скитскій не убилъ Комарова,—нельзя въ немъ найти ни малѣйшей неправильности.

Этого одного довода, такимъ образомъ, будь даже всѣ дальнѣйшія соображенія палаты олицетвореніемъ нелогичности, достаточно для того, чтобы признать, что приговоръ суда вполне правильно обоснованъ.

Нельзя не признать, что ссылка въ приговорѣ, на восторженные клики толпы неумѣстны. И мы вполне понимаемъ, что Правительствующій Сенатъ рѣзко порицаетъ такую ссылку. Но трудно понять, почему эта ссылка свидѣтельствуетъ „о нехладнокровномъ и спокойномъ обсужденіи дѣла“; обсуждалось дѣло до изложенія приговора, быть можетъ, за 2 недѣли, и во всякомъ случаѣ до проявленія кликовъ восторга со стороны публики, когда о нихъ не могло быть извѣстно палатѣ. И опять таки излишнее усердіе члена палаты, *изложившаго приговоръ*, г. Губерта, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ такомъ темномъ дѣлѣ, какъ дѣло объ убійствѣ Комарова, дѣлѣ,—которое такъ мало выяснено предварительнымъ слѣдствіемъ, судья склоненъ во всемъ искать подтвержденія своего судейскаго, искренняго, добросовѣстнаго убѣжденія;—оно обнаруживаетъ, быть можетъ, непривычку писать приговоры, особенно оправдательные,—но едва ли не слишкомъ строго судилъ Правительствующій Сенатъ, признавъ, что въ этомъ излишествѣ проявилось „полнѣйшее пренебреженіе своими обязанностями“. Еще меньше основанія имѣется для упрека, сдѣланнаго въ заключеніи исправляющаго должность оберъ-прокурора, въ томъ, „что приговоръ составленъ подъ диктовку толпы“...

Прежде чѣмъ покончить съ занимающею насъ здѣсь стадіею процесса бр. Скитскихъ, быть можетъ, небезынтересно остановиться еще на одномъ указаніи, сдѣланномъ и. д. оберъ-прокурора, и касающемся столь важнаго вопроса о доказательствахъ. Теорія косвенныхъ уликъ—самая трудная, какъ показываетъ опытъ, для нашихъ судовъ. Совершенно правильно отмѣчено въ заключеніи И. Я. Фойницкаго, что крайне неправильнымъ является пріемъ обсужденія значенія косвенныхъ уликъ каждой въ отдѣльности, а не во всей ихъ совокупности. Улика по тому и называется *косвенною* (circumstantial evidence), что отъ нея нельзя еще дойти до несомнѣнности вывода. Только совокупность ихъ можетъ быть внутреннее убѣжденіе. Съ этой точки зрѣнія критика каждой улики въ отдѣльности, т. е. обсужденіе того, можетъ ли данная улика служить основаніемъ для вывода—явно неправильна. Но отъ этой критики необходимо отличать критику доказанности того самаго обстоятельства, которое, будучи доказаннымъ, не составляетъ еще прямого доказательства, а лишь (косвенную) улику. Эта критика необходима для каждаго обстоятельства въ отдѣльности. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ изъ приговора о Скитскихъ. Приобрѣтеніе Скитскимъ у Лангера тѣхъ самыхъ колбасъ, объѣден которыхъ найдены въ кустахъ возлѣ трупа Комарова, составляетъ несомнѣнно улику, а не доказательство. И вотъ, если бы въ приговорѣ палаты сказано было, что приобретеніе этой колбасы Скитскимъ—не составляетъ доказательства, а потому его надо отбросить, то палатою обнаружено было бы явное непониманіе того, что называется доказыванія уликами. Но если палата, останавливаясь на этомъ обстоятельстве, отвергаетъ его значеніе потому, что оно оказывается, по убѣжденію палаты, недоказаннымъ, что самое происхожденіе колбасъ изъ колбасной мастерской Лангера не установлено,—то устраненіе такой улики оказывается вполне правильнымъ. А именно такъ и поступала палата въ отношеніи всѣхъ ею разобранныхъ уликъ; она не отвергла ихъ общую, ихъ совокупностью создаваемую, доказательную силу, а признала, что каждое изъ обстоятельствъ, образующихъ улику, не доказано. Очевидно, что иной критики, кромѣ индивидуальной, такъ сказать, и быть не можетъ. Если просмотрѣть всѣ доводы палаты, то окажется, что всѣ они даютъ именно такую критику,—не доказано странное поведеніе, не доказано происхожденіе царпинъ отъ самообороны, не доказано приобретеніе Степаномъ Скитскимъ колбасъ, не доказано тождество ихъ съ колбасами Лангера, не установлено, что хлѣбъ—

изъ лавки Воронелля, не доказано сходство бечевки съ бечевками консисторіи, не доказано, что Ткаченко видѣлъ Скитскихъ на разстояніи 360 шаговъ, не доказано отсутствіе другихъ мотивовъ. Каждая изъ этихъ уликъ—не доказана въ ея существованіи,—очевидно, что ех *nihil nihil fit*, и что обвиненіе не доказано, не потому что улики не даютъ доказательной силы, а потому что уликъ не существуетъ. Въ протестъ прокурора Харьковской судебной палаты такое обсужденіе уликъ неправильно названо *формальнымъ*.

Приговоръ по дѣлу Скитскихъ и признанная Правительствующимъ Сенатомъ необходимость его отмѣны, лишній разъ свидѣлствуетъ о томъ, что установленный въ нашемъ процессуальномъ порядкѣ способъ изложенія приговора нуждается въ реформѣ. Разъ требуется изложеніе мотивовъ, то очевидно, что изложеніе ихъ, хотя бы въ краткомъ видѣ, необходимо должно предшествовать резолюціи и должно быть сдѣлано въ составѣ присутствія, постановляющаго приговоръ. Множество приговоровъ оказались бы неуязвимыми съ точки зрѣнія логической ихъ правильности, если бы они оказались изложенными по краткимъ мотивамъ, устанавливаемымъ при самомъ постановленіи приговора. Срочность работы и обремененность ея членовъ судебныхъ мѣстъ не отразились бы на приговорахъ въ окончательной формѣ столь неблагоприятно, какъ это, къ несчастью, встрѣчается сплошь и рядомъ; этимъ избѣгнута была бы та аномалія, что мотивы приговора излагаются однимъ только участникомъ совѣщанія по соображеніямъ, которыя онъ случайно удержалъ въ своей памяти; не было бы ни удивительной иногда краткости, въ особенности апелляціонныхъ приговоровъ, ни не менѣе удивительнаго многословія (какъ по дѣлу Скитскихъ), одинаково вредныхъ въ смыслѣ убѣдительности и логичности.

Ни французскіе, ни нѣмецкіе судьи не поставлены въ такое странное положеніе, что они подписываютъ заднимъ числомъ соображенія, не бывшія, быть можетъ, въ виду именно ими при подачѣ своего голоса. Положительно достойны подражанія французская манера—*vu* и *attendu* въ видѣ тезисовъ, предшествующихъ резолюціи.

VI.

Дѣло бр. Скитскихъ вновь разсмотрѣно особымъ присутствіемъ Харьковской судебной палаты въ засѣданіи 16—21 марта 1899 г.,

происходившемъ въ г. Харьковѣ, въ составѣ предсѣдательствовавшаго старшаго предсѣдателя А. А. Чернявскаго, членовъ палаты: М. П. Зряхова, А. Г. Казначеева, А. К. Жежеро и сословныхъ представителей: Харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства В. Д. фонъ-дерь-Лауница, Харьковскаго городского головы И. П. Голенищева-Кутузова и Харьковскаго волостнаго старшины Я. И. Уса.

Изъ происходившаго въ судебномъ слѣдствіи,—мы заимствуемъ изъ газетъ, помѣщавшихъ довольно подробный отчетъ, мы отмѣтимъ только показаніе экспертовъ,—проф. Потенко, Орлова, врачей Михнова и Устименко. Заключение ихъ далеко не имѣло того безусловнаго характера, какой представляетъ собою заключеніе, изложенное въ обвинительномъ актѣ. Выяснено, что смерть едва ли произошла отъ задушенія веревкою. Затѣмъ имѣется показаніе новыхъ свидѣтельницацъ—Бородаевой и Ващенко, показавшихъ, что они 14 іюля 1897 г. въ 2 ч. 25 м. видѣли изъ своей квартиры черезъ бинокль, какъ два человѣка,—одинъ въ кителѣ, а другой въ черномъ платьѣ быстро поднимались въ гору, мимо еврейскаго кладбища, какъ будто къ мѣсту убійства и скрылись по направленію къ Яковцамъ (близъ дачи Комарова). Съ другой стороны, свидѣтельница Попова, вызванная защитой, показала, что 14 іюля 1897 г. въ 3 ч. дня она встрѣтила Степана Скитскаго, ведшаго подъ руку своего пьянаго брата Петра. Защищали Степана Скитскаго, кромѣ прежняго его защитника г. Зеленскаго, присяжный повѣренный Н. П. Карабчевскій, а Петра Скитскаго—присяжный повѣренный Б. П. Куликовъ.

Приговоромъ особаго присутствія оба брата признаны виновными и приговорены къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 12 л. Какъ сообщаютъ газеты, и обвинительный приговоръ бр. Скитскимъ постановлено большинствомъ членовъ присутствія, причемъ въ меньшинствѣ остались члены палаты гг. Казначеевъ и Жежеро и старшина Усь.

Вотъ соображенія, на коихъ большинство основало свой приговоръ:

„Выслушавъ судебное слѣдствіе и заключительныя пренія сторонъ, особое присутствіе палаты прежде всего устраняетъ отъ своего разсмотрѣнія: а) вопросы о недостаткахъ и неполнотѣ предварительнаго слѣдствія, какъ неподлежащіе въ настоящемъ составѣ присутствія разсмотрѣнію палаты; б) всѣ разнообразныя слухи, разновременно вторгавшіеся въ область настоящаго дѣла,

какъ потому, что эти слухи, по закону не составляютъ судебныхъ доказательствъ (718 ст. уст. уг. суд.), такъ и потому, что эти слухи, въ теченіи довольно продолжительнаго времени со дня смерти Комарова не дали никакихъ опредѣленныхъ указаній на виновность какихъ либо другихъ, кромѣ привлеченныхъ къ суду лицъ. Устанавливая засимъ время, мѣсто и способъ совершенія преступления, особое присутствіе палаты находить, что изъ свидѣтельскихъ показаній Котелевца, Вороницына, Никольскаго и другихъ, оказывается, что Комаровъ вышелъ въ день происшествія 14 іюля 1897 г. изъ консисторіи ранѣе обыкновеннаго, именно въ 2 ч. 25 мин. Это время установлено съ положительною точностью. Принявъ во вниманіе показаніе свидѣтельницы Комаровой, удостовѣрившей, что покойный мужъ ея, по его словамъ, на путь изъ города къ себѣ на дачу употреблялъ отъ 45 до 55 минутъ, а также сопоставляя показанія свидѣтелей Кошевого, Карацупы и Тваченко, слѣдуетъ заключить, что Комаровъ приблизился къ мостику, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ 15 числа найденъ былъ его трупъ, отстоящему, какъ выяснено въ судебномъ засѣданіи, отъ дачи на разстояніи около 7 минутъ, въ 3 часа съ минутами, вѣроятнѣе всего, около 3 часовъ 20 м., или 3 часовъ 30 минутъ, если имѣть въ виду, что день 14 іюля былъ жаркій съ порывистымъ вѣтромъ (показанія Комаровой, Котелевца, Поповой, Гнатевича и др.), почему Комаровъ могъ идти нѣсколько тише обыкновеннаго. Въ этотъ день Комаровъ на свою дачу не вернулся, какъ видно изъ показаній вдовы покойнаго и проживавшей еще у ея матери въ теченіи 28 лѣтъ няньки Дудиной; а между тѣмъ трупъ его оказался найденнымъ въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторонѣ отъ вышеупомянутаго мостика, причемъ эксперты не могли придти къ выводу, чтобы онъ былъ притащенъ сюда издалека. Согласно съ симъ и на основаніи данныхъ осмотра трупа и мѣстности, слѣдуетъ заключить, что трупъ тащили лишь на протяженіи очень небольшого разстоянія; сыро ватая глина, усмотрѣнная на колѣняхъ брюкъ покойнаго,—какъ видно изъ прочитаннаго на судѣ акта, осмотра слѣдователя отъ 16-го іюля 1897 года, соответствуетъ лишь почвѣ той мѣстности, и этотъ объективный признакъ подтверждаетъ соображеніе, что трупъ былъ проташенъ на протяженіи тѣхъ шаговъ, которые составляли разстояніе между мостикомъ и мѣстомъ обнаруженія трупа. Судя засимъ по разбитымъ очкамъ покойнаго, найденнымъ близъ дороги, у самаго мостика, а также по оказавшемуся нѣсколько дальше его

же изломанному зонтику, слѣдуетъ заключить, что нападеніе было сдѣлано на Комарова или на самомъ мостикѣ, или въ тотъ моментъ, когда онъ только что успѣлъ сойти съ мостика на дорогу, слѣдовательно для него неожиданно, на что указываетъ и изломанный видъ зонтика, которымъ, вѣроятнѣе всего, онъ только не успѣлъ воспользоваться для обороны, не успѣвъ воспользоваться съ этой цѣлью оставшимся въ карманѣ его платья заряженнымъ револьверомъ.

„Спрошенные палатой врачи эксперты не могли единогласно опредѣлить способъ причиненія смерти, сходясь въ одномъ, что смерть Комарова послѣдовала отъ асфиксіи, профессоръ Патенко находилъ болѣе вѣроятнымъ задушеніе какимъ либо мягкимъ тѣломъ; врачъ Михновъ—удавленіе веревкой; врачъ Устименко совсѣмъ не могъ опредѣлить способа, но во всякомъ случаѣ, всѣ они высказались въ томъ смыслѣ, что Комаровъ лишенъ жизни насильственнымъ способомъ. Особое присутствіе палаты, съ своей стороны, наиболѣе убѣждается доводами эксперта Михнова, производившаго вскрытіе трупа и располагающаго, слѣдовательно, болѣе точными, чѣмъ остальные эксперты, свѣдѣніями объ обнаруженныхъ на трупѣ признакахъ, на которыхъ и должна быть построена судебно-медицинская экспертиза. Такимъ образомъ, особое присутствіе палаты не можетъ не признать по дѣлу доказаннымъ, что Комаровъ лишенъ былъ жизни посредствомъ удушенія посторонними лицами, неожиданно напавшими на него близъ того мѣста, гдѣ на слѣдующій день найденъ былъ его трупъ, а также, что преступленіе это совершено 14 іюля послѣ 3 часовъ пополудни, что, кромѣ вышеизложеннаго, подтверждается и признаками трупаго разложенія, отмѣченнаго актомъ вскрытія 15 іюля, по поводу каковыхъ признаковъ эксперты высказались, что смерть послѣдовала за сутки до вскрытія.

„Обращаясь засимъ къ обсужденію вопроса о мотивахъ, побужденіяхъ къ совершенію преступленія надъ Комаровымъ, особое присутствіе палаты прежде всего обязывается исключить возникшія по производству дѣла предположенія,—отчасти въ видѣ намековъ,—относительно корыстныхъ цѣлей, побужденій вообще, а грабежа въ частности.

„Всѣ бывшія при покойномъ Комаровѣ вещи, представлявшія какую либо цѣнность, оказались въ цѣлости, за исключеніемъ золотыхъ дамскихъ часовъ, которые онъ, по словамъ вдовы покойнаго, уходя изъ дома, имѣлъ при себѣ на простомъ черномъ

снуркѣ; но не находеніе часовъ при трущѣ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, отнюдь не можетъ служить указаніемъ, чтобы лишеніе жизни Комарова имѣло цѣлью грабежъ; даже предположеніе объ этомъ представляется менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ предположеніе о томъ, что во время перетаскиванія трупа, подобно тому, какъ это случилось съ очками покойнаго, и часы его могли сорваться со снурка и затѣмъ быть найденными кѣмъ либо, утаившимъ эту находку. Вообще ничто не наводитъ на мысль о грабежѣ, и данныя, обнаруженныя по дѣлу, указываютъ, что мотивы убійства Комарова не имѣютъ ничего общаго съ какими бы то ни было корыстными цѣлями.

„Останавливаясь засимъ на другихъ мотивахъ преступленія,— насколько о нихъ высказано было въ обвинительномъ актѣ, разъяснялось представленными по дѣлу доказательствами, развивалось сторонами во время судебного засѣданія и упоминалось въ заключительномъ по судебному слѣдствію преніяхъ,—прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что всѣ данныя по сему предмету сводятся къ установленію такихъ отношеній между дѣйствительными, а также предполагаемыми лицами и покойнымъ Комаровымъ, въ конечномъ результатѣ которыхъ слѣдуетъ усматривать совершенное надъ нимъ преступленіе. Изъ этой области указаній и соображеній, представленныхъ сторонами, по мнѣнію особаго присутствія палаты, совершенно должны быть исключены однако такія, которыя не нашли себѣ подтвержденія въ фактическихъ данныхъ и тѣмъ болѣе такія, которыя, ограничиваясь намеками, не только не стоятъ въ фактической связи съ событіемъ преступленія, но не имѣютъ съ ними и логической связи. Изъ категоріи этихъ указаній и соображеній должны быть исключены: 1) клонящіяся къ вопросу о семейныхъ отношеніяхъ Комарова, ибо по сему предмету по дѣлу совершенно устранены какія либо подозрѣнія неблагопріятнаго свойства (свид. Дудина), а напротивъ, изъ свидѣтельскаго показанія вдовы Комаровой нельзя не вывести заключенія о взаимномъ довѣрїи, существовавшемъ между супругами Комаровыми и такимъ положеніемъ покойнаго въ своей семьѣ, какое только и можетъ быть названо нормальнымъ. Не касаясь другихъ свидѣтельскихъ показаній, рисующихъ нравственный обликъ Комарова, достаточно остановиться на показанїи въ этомъ отношенїи епископа Иларїона и свидѣтеля Житецкаго, чтобы не сомнѣваться въ томъ уваженїи и расположенїи, какимъ пользовался Комаровъ въ семьѣ. 2) Тѣ указанія и предположенія, которыя касались отдаленнаго прошедшаго учеб-

наго періода въ жизни Комарова, а также пребываніе его, еще до женитьбы, за границей, ибо и въ этомъ отношеніи, либо не добыто слѣдствіемъ никакихъ данныхъ, либо вопросы защиты разрѣшались отрицательно (свид. Комарова, Малевинскій). 3) Разслѣдованія, касавшіяся третьихъ лицъ, имѣвшихъ дѣловыя отношенія къ консисторіи, въ которой служилъ Комаровъ (Тржецякъ, Ливинъ), ибо слѣдствіемъ не дано фактическаго матеріала для установленія на этой почвѣ чьей либо вражды къ покойному, а вопросы, относившіяся къ свидѣтелю Бабѣ-Чубаръ, равно какъ и касавшіяся какихъ то Андреева, Некрашевича, не только фактически, но и логически не связаны ни съ событіемъ, ни съ личностью Комарова и 4) указанія защиты (пр. пов. Карабчевскій) на „эмблематическое значеніе“ той формы, каковую имѣла будто-бы, въ видѣ банта, оказавшаяся на шеѣ убитаго веревка, какъ носящая характеръ намека, при томъ недостаточно даже понятнаго. Засимъ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, оказываются достовѣрными тѣ представленныя по дѣлу доказательства, которыя касаются отношеній къ покойному Комарову со стороны обвиняемаго С. Скитскаго и устанавливаетъ враждебность чувствъ послѣдняго къ бывшему своему начальнику по службѣ.

„При самомъ возникновеніи дѣла подозрѣніе въ убійствѣ Комарова пало именно на лицъ, относившихся къ нему непріязненно. Такимъ лицомъ, по свидѣтельству вдовы покойнаго, представился подсудимый С. Скитскій. Подозрѣніе на С. Скитскаго явилось у Комаровой еще тогда, когда она возвращалась на дачу изъ города послѣ тщетныхъ розысковъ своего мужа, т. е. 15 іюля, о чемъ она тогда же подѣлилась мыслью съ сопровождавшей ее сестрой Татьяной Будаевской, которая, въ свою очередь, высказала то же подозрѣніе. Свидѣтельство Комаровой о непріязненныхъ отношеніяхъ С. Скитскаго къ ея покойному мужу встрѣтило себѣ подтвержденіе въ показаніи епископа Полтавскаго Иларіона, свидѣтельство котораго вообще имѣетъ по дѣлу серьезное значеніе не только для опредѣленія взаимныхъ отношеній между покойнымъ Комаровымъ, какъ секретаремъ консисторіи и обвиняемымъ С. Скитскимъ, какъ подчиненнымъ ему лицомъ, но и для характеристики личностей обоихъ, а также порядковъ въ канцеляріи того учрежденія, въ которомъ С. Скитскій служилъ много лѣтъ до Комарова и того положенія, какое занималъ въ консисторіи обвиняемый среди своихъ сослуживцевъ и начальствующихъ лицъ. Касаясь порядковъ, существовавшихъ въ консисторіи за протекшее время до поступленія

въ нее секретаремъ Комарова, именно при секретаряхъ Васильевѣ и Радкевичѣ, Преосвященный Иларіонъ рисуетъ ихъ въ довольно мрачныхъ краскахъ. Злоупотребленія при Васильевѣ въ свое время вызвали ревизію и смѣну секретаря; а смѣнившій его секретарь Радкевичъ не сумѣлъ упорядочить дѣла. Но молодой и болѣзненный Радкевичъ, по выраженію епископа Иларіона, былъ человекъ слабый и боязливый въ томъ смыслѣ, что, принимая разныя мѣры къ улучшенію порядковъ въ консисторіи, онъ не имѣлъ силы и твердости настаивать на исполненіи своихъ распоряженій. Дѣло шло такимъ образомъ такъ же плохо, какъ и ранѣе. Въ этомъ отношеніи характерными представляются приведенные епископомъ изъ дѣлопроизводства консисторіи, именно по части, находившейся въ завѣдываніи С. Скитскаго, примѣры: донесеніе Святѣйшему Синоду, уже подписанное Архіереемъ, слишкомъ двухъ лѣтъ не отсылалось и послѣ лишь неоднократныхъ напоминаній было розыскано въ канцеляріи. Такая же медленность, притомъ, по мнѣнію епископа, не случайная, допускалась и по дѣламъ. Свидѣтель называлъ дѣла, въ которыхъ участвовали двѣ стороны и въ замедленіи которыхъ, слѣдовательно, одна изъ сторонъ была заинтересована. Наконецъ, свидѣтель упомянулъ и о такихъ дѣлахъ, тоже представлявшихъ интересъ для одной изъ сторонъ, которыя вовсе розысканы не были, и объ исчезновеніи которыхъ пришлось донести Святѣйшему Синоду. Не смотря, однако, на произведенную ревизію, сдѣланный секретарю выговоръ, преосвященный оставался недовольнымъ порядками въ консисторіи до такой степени, что даже приказалъ объявить ея членамъ свое неудовольствіе въ формѣ резолюціи со ссылкой на упомянутую выше ревизію. При такомъ положеніи дѣлъ секретаремъ Полтавской духовной консисторіи былъ назначенъ покойный Комаровъ, человекъ еще молодой, съ академическимъ образованіемъ и, по отзыву владыки, разумный, энергичный и безукоризненно честный, который, твердо, хотя бытъ можетъ слишкомъ смѣло, а иногда рѣзко предпринималъ мѣры къ искорененію нежелательныхъ порядковъ въ консисторіи.

„Къ такому отзыву о Комаровѣ примыкаютъ и другія свидѣтельскія показанія, значеніе которыхъ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, не умаляется даже характеристиками нѣкоторыхъ отцовъ протоіереевъ (Мазановъ, Ураловъ, Голубуцкій), по наблюденіямъ которыхъ Комаровъ былъ рѣзокъ, раздражителенъ, несдержанъ, дѣлалъ свои замѣчанія С. Скитскому, иногда грубо, хотя эти свидѣтели не касались вопроса о служебной энергіи и высоко честномъ

направленіи Комарова, но качества эти Комарова выступаютъ изъ отзыва другихъ лицъ, по наблюденіямъ которыхъ онъ былъ очень хорошій (Лекторскій), справедливый, любилъ труженниковъ (Просыаникъ) и особенно изъ восторженнаго отзыва Житецкаго о Комаровѣ, какъ человѣкъ выдающихся нравственныхъ качествъ.

„Изъ дальнѣйшихъ показаній епископа Иларіона видно, что несмотря на сдѣланныя еще до Комарова, именно при Радкевичѣ, распоряженія, воспрещавшія прямыя отношенія публики съ консисторскими чиновниками, распоряженія эти не исполнялись; Комаровъ не только настоялъ на исполненіи этого распоряженія, но пошелъ далѣе въ томъ же направленіи, именно, вопреки мнѣнію членовъ консисторіи, онъ распорядился распространить запрещеніе сношеній съ чинами консисторіи и на отцовъ благочинныхъ. Такое же приказаніе не входитъ въ сношенія съ публикой — Комаровъ далъ и всѣмъ служащимъ въ консисторіи чиновникамъ, въ томъ числѣ и столоначальникамъ, между которыми находился тогда подсудимый С. Скитскій.

„Не отрицая природныхъ способностей у С. Скитскаго и служебной его опытности, Епископъ Иларіонъ характеризуетъ его, какъ чиновника прежней „заправки“: Онъ былъ привѣтливъ, услужливъ—въ ущербъ однако своимъ служебнымъ обязанностямъ. По мнѣнію Владыки, порядки Комарова подорвали значеніе и авторитетъ С. Скитскаго въ консисторіи, гдѣ онъ привыкъ считать себя чиновникомъ значительнымъ.

„Эти черты привѣтливости, почтительности и услужливости, рядомъ со служебною неисправностью, засвидѣтельствовали не только лица, близко стоящія къ С. Скитскому по службѣ (Мазановъ, Ураловъ, Голюбуцкій), но ихъ отмѣтила и свидѣтельница Комарова, удостовѣряя, что, несмотря на служебныя неудовольствія между ея мужемъ и Степаномъ Скитскимъ, во время уже обострившихся между ними отношеній, Скитскій предлагалъ имъ свои личныя услуги.

„Слѣдуетъ замѣтить, что по дѣлу мнѣніе большинства не только сослуживцевъ, но и начальствующихъ въ консисторіи лицъ, сложилось въ пользу Степана Скитскаго, причемъ, однако, особое присутствіе палаты не можетъ не остановиться и на такихъ о немъ отзывахъ (Богатскій, Лекторскій), что, будучи умнымъ, С. Скитскій былъ и хитрымъ.

„Въ этомъ отношеніи особенно категорично показаніе свидѣтеля Житецкаго, который передалъ суду такой отзывъ о Скитскомъ по-

койнаго Комарова: „Умень-то онъ умень, да и лукавъ“. При этомъ свидѣтель припомнилъ и такой случай: однажды зашла рѣчь о томъ, что успѣшнымъ выполненіемъ одного порученія Скитскій вѣдь угодилъ Комарову; Комаровъ подтвердилъ, что Скитскій дѣйствительно угодилъ, но прибавилъ: „а тутъ и уступку сдѣлать ему нужно: просить казначейскаго мѣста“.

„Ко времени вступленія Комарова въ должность секретаря, еще за время Радкевича, Степанъ Скитскій составилъ себѣ въ консисторіи репутацію дѣлового чиновника и даже „законовѣда“. Какъ о „законовѣдѣ“ именно о Скитскомъ Житецкій имѣлъ случай бесѣдовать съ Комаровымъ, и послѣдній на это возразилъ, что на свѣдѣнія Скитскаго нельзя положиться, тѣмъ не менѣе Скитскій пользовался такою именно репутаціей въ консисторіи, гдѣ къ нему обращались за справками и указаніями даже, по словамъ чиновника Просяника, Степанъ Скитскій призывался для совѣтовъ къ самому архіерею, хотя Преосвященный Иларіонъ не подтвердилъ этого обстоятельства, въ такой редакціи, не отрицая, что какъ и отъ другихъ чиновниковъ, онъ и отъ Скитскаго въ соотвѣтствующихъ случаяхъ требовалъ лишь справокъ, но самое указаніе Просяника даетъ основаніе заключить, что о Степанѣ Скитскомъ такъ думали, какъ объ этомъ выражался свидѣтель. Въ этомъ особое присутствіе палаты особенно утверждается изъ того обстоятельства, что обвиняемый Степанъ Скитскій въ засѣданіи пожелалъ дать объясненіе именно по поводу замѣчанія преосвященнаго Иларіона: онъ утверждалъ, назвавъ и случай, что архіерею дѣйствительно давалъ совѣты.

„Не безъ упорнаго труда достигъ Степанъ Скитскій такого положенія; прослуживъ въ консисторіи слишкомъ 20 лѣтъ, причѣмъ онъ нѣсколько разъ исполнялъ должность секретаря и разумѣется свыкъся съ тѣми порядками, противъ которыхъ открыто выступилъ Комаровъ. Первое время службы Комарова отношенія между нимъ и Скитскимъ были хорошія. Во время отпуска Комарова Скитскій исполнялъ обязанности секретаря, хотя по этому поводу вдова Комарова пояснила, что въ то время некому было поручить эту должность. Затѣмъ Степанъ Скитскій съ должности столоначальника былъ назначенъ на должность казначея, представлявшую тѣ имущества, что казначею назначалась квартира, отдѣлкой которой Скитскій занялся. Однако, какъ это видно изъ показанія Житецкаго, эту должность Комаровъ предоставлялъ Скитскому не безъ колебаній послѣ нѣкотораго заступничества его, Житецкаго.

„Въ должности казначея Скитскій особенно часто возбуждалъ не-удовольствіе Комарова своей неаккуратностью въ составленіи отчетовъ и своевременной отсылкѣ денегъ. Какъ эти такъ и другія служебныя упущенія Степана Скитскаго повлекли за собой замѣчанія и выговоры со стороны Комарова и, въ свою очередь, они вызвали у Степана Скитскаго нерасположеніе къ Комарову. По этому предмету въ данныхъ по настоящему дѣлу заключаются нѣсколько указаній, которыя сводятся именно къ тому, что сначала отношенія между Комаровымъ и Степаномъ Скитскимъ были сносныя, потомъ онѣ мѣнялись—то улучшались, то ухудшались, Степанъ Скитскій получалъ замѣчанія (по свидѣтельству Голубуцкаго) за всякое упущеніе; это отразилось на Скитскомъ тѣмъ, что онъ сталъ какъ бы задумчивъ, несообщителенъ, а иногда высказывалъ намѣреніе жаловаться обер-прокурору синода. Комаровъ нерѣдко дѣлился съ женой своими неудовольствіями на Скитскаго, и въ разговорѣ съ Житецкимъ высказывалъ опасенія, что изъ-за Скитскаго „попадешь подъ судъ“. По замѣчанію Житецкаго, Комаровъ считалъ Скитскаго даже нечестнымъ. Свидѣтель замѣтилъ, что отношенія между ними прогрессивно ухудшались, обострялись. Что это было такъ, слѣдуетъ изъ словъ Преосвященнаго Иларіона, когда онъ сказалъ Скитскому: „ты камень въ душѣ своей носишь противъ Комарова“ (Мазаловъ, Каменецкій, Горностаевъ, Комарова, Голобуцкій, Присянникъ, Богацкій, Знайковъ, Житецкій, Епископъ Иларіонъ).

„По словамъ вдовы покойнаго, изъ разговоровъ мужа она знала, что Степанъ Скитскій терпѣливо выслушивалъ его замѣчанія и выговоры; развѣ,—какъ прибавила свидѣтельница,—онъ бывало раньше уйдетъ со службы, проживая въ нижнемъ этажѣ зданія консисторіи подъ квартирой Скитскаго, Комарова видѣла иногда Степана Скитскаго уходившимъ со службы ранѣе и уже догадывалась, что у него вышло что либо съ мужемъ, а затѣмъ, по приходѣ мужа, всякій разъ узнавала, что въ этотъ день дѣйствительно были служебныя неприятности. Большинство свидѣтелей, касаясь вопроса о служебныхъ отношеніяхъ между Комаровымъ и Степаномъ Скитскимъ, сходятся въ томъ, что отношенія эти замѣтно ухудшились къ концу 1896 года и въ началѣ 1897 г. Лѣтомъ этого года Комаровъ высказывалъ чинамъ консисторіи, что Степанъ Скитскій, по своей неаккуратности, не можетъ оставаться казначеемъ, и что необходимо было-бы перевести его вновь на прежнюю должность столоначальника. Протоіерей Ураловъ взялъ на себя переговоры объ этомъ со Скитскимъ.

„Нѣсколько ранѣ этого, именно предъ праздникомъ Пасхи 1897 года, распредѣляя обычныя денежныя награды, Комаровъ лишилъ Степана Скитскаго этой награды, а при раздачѣ денежныхъ пособій въ іюлѣ того-же года выдалъ ему это пособіе въ меньшемъ, сравнительно съ другими, размѣрѣ. Какъ-бы мелочны эти факты ни были, сами по себѣ, однако свидѣтели удостовѣряютъ, что они были чувствительны для Степана Скитскаго не только какъ матеріальныя лишенія, но и со стороны нравственной, какъ служебныя обиды, вліявшія на его самолюбіе. По показанію чиновника Просняника, Степанъ Скитскій, не получивъ награды къ Пасхѣ, сдѣлался задумчивымъ, а въ послѣднее время вообще, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Комарова, передавая слова жены Скитскаго, сказанныя уже послѣ его ареста, онъ сталъ какъ съумасшедшій, за него нельзя было поручиться. Непріязненные отношенія Степана Скитскаго къ покойному Комарову сдѣлались извѣстными даже Преосвященному и, какъ объяснилъ Епископъ Иларіонъ, побудили его попытаться помирить ихъ. Призвавъ къ себѣ Степана Скитскаго, Владыка сказалъ ему: „помирись, сдѣлай это для меня... прошу тебя не какъ начальникъ“. И, указывая на свою грудь, произнесъ вышеприведенныя слова: „ты носишь камень въ душѣ твоей противъ Комарова“; но увѣщанія эти не подѣйствовали на Скитскаго, который, уходя отъ архіерея, отвѣтилъ: „не могу, какъ Вамъ угодно“. По словамъ протоіерея Уралова онъ взялъ на себя переговоры со Скитскимъ объ оставленіи должности казначея за недѣлю или за двѣ до смерти Комарова, но свидѣтельница Комарова утверждаетъ, что это было именно 11 іюля, какъ сообщилъ ей мужъ по возвращеніи въ тотъ день изъ консисторіи. Въ слѣдующіе за этимъ дни, субботу и воскресенье, т. е. 12 и 13 іюля, ея покойный мужъ на службу не ходилъ, а въ понедѣльникъ 14 іюля пошелъ, но уже не вернулся домой. Анализируя всѣ вышеприведенныя мелочныя факты изъ области отношеній Степана Скитскаго къ Комарову и оцѣнивая ихъ со стороны внутренняго значенія, особое присутствіе палаты не можетъ не придти къ заключенію, что въ совокупности своей они указываютъ на постепенно новыя, болѣе и болѣе развивавшіяся въ Скитскомъ чувства недружелюбія къ Комарову, перешедшія затѣмъ во вражду, которая разростаясь въ немъ скрытно для посторонняго наблюдателя, подготовила и мстительныя чувства.

„Это представляется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что, судя по нѣкоторымъ чертамъ характера, о которыхъ свидѣтельствовали

лица, соприкасавшіяся со Скитскимъ по службѣ, онъ представлялъ изъ себя именно такой типъ человѣка, хотя умнаго отъ природы, но хитраго (лукаваго) и не развитаго образованіемъ, такой типъ мелкаго въ служебной іерархіи чиновника, однако ранѣе занимавшаго въ теченіи многихъ лѣтъ положеніе чиновника „значительнаго“, воспитаннаго притомъ въ традиціяхъ прежнихъ порядковъ, которому не легко было примириться съ иными, чѣмъ прежде, отношеніями къ себѣ новаго начальника, секретаря Комарова, которому тяжело было сознавать, что, благодаря именно Комарову, онъ утрачиваетъ прежнее свое авторитетное положеніе въ консисторіи, что, въ качествѣ подчиненнаго, онъ безсиленъ въ открытой борьбѣ съ начальникомъ, и что зависимость отъ послѣдняго безвозвратно низводитъ его съ прежняго положенія на положеніе зауряднаго мелкаго въ служебной іерархіи чиновника. Таковы, по мнѣнію особаго присутствія палаты, тѣ психологическіе стимулы, которые способны были развить въ Скитскомъ злостныя, мстительныя чувства, и наблюденіе которыхъ на первыхъ же порахъ подсказало вдовѣ Комаровой подозрѣніе на Скитскаго, какъ на виновника въ смерти ея мужа. Если такимъ образомъ, по обстоятельствомъ дѣла, складывается убѣжденіе о наличности у Степана Скитскаго мотивовъ для совершенія преступленія и для убѣжденія въ томъ, что мысль о его совершеніи принадлежитъ ему первому, человѣку сильному не только характеромъ, но и физически (свид. Червоненко), то, останавливаясь на обсужденіи того-же вопроса по отношенію къ другому обвиняемому, именно Петру Скитскому, особое присутствіе палаты находитъ, что для Степана Скитскаго онъ представлялся совершенно пригоднымъ соучастникомъ не только какъ очень близкій къ нему человѣкъ, но и какъ человѣкъ низкаго нравственнаго уровня, съ характеромъ, поддающимся вліяніямъ. Будучи мелкимъ канцелярскимъ чиновникомъ въ той-же Полтавской консисторіи, Петръ Скитскій, на основаніи свидѣтельскихъ показаній (Каменецкій, Гриценко, Шиленко, Головка и др.), вырисовывается преимущественно какъ товарищъ собутыльникъ, который, посвящая немного времени служебнымъ занятіямъ, значительную часть проводилъ въ пивныхъ и трактирахъ, между пьянствомъ и похмѣльемъ. Имѣя отдѣльно отъ брата квартиру (Головка), онъ по цѣлымъ днямъ въ ней не бывалъ, а ночи, случалось, проводилъ у брата (Котелевецъ). Послѣдній, конечно, въ глазахъ его, стоялъ не ниже, чѣмъ въ глазахъ другихъ служащихъ въ консисторіи, какъ большая умственная сила, а близость свою къ брату Петръ

Скитскій проявилъ даже въ такомъ, повидимому, мелочномъ фактѣ, какъ имѣвшій мѣсто 15 іюля: когда въ этотъ день найденъ былъ трупъ Комарова и Головка звалъ Петра Скитскаго отъ попойки къ мѣсту происшествія, то Петръ Скитскій отговорился тѣмъ, что „брата надо поискать“. Съ другой стороны, и Степанъ Скитскій, давая объясненіе о времяпрепровожденіи 14 іюля, хотя въ придуманной передачѣ подробностей, остановился на мысли о томъ, что большую часть дня онъ ухаживалъ за пьянымъ братомъ. Эта, въ общемъ, вѣроятная попечительная заботливость, по мнѣнію особаго присутствія палаты, свидѣтельствуесть лишь о такихъ отношеніяхъ между обвиняемыми братьями, при которыхъ сильный умомъ и характеромъ Степанъ могъ склонить брата на преступное дѣло, а упавшій нравственно Петръ могъ согласиться на него. Переходя засимъ къ обсужденію другихъ фактическихъ данныхъ по дѣлу и имѣя въ виду тѣ изъ нихъ, которыя устанавливають нахожденіе обвиняемыхъ въ день совершенія преступленія именно у мѣста его совершенія, а также и тѣ, которыя, въ связи съ объясненіями обвиняемыхъ, даютъ разъясненія о дѣйствительномъ времяпрепровожденіи ими въ день 14-го іюля, особое присутствіе палаты признаесть необходимымъ остановиться на описаніи мѣстности, которая, по обстоятельствамъ дѣла, имѣесть для сего значеніе. Въ этомъ отношеніи, кромѣ свидѣтельскихъ показаній, особое присутствіе располагало представленными къ дѣлу со стороны обвиненія набросками плана, а также выкопировкой плана части города Полтавы и прилегающей мѣстности и представленною со стороны защиты выкопировкою также части города Полтавы. Только одинъ изъ числа свидѣтелей, которымъ предъявлены были тѣ планы, именно свидѣтель со стороны обвиняемыхъ, домовладѣлецъ Лазаревъ, обозрѣвая планъ, представленный обвинительною властью, нашелъ, что границы его, свидѣтеля, земли расположенной на окраинѣ города, обозначены не вполне точно, и что рѣка Ворскла находится на самомъ дѣлѣ ближе къ Крестовоздвиженскому монастырю, чѣмъ это изображено на планѣ. Однако, свидѣтель, составившій эти планы, полтавскій губернский землемѣръ, объяснилъ, что они были составлены имъ частью съ натуры, частью выкопированы съ другихъ плановъ, но что въ нихъ масштабъ вездѣ выдержанъ вѣрно. По планамъ этимъ представляесть возможнымъ прослѣдить мѣстность, въ которой расположена консисторія, прилегающія къ ней въ городѣ мѣстности, путь отъ консисторіи къ выходу изъ города, улицы Ко-

лонійскую и Фабрикантскую, расположенныя именно къ выходу, усадьбу свидѣтеля Лазарева со склономъ отъ нея и засимъ подъемомъ къ монастырю, самый монастырь на горѣ, прилегающіе къ нему лѣсъ и мѣстность по ту сторону монастыря, прилегающую къ р. Ворсклѣ, съ Кривохатками включительно, а также сосѣднюю съ усадьбой Лазарева мѣстность, склонъ отъ нея къ проѣзжей дорогѣ на дачу Склифасовскаго (дорога идетъ подъ Монастырской горой) и самую дорогу, которая, пролегая мимо кирпичныхъ сараевъ (свидѣтели Кошевой и Карацюпа), далѣе раздѣляется такъ, что направо пойдетъ путь къ селу Яковцамъ, а значительно поворачивая влѣво—на дачу Склифасовскаго и далѣе дер. Терловщину отъ пункта раздѣленія дороги, въ разстояніи 242 саж., именно на вѣтви, идущей къ дачѣ, и расположенъ тотъ мостикъ, близъ котораго найденъ трупъ Комарова.

„Изъ объясненій обвиняемаго Степана Скитскаго видно, что 14 іюля 1897 г., выйдя изъ г. Полтавы, онъ повелъ своего пьянаго брата къ р. Ворсклѣ, гдѣ прикладывалъ ему компрессы, причемъ послѣдній выспался, затѣмъ они купались, ловили раковъ, катались на лодкѣ и вернулись домой поздно ночью. Путь изъ города, съ Колонійской улицы, какъ показалъ это на планѣ обвиняемый, они сдѣлали по спуску усадьбы Лазарева, поднялись по Монастырской горѣ (оставивъ, слѣдовательно, отъ себя въ лѣвую сторону дорогу на Яковцы) и вновь спустились къ рѣкѣ. Независимо отъ объясненій свидѣтеля Червоненко, что спускъ и затѣмъ подъемъ на Монастырскую гору особенно для пьянаго, весьма затруднителенъ, вышеупомянутый свидѣтель Ткаченко, находившійся со своимъ стадомъ 14 іюля 1897 года на клинушкѣ земли Склифасовскаго, недалеко отъ поворотки на Яковцы, видѣлъ приблизительно черезъ часъ послѣ того, какъ прошелъ Комаровъ, когда звонили къ вечернѣ, какъ изъ лѣсу въ разстояніи отъ него съ „гонъ“ вышли двое людей, лицъ онъ ихъ не примѣтилъ, такъ какъ головы ихъ какъ бы обмотаны были чѣмъ то бѣлымъ, платками или полотенцами, а одѣты они были такъ: одинъ въ сѣромъ, а другой въ темномъ платьѣ. Замѣтивъ его, свидѣтеля Ткаченко, люди эти, направлявшіеся къ Монастырскому лѣсу, свернули въ балку; Ткаченко ранѣе этого не зналъ Скитскихъ, но послѣ предявленія ихъ ему слѣдователемъ, по костюму и по росту, призналъ ихъ похожими на тѣхъ людей. Свидѣтель оставался со своимъ стадомъ въ томъ же мѣстѣ до вечера, но никого болѣе проходившими не видѣлъ.

„Изъ прочитаннаго на судѣ показанія свидѣтеля Митрофана Каноненко видно, что 14 іюля 1897 г., искупавшись въ р. Ворсклѣ, у островка, что за Кривохатками, онъ возвращался съ купанья около 7¹/₂ час. веч., при этомъ увидаль Скитскихъ, прошедшихъ шагахъ въ 20 впереди его, какъ бы по направленію отъ Монастырскаго лѣса: старшій изъ Скитскихъ, Степанъ, былъ одѣтъ въ китель съ металлическими пуговками и въ черной форменной фуражкѣ, а младшій въ одеждѣ темнаго цвѣта и темной шляпѣ. Къ этому свидѣтель добавилъ, что если бы Скитскіе шли съ купанья по направленію къ водокачкѣ, то имъ бы не такъ идти, какъ онъ видѣлъ.

„При сопоставленіи этихъ двухъ показаній, Ткаченко и Каноненко, уже получается основаніе заключить, что люди, которыхъ видѣлъ Ткаченко, шедшими отъ мѣста преступленія, были именно обвиняемые Скитскіе, пробывшіе болѣе или менѣе продолжительное время въ Монастырскомъ лѣсу, до тѣхъ поръ, когда свидѣтель Каноненко замѣтилъ ихъ идущими именно отъ Монастырскаго лѣса. Такое заключеніе находитъ себѣ еще больше подтвержденія при оцѣнкѣ показанія свидѣтельницы Меланіи Бородаевой и ея сосѣдки Маріи Ващенко. Изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній, а также объясненій свидѣтеля Червоненко слѣдуетъ прежде всего установить, что домъ Бородаевой расположенъ въ предмѣстьи недалеко отъ Сѣнной и влѣво отъ Фабрикантской, въ такомъ пунктѣ, на склонѣ оврага, отъ котораго по прямому направленію, мимо еврейскаго кладбища можно пройти къ дачѣ Склифасовскаго и съ котораго противоположная сторона видна, по выраженію Червоненко, какъ „на ладони“, а по удостовѣренію свидѣтельницъ, въ ясный день можно видѣть, какъ пробѣжитъ собака. Свидѣтельница Бородаева, именно показала, что между 12 и 15 числами іюля 1897 г., поджидая своего брата, состоящаго чиновникомъ губернскаго правленія, она вышла на площадку своего дома и обратила вниманіе на двухъ мушницъ, бѣжавшихъ по полянѣ по направленію къ дер. Яковцамъ, какъ будто къ тому мѣсту, гдѣ потомъ былъ убитъ Комаровъ. Желая убѣдиться, есть ли въ числѣ мушницъ ея братъ, она стала смотрѣть въ принесенный ей Ващенкоу бинокль и разглядѣла, что одинъ изъ мушницъ былъ одѣтъ въ парусиновомъ кительѣ, причѣмъ металлическія пуговки блестя на солнцѣ, а другой былъ въ темномъ платьѣ. Это было въ 2¹/₂ часа пополудни, что она хорошо помнитъ, такъ какъ Ващенкоу

именно справлялась у нея о времени. Люди, которыхъ она наблюдала, вскорѣ скрылись изъ ея глазъ.

„Разъясняя точнѣе день, въ который это было, Бородаева пояснила, что это было не въ субботу, и не въ воскресенье (12 и 13-го), потому что въ субботу она вернулась изъ Кіева, въ воскресенье же не могла ждать брата, такъ какъ онъ не былъ на службѣ, а былъ на охотѣ, и не 15-го, а было это въ тотъ день, когда ей пришлось быть свидѣтельницей того, что корпусный экономъ дѣлалъ на базарѣ покупки для находившихся въ лагерѣ кадетъ по случаю корпуснаго праздника дня Св. Владимира. Такимъ образомъ она заключаетъ, что это было въ понедѣльникъ 14-го іюля, тѣмъ болѣе, что, убѣдившись, что въ числѣ торопившихся мужчинъ нѣтъ ея брата, она предположила, что это именно кто либо изъ сослуживцевъ въ корпусѣ спѣшитъ въ лагери. Показаніе Бородаевой, въ частяхъ ея касающихся, подтвердила и свидѣтельница Марія Ващенко: въ тотъ день, выйдя изъ своего дома, спросила сосѣдку Бородаеву, который часъ, Бородаева отвѣтила половина третьяго, затѣмъ она стала смотрѣть въ бинокль на поляну; сперва сказала: „это—не братъ“, а потомъ прибавила: „посмотри, какъ быстро идутъ, побѣжали“. Ващенко, въ свою очередь, посмотрѣла на поляну и тоже увидала упомянутыхъ выше двухъ людей—одного въ сѣромъ, другого въ черномъ платьѣ, при этомъ высказалась, что они бѣгутъ какъ сумасшедшіе.

„Въ опроверженіе показанія Бородаевой и Ващенко имѣется показаніе вызванной защитой свидѣтельницы Матрены Поповой, содержательницы пивной лавочки; свидѣтельница эта на первый же предложенный ей вопросъ непосредственно и категорически показала, что во вторникъ 14 іюля 1897 г. около 3 часовъ дня, она, отлучившись изъ своей лавочки и направляясь изъ дому, куда заходила за зонтикомъ (изъ подъ Монастырской улицы) въ городъ, встрѣтила обоихъ братьевъ Скитскихъ Степана и Петра, которыхъ хорошо знаетъ; они спускались по Лазаревской горѣ, причемъ одинъ братъ велъ другаго пьянаго подъ руку; объ этомъ она, Попова, тогда-же рассказала, по возвращеніи въ пивную, замѣнявшей ее тамъ во время отсутствія швеи Ксеніи Хмаровой. Последняя свидѣтельница ссылку на нее подтвердила. Не подвергая эти свидѣтельскія показанія сомнѣнію, относительно умысленной ихъ неправдивости, особое присутствіе палаты не можетъ, однако, отнестись къ нимъ съ тѣмъ довѣріемъ, которое только и могло бы поколебать значеніе противорѣчившихъ имъ показаній. Прежде

всего категорическое и совершенно точное указаніе свидѣтельница Поповой (годъ, мѣсяцъ, число, день), на такое обстоятельство, которое для нея лично представлялось безразличнымъ, притомъ впервые спустя одинъ годъ и 8 мѣсяцевъ послѣ него, само по себѣ внушаетъ сомнѣнія въ безошибочности указанія; эти сомнѣнія становятся, по мнѣнію особаго присутствія палаты, совершенно опредѣленными, если принять во вниманіе, что та-же свидѣтельница, на вопросъ, какъ были одѣты Скитскіе, не сумѣла дать отвѣта, заявивъ, что этого не замѣтила. Такимъ образомъ, по мнѣнію особаго присутствія, представляется по дѣлу доказаннымъ, что въ третьемъ часу дня 14 іюля 1897 г., т. е., когда еще покойный Комаровъ не могъ дойти до мостика, обвиняемыхъ Скитскихъ видѣли посѣщающими къ тому-же мѣсту (Бородаева и Ващенко), что около времени вечерень, когда какъ видно изъ вышеизложеннаго, преступленіе уже совершилось, свидѣтель пастухъ Ткаченко видѣлъ людей одинаковыхъ по одеждѣ примѣтъ съ тѣми, о которыхъ свидѣлствуютъ Бородаева и Ващенко, удаляющимися по направленію отъ мѣста преступленія къ лѣсу, изъ котораго можно пройти въ лѣсъ монастырскій и что въ тотъ же день въ восьмомъ часу вечера свидѣтель Кононенко видѣлъ именно Скитскихъ, направляющихся отъ монастырскаго лѣса, причемъ они были въ такихъ костюмахъ, на которые указываютъ и выше-названные свидѣтели.

„Показаніе Бородаевой значительно упрощаетъ разборъ и оцѣнку показаній тѣхъ лицъ, которыя видѣли обвиняемыхъ Скитскихъ въ городѣ Полтавѣ около 2 часовъ и ранѣе.

„Послѣдній домъ, у котораго видѣли Степана Скитскаго въ городѣ, былъ домъ Мартыновой, какъ это видно по плану, уже въ недалекомъ разстояніи отъ выхода изъ города. Въ этотъ именно домъ Степанъ Скитскій заходилъ, спрашивая нѣкоего Конопалова. По показанію домохозяйки Мартыновой и ея прислуги Игуменниковой, это было около 2 часовъ дня, а можетъ быть въ самомъ началѣ третьяго, свидѣтельница обыкновенно обѣдаетъ въ 2 часа, а въ тотъ разъ; когда прислуга доложила ей, что какой то господинъ спрашивалъ Конопалова, ей подавали второе блюдо обѣда. Показаніе свидѣтельница Бородаевой относительно времени совершенно связывается съ свидѣтельствомъ Мартыновой и изъ сопоставленія этихъ показаній, имѣя въ виду, что и обвиняемый Степанъ Скитскій подтверждаетъ, что на выходѣ изъ города онъ заходилъ въ домъ Мартыновой, слѣдуетъ, что Скитскіе уже слѣзши къ мѣсту преступле-

нія, въ то время, какъ покойный Комаровъ едва-ли еще выходилъ изъ консисторіи (половина третьяго часа), причемъ въ распоряженіи обвиняемыхъ былъ и болѣе короткій путь, именно на то разстояніе, какое Комарову приходилось пройти еще до выхода изъ города; кромѣ того и по выходѣ изъ города, вопреки объясненію Степана Скитскаго, они слѣдовали болѣе краткою дорогою, чѣмъ какою обычно ходилъ Комаровъ (Котелевецъ). Почему особое присутствіе палаты полагаетъ, что обвиняемые располагали достаточнымъ временемъ для того, чтобы прибыть къ мѣсту своей засады заблаговременно.

„Въ виду изложенныхъ соображеній, по мнѣнію особаго присутствія палаты, не представляются имѣющими для дѣла значенія всѣ тѣ свидѣтельскія показанія (Мачуговскій, Иннокентій, Дарагановъ, Броваренко, Ганеръ, Квитковскій, Воробьевскій, Топчій, свидѣтели Навроцкій и др.), которыя касаются времени пребыванія Скитскихъ до выхода ихъ изъ города именно послѣ дома Мартыновой. Изъ этихъ показаній особое присутствіе палаты находитъ имѣющимъ значеніе указаніе свидѣтеля Навроцкаго на то обстоятельство, что, когда онъ видѣлъ 14 іюля Степана Скитскаго спѣшащимъ по Александровской улицѣ, то при немъ былъ „кошелекъ“, т. е. предметъ въ который могутъ быть уложены другіе предметы.

„Обращаясь засимъ къ обсужденію и оцѣнкѣ другихъ имѣющихся по дѣлу косвенныхъ уликъ, особое присутствіе палаты не можетъ не признать, что въ общей своей совокупности, они представляютъ серьезное значеніе для обвиненія, указывая именно на Скитскихъ,—какъ на участниковъ преступленія. Къ таковымъ уликамъ принадлежатъ найденные на мѣстѣ засады два куска колбасы, корки отъ хлѣба и мѣшечекъ для сыпучихъ тѣлъ изъ лавки Воронеля, хотя ко дню засѣданія предметы эти измѣнили свой первоначальный видъ, но изъ показаній полицейскихъ праставовъ г. Полтавы Царенко и Семенова усматривается, что при производствѣ ими розысковъ, тотчасъ по обнаруженіи преступленія, служащіе въ колбасномъ заведеніи Лангера—Матвѣевъ и Коцюра положительно признали два куска колбасы за издѣліе ихъ магазина, причемъ свидѣтель Коцюра утверждалъ, что такія именно колбасы куски отъ которыхъ ему предъявлены, были проданы 13-го или 14-го іюля подсудимому Скитскому, хотя въ судебномъ засѣданіи Коцюра первоначальное свое показаніе измѣнилъ, но изъ прочитанныхъ въ виду разнорѣчія показаній его данныхъ, на предварительномъ слѣдствіи видно, что даже въ присутствіи обвиняемаго

кой-бы уличая его, Коцюра утверждаетъ покупку имъ этихъ колбасъ въ ихъ магазинѣ. Свидѣтель Воронель на первыхъ же порахъ призналъ корки хлѣба похожими на тѣ, какія имѣлись у такъ называемаго еврейскаго хлѣба, разновременно и постоянно покупуваемаго у него, между прочимъ, и подсудимымъ Степаномъ Скитскимъ изъ лавочки, находящейся противъ зданія консисторіи.

„Что касается бумажнаго мѣшечка, носящаго на себѣ особыя примѣты: штемпель акцизнаго управленія, ибо мѣшечки эти склеены были изъ такой именно бумаги,—то тотъ же Воронель призналъ его своимъ, удостовѣривъ, что въ такихъ мѣшечкахъ отпускался имъ сыпучій товаръ разнымъ покупателямъ, въ томъ числѣ и Скитскому.

„Обсуждая обстоятельства нахождения на мѣстѣ преступленія стараго картуза, принадлежность котораго до этого времени—начала Кондратенкѣ, а потомъ Клеменкѣ установлена, съ совершенной ясностью и достовѣрностью, особое присутствіе палаты останавливается лишь на томъ обстоятельствѣ, что картузь этотъ, по объясненію сторожа Клименко, въ 1897 г. валялся, какъ старый, въ комнатѣ сторожей при консисторіи, куда какъ бы въ курительную, имѣли свободный доступъ всѣ консисторскіе чиновники, а въ ихъ числѣ и Скитскіе, и что картузь этотъ нѣкоторое время послѣ полученія его отъ Кондратенки замѣчалъ висающимъ на гвоздѣ, а потомъ онъ исчезъ. Такимъ образомъ, картузь этотъ свободно могъ быть взятъ Скитскими, у которыхъ при предварительной обдуманности преступленія легко, быть можетъ, входило въ планы, отвращая подозрѣніе отъ себя, направить его на другихъ. Въ подкрѣпленіе такого предположенія служить свидѣтельство Иванова о томъ, что картузь носилъ на себѣ слѣды сгибовъ, какъ бы онъ, будучи сложенъ вчетверо, былъ принесенъ на мѣсто преступленія и здѣсь брошенъ, а также свидѣтельство свидѣтеля Навроцкаго о томъ, что при Степанѣ Скитскомъ 14 іюля былъ „кошелекъ“.

„Нельзя, наконецъ, обойти молчаніемъ фактъ сличенія веревочъ отобранныхъ чинами полиціи изъ разныхъ помѣщеній консисторіи съ тою, которая оказалась на трупѣ покойнаго Комарова. Этому сличенію особое присутствіе палаты не придаетъ рѣшающаго значенія, какъ потому, что заключенія экспертовъ-торговцевъ веревочнымъ товаромъ недостаточно убѣдительно при видимомъ сходствѣ сличавшихся предметовъ, такъ и потому, что такой предметъ, какъ тонкая веревка, въ изобиліи находившійся въ консисторіи, въ изобиліи же могъ быть полученъ и изъ другого источ-

ника. Кромѣ вышеизложенныхъ соображеній о личности Петра Скитскаго и объ отношеніяхъ его къ брату Степану, къ убѣжденію объ участіи его въ совмѣстно задуманномъ преступленіи особое присутствіе палаты приходитъ, въ виду показанія свидѣтеля Каноненко, который видѣлъ обоихъ Скитскихъ шедшими вмѣстѣ, а также въ виду объясненія самого Степана Скитскаго о томъ, что 14 іюля, часовъ съ 2—3 дня до самаго поздняго вечера онъ не разставался съ своимъ братомъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть также въ виду, что объясненіе подсудимаго Петра Скитскаго о томъ, что онъ былъ такъ пьянъ, что ничего не помнитъ послѣ того какъ выпилъ водку въ Александровскомъ саду, уснуль и до того времени какъ проснулся на берегу р. Ворсклы, не заслуживаетъ никакого довѣрія; никто изъ свидѣтелей, даже свидѣтельница Попова, о такой степени опьяненія Петра Скитскаго не удостовѣряютъ, да оно и не согласуется съ объясненіями Степана Скитскаго о пройденномъ имъ вмѣстѣ съ братомъ пути изъ города на рѣку.

„Въ приведенномъ объясненіи Петра Скитскаго, по мнѣнію особаго присутствія палаты, заслуживаетъ вниманія, въ смыслѣ уличающемъ Скитскихъ то обстоятельство, что имъ куплена была бутылка водки, каковая, съ частью недопитой жидкости, оказалась также на мѣстѣ.

„Въ ряду обстоятельствъ, уличающихъ Скитскихъ въ совершеніи преступленія надъ Комаровымъ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, такое же значеніе представляютъ обстоятельства, рисующія ихъ образъ дѣйствій въ дни слѣдующіе за убійствомъ, т. е. 15 и 16 іюля. Утромъ 15 іюня Степанъ Скитскій пробылъ въ консисторіи необычно короткое время, потомъ былъ у редактора Епархіальныхъ Вѣдомостей Ковалевскаго, гдѣ пробылъ около часу и уплатилъ 4 р. 50 коп., былъ у рѣзчика Ганфа, затѣмъ, во время вечернее, — въ монастырѣ, гдѣ раздавалъ медали іеромонахамъ: Смарагду, Вонифантію и др., и здѣсь, узнавъ отъ прибывшаго въ монастырь гробовщика Молчанова объ убійствѣ Комарова, перекрестился предъ образомъ, высказавъ: „Боже мой, что только нынче дѣлается“. Молчановъ тогда же сказалъ Степану Скитскому, что его ищутъ въ консисторіи, а Іеромонахъ Вонифантій предложилъ ему для скорѣйшаго пріѣзда въ консисторію запряженную уже лошадь, но Степанъ Скитскій сказалъ, что пойдетъ пѣшкомъ, и дѣйствительно ушелъ, но не въ консисторію, а къ сидѣлицѣ казенной винной лавки Матильдѣ Николаевой у которой провелъ около часу, повидимому, безъ какой либо опредѣленной цѣли, и только уходя

отъ нея, купилъ бутылку водки. Изъ показаній Николаевой видно, что увидавъ Скитскаго, спросила, что случилось у васъ, на что Скитскій отвѣтилъ: „у меня ничего“, а на вопросъ: „не у васъ, а въ консисторіи, секретаря говорятъ убили“,—сказалъ: „а развѣ правда это? я слышалъ объ этомъ въ монастырѣ, но не вѣрю“. Потомъ Степанъ Скитскій заговорилъ съ Николаевой, что онъ хочетъ заказать ея мужу электрическую зажигательную машину. Поздно вечеромъ того же 15 іюля Степанъ Скитскій прибылъ въ консисторію и, какъ показалъ свидѣтель Лекторскій, со словъ дежурнаго чиновника Навроцкаго, спросилъ послѣдняго: „не сердятся ли на меня члены“? Навроцкій отвѣтилъ: „Конечно“. Тогда Степанъ Скитскій приказалъ дежурному сторожу Шипитко принести въ его квартиру воды (Скитскій былъ наквартирѣ одинъ, такъ какъ семья его была въ отъѣздѣ). Навроцкій приказалъ сторожу Шипитко скорѣе вернуться, но Шипитко долго не возвращался. Тогда Навроцкій подошелъ къ дверямъ квартиры Степана Скитскаго, сталъ стучать въ запертую дверь и узналъ отъ вышедшаго на стукъ Шипитко, что съ Степаномъ Скитскимъ что то случилось такое, что Шипитко отливаль или отпаиваль его водою; означенный Шипитко на судѣ этого не подтвердилъ, по въ то же время нѣтъ достаточнаго основанія не довѣрять разказу Навроцкаго, переданному на судѣ Лекторскимъ.

„16 іюля утромъ, (въ день похоронъ Комарова), по показанію протоіерея Мазанова, Степанъ Скитскій пришелъ въ консисторію блѣдный, у него дрожали руки. Свидѣтель между прочимъ просилъ его не отлучаться изъ консисторіи, но вернувшись съ похоронъ, онъ его уже не засталъ, и Степанъ Скитскій, не смотря на поиски полиціи, до вечера нигдѣ не былъ найденъ.

„Что касается Петра Скитскаго, то поведеніе его, какъ на это отчасти указано выше въ дни 15 и 16-го, обращаетъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что обычно предаваясь пьянству въ разныхъ мѣстахъ, онъ не только не проявилъ никакого участія къ огласившемуся уже убійству Комарова, но видимо уклонялся отъ приглашеній товарищей отправиться на мѣсто происшествія, а позднѣе на похороны убитаго“.

Если исключить изъ приговора то мѣсто его, которое касается свидѣтельница Бородаевой и пр., которыя по мнѣнію Палаты, могли черезъ 1 г. 8 мѣсяцевъ въ точности припомнить день, часъ, минуту, костюмъ и проч. подробности о бѣжавшихъ двухъ человѣкахъ,

и Поповой, которая по мнѣнію Палаты не можетъ обладать такою же удивительною памятью, то мы увидимъ, что приговоръ, въ сущности, повторяетъ тѣ же поводы, которые изложены въ обвинительномъ актѣ, а такъ какъ вопросъ о неполнотѣ слѣдствія устраненъ съ самаго начала, то очевидно, что приведенныя мотивы, если считать, что они вполне отражаютъ основаніе обвинительнаго приговора, едва ли могутъ считаться убѣдительными. Всѣ тѣ сомнѣнія, которыя высказаны были нами относительно данныхъ обвинительнаго акта, сохраняютъ свое право на существованіе.

Съ точки зрѣнія процессуальной — остается непонятнымъ, какъ обошлись судьи безъ осмотра мѣстности, когда, очевидно, этотъ осмотръ могъ одинъ только подтвердить правильность выводовъ, къ коимъ пришла Палата.

Убийство Комарова — остается одною изъ неразгаданныхъ загадокъ, и безпримѣрнымъ, если можно такъ выразиться, примѣромъ неумѣлаго предварительнаго слѣдствія. Удивительно ли что газеты продолжаютъ сообщать объ открывающихся новыхъ обстоятельствахъ....

2. Вознагражденіе за убытки по ст. 683 т. X ч. 1.

Въ кассационной практикѣ не сходитъ съ очереди вопросъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ предпріятій. И неудивительно. Ученіе о вознагражденіи за вредъ и убытки, составляетъ вообще одну изъ самыхъ трудныхъ частей гражданскаго права; сложность его въ смыслѣ теоретическомъ усугубляется при примѣненіи его на практикѣ. Наша судебная практика представляетъ при томъ еще одну специальную особенность сравнительно съ иностранною судебною практикою. Кассационному суду приходится восполнять удивительную скудость законодательныхъ нормъ; ему приходится у насъ устанавливать не только положенія относительно основанныхъ принципіальныхъ спорныхъ нормъ ученія *contractus quasi ex delicto* или *ex delicto*, но давать руководящія указанія и по вопросамъ „*mere essentiae*“, чистѣйшаго существа дѣла, т. е. по такимъ вопросамъ, которые въ нормальномъ порядкѣ всецѣло предоставлены судамъ инстанціи существа.

Однимъ изъ такихъ вопросовъ является вопросъ о размѣрѣ вознагражденія за причиненный вредъ. Смѣшеніе вопроса о раз-

мѣръ съ вопросомъ о правѣ на вознагражденіе иногда выдвигаетъ такія сомнѣнія, которыя, казалось-бы, никогда и возникнуть не должны были-бы на кассационной почвѣ.

Таковы, сомнѣнія, возникшія по дѣлу Марка Бѣлована съ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ о вознагражденіи его и малолѣтнихъ дѣтей въ суммѣ 1800 р. за смерть жены его Ульяны Бѣлованъ. Дѣло это разсматривалось въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ Сѣната въ засѣданіи 24 марта 1899 г. Возникшему по дѣлу вопросу посчастливилось въ томъ отношеніи, что ему посвящена была въ „Правѣ“ (№ 11) обстоятельная статья К. П. Змирлова, который, впрочемъ, давалъ, въ качествѣ товар. оберъ-прокурора, и заключеніе по дѣлу въ засѣданіи департамента.

Вотъ несложныя обстоятельства дѣла: Бѣлованъ предъявилъ къ управленію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ искъ о 1800 р. вознагражденія за убытки, основанный на томъ, что жена его при переѣздѣ въ товарномъ поѣздѣ между станціями Арефа и ст. Карачевка, по неосторожности кондуктора, столкнута была съ тормазной площадки вагона, попала подъ поѣздъ и отъ понесенныхъ вслѣдствіе этого увѣчій вскорѣ умерла. Предложеніе управленія дороги объ окончаніи миромъ этого дѣла съ уплатою истцу 1000 р. вознагражденія отвергнуто было истцомъ. Размѣръ требуемаго имъ вознагражденія обосновывался истцомъ оцѣнкою труда женщины, на которой лежитъ все домашнее хозяйство и уходъ за дѣтьми. Харьковскій Окружный Судъ исковыя требованія удовлетворилъ; Судебная же Палата въ искѣ отказала по тому соображенію, что „по ст. 683 т. X ч. 1 искъ о вознагражденіи за смерть и увѣче, причиненныя при эксплуатаціи желѣзно-дорожнаго предпріятія, можетъ быть предъявленъ только лицами, указанными въ 657 ст. того же тома, которая не допускаетъ распространительнаго толкованія, а такъ какъ умершая Ульяна Бѣлованъ, имѣя мужа вполне правоспособнаго, не содержала своей семьи, то ни Маркъ Бѣлованъ, ни дѣти его не имѣютъ права на искъ“.

Правильно ли положеніе, выставленное Харьковскою судебною палатою,—вотъ вопросъ, который, вслѣдствіе принесенной истцомъ кассационной жалобы, долженъ былъ разрѣшить Правительствующій Сѣнатъ. Скажемъ тутъ же, что гражданскій кассационный департаментъ призналъ, что палата разрѣшила вопросъ *неправильно*, что Сѣнатъ, такимъ образомъ, призналъ за мужемъ право на искъ о вознагражденіи за смерть (или увѣче) его жены.

Самое возникновеніе сомнѣнія представляется, по нашему мнѣ-

нію, нѣсколько страннымъ. Конечно, возможенъ споръ о размѣрѣ вознагражденія и способовъ его исчисленія; возможенъ, наконецъ, споръ о томъ, могутъ ли быть присуждены въ тѣхъ случаяхъ, когда жена не содержала семьи, и алименты для дѣтей. Но какъ могло возникнуть сомнѣніе относительно *права на искъ* о вознагражденіи за убытки, причиненные незаконными дѣйствіями и во всякомъ случаѣ по винѣ отвѣтчика, приключившейся смерти—намъ представляется положительно непонятнымъ. Единственное объясненіе, которое можетъ быть дано,—это то, что судебная палата совершенно неосновательно смѣшала два отнюдь не совпадающихъ понятія, какъ понятіе убытковъ, причиненныхъ смертью даннаго лица, и понятіе выдачи содержанія, т. е. алиментовъ. Первое несомнѣнно шире; и если азбучнымъ представляется истина, что алименты долженъ дать потерпѣвшимъ причинившій смерть только въ томъ случаѣ, если умершій доставлялъ или по закону долженъ былъ доставлять эти алименты, то столь же элементарно и то положеніе, что всякій долженъ вознаградить потерпѣвшаго отъ его незаконныхъ дѣйствій.

Потерпѣлъ ли убытокъ Маркъ Бѣлоиванъ—это вопросъ существа; быть можетъ, онъ, напротивъ того, только обогатился, лишившись надобности кормить „лишній ротъ“; но быть можетъ онъ и понесъ убытки въ томъ или другомъ размѣрѣ, который судъ долженъ былъ бы провѣрить и установить. Но отрицать за Бѣлоиваномъ право предъявлять искъ объ убыткахъ, происшедшихъ отъ неправильныхъ дѣйствій агента дороги, имѣвшихъ своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ смерть его жены,—это значитъ, здравому смыслу вопреки, напередъ отказать въ искѣ, не разобравъ его предварительно.

Указанное смѣшеніе понятій вознагражденія за убытки и полученія алиментовъ, по нашему мнѣнію, допущено и К. П. Змировымъ въ упомянутой статьѣ его въ № 11 „Права“, озаглавленной: „*объ условіяхъ для возникновенія права на вознагражденіе по 683 ст. 1 ч. X т.*“. Это смѣшеніе обнаруживается изъ одного сопоставленія заглавія статьи съ ея содержаніемъ.

Почтенный авторъ задается вопросомъ о томъ, „при наличности какихъ условій *возникаетъ право на вознагражденіе* у потерпѣвшаго вредъ или убытокъ, вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья при эксплуатаціи желѣзно-дорожнаго или пароходнаго предпріятія“, а между тѣмъ рассматриваетъ онъ вопросъ съ точки зрѣнія той части ст. 683 т. X ч. 1, которая гласитъ: . . .

„Вознагражденіе назначается на основаніи статей 657—662 и 675, съ соблюденіемъ правилъ, въ слѣдующихъ пунктахъ изложенныхъ“, т. е. той части, которая посвящена вопросу о назначеніи вознагражденія, объ размѣрѣ его, о способахъ его опредѣленія.

Г. Змирловъ приходитъ въ заключеніе, что „право на вознагражденіе за причиненіе смерти и поврежденіе въ здоровьѣ заключается, во 1) въ правѣ на возмѣщеніе *расходовъ*, вызванныхъ причиненіемъ смерти или поврежденіемъ здоровья (какъ-то: леченіе и погребеніе) и во 2) въ правѣ на содержаніе (или одной семьи, или семьи вмѣстѣ съ пострадавшимъ отъ несчастія, или, наконецъ, только этого послѣдняго); что право на возмѣщеніе расходовъ принадлежитъ всякому пострадавшему, если только расходы дѣйствительно понесены и вызваны были случившимся несчастіемъ, и наконецъ, что право на содержаніе принадлежитъ: а) семьѣ убитаго, если послѣдній доставлялъ ей содержаніе своимъ личнымъ трудомъ, б) семьѣ лица, потерпѣвшаго временное расстройство въ здоровьѣ, до его выздоровленія, если она кормилась его заработкомъ, и в) самому непосредственно пострадавшему и его семьѣ, или ему одному (если у него нѣтъ семьи), если случившееся съ нимъ несчастіе повлекло за собою полную или частичную утрату трудоспособности, составляющей источникъ средствъ къ существованію“.

Но доказано ли авторомъ, что убытки могутъ быть только въ видѣ расходовъ и содержанія, и ни въ чемъ иномъ; дѣло Бѣлоивана убѣждаетъ какъ разъ въ противномъ—ибо Бѣлоиванъ, по него заявленію (признанному правильнымъ окружнымъ судомъ) вслѣдствіе смерти жены, не несъ расходовъ по леченію, не получалъ и, слѣдовательно, не лишился алиментовъ, а потерпѣлъ убытокъ тѣмъ, что лишился рабочей силы, возмѣщеніе коей ему должно, по его заявленію, обойтись въ 180 р. въ годъ. Такой убытокъ не предусмотрѣнъ схемой г. Змирлова, а всетаки возможенъ; его не предусмотрѣли тѣ статьи, которыя въ своей аргументаціи авторъ цитируетъ, но онъ предусмотрѣнъ жизнью. У Бѣлоивана нѣтъ права на возмѣщеніе расходовъ по леченію, на полученіе алиментовъ, но въ силу чего онъ долженъ быть лишенъ права искать возмѣщеніе убытковъ, имъ понесенныхъ; если бы онъ тѣмъ самымъ товарнымъ поѣздомъ, который раздавилъ его жену, отправилъ лошадь, которая по винѣ дороги погибла бы,—онъ имѣлъ бы право на вознагражденіе въ доказанномъ имъ размѣрѣ убытковъ; гдѣ основаніе въ законѣ къ отрицанію такого же права относительно

рабочей стоимости труда его жены? Мы понимаемъ всю грубость этого сравненія, но его приходится привести, разъ серьезно увѣряютъ, что „ни экономическая цѣнность убитаго, ни возможность для семьи потери выгодъ въ будущемъ—сами по себѣ не поражаютъ права на вознагражденіе“, и разъ вопросъ о правѣ на *вознагражденіе* съ удивительнымъ постоянствомъ во всей статьѣ г. Змирлова отождествляется съ правомъ на *содержаніе*.

Авторъ напоминаетъ, что „есть тяжелыя утраты для опредѣленія имущественной стоимости которыхъ, однако, нельзя отыскать масштаба“; совершенно вѣрно и то, что нельзя „оцѣнить стоимость жены“, „не поддаются оцѣнкѣ любовь и попеченіе родителей относительно своихъ дѣтей“ и т. д., по суду, разсматривающей дѣло о вознагражденіи за убытки, не приглашается вовсе къ оцѣнкѣ этихъ неоцѣнимыхъ предметовъ, а долженъ провѣрить тѣ указанія истца, которыми подтверждается *имущественная* потеря,—далеко не всегда сводящіяся къ расходамъ на леченіе и погребеніе и къ требованію алиментовъ. Для такой судейской работы нѣтъ надобности „вторгаться въ частную сферу домашней жизни, и, съ вѣсами въ одной рукѣ и перомъ въ другой, взвѣшивать, а затѣмъ отмѣчать положительныя и отрицательныя достоинства убитаго“. Нѣтъ никакой, далѣе, надобности охранять частную сферу противъ воли обладателя, такъ сказать, этой сферы, и сказать ему—не имѣешь права идти въ судъ съ искомъ о вознагражденіи за смерть твоей жены, ибо этимъ ты, не дай Богъ, дашь поводъ суду вторгнуться въ твою частную сферу. Самъ потерпѣвшій лучший судья тому, слѣдуетъ или не слѣдуетъ вторгаться въ его домашнюю жизнь.

Вотъ крестьянинъ, котораго жену лишили жизни при эксплоатации желѣзной дороги. По закону мужъ долженъ содержать жену,—этотъ законъ обязателенъ и для крестьянъ; по смерти жены онъ лишился не только „подруги, служащей нравственною поддержкою въ его трудахъ“,—но и физической помощницы, которая снопы вяжетъ, корову доить, за дѣтьми ходитъ. Но, по мнѣнію г. Змирлова, этотъ потерпѣвшій крестьянинъ не имѣетъ права на вознагражденіе,—во имя охраны его частной жизни. Безъ вѣсовъ въ одной рукѣ и безъ пера въ другой, а только со здравымъ смысломъ въ головѣ—судья оцѣнить имущественную потерю, понесенную нашимъ крестьяниномъ.

Для обоснованія права на вознагражденіе виѣ указанныхъ въ окончательномъ выводѣ статьи г. Змирлова, авторъ ея не только

не находить указанія въ законѣ, но даже полагаетъ, что законъ прямо исключилъ такое право. Г. Змирловъ предусматриваетъ ссылку на естественное чувство справедливости, и говоритъ: „едва ли далѣе умѣстно въ данномъ случаѣ, въ видѣ возраженія, ссылаться на естественное чувство справедливости. Оно, конечно, можетъ имѣть значеніе при отысканіи неяснаго для насъ намѣренія законодателя, такъ какъ всегда предполагается, что задача каждой правовой нормы заключается въ регулированіи данныхъ юридическихъ отношеній согласно съ справедливостью. Въ этомъ случаѣ изъ двухъ возможныхъ (?) толкованій закона мы должны остановиться на томъ изъ нихъ, которое болѣе соотвѣтствуетъ чувству справедливости. Но когда *буква закона ясна и не оставляетъ сомнѣнія* относительно намѣренія и воли законодателя, въ немъ выраженной, тогда слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всѣ постороннія соображенія и памятовать, что *dira lex sed lex*“. Можно думать, что въ статьѣ дѣйствительно доказано, что буква закона ясна и не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что внѣ расходовъ и алиментовъ нѣтъ права вознагражденія за убытки, причиненные смертью или увѣчьемъ. Но въ томъ и дѣло, что законъ ясенъ въ совершенно обратномъ смыслѣ. И вотъ, чѣмъ это подтверждается.

Изъ статей закона, на которыя сдѣлана ссылка въ ст. 683 т. X ч. 1, въ той ей части, которая говоритъ объ основаніяхъ назначенія вознагражденія, г. Змирловъ цитируетъ лишь ст. 657, посвященную алиментамъ, и ст. 658, посвященную вопросу о леченіи и похоронахъ; изъ содержанія только этихъ статей дѣлаются выводы о вознагражденіи по ст. 683. „Изъ статей, говоритъ авторъ, на которыя здѣсь (т. е. въ ст. 683) сдѣлана ссылка, трактуютъ о вознагражденіи за причиненіе смерти 657 и 658 ст.“ Но въ этомъ и заключается главное недоразумѣніе. Въ п. 1 ст. 683 говорится только о вознагражденіи за вредъ и убытокъ вслѣдствіе смерти или поврежденій въ здоровьѣ, причиненныхъ при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній, и тѣмъ не менѣе дѣлается дальше, когда рѣчь идетъ объ основаніяхъ назначенія (т. е. опредѣленія размѣра) вознагражденія, ссылка на ст. 675 т. X ч. 1, совсѣмъ забытую г. Змирловымъ, который не только ея не цитируетъ, но ни словомъ не упоминаетъ. Статья же эта гласитъ: „во *всѣхъ* означенныхъ въ статьяхъ 644—674 случаяхъ судъ, по изслѣдованіи происшествія и обстоятельство дѣла, опредѣляетъ количество *вознагражденія*“. Ясно,

что если бы вознагражденіе по ст. 683 могло бы быть назначено только по ст. 657 и 658 (для смертныхъ случаевъ), 660 и 661— (для случаевъ увѣчья), то ссылка въ ней на ст. 675 была бы, по крайней мѣрѣ, излишнею, если уже не говорить прямо—противорѣчивою. Затѣмъ, далѣе, авторомъ оставлены безъ всякаго вниманія п.п. 4 и 5 той самой ст. 683, истолкованію которой посвященъ его трудъ, и не принято во вниманіе то, что въ цитируемомъ имъ п. 1 этой статьи, говорится о вознагражденіи *каждаго потерпѣвшаго*. Пунктъ 4 гласитъ: „размѣръ вознагражденія долженъ зависѣть исключительно отъ понесеннаго въ каждомъ данномъ случаѣ ущерба“; а п. 5 говоритъ о вознагражденіи въ видѣ единовременно выдаваемой суммы или же въ видѣ ежегоднаго или въ опредѣленные сроки уплачиваемаго пособія. Сопоставленіе п. 1 съ п. п. 4 и 5, а затѣмъ п. 4 съ п. 5 ст. 683 т. X ч. 1 не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что этою статьею повторено общее правило, выраженное какъ въ ст. 644 и 684 т. X ч. 1, такъ и ст. 59 улож. о нак., о томъ, что всякіе вредъ и убытки, причиненные незаконными дѣйствіями—составляютъ ли они преступленіе или не составляютъ,—должны быть возмѣщены со стороны причинившаго ихъ. И если несомнѣнно, что убытки отъ смерти кого либо могутъ быть приченены не только—мужу, женѣ, дѣтямъ, родителямъ,—но и совершенно постороннимъ для него лицамъ, то столь же несомнѣнно, что—„судъ по изслѣдованію происшествія и обстоятельствъ дѣла“ долженъ опредѣлить и количество вознагражденія; сомнѣваться въ правѣ на искъ о вознагражденіи, основанный на незаконныхъ (*ex delicto* или *quasi ex delicto*) дѣйствіяхъ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ смерть, значило бы, вопреки очевидности, не признавать этого права въ болѣе тяжкихъ случаяхъ, тогда какъ само по себѣ безобидное дѣйствіе, если оно нарушаетъ чужое право, обосновываетъ по ст. 684 и 687 обязанность вознагражденія со стороны виновныхъ или даже ихъ довѣрителей.

Повторяемъ, выводъ г. Змирлова объясняется тѣмъ, что ст. 657 и 658 (соотвѣтственно, 660 и 661) имъ придается значеніе ищущаго постановленія о послѣдствіяхъ причиненія смерти, а это въ свою очередь основано на смѣшеніи понятій вознагражденія и алиментовъ.

Указанныя статьи, равно какъ и цитируемыя имъ постановленія иностранныхъ законодательствъ, между прочимъ и ст. 844 новаго германскаго гражданскаго уложенія, предусматриваютъ лишь одинъ частный случай, который безъ спеціальнаго о немъ постановленія

не могъ бы найти разрѣшенія. Общее постановленіе о правѣ на вознагражденіе за убытки не дало бы суду достаточнаго основанія для присужденія алиментовъ тѣмъ, кои его получали или только имѣли право получать отъ лишеннаго жизни или трудоспособности. Лишеніе содержанія — ни подъ *damnum emergens*, ни подъ *lucrum cessans* прямо не подходитъ. Право на алименты — не есть имущественное право; въ основаніи его лежатъ права личныя; убытки же — чисто имущественное понятіе. Ясно поэтому, что именно алименты ближе подходятъ къ тѣмъ невѣсомымъ неизмѣримымъ и неоцѣнимымъ благамъ, за которыя, какъ убѣдительно доказывается въ статьѣ г. Змирлова, нельзя же требовать имущественнаго эквивалента, чѣмъ убытки, причиненные тѣмъ, что данная семья лишилась рабочей силы, возмѣщеніе коей требуетъ затратъ. Если поэтому не требовалось бы особаго указанія на право на вознагражденіе за убытки въ случаѣ смерти или увѣчья, то именно оно требуется для алиментовъ. Ближе уже къ понятію убытковъ — расходы на леченіе и похороны, но и эти расходы не составляютъ убытковъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ и они связаны не столько съ имуществомъ сколько съ личностью.

Личный характеръ присуждаемыхъ алиментовъ лучше всего вытекаетъ именно изъ текста ст. 657, по которой размѣръ содержанія опредѣляется въ зависимости отъ имущества виновнаго въ причиненіи смерти, и что это содержаніе должно быть „по возможности приличное, по состоянію потерпѣвшихъ“.

Изъ того, что законъ, устанавливаетъ обязанность „вознагражденія“ и относительно такихъ лишеній, которыя не составляютъ убытковъ въ тѣсномъ смыслѣ, дѣлать выводъ о томъ, что только это вознагражденіе можетъ быть отыскиваемо, — значитъ прямо идти не противъ справедливости, а противъ элементарныхъ правилъ толкованія закона; тутъ даже невозможны два толкованія, при наличности коихъ, слѣдовало бы адресоваться, какъ указываетъ г. Змирловъ, къ соображеніямъ справедливости.

Прежде чѣмъ закончить, нельзя не указать и на то, что г. Змирловъ пришелъ бы, быть можетъ, къ инымъ выводамъ, если бы онъ не ограничился цитированіемъ только ст. 657, 658, 660 и 661 т. X ч. I, а принялъ бы во вниманіе и другія статьи въ главѣ о вознагражденіи за убытки. Въ этихъ статьяхъ онъ нашелъ бы прямыя указанія на то, что нашъ законъ знаетъ и случаи вознагражденія за моральный вредъ, за лишеніе благъ, которыя не поддаются оцѣнкѣ такъ же, какъ и любовь родителей, нравствен-

ная поддержка жены или мужа, а съ другой стороны—онъ нашель бы, что и другой имущественный вредъ, кромѣ лишенія содержанія, расходовъ на леченіе и погребеніе, подлежитъ возмѣщенію въ случаѣ причиненія смерти. Такъ, не безъ нѣкотораго удивленія находимъ ст. 659, согласно коей „въ случаѣ лишенія жизни лица, принадлежащаго къ податному состоянію, должны изъ имѣнія причинившаго смерть быть платимы всѣ слѣдующія съ убитаго казенныя подати и другія повинности, впредь до новой ревизіи“. Не говоря уже о вознагражденіи въ размѣрѣ до 50 р. за обиду,—безчестіе (ст. 667), которое представляется вознагражденіемъ за моральный вредъ, стоитъ обратить вниманіе на ст. 662 и 663,—что бы видѣть, что законъ предусматриваетъ вознагражденіе за чисто моральные, если можно такъ выразиться, убытки, происшедшіе отъ обезображенія лица дѣвицы или вдовы, отъ изнасилованія, ибо „содержаніе до замужества“, очевидно, не представляются алиментами, такъ какъ трудоспособность въ этихъ случаяхъ дѣвицы или вдовы нисколько не уменьшены (ст. 661 т. X ч. I).

Въ результатѣ оказывается, что самый вопросъ, поставленный г. Змировымъ себѣ на разрѣшеніе, поставленъ неправильно. Право на вознагражденіе у потерпѣвшаго вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья—не пуждается въ наличности какихъ либо условій, кромѣ фактическаго вреда или понесенныхъ убытковъ. Въ какомъ бы видѣ эти убытки ни понесены,—потерпѣвшій таковыя имѣетъ право на ихъ вознагражденіе. Весь вопросъ заключается въ доказанности ихъ вообще и доказанности размѣра ихъ въ частности. Но это уже вопросъ—существа; разнообразіе жизни не даетъ возможности исчерпывающаго указанія въ этомъ отношеніи въ законѣ, которое при томъ было бы излишне, такъ какъ сообразно съ обстоятельствами дѣла судъ самъ можетъ, во исполненіе ст. 675 и 683 т. X ч. I, опредѣлить „количество вознагражденія“.

Послѣ сказаннаго становится очевиднымъ, что разсужденія судебной палаты по дѣлу Бѣлована и согласное съ ними заключеніе тов. оберъ-прокурора К. П. Змирова едва-ли основательны. Бѣлованъ искалъ не алиментовъ, на которые онъ по отношенію къ своей женѣ не имѣлъ права, а вознагражденія за причиненныя ему убытки вслѣдствіе того, что онъ лишился для своей семьи необходимой рабочей силы. Стоила ли эта сила то, во что оцѣниваетъ ее Бѣловаль,—это и надлежало разсмотрѣть судебной палатѣ.

Мы не можемъ повтому, не привѣтствовать рѣшеніе по этому

дѣлу гражданскаго кассационнаго департамента, который этимъ рѣшеніемъ не только воздалъ должное справедливости, но и правильно истолковалъ законъ.

3. Переработанный проектъ положенія о товариществахъ трудовыхъ или артельныхъ.

Въ мартовской книгѣ Вѣстника Права мы подвергли подробному обсужденію выработанный въ департаментѣ торговли и мануфактуръ проектъ закона объ артеляхъ. Мы при полномъ сочувствіи мысли объ изданіи такого закона, указывали однако на существенные недостатки этого проекта, представлявшагося намъ какъ-бы сырымъ необработаннымъ матеріаломъ, нуждающимся въ юридической обработкѣ.

Этотъ проектъ, подвергшійся обсужденію въ особомъ совѣщаніи съ участіемъ приглашенныхъ свѣдущихъ людей, нынѣ вполне переработанъ; содержаніе новаго проекта значительно полнѣе и точнѣе. Въ особенности надо отмѣтить то, что въ новой редакціи устранено постановленіе о возможности образованія артелей словесными соглашениями участниковъ артели, хотя и сохранены артели договорныя, дѣйствующія по договорамъ, безъ устава. Относятся ли постановленія проекта и къ случаямъ образованія артели договоромъ, или только къ уставнымъ,—это остается подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, такъ какъ въ проектѣ это прямо не выражено. Казалось-бы желательнымъ включить въ окончательную редакцію закона указаніе по этому предмету. Если же постановленія проекта обязательны и составляютъ какъ бы *conditio sine qua non* артели, то въ договорахъ объ артели не должны быть включаемы, подъ опасеніемъ недѣйствительности, условія, противорѣчащія этимъ постановленіямъ. Впрочемъ, такое указаніе было бы желательно и въ отношеніи уставовъ, такъ какъ и относительно ихъ остается сомнѣніе, насколько допускаются отступленія отъ постановленій закона въ отдѣльныхъ уставахъ. Благодаря этой нѣкоторой неполнотѣ нельзя себѣ составить точное понятіе о томъ, представляетъ ли проектъ своего рода нормальный обобщенный уставъ или обязательныя требованія закона для всѣхъ артелей.

Съ особымъ сочувствіемъ нельзя не отнестись къ включенію въ новый проектъ указанія на то, что прибыли артели распредѣ-

ляются поровну между участниками, и что членскіе взносы должны быть одинаковы для всѣхъ. Въ этомъ постановленіи удачно фиксирована главная особенность трудового товарищества въ отличіе отъ соединенія капиталовъ, не предполагающаго равенства всѣхъ участниковъ.

Вотъ содержаніе проекта:

„1. Товариществами трудовыми или артелями именуется сообщество лицъ, по взаимному соглашенію возникшія, для производства всякаго рода работъ или промысловъ, а равно для отправленія службъ и должностей, за общій счетъ и съ круговою отвѣтственностью участниковъ.

2. Независимо отъ образованія артелей на основаніи общихъ постановленій о договорахъ, артели учреждаются по особымъ уставамъ, утверждаемымъ въ порядкѣ, ниже сего (ст. 23) указанномъ, съ соблюденіемъ правилъ настоящаго Положенія.

3. Членами артели могутъ быть лица обоаго пола, достигшія гражданскаго совершеннолѣтія. Число членовъ артели можетъ быть не ограничено, но въ уставахъ опредѣляется, при какомъ наличномъ составѣ артель считается состоявшеюся и открываетъ свои дѣйствія.

4. Каждый членъ артели принимаетъ непосредственное участіе въ ея работахъ своимъ личнымъ трудомъ. Изъятіе изъ сего правила можетъ быть допускаемо для лицъ, избранныхъ въ составъ управленія или надзора (ст. 9).

5. Наемный трудъ въ артеляхъ допускается лишь временно въ исключительныхъ случаяхъ, а также для выполненія работъ, требующихъ особыхъ познаній или несоставляющихъ предмета обычныхъ занятій артели.

6. Вступающіе въ артель, впредь до избранія ихъ, могутъ быть принимаемы въ артель на испытаніе и допускаемы къ участію въ работахъ въ качествѣ кандидатовъ (новичковъ) или учениковъ на срокъ не долѣе, однако, шести мѣсяцевъ. По истеченіи сего срока лицо, оставленное въ артели, пріобрѣтаетъ и помимо избранія всѣ права члена.

7. Всѣ члены артели несутъ круговую отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ товарищества. Отвѣтственность сія можетъ быть полная, когда члены артели отвѣтствуютъ за всѣ долги оной вообще и порознь всѣмъ имуществомъ своимъ движимымъ и недвижимымъ, или же ограниченная въ размѣрѣ напередъ опредѣленнымъ въ уставѣ.

8. Лица, недостигшія совершеннолѣтія, могутъ быть принимаемы въ артель на основаніяхъ, опредѣляемыхъ въ уставѣ, но безъ права участія въ управленіи дѣлами товарищества и съ отвѣтственностью, ограниченою сдѣланнымъ въ артель взносомъ.

9. Артель управляется общимъ собраніемъ ея членовъ, которое для ближайшаго завѣдыванія и распоряженія дѣлами товарищества избираетъ отъ себя необходимыхъ для этого лицъ.

Примѣчаніе. Въ уставахъ артелей могутъ быть предусмотрѣны случаи избранія особаго попечителя для заботъ и представительства о нуждахъ артели. Права и обязанности сего лица опредѣляются уставомъ.

10. Въ общихъ собраніяхъ всѣ члены артели принимаютъ одинаковое участіе, причемъ каждый членъ имѣетъ только одинъ голосъ. Передача отсутствующимъ членомъ права голоса другому члену или иному лицу не допускается.

11. Общія собранія считаются состоявшимися, если въ нихъ участвуетъ не менѣ одной половины всѣхъ членовъ артели. Случаи, въ которыхъ, по важности дѣла, можетъ потребоваться большій наличный составъ членовъ собранія, опредѣляются въ уставахъ.

12. Артелямъ предоставляется право, съ соблюденіемъ существующихъ постановленій, устраивать или арендовать для надобностей артели промышленныя и торговыя заведенія, съ пріобрѣтеніемъ необходимаго для сего движимаго и недвижимаго имущества, вступать въ договоры и всякаго рода сдѣлки, а равно исать и отвѣчать на судѣ.

13. Артель должна вести именной списокъ ея участниковъ и состава управленія, съ показаніемъ времени вступленія и выбытія членовъ, сдѣланныхъ ими взносовъ и причитающихся имъ выдачъ.

14. Артель можетъ имѣть свои капиталы, которые составляются: а) изъ членскихъ взносовъ; б) изъ опредѣленныхъ уставомъ отчисленій отъ прибылей артели, и в) изъ иныхъ случайныхъ поступленій.

15. Членскіе взносы должны быть одинаковы для всѣхъ членовъ артели; они производятся какъ деньгами, такъ и необходимыми для артелей предметами по оцѣнкѣ и притомъ единовременно или по частямъ.

16. Распредѣленіе заработковъ артели производится по постановленію общаго собранія членовъ внѣ всякой зависимости отъ сдѣланныхъ взносовъ.

Примѣчаніе. Суммы, внесенныя отдѣльными членами въ размѣръ, превышающемъ установленный членскій взносъ, считаются ссудами и не имѣютъ вліянія на распредѣленіе общаго заработка.

17. Имущество и капиталы артели, отвѣтствуя по долгамъ и обязательствамъ послѣдней, не могутъ быть обращаемы на удовлетвореніе взысканій по личнымъ обязательствамъ отдѣльныхъ ея членовъ; таковыя претензіи удовлетворяются изъ доходовъ члена артели.

18. Выбывшему изъ артели члену выдаются числящіеся на его счетѣ взносъ и сумма, причитающіеся ему изъ прибылей, за вычетомъ соотвѣтственной доли убытковъ, если таковыя къ этому времени понесла артель. Выбывшій членъ въ теченіе одного года продолжаетъ, однако, отвѣтствовать по обязательствамъ артели, возникшимъ до его выхода.

19. Члены артели, за неисполненіе правилъ устава или постановленій общаго собранія, а равно за предосудительное поведеніе или небреженіе въ работѣ, могутъ быть подвергаемы, въ порядкѣ, опредѣленномъ общимъ собраніемъ: выговорамъ, штрафамъ, временному устраниенію изъ артели или исключенію изъ оной.

20. Артельное товарищество прекращается: 1) истеченіемъ срока, на который оно учреждено; 2) уменьшеніемъ числа членовъ ниже того количества, при коемъ артель по уставу можетъ открыть свои дѣйствія, и 3) по постановленію общаго собранія членовъ.

21. Въ случаѣ прекращенія артели, имущество ея и капиталы, за удовлетвореніемъ всѣхъ предъявленныхъ къ артели претензій по долгамъ и принятымъ обязательствамъ, распредѣляются между членами въ порядкѣ, опредѣленномъ въ уставѣ. Имущество и капиталы артели, предназначавшіеся на благотворительныя или иныя спеціальныя надобности передаются въ распоряженіе города или земства, по принадлежности, и получаютъ назначеніе, соотвѣтствующее той цѣли, какая имѣлась въ виду при образованіи сихъ капиталовъ.

22. Уставы артельныхъ товариществъ должны содержать въ себѣ означеніе:

а) наименованія, цѣли, круга и мѣста дѣятельности товарищества, съ указаніемъ срока его дѣйствій, если оно учреждается временно;

б) условій пріема артельщиковъ, новиковъ и учениковъ, ихъ правъ и обязанностей, а также порядка выбытія или исключенія изъ товарищества;

в) объема отвѣтственности членовъ товарищества по обязательствамъ артели;

г) порядка образованія, храненія и расходованія артельныхъ капиталовъ, размѣра членскихъ взносовъ, условій возврата такихъ выбывающимъ членамъ, а равно слѣдующихъ имъ прибылей;

д) порядка распредѣленія заработковъ и прибылей артели и покрытія ея убытковъ;

е) порядка управленія дѣлами товарищества, съ обозначеніемъ органовъ его управленія, ихъ правъ и обязанностей; порядка рѣшенія дѣлъ въ общихъ собраніяхъ и срока созыва послѣднихъ;

ж) общихъ основаній отчетности и порядка ликвидаціи дѣлъ товарищества.

Сверхъ сего въ уставы могутъ быть влючаемы и другія условія, какія, по свойству предпріятія, окажутся необходимыми.

23. Уставы трудовыхъ товариществъ утверждаются Министромъ Финансовъ, или же мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ примѣнительно къ образцамъ, утверждаемымъ Министромъ Финансовъ, по соглашенію съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, а для мѣстностей, находящихся въ вѣдѣніи Военнаго Министерства — съ Военнымъ Министромъ“.

Мы еще вернемся къ разсмотрѣнію этого проекта въ одной изъ ближайшихъ книгъ Вѣстника.

4. Два сенатскихъ указа по вопросамъ крестьянскаго права.

І.

1897 года сентября 23 дня Правит. Сенать слушали: дѣло по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 12 августа 1896 года за № 12913, по возбужденному Государственнымъ Контролемъ вопросу о правѣ должностныхъ лицъ волостныхъ и сельскихъ управленій арестуемыхъ по распоряженію начальства за маловажные проступки по должности на полученіе кормоваго довольствія отъ казны. Приказали: Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, и согла-

шаясь съ высказанными по оному заключеніямъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, Правительствующій Сенатъ съ своей стороны находить, что, согласно разъясненіямъ Правительствующаго Сената отъ 18 іюня и 29 октября 1891 года за №№ 5244 и 7831, должностныя лица крестьянскаго общественнаго управленія, подвергаемыя аресту по распоряженію ихъ начальствъ, должны содержаться не при волостныхъ правленіяхъ, а въ имѣющихся для сего помѣщеніяхъ при становыхъ квартирахъ или уѣздныхъ полицейскихъ управленіяхъ, смотря потому, гдѣ окажется болѣе соотвѣтственнымъ и удобнымъ. Изъ изложеннаго несомнѣнно вытекаетъ, что вышеуказанныя должностныя лица, подвергаемыя аресту внѣ мѣста ихъ служенія и жительства, нерѣдко на значительномъ разстояніи отъ послѣднихъ, не могутъ быть признаны обязанными содержать себя на собственныя средства, такъ какъ при невозможности для нихъ пользоваться въ такихъ случаяхъ помощью своихъ домашнихъ, обязанность эта для малосостоятельныхъ крестьянъ представлялась бы настолько обременительною, что несомнѣнно увеличивали бы значительно самую мѣру наложеннаго наказанія. Равнымъ образомъ не можетъ быть признано обязаннымъ содержать означенныхъ лицъ во время ихъ ареста и земство, за неимѣніемъ на то прямыхъ указаній въ законѣ. Что же касается до выдачи задержанныхъ при полиціи должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія кормоваго довольствія отъ казны, то таковая выдача находить себѣ основаніе въ ст. 205 т. XIV св. зак. уст. о сод. подъ стр. изд. 1890 года, по которой на счетъ казны отпускается означенное довольствіе всѣмъ безъ исключенія арестантамъ, какаго бы рода и состоянія они ни были, кромѣ лишь тѣхъ лицъ, которыя указаны въ ст. ст. 217, 218, 275—280 того же устава, т. е. казаковъ и неисправныхъ должниковъ. Призная по сему, что должностныя лица волостнаго и сельскаго управленія, въ случаѣ ареста по распоряженію начальства за маловажные проступки по должности должны получать кормовое довольствіе отъ казны, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: объ изложенномъ разъясненіи министромъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и государственному контролеру дать знать указами.

(Указъ 5 февраля 1899 года № 478).

II.

1898 года мая 15 дня. Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло по представленію министра внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ постановленій Костромскаго губ. присутствія, состоявшихся 29 апрѣля 1893 г. и 9 сентября 1895 г., о скидкѣ съ крестьянки дер. Карповской, Дементьевой двухъ земельныхъ надѣловъ и о передѣлѣ Чмутовскимъ сельскимъ обществомъ земли. Приказали: Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ считаетъ необходимымъ, прежде всего, остановиться на допущенныхъ Костромскимъ губернскимъ присутствіемъ неправильностяхъ со стороны формальной. По постановленію отъ 29 апрѣля 1893 г. губернское присутствіе оставило безъ разсмотрѣнія жалобу крестьянъ Чмутовскаго общества, на опредѣленіе Галичскаго уѣзднаго сѣзда объ отмѣнѣ, по представленію земскаго начальника, приговора Чмутовскаго сельскаго схода, тогда какъ на основаніи ст. ст. 113 и 127 пол. зем. нач. жалобы на окончательныя постановленія земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ сѣздовъ, не подлежащія разсмотрѣнію губернскому присутствію въ инстанціонномъ порядкѣ, подлежатъ разсмотрѣнію присутствію въ порядкѣ надзора, для представленія Правительствующему Сенату объ отмѣнѣ незаконныхъ окончательныхъ постановленій по ст. 127 пол. о зем. нач. Затѣмъ, по постановленію отъ 9 сентября 1895 года, присутствіе отмѣнило собственною властью опредѣленіе Галичскаго уѣзднаго сѣзда объ утвержденіи, по представленію земскаго начальника, приговора Чмутовскаго общества о передѣлѣ земли.

Между тѣмъ опредѣленія уѣздныхъ сѣздовъ какъ объ отмѣнѣ, по представленіямъ земскихъ начальниковъ, такъ и объ оставленіи въ силѣ, вопреки симъ представленіямъ, приговоровъ, сельскихъ и волостныхъ сходовъ, а равно и объ утвержденіи, по представленіямъ тѣхъ же должностныхъ лицъ, общественныхъ приговоровъ о передѣлахъ земли на основаніи правилъ 8 іюня 1893 г., считаются окончательными и посему, подлежатъ разсмотрѣнію губернскихъ присутствій въ порядкѣ надзора, могутъ быть отмѣняемы, на основаніи ст. 127 пол. зем. нач., только Правительствующимъ Сенатомъ.

Переходя засимъ къ обсужденію обстоятельствъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что деревни Соколово и Карповское, образующія изъ себя Чмутовское сельское общество,

имѣють по актамъ земельного устройства, какъ это усматривается изъ рапорта по сему дѣлу министра внутреннихъ дѣлъ, общее землепользованіе, въ виду чего приговоръ отъ 17 апрѣля 1885 г. о принятіи въ Чмутовское общество крестьянина Ивана Сергѣева постановленъ домохозяевами обѣихъ деревень, образующихъ это общество, правильно (рѣшеніе Правит. Сената 28 октября 1883 г. № 3370). Засимъ означенный приговоръ, отъ 17 апрѣля 1885 г.; будучи постановленнымъ по предмету вѣдѣнія сельскаго схода (п. 3 ст. 51 общ. полож.) и безъ всякаго нарушенія закона, не подлежалъ отмѣнѣ со стороны Галичскаго уѣзднаго съѣзда. Независимо отъ сего, высказанное названнымъ съѣздомъ заключеніе о томъ, что приговоръ Чмутовскаго общества о принятіи крестьянина Ивана Сергѣева нарушаетъ ст. 113 мѣст. велик. полож. является совершенно не основательнымъ и противорѣчающимъ п. 3 ст. 51 и ст. 142 общ. пол. Вслѣдствіе изложеннаго, Костромскому губ. присутствію надлежало, войдя въ порядкѣ надзора въ разсмотрѣніе жалобы на опредѣленіе Галичскаго уѣзднаго съѣзда отъ 16 ноября 1892 г.; представить таковое, на основаніи ст. 127 пол. зем. нач., для отмѣны въ Правительствующій Сенатъ. Что же касается приговора Чмутовскаго сельскаго общества отъ 6 ноября 1893 г., объ общемъ передѣлѣ земли, то и таковой, какъ удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ закона 8 іюня 1893 года, представляется правильнымъ и посему подлежитъ утвержденію со стороны уѣзднаго съѣзда. Высказанное же Костромскимъ губернскимъ присутствіемъ въ постановленіи отъ 9 сентября 1895 года, объ отмѣнѣ означеннаго приговора, заключеніе о томъ, что общество не могло при передѣлѣ земли по закону 8 іюня 1893 года оставлять въ своемъ распоряженіи часть неподѣленной земли, является неосновательнымъ, такъ какъ въ законѣ 8 іюня 1893 года, не содержится запрещенія обществамъ оставлять при передѣлахъ часть надѣльной земли въ общинномъ пользованіи. При этомъ жалоба—крестьянки Дементьевой не могла служить достаточнымъ основаніемъ къ отмѣнѣ не только всего приговора о передѣлѣ, но и части его, касающейся Дементьевой, ибо она въ 1885 г., сама просила о снятіи съ нея двухъ надѣловъ, а если потомъ въ 1892 г., и просила о надѣленіи ея съ малолѣтнимъ сыномъ, то ея просьба приговоромъ о передѣлѣ не оставлена безъ вниманія, ибо ей назначенъ одинъ надѣлъ; а если таковой назначенъ изъ 12 надѣловъ, оставленныхъ въ распоряженіи общества, для обезпеченія, впоследствии прибылыхъ душъ и работниковъ, то она, по достиженіи

сыномъ ея совершеннолѣтія, можетъ еще просить общество о прибавкѣ ей съ сыномъ надѣла, если тогда останутся еще не распределенные надѣлы; а жаловаться она можетъ въ томъ случаѣ если у нея общество захочетъ отобрать послѣдній надѣлъ и совершенно ее съ сыномъ обезземелить. Посему губернское присутствіе не имѣло основаній отмѣнять приговоръ Чмутовскаго сельскаго общества отъ 6 ноября 1893 года и опредѣленіе Галичскаго уѣзднаго сѣзда отъ 11 мая 1894 года, объ утвержденіи этого приговора. Въ виду всего вышеизложеннаго, признавая настоящее представленіе министра внутреннихъ дѣлъ подлежащимъ удовлетворенію, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: отмѣнить постановленія Костромскаго губернскаго присутствія отъ 29 апрѣля 1893 года и отъ 9 сентября 1895 года, а равно и опредѣленіе Галичскаго уѣзднаго сѣзда отъ 16 ноября 1892 года.

(Указъ 15 марта 1899 года за № 1242).

Х.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. Н. П. Загоскинъ. „Исторія права русскаго народа“. *Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Т. I. Введеніе. 1) Наука исторіи русскаго права. 2) Форманія народа и государства.* Казань. 1899 г.

Профессоръ Казанскаго университета Н. П. Загоскинъ, извѣстный своими прекрасными изслѣдованіями по исторіи права Московскаго государства, предпринялъ обширный трудъ „Исторія права русскаго народа“, рассчитанный на двѣнадцать томовъ. Настоящая книга и является первымъ томомъ этого изданія.

Во введеніи авторъ даетъ предварительныя общія понятія о правѣ вообще и объ исторіи права въ частности. Тутъ онъ является сторонникомъ исторической школы права и опредѣляетъ право, какъ продуктъ всей предшествовавшей исторической жизни даннаго народа. Отсюда и исторію русскаго права профессоръ Загоскинъ опредѣляетъ такъ: это есть „изложеніе постепеннаго хода развитія той стороны духовной жизни русскаго народа, которая извѣстна подъ названіемъ права“ (стр. 14—15). Все дальнѣйшее содержаніе настоящей книги раздѣлено на двѣ части: первая часть посвящена русской исторіографіи, вообще, и исторіографіи русскаго права въ частности. При этомъ уважаемый авторъ даетъ краткій обзоръ главнѣйшихъ сочиненій въ той и другой области, сообщаетъ свѣдѣнія о положеніи науки русской исторіи и исторіи русскаго права въ университетахъ, излагаетъ данныя объ источникахъ русскаго историческаго знанія, касается историче-

ской критики, соотношенія исторіи къ другимъ наукамъ и даетъ систему изложенія исторіи русскаго права. Часть вторая занимается исторіей формаци русскаго народа и государства. Тутъ профессоръ Загоскинъ рассказываетъ первоначальную исторію славянъ, говоритъ о происхожденіи Руси, дѣлаетъ обзоръ теорій древняго быта славянъ вообще и русскихъ въ особенности и, наконецъ, давъ характеристику обычнаго права славянъ, излагаетъ исторію зарожденія русской государственности. Вотъ въ очень краткихъ словахъ содержаніе интереснаго труда г. Загоскина. Какъ видно изъ сказаннаго, содержаніе это очень обширно. Вполнѣ естественно, поэтому, что авторъ не могъ обработать свой предметъ вполнѣ равномѣрно: въ однихъ мѣстахъ книги мы встрѣчаемъ основательное самостоятельное изслѣдованіе, въ другихъ же сообщаются лишь краткія свѣдѣнія по тому или иному вопросу. Къ сему должно присовокупить, что, по заявленію самого автора, (стр. VI—VII) часть настоящей книги была отгиснута въ 1893—1897 г.г., что вынудило его даже помѣстить въ концѣ ея дополненія библиографическаго характера, касающіяся вышедшихъ за это время сочиненій по русской исторіи и по исторіи русскаго права. Вслѣдствіе сего дальнѣйшія наши замѣчанія, имѣющія единственную цѣль уясненіе истины, конечно не будутъ приняты за умаленіе почтеннаго труда профессора Загоскина: они могутъ служить лишь слабыми его дополненіями.

Прежде всего позволимъ себѣ нѣсколько дополнить библиографическія указанія профессора Загоскина и его историографическій очеркъ. На стр. 30 перечисляются имъ изданія князя Щербатова. Быть можетъ нелишнимъ будетъ отмѣтить, что политическія его сочиненія изданы въ 1896 году ¹⁾.

Далѣе, на стр. 32 авторъ въ нѣсколькихъ словахъ даетъ характеристику дѣятельности Н. М. Карамзина въ области русской исторіи. Тутъ, съ одной стороны, нельзя не отмѣтить, что эта дѣятельность заслуживаетъ большаго вниманія, съ другой стороны, при характеристикѣ не принято во вниманіе сочиненіе проф. П. Н. Милюкова „Главные теченія русской исторической мысли“, хотя оно и упоминается въ дополненіяхъ къ тексту (стр. 492). Между тѣмъ, у проф. Милюкова, хотя быть можетъ нѣсколько односторонне, но всетаки весьма талантливо проведена связь между работами Карамзина и пред-

¹⁾ „Сочиненія князя М. М. Щербатова“ т. I Политическія сочиненія. Изд. подъ редакціей И. П. Хруцова. Спб. 1896.

шествовавшими историками и отводится первому изъ нихъ его надлежащее мѣсто. Въ настоящемъ же видѣ ссылка на сочиненіе г. Милюкова является ничѣмъ не связаннымъ съ текстомъ библиографическимъ баластомъ. На стр. 37 проф. Загоскинъ отмѣчаетъ митрополита Евгенія, какъ автора словарей духовныхъ и свѣтскихъ писателей. Между тѣмъ, для исторіи русскаго права онъ важнѣе нѣкоторыми другими своими трудами, появлявшимися въ Вѣстникѣ Европы, напр., и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, о которыхъ, впрочемъ, проф. Загоскинъ бѣгло упоминаетъ далѣе (стр. 83—84). Засимъ позволимъ себѣ указать, что при перечисленіи изданій соч. бар. Розенкампа „Обозрѣніе Кормчей“, слѣдовало бы, кромѣ указанія, что изданіе 1839 г. измѣнено, сравнительно съ изданіемъ 1829 г., отмѣтить, что оно и дополнено и одно лишь, въ настоящее время, можетъ служить пособіемъ. Очень мало вниманія удѣлено авторомъ К. А. Неволину, котораго, собственно говоря, должно признать первымъ русскимъ юристомъ-историкомъ. И Эверсъ и Рейцъ и Тобинъ были болѣе историками, занимавшимися правовыми явленіями. Неволинъ-же создалъ у насъ историческое изученіе права. Далѣе мы не можемъ согласиться съ уважаемымъ авторомъ, когда онъ (стр. 138) указываетъ на сочиненія Д. Я. Самоквасова, въ которыхъ данныя археологіи будто-бы служатъ матеріаломъ для научныхъ выводовъ. Теорія проф. Самоквасова о городскихъ поселеніяхъ древнихъ славянъ встрѣтила въ свое время весьма сильную критику ¹⁾ и въ настоящее время едва ли можетъ имѣть какое нибудь значеніе. Несомнѣнно, археологія имѣетъ большую важность для исторіи права, также какъ для исторіи вообще. Но проф. Загоскинъ для доказательства своей совершенно справедливой мысли выбралъ неудачный примѣръ. Переходя къ лѣтописямъ, долгомъ считаемъ указать, что авторъ даетъ весьма обстоятельную исторію составленія начальной лѣтописи. Но при этомъ быть можетъ излишнимъ окажется отмѣтить, что за послѣднее время на страницахъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія ²⁾ появилось нѣсколько статей академика Шахматова, посвященныхъ изученію состава начальной

¹⁾ Леонтовичъ рец. въ „Сб. Госуд. Знаній“, изд. Безобразовымъ, т. II стр. 35.

²⁾ Напр. октябрь 1897 г. стр. 207—259 „Древнѣйшія редакціи повѣсти временныхъ лѣтъ“. См. также ст. въ апрѣльской книжкѣ того же журнала за 1897 г.

лѣтописи. Знакомство съ трудами названнаго ученаго могло-бы нѣсколько освѣтить вопросъ о хронологіи начальной русской исторіи и времени начала „русской“ земли (стр. 148). Выстъ съ тѣмъ, должно отмѣтить, что послѣ приведенныхъ изслѣдованій г. Шахматова, а равно труда проф. Филевича „Исторія древней Руси“, уже нельзя говорить о позднѣйшемъ происхожденіи Новгородской 1 лѣтописи, какъ это дѣлаетъ проф. Загоскинъ (стр. 154). Именно названные ученые пришли къ заключенію, что въ спискѣ Новгородской лѣтописи, принадлежащемъ археографической комисіи, сохранилось сокращеніе древнѣйшаго нашего лѣтописнаго свода, болѣе древняго, чѣмъ повѣсть временныхъ лѣтъ. Отмѣтимъ также, что проф. Загоскинъ не указалъ на отрывокъ лѣтописи, напечатанный въ т. IX Рус. Ист. Библ. и извѣстный подъ именемъ Александро-Невской лѣтописи; отрывокъ интересенъ подробностями, касающимися царствованія Царя Ивана Грознаго. При перечисленіи изданныхъ актовъ отдѣльныхъ областей и городовъ упущены изданія г.г. Напѣрскаго и Шумакова.

Далѣе нельзя не отмѣтить нѣкоторую неточность въ сообщеніи проф. Загоскина о Спб. археологическомъ институтѣ, вкравшуюся на стр. 501. Проф. В. И. Сергѣевичъ не былъ директоромъ сего учебнаго заведенія, а непосредственно за смертью Труворова исправлялъ эту должность; позднѣе назначенный директоромъ, проф. Н. В. Покровский.

На стр. 274—277 почтенный авторъ разбираемой книги опровергаетъ мнѣніе С. М. Соловьева, возстававшаго противъ дѣленія исторіи на періоды и вполне справедливо указываетъ, что такое распределеніе научнаго матерьяла должно быть, подъ условіемъ принятія за основаніе періодизаціи не внѣшніе признаки, а внутренніе. Послѣ соч. Р. Иеринга отрицать необходимость внутренней періодизаціи, на основаніи системъ правосознанія, разумѣется, нельзя. Самъ проф. Загоскинъ принимаетъ слѣдующіе періоды (стр. 277): а) періодъ до Московскій или Удѣльный, б) періодъ Царскій и г) періодъ Петербургскій, далѣе (стр. 278—287) подробно объясняя внутреннія, юридическія, основанія и особенности этой періодизаціи. Совершенно соглашаясь съ проф. Загоскинымъ, позволимъ себѣ только замѣтить, что намъ представляется цѣлесообразнымъ выкинуть изъ обихода русской исторіи терминъ „удѣльный“, въ примѣненіи къ домосековской Руси. Удѣльная система есть характерный признакъ подтатарской Руси. Она развилась и держалась въ Москвѣ, Твери и Рязани. Русь же дотатарская

термина „удѣльный“ князь не знала и онъ ей навязанъ, если такъ можно выразиться, распространеніемъ понятія позднѣйшаго на сходныя явленія болѣе ранней жизни.

Переходя ко второй части сочиненія проф. Загоскина, укажемъ, что, говоря объ архаическихъ эпохахъ славянства, какъ части арійскаго племени, авторъ вновь поднимаетъ, казалось, давно сданный въ архивъ вопросъ объ общемъ арійскомъ языкѣ, разселеніи арійцевъ и т. п. и не считается съ сочиненіемъ Шрадера ¹⁾, доказывающаго первобытность дѣленія племенъ арійской вѣтви на отдѣльные народы. Самое переселеніе народовъ въ настоящее время врядъ ли можетъ быть излагаемо въ видѣ той правильной схемы, какъ это дѣлаетъ авторъ. Намъ представляется, что было бы осторожнѣе, не касаясь вопросовъ доисторическихъ, для рѣшенія которыхъ мы кромѣ гипотезъ ничего не имѣемъ, начать исторію славянъ съ первыхъ дошедшихъ до насъ извѣстій о нихъ, къ которымъ проф. Загоскинъ приступаетъ далѣе (стр. 308 и сл.).

При этомъ должно отмѣтить, что пр. Загоскинъ склоняется на сторону мнѣнія гг. Забѣлина, Иловайскаго, Гедеонова и нѣк. др., доказывавшихъ, что скиѣе были славянами. Впрочемъ уважаемый авторъ оговаривается: „но это мнѣніе... до сихъ поръ остается на уровнѣ болѣе или менѣе удачной и остроумной гипотезы, такъ какъ вопросъ о родствѣ скиѣевъ и славянъ—не можетъ еще считаться поставленнымъ на положительную почву“ (ст. 311). Позволимъ, съ своей стороны, къ сему добавить, что тѣ немногія положительныя данныя, которыя мы имѣемъ на основаніи сохранившихся до нашего времени вещественныхъ памятниковъ—могилъ и изображеній на вазахъ, статуэткахъ и т. п. могутъ служить скорѣе доказательствомъ иранскаго, а не славянскаго, происхожденія скиѣевъ ²⁾. Во всякомъ случаѣ при изученіи этого вопроса должно обратить вниманіе, что всего скорѣе можно найти славянъ не среди скиѣо-сарматовъ, а среди баснословныхъ народовъ, въ родѣ Меланхленовъ и т. п. Филологическія сопоставленія г. Иловайскаго по вопросу о томъ, что Роксолане—русскіе алане,—намъ кажется, безъ всякаго ущерба для книги могли-бы быть оставлены проф. Загоскинымъ безъ всякаго вниманія: такъ они наивны и такъ далеко стоятъ отъ современныхъ требованій филологическихъ изысканій

¹⁾ „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытныя исторіи“.

²⁾ Русскія древности въ памятникахъ искусства“ изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. в. II „Древности скиѣо-сарматскія“ Спб. 1889 стр. 54.

(см. стр. 315—316). Затѣмъ авторъ посвящаетъ отдѣльную главу интересному вопросу о происхожденіи Руси. Проф. Загоскинъ разсматриваетъ мнѣнія норманистовъ и славянистовъ. Своего окончательнаго вывода онъ не сообщаетъ. Позволимъ себѣ отмѣтить, что уважаемый авторъ очень мало удѣляетъ вниманія самой вѣроятной нынѣ гипотезѣ—готской и игнорируетъ мнѣніе проф. В. И. Сергѣевича ¹⁾, очень близкое, по нашему мнѣнію, къ истинѣ, что должно раздѣлять два вопроса: о томъ, кто были и откуда призваны князья, и кто были русы. По первому пункту еще С. М. Соловьевъ ²⁾ указалъ что національность первыхъ князей не имѣетъ никакого значенія, такъ мало эта національность оказала вліянія на русскую исторію и такъ скоро эти князья сдѣлались совершенно славянскими князьями. По второму же пр. В. И. Сергѣевичъ основательно доказалъ, что домыслы перваго лѣтописца о призваніи варяго-русовъ—есть догадка, предположеніе, и что Русь надо искать въ приднѣпровьѣ. По поводу ученія норманистовъ, которое пр. Загоскинъ разсматриваетъ весьма подробно (стр. 336 сл.), можно указать на соч. Юргевича ³⁾ доказывавшаго неосновательность теорій о норманскихъ именахъ въ русской исторіи (объ этомъ см. у пр. Загоскина стр. 347).

Слѣдующая глава посвящена проф. Загоскинымъ обзору теорій древняго быта славянъ вообще и русскихъ славянъ въ особенности. Онъ тутъ разсматриваетъ теоріи родового быта, общиннаго и за дружно—общиннаго. Самъ проф. Загоскинъ (стр. 407) не признаетъ возможнымъ примѣнить къ древнему быту русскихъ одну какую-либо теорію. Въ этомъ почтенный ученый сходится съ проф. В. И. Сергѣевичемъ, указывавшимъ, въ свое время, что мы замѣчаемъ въ русской древнѣйшей исторіи вліяніе и рода, и семьи, и общины; но должно сознаться, что эти союзы оказали вліяніе болѣе на формы, чѣмъ на содержаніе юридической жизни народа. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ значительное воздѣйствіе союзовъ въ сферѣ процесса гражданскаго и уголовнаго, въ сферѣ формъ гражданскихъ сдѣлокъ; но уже съ древнѣйшихъ временъ на Руси существовала и частная собственность и индивидуальное самоопредѣленіе въ сферѣ хозяйственной и семейной жизни. Поз-

¹⁾ „Русскія Юрид. древности“ т. I стр. 80—84.

²⁾ „Начало русской земли“ („Сб. Госуд. знаний“ т. VII, стр. 6).

³⁾ „О мнимыхъ норманскихъ именахъ въ русской исторіи“ („Записки Одесск. Общ. Ист. и др.“ 1863 г. т. V).

волимъ себѣ, далѣе, усумниться, чтобы всё приводимыя пр. Загоскинымъ (стр. 452 сл.) изрѣченія были юридическими формулами древняго происхожденія. Взяты всё они изъ позднѣйшихъ юридическихъ актовъ и кромѣ того мы не имѣемъ данныхъ для доказательства необходимости и неизмѣняемости этихъ формулъ. Мы не отрицаемъ существованія формулъ въ древней Руси. Объ этомъ достаточно говорить Русская Правда, какъ это и указываетъ пр. Загоскинъ (стр. 451). Казалось-бы этого свидѣтельства вполне достаточно.

Послѣдняя глава книги посвящена пр. Загоскинымъ началу русскаго государства. Авторъ говоритъ (стр. 474): „о завоеваніи, какъ исходной точкѣ образованія русской государственности... въ нашей начальной исторіи не можетъ быть и рѣчи. Конечно, частичныя завоеванія не чужды были и зарожденію русской государственности..... но несомнѣнно, что основное ядро русской государственности, съ Полянскимъ племенемъ государствомъ....., въ его основѣ, сформировалось путемъ свободнаго самоопредѣленія воли вошедшихъ въ него племень“. Позволимъ себѣ замѣтить, что мы кореннымъ образомъ не согласны съ мнѣніемъ пр. Загоскина: первые князья явились въ Новгородѣ и были призваны Новгородцами и окрестными племенами. Поляне были покорены. Всѣ остальные племена частью покорены и обложены данью, частью добровольно подчинились силѣ князей. Отсутствие въ древней Руси побѣдителей и побѣжденныхъ объясняется, по нашему мнѣнію, не добровольнымъ призваніемъ князей, а тѣмъ обстоятельствомъ, что первые князья, начальники вольной дружины, не имѣли никакого желанія вмѣшиваться въ дѣла управленія ихъ волостей: они разсаживали по городамъ мужей для сбора даней и занимались болѣе набѣгами на сосѣдей, хозаровъ, грековъ и т. п., чѣмъ своимъ княженіемъ. Въ такомъ видѣ рисуются намъ Олегъ, Игорь, Святославъ. Затѣмъ же племя князей такъ увеличилось, между ними начались такіа распри, что они должны были обратиться къ помощи народа, входить въ договоры, рядъ, съ народомъ. Добровольное самоопредѣленіе волостей и князей есть, по нашему мнѣнію, явленіе на Руси вторичное, результатъ постепеннаго увеличенія княжеской семьи и тѣхъ ссоръ, коими такъ обильна эта, по правдѣ сказать, необузданно—страстная, жестокая и предприимчивая семья. Наряду съ этимъ шло весьма быстрое обрусеніе дружины, замѣна инородцевъ русскими и вотъ получается полнѣйшее сліяніе пришельцевъ съ кореннымъ населеніемъ Руси.

Этимъ закончимъ наши замѣчанія на интересный трудъ проф. Загоскина. Безъ сомнѣнія они не могутъ (да не имѣютъ цѣлью) нисколько его умалить. Богатство литературныхъ указаній, разносторонность изслѣдованія, глубокія познанія автора, умѣренность и безпристрастность критики въ связи съ ея ясностью и твердостью, дѣлаютъ настоящее сочиненіе цѣннымъ вкладомъ въ науку исторіи русскаго права. Книга является не только пособіемъ для слушателей университетскаго курса, сколько для самихъ преподавателей. Будемъ надѣяться, что уважаемый ученый не преминетъ въ скоромъ времени обогатить насъ продолженіемъ своего интереснаго и полезнаго труда.

Н. Н. Дебольскій.

2. Сергій Шумаковъ „Углицкіе акты“ (1400—1749 г.) М. 1899 г.

Настоящее изданіе г. Шумакова является продолженіемъ предпринятой имъ большой, весьма цѣнной для науки, работы—издать по уѣздамъ грамоты коллегіи экономіи Московскаго архива Министерства Юстиціи.

Въ этой книгѣ имъ изданы, а отчасти описаны, документы названнаго архива, относящіеся къ Угличу и его уѣзду. Матеріаль, по примѣру прошлыхъ изданій, раздѣленъ на двѣ части: акты официальные (1414—1749 гг.) и частные юридическіе акты (1400—1731 гг.). Въ первой части помѣщены грамоты: жалованныя, послушныя, правыя; выписи; книги и выписи изъ книги. Во второй части: данныя, закладныя, купчія, межевые акты, мировыя, мѣновныя. Къ книгѣ приложены указатели личныхъ именъ, географическій и учрежденій упоминаемыхъ въ документахъ.

Содержаніе изданныхъ г. Шумаковымъ актовъ очень богато и даетъ изслѣдователю весьма интересный и разнообразный матеріаль. Позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на слѣдующіе документы: № I (стр. 1—2), жалованная грамота 1462—1466 гг., интересенъ упоминаніемъ о „татарскомъ ямѣ“, отъ котораго не освобождена деревня Татариновская, принадлежавшая Троице-Сергіеву монастырю. № III (стр. 3) представляетъ собою довольно рѣдкій случай пожалованія судебныхъ льготъ частному свѣтскому лицу. №№ XIII (стр. 21—24) и XX (стр. 35—38) обращаютъ наше вниманіе упоминаніемъ, что при записи земель въ писцовыя книги, уже въ XVII в. составлялся чертежъ или планъ угодій. Очень

интересенъ № XVII (стр. 29—31), грамота Матвѣю Семеновичу Супоневу отъ 18 апрѣля 1685 г. Суздальскій Спасо-Евѣиміевскій монастырь жалуется на Супонева, что онъ вмѣшивается въ дѣла монастыря и переводитъ обратно въ государственныя села перевзванныхъ монастыремъ крестьянъ. Монастырь указываетъ, что онъ перезываетъ только охотниковъ изъ семей, а, слѣдовательно, не нарушаетъ государева тягла. И это основаніе было признано правильнымъ правительствомъ и Супоневу было предписано не мѣшать монастырю. Такимъ образомъ, въ концѣ XVII в., когда, по общепринятому въ наукѣ взгляду, уже окончательно состоялось прикрѣпленіе крестьянъ, монастырь ухитряется переманивать на свою землю сосѣднихъ крестьянъ изъ черныхъ земель.

Изъ частныхъ юридическихъ актовъ обращаютъ наше вниманіе слѣдующіе: № I (стр. 71), данная на село Троице-Сергіеву монастырю. Дается монастырю село „и съ серебромъ, а серебра въ немъ 7 руб.“ Это мѣсто служить новымъ доказательствомъ, что „серебро“ было капитальнымъ долгомъ, а не процентами на капиталъ, какъ полагали нѣкоторые изслѣдователи—послѣдователи теоріи Пр. Ключевскаго. Затѣмъ передъ нами цѣлый рядъ данныхъ, въ которыя включены самыя разнообразныя условія и модификаціи. Мы имѣемъ вклады возмездные (*negotia mixta*), дареніе, обусловленное эквивалентомъ (№№ XL (стр. 76—77), XLV (стр. 85—86), XLVI (стр. 86—88)), обусловленные правомъ выкупа (*ibid*), пожизненнымъ владѣніемъ (№ XLII стр. 80—81). Только что приведенный документъ интересенъ еще бытовой обстановкой даренія: вотчина была пожалована вкладчику „по приговору митрополита и архіепископовъ и всего собора и бояръ и столниковъ и дворянъ и всей земли за его службу, за московское очищеніе, изъ его помѣстья“. Вѣроятно, стѣсняясь при жизни явно передать земли монастырю, хотя-бы и съ правомъ пожизненнаго владѣнія, вкладчикъ уговаривается: „а пойдутъ въ Угледіи уѣздъ писцы, и мнѣ Ѳодору та вотчина у писцовъ въ книги по свой животъ написать, а послѣ своего живота за Троецкимъ Сергіевымъ монастыремъ написать“. Оказывается, что передъ нами договоръ о дареніи на случай смерти—весьма сложная по формѣ и конструкціи сдѣлка. Далѣе интересенъ № XLIII (стр. 81—83), данная 1614 г., какъ раннее свидѣтельство о дареніи населеннаго имѣнія. Купчая за № LVI (стр. 103) интересна слѣдующимъ. Въ купчую, по обычаю, включено условіе объ очисткѣ. „А у ково будетъ та моя вотчина въ закладѣ, или въ закупѣ, или въ каба-

лахъ“ и т. д. Слѣдовательно, „закупъ“ является не залогомъ, какъ полагали нѣкоторые изслѣдователи, а по всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ довольно раннимъ случаемъ „запродажи“. Въ купчей № LVIII (стр. 107—108) интересно условіе, что продавецъ становится дворникомъ въ проданномъ дворѣ. Въ мѣнновной № LXXXVII (стр. 172—174) интересно условіе „а за дѣломъ ходить ему (одному изъ контрагентовъ) своими харчѣми“.

Обращаясь къ изданію г. Шумакова долгомъ считаемъ указать, что оно исполнено весьма тщательно, во главѣхъ каждого отдѣла находятся интересныя введенія, съ указаніемъ литературы предмета. Документы всѣ снабжены руководящими примѣчаніями. Позволимъ себѣ отмѣтить лишь два недостатка. Во первыхъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ основанія выдѣлять грамоты съ прочетомъ въ отдѣльную рубрику, такъ какъ прочетъ не является характернымъ ихъ юридическихъ признакомъ. А во вторыхъ, издатель въ предисловіи (стр. VI), несмотря на свое обѣщаніе, при перечисленіи склеекъ въ грамотахъ, цитируетъ ихъ не по своимъ №№, а по частной архивной нумераціи. Но, понятно, что эти незначительные дефекты совершенно искупаются несомнѣнными большими достоинствами книги, являющейся, повторяемъ, прекраснымъ и полезнымъ вкладомъ въ науку русской исторіи и исторіи русскаго права.

Н. Н. Дебольскій.

З. Н. Ф. Хартулари. *Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности.* Спб. 1899 г.

„Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе“, носящее выписанное нами заглавіе, раздѣлено авторомъ на общую и особенную части: въ первой онъ даетъ общій очеркъ одного только права помилованія, во второй занимается спеціально правомъ суда и помилованія, какъ прерогативою Россійской державности, разумѣя подъ послѣднимъ терминомъ то, что обыкновенно принято выражать словомъ „суверенитетъ“.

Какъ историческое изслѣдованіе, трудъ г. Хартулари вкладъ въ науку не вноситъ. Самъ авторъ указываетъ, что недостатки его труда слѣдуетъ объяснять скорѣе отсутствіемъ историческаго матеріала, нежели недобросовѣстною разработкою его (ч. II стр. 338), но къ этому указанію нельзя не сдѣлать небольшой поправки. Дѣй-

ствительно въ книгѣ г. Хартулари собрано много историческихъ данныхъ, изъ которыхъ инья имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ предмету изслѣдованія, много историческихъ документовъ полностью пропечатаны въ приложеніи къ его книгѣ и нельзя его упрекнуть въ недобросовѣстной разработкѣ матеріала,—но въ достаточной степени работа его не проникнута научнымъ методомъ. Этимъ, очевидно, объясняется отсутствіе въ трудѣ г. Хартулари единства взгляда, освѣщающаго матеріалъ и приводящаго всѣ частные вопросы къ одной общей цѣли. Не усвоивъ самой сущности сравнительно исторического метода авторъ ограничивается внѣшнимъ сопоставленіемъ фактовъ русской исторіи съ западно-европейскою, не говоря уже о прямыхъ недосмотрахъ и ошибкахъ, относящихся къ праву иностранныхъ государствъ.

Такъ, напр., г. Хартулари, приступая къ обзорѣнью европейскихъ законодательствъ по вопросу о правѣ помилованія (I ч., 66), говоритъ. „Такъ, въ главѣ IV, книги I, англійской конституціи: „объ исполнительной власти“ упоминается, что первая прерогатива короля состоитъ въ управленіи правосудіемъ..... По выраженію перваго пункта означенной главы конституціи: „король является источникомъ всякой судебной власти.....“ „Король, говорится далѣе въ 3 пунктѣ,—имѣетъ право помилованія..... Но при всей кажущейся полнотѣ правъ англійскаго короля на помилованіе и амнистію, тѣмъ не менѣе права эти ограничены постановленіемъ, приведеннымъ въ главѣ VI конституціи, силою которой король и т. д...“ Недоумѣніе, возникающее по поводу этихъ строкъ, находитъ себѣ объясненіе въ подстрочной выноскѣ: г. Хартулари, повидимому, принялъ трактатъ Делольма „*Constitution d'Angleterre*“ за подлинный текстъ англійской конституціи во французскомъ, конечно, переводѣ. Непосредственно вслѣдъ за выноской онъ продолжаетъ: „Равнымъ образомъ, по акту „of settlement“ 1701 года, королю не предоставляется права помилованія министровъ и т. д.“

Перечисляя постановленія по тому же предмету конституцій европейскихъ монархическо-конституціонныхъ державъ, г. Хартулари упоминаетъ въ ихъ числѣ бразильскую и французскую (I, 70, 76, 82). Говоря о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, г. Хартулари почему то называетъ штаты „округами“, а ихъ совокупность конфедераціей (85), хотя тутъ же указываетъ на государственннй характеръ каждаго отдѣльнаго штата, а общее ихъ законодательство совершенно правильно называетъ федеральнымъ. Подобная неточность терминологіи совершенно неудобна въ серъез-

номъ сочиненіи, тѣмъ болѣе, что современная наука права не только различаетъ, но и прямо противопологаетъ понятія конфедераціи (Staatenbund, союзъ государствъ) и федераціи (Bundesstaat, союзное государство).

Преувеличенное мнѣніе г. Хартулари о самобытности явленій русской государственной жизни, составляющее какъ бы краеугольный камень его труда, но не оправдываемое ни его фактическимъ содержаніемъ, ни окончательными выводами самого автора находить себѣ объясненіе отчасти въ недостаточномъ вниманіи автора къ исторіи западной Европы, главнымъ-же образомъ, въ недостаточной научности его метода изслѣдованія. Начнемъ съ опредѣленія Самодержавія, даваемого г. Хартулари: упомянувъ о сомнѣніи Іоанна III въ неограниченности своей власти (II, 38) и приведя выдержки изъ переписки Іоанна Грознаго съ кн. Курбскимъ по вопросу о царской власти, онъ замѣчаетъ, что Іоаннъ и не предполагалъ, что у русскаго народа „была своя собственная, исторически сложившаяся теорія о власти, болѣе реальная и болѣе могущественная, которая могла доказать, что самодержавная власть московскихъ государей, съ абсолютно неограниченными правами была властью правомѣрною, а не узурпированною, какъ предполагало боярство (II, 46)“. „Признанная и утвержденная самимъ народомъ самодержавная власть Россійскихъ монарховъ, говоритъ онъ далѣе, какъ воплотившая собою вѣками сложившуюся народную родовую идею о власти, съ ея патриархальною неограниченностью, которою она и отличается отъ западно-европейскаго абсолютизма—нуждалась отнынѣ, съ воцареніемъ Дома Романовыхъ, лишь въ окончательномъ своемъ закрѣпленіи, силою положительнаго закона. Такой законъ, изданный Императоромъ Петромъ Великимъ и помѣщенный въ толкованіи къ артикулу 20 воинскаго устава 1716 г.“, соответствовалъ по мнѣнію г. Хартулари понятію о верховной власти самаго народа и обнаруживаетъ кромѣ того личный взглядъ гениальнаго преобразователя (II, 56, 57).

Между тѣмъ воинскій уставъ, скопированный съ шведскихъ образцовъ, содержитъ опредѣленіе самовласти шведскаго короля, какъ оно существовало съ 1680 до 1718 г., а вовсе не понятіе русскаго народа о верховной власти ¹⁾). Относительно „правды воли монаршей“

¹⁾ Проф. Коркуновъ (Русское госуд. право т. I, стр. 159, изд. 1893 г.) дѣлаетъ весьма вѣскія замѣчанія о неудачности опредѣленія самодержавія въ воинскомъ уставѣ 1716 г., къ которымъ мы и отсылаемъ читателя.

г. Хартулари и самъ указываетъ, что „рядъ общихъ доводовъ, относительно истиннаго происхожденія, а также силы и значенія монархической власти, приведенныхъ въ означенномъ актѣ для уясненія народу абсолютной неогранныости правъ Петра, какъ Государя“—заимствованъ Теофаномъ Прокоповичемъ изъ сочиненій Гуго Гроція и отчасти Хоббса (II, 57).

Императрица Екатерина II, бывшая одинаковаго, по словамъ г. Хартулари, мнѣнія съ Петромъ Великимъ о дѣйствительномъ смыслѣ и значеніи самодержавія для Россіи (60), говоритъ о немъ въ своемъ Наказѣ словами Фридриха Великаго и Монтескье (61). Императору Павлу I авторъ приписываетъ точное и окончательное опредѣленіе и выясненіе сущности самодержавія въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено въ ст. 1 и 47 дѣйствующихъ основныхъ законовъ (63), тогда какъ въ формулировкѣ этихъ статей повиненъ не Павелъ I, а составитель свода законовъ графъ Сперанскій.

Такимъ образомъ, мнѣніе г. Хартулари о существенномъ отличіи русскаго самодержавія отъ западнаго абсолютизма остается недоказаннымъ. Ссылка на родовой, патріархальный характеръ русской идеи власти въ отличіе отъ западно-европейскаго абсолютизма убѣдительна только для того, кто не знакомъ съ паралельными идеями западно-европейской политической мысли; для примѣра укажемъ мемуары короля Франціи Людовика XIV и сочиненія его современника, епископа Боссюета.

„Подобно всѣмъ остальнымъ личнымъ правамъ Россійской верховной власти, говоритъ г. Хартулари, и присущія ей прерогативы суда и помилованія, а равно всякаго рода милостей внѣ закона, зародились у насъ на совершенно иной почвѣ и зиждутся на совершенно иныхъ отношеніяхъ народа къ власти, нежели тѣ, которыя усматриваются на западѣ“ (II, 2). Право личнаго участія Монарха въ отправленіи правосудія, по словамъ г. Хартулари, вовсе не извѣстно западу по несоотвѣтствію общему государственному принципу, право же помилованія хотя и отождествляется внѣшними признаками съ правомъ, признаваемымъ за верховною властью всюду и всѣми законодательствами, независимо отъ господствующей формы государственнаго управленія, но тѣмъ не менѣе видимо отъ него отличается и своими основаніями и предѣлами (I, 3, ср. II, 67).

Между тѣмъ, личное участіе монарха въ отправленіи правосудія, несомнѣстимое съ принципами современнаго конституціоннаго госу-

дарства, не такъ давно составляло обычное явленіе и на западѣ: достаточно вспомнить англійскую Звѣздную палату, lettres de cachet во Франціи, кабинетную юстицію въ Германіи, не говоря уже о болѣе древнихъ временахъ, когда западно-европейскіе короли, возсѣдая подъ священными деревьями, отправляли тѣ-же судейскія функціи, какъ и русскіе князья (ср. II, 10). Если судебныя функціи верховной власти атрофируются въ Россіи медленно, чѣмъ на западѣ, то самъ г. Хартулари указываетъ вполне наглядныя причины этого явленія: вопіющія злоупотребленія судей, взяточничество, лихоимство, неправосудіе побуждаютъ Иоанна Грознаго (II, 87), Петра Великаго (II, 90, 99), Екатерину II (II, 107—111) не закрывать послѣдняго прибѣжища челобитчикамъ, не нашедшимъ себѣ управы въ судѣ. „Императоръ Александръ I, говоритъ г. Хартулари (II, 114), рѣшившійся узаконить означенное право челобитчиковъ, вполне сознавалъ явную его несоотвѣтственность государственному принципу Петра о раздѣленіи властей (?), требовавшему абсолютнаго устраненія самодержавной власти отъ отправленія правосудія, но Государь, подобно своему Державному Предшественнику, одинаково сознавалъ и то, что примѣненіе такого принципа немислимо безъ общаго и радикальнаго преобразованія всего судебного строя Россіи“. Этотъ принципъ и былъ, наконецъ, осуществленъ съ введеніемъ судебной реформы 20 ноября 1864 г., и г. Хартулари привѣтствуетъ завершеніе судебной реформы распространеніемъ ея на всю территорію Имперіи, сопряженное съ прекращеніемъ „античнаго права народа на личную Государеву расправу по дѣламъ судебнымъ, которое отойдетъ уже въ область историческаго преданія“ (II, 121 и 321); мало того онъ высказываетъ совершенно правильную мысль о необходимости образовать изъ административныхъ департаментовъ сената „такое-же верховное и полноправное судилище по вопросамъ административнымъ, какимъ представляется нынѣ кассационный Сенатъ по вопросамъ судебнымъ“ (II, 316).

Что касается положенія г. Хартулари, будто право помилованія, принадлежащее русскому государю, видимо отличается отъ западно-европейскаго и своими основаніями и предѣлами, то не только мы не нашли фактическаго подтвержденія этому положенію, но и самого автора изслѣдованіе фактическаго матеріала привело къ совершенно обратному выводу, чѣмъ выставленное имъ въ предисловіи положеніе. Вотъ какими словами заканчиваетъ г. Хартулари свое изслѣдованіе о прерогативѣ помилованія (II, стр. 269): „Та-

кимъ образомъ, независимо отъ совершенной тождественности ученія о присущей Россійской Державности прерогативѣ помилованія съ общимъ ученіемъ западно-европейскихъ законодательствъ, самая регламентація дѣятельности Россійскихъ Монарховъ по ея осуществленію, одинаково, по мнѣнію нашему, отвѣчаетъ и всѣмъ тѣмъ условіямъ и требованіямъ, какими эта прерогатива обставлена въ западно-европейскихъ государствахъ, для предупрежденія возможныхъ его злоупотребленій....“.

Этимъ заключительнымъ выводомъ г. Хартулари переходитъ изъ одной крайности въ другую, тогда какъ истина лежитъ посерединѣ. Дѣло въ томъ, что авторомъ недостаточно выяснено понятіе прерогативы. „Дискреціонная власть, дѣйствующая ради общественнаго блага, внѣ закона и даже вопреки закону, именуется прерогативою“ гласитъ эпиграфъ книги со ссылкой на Джона Локка. Но въ такомъ видѣ опредѣленіе это не соотвѣтствуетъ ни русскому, ни западно-европейскому понятію о прерогативѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно искажаетъ мысль самого Локка, опредѣленіе котораго, въ полномъ видѣ приведено, впрочемъ, въ разбираемомъ изслѣдованіи (I, 62): „власть, дѣйствующая по личному и свободному своему усмотрѣнію, безъ законныхъ предписаній и даже вопреки правиламъ закона, какъ на примѣръ при помилованіи и награжденіи—называется прерогативою, основанною на позволеніи народа властителю дѣйствовать по его усмотрѣнію для общественнаго блага тамъ, гдѣ въ законѣ оказывается недосмотръ или же пробѣлъ“. Это опредѣленіе, вполне понятное въ устахъ теоретика англійской революціи Локка, совершенно неприемлемо къ русскому самодержавію, которое обладаетъ всею полнотою государственной власти въ силу собственнаго права, а не въ силу позволенія народа.

Историко-законодательное изслѣдованіе г. Хартулари преслѣдуетъ однако не отвлеченно-научную, а практическую цѣль: дать указанія на основныя положенія для реформы нынѣ существующей канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ“ (II, 337). Къ сожалѣнію, именно эта часть изслѣдованія, въ которой можно было ожидать отъ автора цѣнныхъ указаній, изложена весьма кратко (ст. 304—337) безъ приведенія общихъ разсужденій въ непосредственную связь съ историческимъ матеріаломъ. Можно предположить, что авторъ ведетъ въ этихъ разсужденіяхъ полемику

съ невидимымъ противникомъ, но читатель, не зная положеній этого противника, не можетъ вполнѣ уловить и сущности возраженій г. Хартулари (особенно стр. 308—310). Въ концѣ концовъ авторъ стоитъ за „пользу превосходства коллегіальной и регламентированной формы учрежденія надъ единоличною и независимою“ (310),— въ чемъ онъ, разумѣется, совершенно правъ,—но тѣмъ съ кѣмъ онъ споритъ, повидимому не столько защищаютъ единоличное начало, установленное съ упраздненіемъ въ 1884 г. комисіи прошеній, сколько доказываютъ вообще нецѣлесообразность дальнѣйшаго существованія особаго органа для разрѣшенія всеподданнѣйшихъ прошеній и въ видѣ переходнаго момента къ его совершенному упраздненію придали канцеляріи прошеній ея нынѣшнюю организацію, при которой она поставлена „въ положеніе какой-то общей для государственныхъ установленій регистратуры, а не отдѣльнаго и самостоятельнаго государственнаго органа“ (319). А при такой постановкѣ первостепенную важность получаетъ вопросъ, не о коллегіальности или единоличности органа, осуществляющаго царскую прерогативу, а о томъ, для какихъ же дѣлъ представляется необходимымъ существованіе такого органа?

Какъ мы уже упомянули, г. Хартулари безусловно отвергаетъ дальнѣйшее допущеніе обращенія къ верховной власти съ просьбами о судѣ, подъ которыми онъ понимаетъ всякаго рода прошенія и жалобы, судебнаго характера, которыя предусмотрены дѣйствующими законами матеріальнаго и процессуальнаго права, такъ какъ въ сущности всѣ они возбуждаются для обхода существующаго закона и въ явное нарушеніе гражданскихъ правъ и интересовъ третьихъ лицъ (320). Такому-же недопущенію и по тѣмъ же основаніямъ должны подлежать и всеподданнѣйшія ходатайства по вопросамъ и дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ (321); засимъ не должны быть допускаемы и ходатайства по дѣламъ церковно-административнымъ и въ частности по дѣламъ раскольниковъ, такъ какъ разрѣшеніе ихъ можетъ имѣть мѣсто не иначе какъ при посредствѣ Святѣйшаго Синода (323). Ходатайства о помилованіи лицъ, осужденныхъ приговорами судебныхъ мѣстъ, г. Хартулари признаетъ также правильнымъ направлять къ министрамъ юстиціи, военному и морскому, по принадлежности (330), но съ тою оговоркою, чтобы при всеподданнѣйшихъ докладахъ этихъ министровъ присутствовало и лицо, на которое возложено принятіе всеподданнѣйшихъ прошеній (336). Такимъ образомъ для осуществленія собственно прерогативы суда

и помилованія существованіе коллегіальнаго органа представляется ненужнымъ и по мнѣнію самого автора.

Всѣ остальные всеподданнѣйшія жалобы и прошенія должны, по мнѣнію г. Хартулари, служить или предметами непосредственнаго вѣдѣнія учрежденія по принятію прошеній, или же косвеннаго участія его въ обсужденіе ихъ подлежащими вѣдомствами (324). Таковы всеподданнѣйшія ходатайства, возбуждающія общіе вопросы, направленные къ достиженію общихъ цѣлей (324), жалобы на министровъ, главноуправляющихъ и генералъ-губернаторовъ, когда онѣ не могутъ быть принесены Сенату, прошенія о дарованіи особыхъ милостей, когда симъ не нарушаются ничьи интересы и гражданскія права, и прошенія о единовременныхъ пособіяхъ (326). Но нужно-ли ради этихъ ходатайствъ существованіе особаго органа: для рассмотрѣнія всѣхъ общихъ вопросовъ и проектовъ онъ врядъ-ли можетъ быть достаточно компетентнымъ, не говоря уже о томъ, что коммисія прошеній никогда не обладала и не можетъ обладать достаточною силою для проведенія проектовъ, которымъ будутъ противиться министры; тѣ-же проекты, которые встрѣтятъ въ министрахъ сочувствіе, получаютъ движеніе и безъ участія коммисіи. Почти тоже можно сказать и о жалобахъ на министровъ: самъ г. Хартулари указываетъ, что хотя по дѣйствующимъ нынѣ правиламъ канцеляріи прошеній представлено испрашивать Высочайшее соизволеніе или на оставленіе этихъ жалобъ безъ послѣдствій или на внесеніе ихъ по принадлежности въ Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ и Правительствующій Сенатъ, но правомъ своимъ канцелярія не пользуется, передавая всѣ жалобы тѣмъ министрамъ, на которыхъ онѣ принесены для всеподданнѣйшаго ихъ доклада (327). Вполнѣ соглашаясь съ г. Хартулари о нежелательности ни съ какой точки зрѣнія такого порядка, не можемъ не замѣтить, что для устраненія его достаточно обратить факультативное право канцеляріи прошеній въ обязанность главноуправляющаго ею докладывать верховной власти подобныя жалобы или для оставленія ихъ безъ послѣдствій, или для передачи ихъ въ упомянутыя высшія государственныя учрежденія, не создавая для ихъ обсужденія новаго органа. Наконецъ, просьбы о милостяхъ внѣ закона и о пособіяхъ могутъ, безъ всякаго вреда для дѣла, докладываться Императорскому Величеству подлежащими министрами, не исключая и министра двора, которому подчиненъ кабинетъ Его Величества.

М. Лозина-Лозинскій.

4. М. А. Рейснеръ. *Христіанское государство (къ вопросу объ отношеніи государства и церкви)*. Томскъ. 1899 г.

Проф. М. Рейснеръ. *Право свободы религіознаго исповѣданія. Свобода совѣсти въ Императорскомъ Римѣ*. Томскъ. 1899 г.

„Для того, чтобы возникъ вопросъ о свободѣ исповѣданія, религіи, совѣсти—нужно прежде всего, чтобы дѣло религіи стало дѣломъ нравственнаго долга личности, свободной вѣры и жизненнаго подвига“—такими словами начинается профессоръ Томскаго университета Рейснеръ свою небольшую брошюру, посвященную вопросу о свободѣ совѣсти въ Императорскомъ Римѣ.

Граждане античнаго государства не нуждались въ свободѣ религіознаго исповѣданія, такъ какъ самое почитаніе боговъ было лишь гражданскимъ долгомъ, государственною повинностью. Покоряя народы, языческой Римъ отводилъ ихъ богамъ опредѣленное мѣсто въ своемъ пантеонѣ, принимая въ семью своихъ государственныхъ боговъ, культъ которыхъ въ свою очередь распространялся на покоренные народы. Подобіе вѣротерпимости Римъ проявилъ по отношенію къ евреямъ: „Иегова евреевъ не могъ ни допустить идолопоклонства, ни покинуть свой избранный народъ; родства между нимъ и сонмищемъ языческихъ боговъ не могла установить никакая мифологія, а перенести его въ Римъ нельзя было, ибо это былъ Духъ, Богъ невидимый“,—и евреи были освобождены отъ исполненія языческихъ обрядовъ, получили свободу вѣроисповѣданія не только въ Палестинѣ, но и вообще въ предѣлахъ Имперіи. Но если подобная уступка оказалась возможною для древней религіи Иеговы, послѣдователи которой скоро были разсѣяны и не обладали силою пропаганды, съ христіанствомъ для язычества не было компромисса. Христіане въ принципѣ должны были отказаться отъ всѣхъ тѣхъ гражданскихъ обязанностей и дѣйствій, которыя были связаны съ языческимъ культомъ, а язычество, въ лицѣ императора Трояна, выставило принципъ: „кто отказывается принести жертву богамъ, тотъ повиненъ смерти“. Для терпимости къ христіанамъ не было мѣста; эдиктъ о терпимости Галерія 311 года былъ въ сущности побѣдою христіанства надъ язычествомъ и только на 7 лѣтъ предшествовалъ знаменитому миланскому эдикту Константина и Лицинія. Цѣною двухсотлѣтнихъ мукъ и истязаній христіане завоевали себѣ право свободы совѣсти или религіознаго исповѣданія: „Безбожно отнимать свободу религіи и ограничивать свободу избранія божества“—воскликаетъ св. Тер-

туллианъ. Миланскій эдиктъ и язычникамъ обезпечилъ свободу совѣсти, а христіане спѣшили довершить свою побѣду горячей и свободной проповѣдью, своимъ подвигомъ и силою креста.

„Но церковь стерегло впереди новое испытаніе: ей предстояло пройти передъ соблазномъ мірской власти и могущества; духъ вѣка несъ ей земныя почести и блага, богатство, привилегіи, земныя вѣнцы и тіары“. Государственная церковь Рима приняла протянутую ей руку свѣтской власти, допустила насиліе въ дѣлѣ религіи и тѣмъ измѣнила своему собственному началу. Уже черезъ два года послѣ Миланскаго эдикта былъ воспрещенъ подъ угрозой наказанія переходъ къ іудейству; еще при Константинѣ язычники должны были праздновать христіанскіе праздники, а въ 341 г. Констанцій началъ гоненіе язычниковъ. При Юстинианѣ некрещенные должны были креститься подъ угрозою конфискаціи имущества и лишенія гражданскихъ правъ. Роли перемѣнились. Принципы единой государственной религіи не могли такъ скоро исчезнуть изъ публичнаго строя: христіанство заняло мѣсто язычества, стало принудительной религіей имперіи. За гоненіями на язычниковъ послѣдовали гоненія еретиковъ и раскольниковъ, хотя въ средѣ церкви, на ряду съ проповѣдниками насилія не было недостатка и въ защитникахъ свободы вѣры и совѣсти. Бл. Августинъ, преслѣдуемый аріанами, взывалъ къ свободѣ совѣсти а, выступивъ противъ донатистовъ, призвалъ на помощь свѣтскую власть и на этомъ примѣрѣ убѣдился въ полезномъ дѣйствиіи насилія въ дѣлахъ религіи.

Византійскіе императоры, считая себя одинаково компетентными въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, провозглашали государственною религіею то аріанство, то православіе и подвергали преслѣдованію изъ политическихъ видовъ несогласныхъ съ господствующею церковью. „Это наша воля, гласитъ императоръ Феодосій, чтобы всѣ народы, подчиненные нашему милостивому господству, исповѣдали ту же религію, которую исповѣдуютъ“... такіе то апостолы и учителя церкви; „мы повелѣваемъ, чтобы лица, исповѣдующія эту религію, назывались каолическими христіанами, и чтобы всѣ остальные, которыхъ мы почитаемъ безумными и сумасшедшими, были отмѣнены позоромъ ереси, такъ что ихъ мѣста собраній не должны носить названія церкви, и они сами помимо божественнаго возмездія подвергнуться тѣмъ наказаніямъ, которыя установитъ наша воля, согласно небесному внушенію“.

„Такъ христіанское право свободы совѣсти,—заканчиваетъ свою

короткую, но чрезвычайно интересно написанную и поучительную брошюру проф. Рейснеръ,—пало въ Византіи подъ гнетомъ старой римской идеи; такъ языческое начало всемогущества государства въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ подчинило Кесарю то, что должно было принадлежать только единому Богу!

И долго суждено было господствовать этой старой языческой идеѣ надъ христіанскимъ міромъ: византійскій цезарепапизмъ былъ воспринятъ Карломъ Великимъ и священно-римской Имперіей германской націи, а затѣмъ въ полицейско-вѣроисповѣдныхъ государствахъ, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ, и только освободительное движеніе новаго времени, принесшее идеалы правового государства, воскресило принципы истинной свободы исповѣданія, какъ ее понимали христіане первыхъ вѣковъ, цѣня ее выше всѣхъ земныхъ благъ и самой жизни. Но переходъ отъ смѣшенія государства и церкви къ ихъ различію совершился не сразу, передъ крушеніемъ полицейско-вѣроисповѣдной системы была сдѣлана попытка воскресить и спасти хотя бы нѣкоторые останки принципа объединенія, для чего и была создана въ 50-хъ годахъ заканчивающагося столѣтія теорія „христіанскаго государства“. Изложенію и разбору идеи христіанскаго государства въ прусской церковной политикѣ и ученіи нѣкоторыхъ нѣмецкихъ канонистовъ, проф. Рейснеръ посвятилъ особый трудъ, къ разсмотрѣнію котораго мы и переходимъ.

Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ излагаетъ теорію христіанскаго государства въ прусскихъ представительныхъ собраніяхъ и политикѣ правительства (3—26) и въ трудахъ графа Брандиса, Клее, Дикгофа, фонъ-Мюлера, Ф. Ю. Штала, Шеурля и Тирша (26—87), причемъ второй главѣ нельзя не сдѣлать упрека въ излишней длинотѣ, мѣшающей рельефности изложенія. Третья глава (87—114) содержитъ критическій разборъ теорій упомянутыхъ писателей. Несмотря на частныя противорѣчія между ними, и притомъ по существеннымъ предметамъ, общими основными пунктами теоріи являются требованіе его единства съ христіанскою церковью, какъ національнымъ, государственнымъ учрежденіемъ и установленіе особой христіанской политики въ дѣлахъ, общихъ церкви и государству. „Трудно отрицать, говоритъ проф. Рейснеръ, право христіанскаго населенія на такое устройство его быта и публичныхъ отношеній, какое требуется его религиозными и нравственными взглядами; не менѣе трудно отрицать право христіанскаго большинства въ государствѣ на проведеніе его возрѣ-

ній въ область государственнаго устройства и управленія; но при этомъ необходимо замѣтить, что и нехристіанское населеніе каждой страны имѣетъ неоспоримое право на уваженіе своихъ нравственныхъ убѣжденій и религіозныхъ вѣрованій“ (90). Не менѣе недоумѣній вызываетъ и другой основной вопросъ христіанской теоріи—что должно считать христіанскою нормою государственной дѣятельности? (91). Правители государства не могутъ обладать теологическими данными для выясненія истиннаго смысла Св. Писанія, въ пониманіи котораго расходятся сами богословы и церкви; при желаніи быть самостоятельнымъ отъ церквей оно легко впадетъ въ ересь, а при слѣдованіи за какою нибудь одною церковью будетъ не только христіанскимъ, но и конфессіональнымъ, вѣроисповѣднымъ. Остается послѣднее предположеніе,—что государство будетъ руководствоваться въ своей дѣятельности началами христіанской нравственности,—но христіанская нравственность отличается отъ просто гуманитарной тѣмъ, что требуетъ чего-то большаго: стремится къ полному пересозданію и обновленію человѣка, къ его полному духовному совершенству, а этихъ цѣлей государственное управленіе и политика на себя взять не могутъ. Государство подобно солнцу свѣтитъ на праведныхъ и неправедныхъ, примѣняетъ свои требованія къ людямъ, какіе они есть, заботится не о вѣчномъ ихъ спасеніи, а о земномъ благополучіи (92).

Теоретики христіанскаго государства требуютъ ограниченія нехристіанъ въ пользованіи политическими правами. „Этимъ вводится, говоритъ проф. Рейснеръ, въ христіанскомъ государствѣ своего рода раздѣленіе гражданъ на полноправныхъ и неполноправныхъ, на господъ въ силу крещенія и ихъ подданныхъ въ силу некрещенія; такой порядокъ подчиняетъ одну часть гражданъ безусловному политическому господству другой, но спрашивается, на какомъ основаніи? во имя силы—но это начало языческое, а не христіанское; во имя справедливости—но одно крещеніе безъ вѣры и любви не дѣлаетъ христіанина лучше язычника; во имя цѣлесообразности—но политическое господство христіанъ еще нигдѣ и никогда не спасло отъ злоупотребленій и извращеній христіанскую политику. Съ другой же стороны менѣе всего въ христіанствѣ можно найти побужденіе къ тому политическому господству, которое такъ остроумно предложилъ на горѣ Сыну Божію искушитель“. Царство Христа не отъ міра сего, и если теорія христіанскаго государства требуетъ политической власти въ какой либо

Вѣстникъ Права. Апрѣль 1899.

странѣ во имя Христа, то она стоитъ въ томъ же самомъ заблужденіи, въ которомъ сама упрекаетъ католичество. Религія любви не можетъ быть основой политической привилегіи; государственная власть есть достояніе царей и гражданъ, а не христіанъ въ отличіе отъ язычниковъ и евреевъ (94).

Приверженцы христіанскаго государства желаютъ проникновенія всѣхъ публичныхъ отношеній людей нравственными началами и христіанствомъ, какъ высшимъ проявленіемъ этихъ началъ. Но какъ это возможно? Первое требованіе христіанской нравственности есть абсолютная свобода совѣсти; любовь чистая, самоотверженная и широкая, любовь не знающая ни едина ни идея, любовь благодѣтельствующая врагу и готовая на всякое страданіе правды ради—такое второе проявленіе христіанской морали. Но этого еще мало, вѣра безъ дѣлъ мертва есть: необходимъ еще постоянный подвигъ труда для блага ближнихъ и собственнаго усовершенствованія. Возможно ли на этомъ фундаментѣ построить государство? Возможно, отвѣчаетъ авторъ, но такое государство станетъ тѣмъ союзомъ, который называется церковью. Однако писатели христіанской школы не идутъ такъ далеко, они не рѣшаются требовать перерожденія существующихъ языческихъ отношеній общества и государства, они желаютъ только частнаго измѣненія существующаго строя, притомъ въ духѣ не столь христіанскихъ, сколько реакціонныхъ принциповъ. „Принципъ свободы совѣсти они признаютъ въ меньшихъ размѣрахъ, нежели школа атеизма и индифферентизма; христіанскую любовь простираютъ они лишь на единовѣрцевъ и соотечественниковъ, свободный подвигъ любви замѣняютъ они государственной принудительной организаціей“ (96—97). „Въ отношеніи къ церкви государственное христіанство кромѣ Христа церковнаго ищетъ еще Христа свѣтскаго и, преувеличивая тѣмъ свойственное евангелической церкви смѣшеніе духовнаго со свѣтскимъ, не можетъ помирить этихъ двухъ началъ иначе, какъ чрезъ установленіе государственной религіи, государственныхъ церквей и крѣпкой, хотя и косвенной власти государства надъ церковью, т. е. Христа свѣтскаго надъ Христомъ церковнымъ. Въ области христіанской политики приверженцы христіанскаго государства отличаются полнымъ недоувѣріемъ къ моральнымъ силамъ отдѣльной личности, общества и церкви, желаютъ мѣрами насилія вести людей къ нравственному усовершенствованію, создаютъ въ лицѣ государственной власти всемогущаго педагога и опекуна народной совѣсти и проповѣдуютъ религіоз-

ную исключительность, религиозное принужденіе и религиозное преслѣдованіе въ полицейскомъ и уголовномъ порядкѣ“ (114).

Изложенное нами содержаніе трудовъ проф. Рейснера даетъ, конечно, лишь блѣдное отраженіе глубокой и богатой мысли, проникающей его ученое изслѣдованіе. Мы умалчиваемъ о частичныхъ несогласіяхъ нашихъ съ авторомъ, чтобы не отнимать ими мѣста отъ изложенія сущности его взглядовъ, а взгляды эти представляютъ для современнаго русскаго общества громаднѣйшій интересъ, помогая ему разобраться въ трудномъ вопросѣ объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью. Не только въ личной жизни, но и въ государственныхъ дѣлахъ христіанинъ не тотъ, кто бѣя себя въ грудь, восклицаетъ „Господи! Господи!“, а тотъ, кто сердцемъ исповѣдуетъ заповѣди Божіи—эта простая евангельская истина, затемненная старыми и новыми теоріями, получаетъ талантливое освѣщеніе въ трудахъ проф. Рейснера.

М. Лозина-Лозинскій.

Б. Н. Цухановъ. *Сборникъ положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента и общаго собранія кассационныхъ департаментовъ за 1889—1897 г.* Спб. 1899. Цѣна 2 р. 50 коп.

М. Шрамченко и В. Ширковъ. *Уставъ уголовного судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами, разъясненіями Правительствующаго Сената и циркулярами министра юстиціи.* Спб. 1899 г. Цѣна 4 р.

Жалобы на бѣдность нашей юридической литературы стали давно общимъ мѣстомъ. Разработка отдѣльныхъ вопросовъ права продолжается въ учебникахъ, въ журнальныхъ статьяхъ специальныхъ изданій; изрѣдка появляются болѣе или менѣе цѣнныя диссертациі „для соисканія ученыхъ степеней“, и тѣмъ почти ограничивается творческая дѣятельность русской юридической мысли въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Весьма рѣдко встрѣчаются нынѣ попытки систематизировать

практику нашихъ судебныхъ и административныхъ учреждений по разнымъ вопросамъ права, отыскать общіе принципы въ сотняхъ и тысячахъ отдѣльныхъ рѣшеній, къ нимъ относящихся. Зато или, вѣрнѣе, именно потому необычайно разрослась и распѣла совершенно особая справочная литература, загромаждающая читателя массой отдѣльныхъ рѣшеній, расположенныхъ по какой нибудь внѣшней системѣ — хронологической или постатейной, или даже извлеченіями изъ рѣшеній, такъ назыв. „тезисами“, представляющими нерѣдко произвольный пересказъ отдѣльныхъ выхваченныхъ мѣстъ изъ рѣшеній, имѣющихъ часто смыслъ для тѣхъ только случаевъ, по коимъ они постановлены. Не проходитъ года, чтобы не появилось нѣсколько новыхъ сборниковъ подобнаго рода, и это вполне понятно: разъ научная разработка права отсутствуетъ или почти отсутствуетъ, общіе принципы права никѣмъ не выясняются, практика должна имѣть руководство, указаніе для каждаго отдѣльнаго случая. Только съ путеводною нитью твердо установленнаго юридическаго принципа юристъ-практикъ можетъ смѣло углубиться въ лабиринтъ частныхъ казусовъ въ увѣренности, что онъ не собьется съ пути. Но тамъ, гдѣ этотъ принципъ не извѣстенъ, такъ какъ никто и не трудился надъ выясненіемъ его, приходится запасаться объемистымъ сборникомъ „рѣшеній“, „положеній“ на всякій случай и разными алфавитными и хронологическими указателями, чтобы можно было ориентироваться въ массѣ отдѣльныхъ казусовъ, кропотливо собранныхъ старательнымъ составителемъ сборника. Разумѣется, юридическаго мышленія и юридической науки сборники эти не могутъ подвинуть ни на шагъ, и, конечно, не имѣютъ и отдаленнаго сходства съ знаменитыми сборниками рѣшеній римскихъ юристовъ, вся цѣнность которыхъ состояла именно въ юридическомъ анализѣ и тѣхъ общихъ принципахъ, какіе древніе юристы умѣли извлекать изъ отдѣльныхъ казусовъ. Но при нынѣшнемъ состояніи нашей юридической науки, оставляющей практику безъ всякой помощи, эти практическіе сборники рѣшеній всетаки приносятъ значительную пользу, служа главнымъ источникомъ знакомства съ дѣйствующимъ правомъ въ его практическомъ при-
мѣненіи.

Можно, конечно, только пожалѣть, что, благодаря исключительному господству сборниковъ всевозможныхъ „тезисовъ“, работа юриста превращается въ рабское подведеніе жизненныхъ отношеній подъ казуистическіе „тезисы“ сомнительнаго юридическаго достоинства, а юридическій анализъ замѣняется розыскиваніемъ

соотвѣтственнаго рѣшенія. Объ юридическомъ творчествѣ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи; суды, какъ и частные юристы, вращаются только въ заколдованномъ кругу безчисленныхъ тезисовъ и рѣшеній, часто противорѣчивыхъ.

Сборники, заглавія которыхъ мы выписали, принадлежатъ также къ категоріи прикитическихъ сборниковъ, предназначенныхъ для руководства практики во всевозможныхъ случаяхъ, на которые имѣются авторитетныя рѣшенія. Но они многимъ выгодно отличаются отъ предшествующихъ имъ изданій въ томъ же родѣ.

Въ особенности значительныя и весьма цѣлесообразныя отступления отъ общепринятого порядка составленія этихъ сборниковъ сдѣланы г. Цухановымъ. Разъясненія гражданскаго кассационнаго департамента и общаго собранія кассационныхъ департаментовъ, за періодъ съ 1889—1897 г., конечно, обнимаютъ почти все важнѣйшіе случаи, потребовавшіе разъясненій Сената, тѣмъ болѣе что авторъ включилъ также и тѣ разъясненія, коими подтверждены разъясненія, данныя Сенатомъ по вопросамъ, разрѣшеннымъ въ предшествовавшіе года до 1889 года.

Самыя разъясненія сенатскія авторъ печатаетъ въ видѣ извлеченій изъ рѣшеній Сената и обыкновенно излагаетъ ихъ подлинными словами рѣшеній, допуская отступления только въ крайнемъ случаѣ. Само собою разумѣется, что такой способъ изложенія представляется наиболѣе правильнымъ, такъ какъ гарантируетъ отъ ошибочнаго изложенія мысли, содержащейся въ данномъ рѣшеніи, какъ это, къ сожалѣнію, имѣетъ иногда мѣсто въ сборникахъ тѣхъ авторовъ, которые предпочитаютъ излагать разъясненія Сената „своими словами“, что помимо ошибокъ, вносить нерѣдко и субъективный элементъ въ изложеніе. Самыя извлеченія сдѣланы авторомъ весьма удачно: не отличаясь болѣею частью пространностью, они содержатъ тѣ мѣста сенатскихъ рѣшеній въ которыхъ заключается все существо даннаго разъясненія. Авторъ избѣгаетъ ошибки, столь часто допускаемой другими составителями, нерѣдко превращающими въ отдѣльныя „положенія“ какія нибудь побочныя соображенія, высказанныя Сенатомъ въ данномъ рѣшеніи, и не имѣющія руководящаго значенія; авторъ избѣгаетъ также включать въ положенія такія сужденія, которыя хотя и высказаны въ рѣшеніи, но имѣютъ значенія лишь въ связи съ даннымъ дѣломъ. Всякій, кому довелось имѣть дѣло съ существующими сборниками, знаетъ; какъ часто приходится испытывать разочарованіе относительно даннаго значенія „тезиса“, помѣ-

щеннаго въ сборникѣ, по прочтеніи цѣликомъ всего рѣшенія, изъ котораго тотъ тезисъ взять.

Система, избранная г. Цухановымъ, постатейная, но въ отличіе отъ общепринятаго шаблона, „положенія“ размѣщены имъ не только по статьямъ уст. граж. судопр. и первой части X т., но и по статьямъ другихъ частей свода законовъ, которыхъ касаются использованныя авторомъ разъясненія, начиная съ I тома по XVI включительно. „Сборникъ“ состоитъ изъ двухъ частей: первая содержитъ разъясненія на статьи свод. зак. отъ I по XIV, а вторая на статьи т. XVI кромѣ узаконеній уголовного процесса. Номерація „положеній“ сплошная во всемъ сборникѣ. Сборникъ снабженъ обстоятельнымъ алфавитнымъ указателемъ, дѣлающимъ пользованіе сборника весьма простымъ и удобнымъ.

Благодаря алфавитному указателю, сборникъ напоминаетъ собою извѣстные указатели Москальского и Трахтенберга къ улож. о наказаніяхъ и уст. уголовн. судопр., пользовавшіеся столь заслуженною извѣстностью въ средѣ практиковъ. Скажемъ въ заключеніе, что г. Цухановъ сумѣлъ сдѣлать свой сборникъ не только содержательнымъ, но и очень небольшимъ по объему сравнительно съ существующими и гораздо болѣе доступнымъ по цѣнѣ. Такихъ результатовъ авторъ могъ достигнуть, благодаря строгому выбору имъ „положеній“, имѣющихъ дѣйствительно руководящее значеніе по данному вопросу.

Уставъ уголовного судопроизводства, составленный г.г. Шрамченко и Ширковымъ, равнымъ образомъ заслуживаетъ вниманія практиковъ.

Составленный приблизительно по тому же плану, что и сборникъ г. Щегловитова уставъ уголовн. судопроизводства г.г. Шрамченко и Ширкова содержитъ всѣ новѣйшія разъясненія, снабженъ алфавитнымъ указателемъ, и выгодно отличается отъ другихъ сборниковъ тѣмъ, что въ немъ одно и то же сенатское разъясненіе не дробится безъ нужды на значительное количество мелкихъ тезисовъ; самыя положенія указываютъ лишь на существеннѣйшія части приводимыхъ рѣшеній, и притомъ изложены ясно и точно. Цѣнную особенность сборника составляютъ „неофициальныя приложенія“, расположенныя по статьямъ, къ которымъ они относятся и циркуляры Министра Юстиціи за время отъ 1867—1898 г., расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ предметовъ, которыхъ они касаются. Циркуляры содержатъ весьма важныя разъясненія о примѣненіи тѣхъ или другихъ законоположеній, опре-

дѣляютъ ближе полномочія чиновъ прокурорскаго надзора и слѣдователей, даютъ подробныя указанія относительно порядка исполненія на практикѣ тѣхъ или другихъ постановленій закона, порядка исполненія судебныхъ приговоровъ и т. д. Особеннаго вниманія заслуживаютъ циркуляры министерства, изданныя „въ видахъ точнаго исполненія“ закона 2 іюня 1897 года объ уголовной отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ. Едва ли ошибемся если предскажемъ сборнику г.г. Шрамченко и Ширкова такое же широкое распространеніе, какимъ пользуется сборникъ г. Щегловитова, а раньше пользовались упомянутый нами „алфавитный указатель“ Трахтенберга.

Л. З.

6. Отвѣтъ на рецензію.

(По поводу рецензіи г. Эксъ-профессора на сочиненіе проф. Цытовича: Мѣстные расходы Пруссіи въ связи съ теоріей мѣстныхъ расходовъ, Кіевъ, 1898 г.).

Во 2-мъ выпускѣ „Русскаго экономическаго обозрѣнія“ за текущій годъ напечатана рецензія на мое изслѣдованіе: „Мѣстные расходы Пруссіи въ связи съ теоріей мѣстныхъ расходовъ“, которую я не могу оставить безъ отвѣта. Окончательный выводъ рецензента (подписавшагося псевдонимомъ „Эксъ-профессоръ“) довольно благопріятенъ для меня, за что приношу ему благодарность. Но такой выводъ относится главнымъ образомъ ко второй половинѣ моей книги, гдѣ разработанъ положительный матеріалъ, касающійся мѣстнаго финансоваго хозяйства Пруссіи. Что же касается первой, теоретической части, то рецензентъ составилъ себѣ объ ней совсѣмъ иное мнѣніе. Онъ не находитъ въ ней почти ничего достойнаго вниманія и, повидимому приходитъ къ заключенію, что мои старанія разъяснить вопросъ о томъ, какіе расходы управленія должны быть относимы на счетъ государственнаго казначейства и какіе—на счетъ органовъ самоуправленія, остались совершенно безплодными.

Я бы ничего не возражалъ противъ такого заключенія, если бы оно являлось только результатомъ несогласія рецензента съ моими взглядами и выводами. Авторъ, конечно, не можетъ имѣть претензіи убѣдить всякаго въ томъ, что ему самому кажется несо-

мѣннымъ. Но здѣсь дѣло стоитъ нѣсколько иначе. Замѣчанія г. Эксъ-профессора по поводу теоретической части названнаго изслѣдованія основываются большею частью на разнаго рода недоразумѣніяхъ, носящихъ подчасъ довольно странный характеръ, и вотъ на эти то недоразумѣнія я считаю необходимымъ обратить вниманіе какъ его самого, такъ и тѣхъ, кто прочтетъ его рецензію, не познакомившись съ моею книгой.

Начавъ свой отзывъ передачею содержанія моего предисловія, въ которомъ я стараюсь выяснитъ цѣль и задачи предпринятаго труда, рецензентъ заключаетъ: „Словомъ, г. Цытовичъ взялся продѣлать ту же работу, которая 13 лѣтъ тому назадъ была сдѣлана проф. Лебедевымъ (мѣстные налоги, опытъ изслѣдованія теоріи и практики мѣстнаго обложенія, 1886 г.), только продѣлалъ ее, такъ сказать, съ другого конца“.

Какимъ образомъ можно было изъ моихъ же собственныхъ словъ вывести, что я въ этомъ изслѣдованіи взялся передѣлать, да еще съ другаго конца, ту же самую работу, которую почтенный петербургскій профессоръ сдѣлалъ уже въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, я рѣшительно отказываюсь понимать. Я, кажется, довольно ясно говорю о томъ, что намѣренъ изслѣдовать вопросъ о *расходахъ* самоуправленія, между тѣмъ какъ книга проф. Лебедева трактуетъ о *мѣстныхъ налогахъ*. Что расходы и налоги не одно и то же, это, полагаю, должно быть ясно всякому, даже незнакому съ теоріей финансовъ.

Но не только по моимъ намѣреніямъ, но и на самомъ дѣлѣ мое изслѣдованіе не представляетъ собою перелицовки сочиненія проф. Лебедева. Въ этомъ можетъ легко убѣдиться всякій, кто возьметъ на себя трудъ сравнить обѣ работы. Предметомъ моего изслѣдованія дѣйствительно является вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ и справедливомъ распредѣленіи расходовъ управленія между государственными и мѣстными средствами, тогда какъ главная цѣль сочиненія проф. Лебедева заключалась въ изслѣдованіи вопроса о томъ, какова должна быть система мѣстныхъ налоговъ. Правда, оба вопроса соприкасаются между собою въ нѣкоторыхъ пунктахъ, вслѣдствіе чего я не могъ обойтись безъ упоминанія о системѣ мѣстныхъ налоговъ, а проф. Лебедевъ не могъ не задѣтъ вопроса о мѣстныхъ расходахъ. Но всякій даже при поверхностномъ обзорѣ обѣихъ книгъ можетъ замѣтитъ, что я интересуюсь мѣстными налогами лишь настолько, насколько это необходимо для опредѣленія круга мѣстныхъ расходовъ, а для проф. Лебедева, на-

противъ вопросъ о расходахъ имѣлъ второстепенное значеніе. Съ другой же стороны, то, что я говорю о мѣстныхъ расходахъ, далеко не совпадаетъ съ мнѣніемъ проф. Лебедева о томъ же предметѣ, какъ это я стараюсь выяснитъ на стр. 51—54 моей книги.

И такъ, вотъ въ чемъ заключается первое недоразумѣніе моего рецензента.

Второе недоразумѣніе касается характеристики, какую г. Эксъ-профессоръ дѣлаетъ моему отношенію къ существующимъ теоріямъ мѣстныхъ расходовъ. Прежде всего онъ утверждаетъ, будто я при обзорѣ этихъ теорій имѣю въ виду *исключительно* нѣмецкую литературу. Это—неправда, такъ какъ весь 4-й параграфъ первой главы (стр. 47—59) посвященъ у меня *русской* литературѣ, и даже заглавіе онъ носитъ такое: „Русская литература по вопросу о мѣстныхъ расходахъ“. Я разсматриваю здѣсь мнѣнія А. Лохвицаго, кн. А. Васильчикова, проф. В. А. Лебедева и др. Что же касается западно-европейской литературы, то обзоръ ея начинается у меня съ Адама Смита, который, какъ извѣстно, не былъ нѣмцемъ, а заканчивается Леруа-Болье, который также не принадлежитъ къ тевтонскому племени.

Замѣчая далѣе, что я не нахожу въ предшествующихъ теоріяхъ „прочныхъ принципіальныхъ основъ“, г. Эксъ-профессоръ говоритъ: „Словомъ, авторъ ставитъ крестъ на труды всѣхъ своихъ предшественниковъ“. Это опять таки невѣрно. Такого суроваго приговора о предшествующихъ трудахъ по интересующему меня вопросу я вовсе не дѣлаю. Я не нашелъ въ нихъ прочныхъ принципіальныхъ основъ, т. е., другими словами, я признаю довольно шаткимъ то, что говорится въ нихъ по поводу *справедливаго* распредѣленія расходовъ между государствомъ и мѣстными союзами. Но въ то же время я вполне признаю и нѣсколько разъ повторяю (стр. IV, 42, 258 и т. д.), что въ области чисто практическихъ соображеній предшествующими авторами было сказано очень много дѣльнаго о мѣстныхъ расходахъ. Въ предисловіи (стр. IV) я прямо даже говорю, что въ области этихъ соображеній моя задача сводилась, главнымъ образомъ, къ систематизаціи или къ болѣе точному обоснованію того, что было уже сказано другими.

Такое же неуваженіе приписываетъ мнѣ рецензентъ и по отношенію къ существующимъ теоріямъ обложенія.

„Посвятить этой работѣ (т. е. обзору теорій обложенія) сотню страницъ, говоритъ онъ, и найдя почти все, имѣющееся до сихъ поръ въ литературѣ, неудовлетворительнымъ, авторъ заключаетъ и т. д.“

Но въ дѣйствительности я былъ далекъ отъ такого нелестнаго мнѣнія о трудахъ моихъ предшественниковъ, и какъ мнѣ кажется, то, что я говорю объ нихъ, вовсе не давало права рецензенту прійти къ такому заключенію. Я старался, напротивъ, указать ту долю истины, какую приносила съ собою каждая новая теорія обложенія. Разумѣется новая истина почти всегда являлась въ одностороннемъ освѣщеніи, и мнѣ предстояло указать на такую односторонность, но это не должно казаться удивительнымъ тому, кто знакомъ съ исторіей научной разработки хотя одного какого-нибудь вопроса: истина всегда раскрывалась по частямъ различными мыслителями, причемъ обыкновенно каждый изъ нихъ увлеченный отрывшеюся ему новою стороною вопроса, въ свою очередь впадалъ въ односторонность и преувеличенія. Подобнымъ же образомъ и въ данномъ случаѣ такъ называемая теорія „долга и пожертвованія“ представляетъ собою значительный прогрессъ по сравненію съ господствовавшей раньше индивидуалистической теоріей обложенія, что прямо сказано у меня на стр. 94. Но эта теорія страдаетъ односторонностью противоположною той, какой страдала индивидуалистическая теорія (стр. 96). Новая экономическая теорія обложенія, составленная Сах'омъ исправляетъ эту односторонность, но впадаетъ въ иного рода ошибку, которую я съ своей стороны считалъ необходимымъ исправить (стр. 160 и слѣд.) Итакъ, вотъ въ чемъ, въ общихъ чертахъ, заключается мое мнѣніе, о существующихъ теоріяхъ обложенія. Отсюда еще далеко до огульнаго осужденія ихъ, какое мнѣ предписываетъ г. рецензентъ.

Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію г. Эксъ-профессора, моей книгѣ вовсе не присуще то свойство, которое, если бы оно дѣйствительно было на лицо, могло бы служить ей весьма плохой рекомендаціей, потому что всякій болѣе или менѣе знакомый съ ученой литературой знаетъ, что если авторъ какого-либо изслѣдованія относится съ огульнымъ отрицаніемъ ко всему, что было сдѣлано до него, то почти навѣрное можно ожидать, что его собственные выводы окажутся чѣмъ то до крайности беспочвеннымъ и легкомысленнымъ. Но я въ такомъ отрицаніи нисколько неповиненъ. Въ своихъ выводахъ я, напротивъ, старался примкнуть къ результатамъ уже достигнутымъ финансовой теоріей.

Обратимся затѣмъ къ оцѣнкѣ моихъ выводовъ г. Эксъ-профессоромъ. Здѣсь на первомъ же шагѣ мы опять встрѣчаемся съ „недоразумѣніями“.

Главнымъ недостаткомъ господствующей теоріи обложенія (теоріи

долга и пожертвованія), по моему мнѣнію, является то свойство ея, что она не признаетъ ни возможнымъ, ни необходимымъ установить какое либо соотношеніе между суммами налоговъ уплачиваемыхъ отдѣльными плательщиками, и благами, доставленными послѣднимъ дѣятельностью государства или мѣстныхъ союзовъ. Установленіе такого соотвѣтствія она допускаетъ лишь для особаго рода общественныхъ сборовъ, называемыхъ пошлинами, при чемъ соотвѣтствіе устанавливается здѣсь по тому же масштабу, какъ и въ сельско-хозяйственномъ обмѣнѣ, при господствѣ свободной конкуренціи, т. е. равныя блага или одинаковыя услуги оплачиваются равными суммами пошлинъ. Но какъ только рѣчь заходитъ о налогахъ въ собственномъ смыслѣ, господствующая теорія настаиваетъ на томъ, что здѣсь не можетъ быть, и не должно быть соотвѣтствія между платежами и услугами. Налогъ, говорятъ представители этой теоріи, уплачивается потому, что гражданинъ обязанъ его платить, а не потому, что государство оказываетъ ему какія либо услуги; при томъ же, говорятъ они, услуги государства въ большинствѣ случаевъ неизмѣримы и несоизмѣримы. Поэтому налогъ взимаемый съ того или другаго плательщика долженъ сообразоваться лишь съ платежною способностью послѣднаго, независимо отъ участія его въ благахъ, доставленныхъ дѣятельностью государства или органовъ самоуправленія.

Такой взглядъ мнѣ кажется одностороннимъ. Я старался доказать, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда государство или другой общественный союзъ дѣйствительно оказываетъ какія-либо услуги своимъ членамъ, возможно и необходимо установить соотношеніе между платежами и услугами, и что при установленіи этого соотношенія можно примѣнить два принципа или масштаба: въ однихъ случаяхъ одинаковыя услуги должны быть оплачиваемы одинаковыми суммами, независимо (или почти независимо) отъ платежной способности гражданъ (принципъ пошлинъ), въ другихъ же случаяхъ платежи должны сообразоваться не только съ размѣромъ услугъ, но и съ платежною способностью лицъ, пользующихся этими услугами, такимъ образомъ, что бы одинаковая степень удовлетворенія общественныхъ потребностей оплачивалась одинаковыми *жертвами* плательщиковъ.

Съ этимъ выводомъ можно соглашаться или не соглашаться, но во всякомъ случаѣ, я полагаю, всякому должно быть понятно, что этотъ выводъ не означаетъ возвращенія къ индивидуалистической теоріи, которая (какъ это только что замѣчено) требовала,

чтобы налоги всегда были пропорціональны услугамъ, и вовсе не считала необходимымъ сообразоваться съ платежною способностью гражданъ. Между тѣмъ мой рецензентъ обвиняетъ меня именно въ томъ, что я возвращаюсь къ индивидуалистической теоріи. „Выдвигая, говорить онъ, это отношеніе потребностей къ интересамъ отдѣльныхъ личностей, авторъ воспринимаетъ имъ же отвергаемую теорію услуги и возмездія“ (стр. 212). Такимъ образомъ я какъ будто оказываюсь виновнымъ въ противорѣчій съ самимъ собою.

Какимъ образомъ рецензентъ могъ прийти къ такому заключенію, я не знаю, такъ какъ никакихъ дальнѣйшихъ поясненій онъ не даетъ. Но я тутъ во всякомъ случаѣ не причемъ, потому что я сдѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы выяснитъ сущность индивидуалистической теоріи (теорія „услуги и возмездія“) и отличіе ея отъ той точки зрѣнія, которая мнѣ кажется наиболѣе правильной. Такъ напримѣръ, на стр. 64 у меня сказано: „Характерную черту индивидуалистической теоріи обложенія слѣдуетъ видѣть именно въ томъ, что она признаетъ масштабомъ справедливаго распредѣленія налоговъ только услуги и выгоды, достающіяся отдѣльнымъ плательщикамъ, *независимо отъ платежной способности послѣднихъ*. Она отличается этою чертою не только отъ господствующей теперь теоріи долга и пожертвованія, но и отъ новыхъ экономическихъ теорій обложенія, которыя опять выдвигаютъ значеніе услугъ общественнаго союза въ вопросѣ о распредѣленіи налоговъ.

Такъ же мало основателенъ упрекъ въ другомъ противорѣчій, сдѣланный мнѣ рецензентомъ. Отмѣтивъ, что я настаиваю на установленіи извѣстнаго отношенія между платежами гражданъ и тѣмъ содѣйствіемъ, какое получаютъ ихъ личные интересы при удовлетвореніи общественныхъ потребностей, рецензентъ говоритъ: „А еще далѣе общественными потребностями оказываются именно тѣ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ личнымъ цѣлямъ и интересамъ того, у кого онѣ возникаютъ, при чемъ затраты на эти потребности являются чистою потерей для плательщика. Это уже нѣчто совсѣмъ непонятное“ (стр. 212).

Совершенно вѣрно. Это было бы совсѣмъ непонятно, если бы я дѣйствительно далъ такое опредѣленіе общественныхъ потребностей, какое приписываетъ мнѣ г. Эксъ-профессоръ. Но въ дѣйствительности я нигдѣ въ своей книгѣ не отношу этого опредѣленія ко всѣмъ общественнымъ потребностямъ въ совокупности. Опре-

дѣленіе, приведенное рецензентомъ, относится только къ одному немногочисленному разряду потребностей, которыя я, вслѣдъ за Сах'омъ, называю чисто-общественными, или общественными въ тѣсномъ смыслѣ. Къ такимъ потребностямъ можно отнести, напр., потребность государства въ охранѣ своей чести и независимости. Эту потребность, конечно, могутъ ощущать и отдѣльные граждане, но несомнѣнно, что къ ихъ личнымъ, индивидуальнымъ интересамъ она не имѣетъ непосредственнаго отношенія и что они могутъ ощущать ее только какъ члены государственнаго союза. Такія потребности противопоставляются потребностямъ индивидуально-общественнымъ, которыя, какъ я указываю неоднократно (стр. 167, 177 и т. д.), имѣютъ непосредственное отношеніе къ индивидуальнымъ интересамъ. Сюда относится, напримѣръ, потребность безопасности личной и имущественной, потребность въ народномъ образованіи, путяхъ сообщенія и т. д. На стр. 169 у меня прямо сказано, что кругъ потребностей этого рода гораздо обширнѣе нежели кругъ чисто-общественныхъ потребностей, не связанныхъ съ индивидуальными интересами гражданъ. Какимъ образомъ послѣ всего этого г. Эксъ-профессоръ могъ придти къ заключенію, будто я отношу къ общественнымъ потребностямъ только тѣ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ личнымъ цѣлямъ и интересамъ гражданъ,—для меня остается тайной.

Въ концѣ концовъ мой рецензентъ все-таки замѣтилъ, что общественныя потребности дѣлятся у меня на двѣ указанныя категоріи, т. е. на потребности чисто-общественныя и индивидуально-общественныя. Но истинный смыслъ этого дѣленія ускользнулъ отъ него, и опять не по моей винѣ. Приведа это дѣленіе, рецензентъ говоритъ: „эти термины у него (т. е. у меня) почти соотвѣствуютъ терминамъ: государственныя и мѣстныя (потребности)“. Однако же изъ сдѣланнаго выше разъясненія видно, что потребности чисто-общественныя совсѣмъ не то, что потребности государственныя, а потребности индивидуально-общественныя—не то, что потребности мѣстныя. Вполнѣ очевидно, что какъ тѣ, такъ и другія могутъ встрѣчаться какъ среди государственныхъ потребностей, такъ и среди мѣстныхъ. Въ своей книгѣ я прямо говорю объ этомъ. Напримѣръ, на стр. 173 сказано: „Подобныя (т. е. чисто-общественныя) потребности могутъ быть и у государства, и у мѣстныхъ союзовъ“. Могу также указать г. Эксъ-професору на стр. 241.

Но удивительнѣе всего для меня тотъ упрекъ, какой дѣлаетъ

мнѣ рецензентъ по поводу моего окончательнаго вывода о принципѣ распредѣленія общественныхъ тягостей. Какъ уже замѣчено выше, я прихожу къ заключенію, что въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи индивидуально-общественныхъ потребностей, справедливость требуетъ, чтобы сборы, взимаемые съ отдѣльныхъ плательщиковъ находились въ соотвѣтствіи со степенью удовлетворенія для нихъ (плательщиковъ) этихъ потребностей, и притомъ такъ, чтобы одинаковой степени удовлетворенія потребностей соотвѣтствовали одинаковыя жертвы, падающія на отдѣльныхъ плательщиковъ подъ видомъ налоговъ. Рецензентъ замѣчаетъ по этому поводу: „неясно, какъ понимаетъ авторъ требуемое имъ равенство (жертвъ): есть ли это арифметическое равенство платежей, раскладка поровну, или равенство относительное: т. е. кто больше имѣетъ, тотъ больше и плати за то же удовлетвореніе?“ (стр. 215).

Почему послѣ прочтенія всей первой половины моей книги этотъ пунктъ остался неяснымъ для рецензента, я опять отказываюсь понимать. У меня такъ часто и, кажется, настолько ясно говорится о томъ, что только „относительное“ равенство можно считать соотвѣтствующимъ требованіямъ высшей справедливости, что не замѣтить этого, повидимому, рѣшительно не было возможности. Для примѣра укажу на стр. 175—176 моей книги, гдѣ сказано: „Равенство можно понимать или въ томъ смыслѣ, что всѣ плательщики должны участвовать въ расходахъ равными суммами, или такъ, что платежи должны составлять для всѣхъ плательщиковъ одинаковыя лишенія, или равныя жертвы, при чемъ тотъ, кто больше имѣетъ, и платить долженъ больше. Какое же изъ этихъ двухъ видовъ равенства—объективное или субъективное—должно быть примѣнено въ настоящемъ случаѣ (т. е. при распредѣленіи общественныхъ тягостей)? Понятно, что насколько дѣло идетъ объ удовлетвореніи требованій справедливости, единственнымъ возможнымъ масштабомъ является масштабъ субъективный, т. е. масштабъ, принимающій во вниманіе значеніе платежей для личности плательщика“. Какой же еще ясности желаетъ г. Эксъ-профессоръ? Ясноѣ, кажется, нельзя было сказать.

Но если бы даже г. Эксъ-профессоръ не считалъ нужнымъ обращать вниманіе на мои собственныя разъясненія, то ему должно было бы быть извѣстно (если только его псевдонимъ дѣйствительно указываетъ на его прежнее служебное положеніе, и если онъ занималъ кафедру по одной изъ государственныхъ наукъ), что весьма

многіе изъ представителей господствующей теоріи обложенія, настаивая на „относительномъ“ равенствѣ налоговъ, формулируютъ это равенство именно, какъ равенство жертвъ, и что эта теорія носить въ нѣмецкой литературѣ название *Opfertheorie* (теорія жертвы). У меня эта теорія изложена довольно подробно на стр. 70—112.

Изучивъ съ такимъ образцовымъ вниманіемъ ту часть моей книги, которая посвящена теоріи обложенія, рецензентъ приходитъ къ заключенію, что она содержитъ въ себѣ „вещи болѣею частью общеизвѣстныя, безспорныя, давно ставшія достояніемъ учебниковъ“, и высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы пересмотръ теоріи обложенія „въ такомъ объемѣ“ необходимъ былъ мнѣ для моихъ цѣлей (стр. 216).

Я позволю себѣ, однако же, не согласиться съ такимъ заключеніемъ. Разумѣется, мнѣ приходилось здѣсь повторять и то, что стало уже безспорнымъ. Для того, чтобы въ области научныхъ выводовъ сдѣлать шагъ впередъ, необходимо отправляться отъ извѣстнаго, а предполагать это извѣстное настолько общеизвѣстнымъ, чтобы о немъ можно было говорить простыми намеками и ссылками на тѣ или другія сочиненія, я не имѣлъ никакого основанія. Г. Эксъ-профессоръ своимъ собственнымъ примѣромъ доказалъ мнѣ, что я былъ правъ въ этомъ отношеніи. Но я не согласенъ съ тѣмъ, что въ названномъ отдѣлѣ моего изслѣдованія я „болѣею частью“ повторяю вещи безспорныя и общеизвѣстныя. Напротивъ вся задача этого отдѣла заключается именно въ томъ, чтобы доказать неосновательность того взгляда, который проповѣдуется господствующей теоріей обложенія и который дѣйствительно сталъ достояніемъ учебниковъ финансоваго права. Во всѣхъ новѣйшихъ учебникахъ нѣмецкихъ и русскихъ признано, что масштабъ платежной способности представляетъ собою нѣчто вполне противоположное масштабу интереса; что лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда услуги, доставляемыя государствомъ тому или другому лицу могутъ быть констатированы и „измѣрены“ эти услуги должны быть оплачиваемы особыми платежами, соответствующими стоимости услугъ; но что въ большинствѣ случаевъ услуги государства неизмѣримы и несоизмѣримы и потому должны давать поводъ ко взиманію сборовъ, распределяемыхъ не „по интересу“, а по масштабу „платежной способности“ не имѣющему ничего общаго съ интересомъ. Такой же взглядъ можно найти и въ тѣхъ изъ французскихъ учебниковъ,

которые не раздѣляютъ устарѣвшей индивидуалистической теоріи обложенія. Я оспариваю этотъ взглядъ. Я стараюсь доказать, что „услуги“, оказываемыя общественными союзами отдѣльнымъ лицамъ, если только онѣ дѣйствительно имѣются на лицо, всегда могутъ быть констатированы и измѣрены по крайней мѣрѣ настолько, настолько это необходимо для удовлетворенія требованіямъ справедливости при распредѣленіи общественныхъ сборовъ, и что распредѣленіе этихъ сборовъ по масштабу платежной способности само по себѣ не устраняетъ ни возможности, ни необходимости собразовать ихъ съ объемомъ названныхъ услугъ. Я не утверждаю что бы эта мысль была совершенно нова; въ зачаточномъ видѣ ее можно найти у двухъ-трехъ авторовъ, а у Сах'а ей дано даже довольно подробное изложеніе. Но этотъ авторъ высказываетъ ее въ такой парадоксальной формѣ, что сторонниковъ у него почти не нашлось. Такимъ образомъ мнѣ предстояло очистить отъ постороннихъ и вредныхъ наслоеній то зерно истины, которое заключалось въ теоріи Сах'а (у меня она носитъ названіе новой экономической теоріи обложенія) и дать ему надлежащее развитіе.

Можно ли говорить послѣ этого, что въ главахъ, посвященныхъ теоріи обложенія, я говорю о вещахъ „давно ставшихъ достояніемъ учебниковъ“? Можно не соглашаться съ моими выводами, но отрицать то, что они уклоняются отъ установившагося, господствующаго мнѣнія—нельзя.

Что касается вопроса о томъ, для чего понадобилось въ сочиненіи посвященномъ *расходамъ* самоуправленія производить подробный пересмотръ теорій *налоговъ*, то этотъ пунктъ, кажется, достаточно обстоятельно выясненъ у меня на стр. 66—70 и 110—112. Рецензентъ, сомнѣвавшійся въ необходимости такого пересмотра долженъ былъ бы обратить вниманіе на эти объясненія и постараться ихъ опровергнуть. Но онъ этого не дѣлаетъ.

Не мало „недоразумѣній“ могъ бы указать я и въ той части рецензій, которая посвящена собственно ученію о мѣстныхъ расходахъ. Но я боюсь наскучить и потому отмѣчу только одно изъ этихъ недоразумѣній, такъ сказать заключительное и притомъ наиболѣе характерное.

Изложивъ различныя соображенія, которыми слѣдуетъ руководиться при выборѣ между государственными и мѣстными средствами при покрытіи расходовъ управленія, я замѣтилъ между прочимъ, что ученіе о мѣстныхъ расходахъ не можетъ дать выводовъ, имѣющихъ абсолютное значеніе. Рецензентъ ловить меня на словѣ

и утверждаетъ, что этою фразою я „почти свожу на нѣтъ“ весь свой трудъ. „Неужели, восклицаетъ онъ, данныя науки и сравнительнаго изученія законодательства неспособны дать чего-либо прочнаго въ этомъ отношеніи?“

Я согласенъ, что фраза о невозможности абсолютныхъ выводовъ для теоріи мѣстныхъ расходовъ, взятая изолированно, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, можетъ внушить читателю мысль о томъ, что я самъ сомнѣваюсь въ результатахъ моей работы. Но дѣло представилось бы совершенно въ иномъ видѣ, если бы г. Эксъ-профессоръ выписалъ то, что у меня непосредственно слѣдуетъ за приведенными имъ словами. Тогда получилась бы цитата такого рода:

„..... Ученіе о мѣстныхъ расходахъ не можетъ дать выводовъ, имѣющихъ абсолютное значеніе. Нельзя выработать такой планъ распределенія финансовыхъ тягостей между общественными союзами различныхъ порядковъ и категорій, который былъ бы всегда хорошъ, независимо отъ условій мѣста и времени. Но общія соображенія, конечно, не теряютъ черезъ это своей цѣны. Они помогаютъ разобраться среди разнообразныхъ конкретныхъ обстоятельствъ и найти такое рѣшеніе вопроса, которое, при данныхъ условіяхъ, будетъ наиболее цѣлесообразнымъ и наиболее соответствующимъ требованіямъ справедливости“ (стр. 296).

Выходитъ, слѣдовательно, нѣчто совсѣмъ другое. Я сомнѣваюсь только въ томъ, чтобы теорія мѣстныхъ расходовъ могла дать рецепты одинаково пригодные для всѣхъ временъ и народовъ, и полагаю, что самъ рецензентъ долженъ усумниться въ этомъ. Но я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что названная теорія можетъ научить, какъ слѣдуетъ распределять расходы управленія въ томъ или другомъ конкретномъ случаѣ.

На этомъ я заканчиваю свой отвѣтъ. Собственныхъ мнѣній рецензента по поводу интересующихъ меня вопросовъ, какъ я уже замѣтилъ, я не намѣренъ оспаривать. При томъ же эти мнѣнія выражены слишкомъ отрывочно и афористично. Мнѣ хотѣлось только защитить мою работу и мои выводы противъ неправильной характеристики и неправильнаго пониманія. Такая защита, конечно, составляетъ естественное право каждаго автора.

Проф. Н. Цытовичъ.

СЛБГУ

40

К.

СПбГУ

50241453

СФ СПбГУ

Объ изданіи въ 1899 году

„ВѢСТНИКА ПРАВА“

ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ іюля и августа)

въ количествѣ 10 книгъ въ годъ

подъ редакцію Г. Б. СЛІОЗБЕРГА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

на годъ по полугодіямъ

	Январь	Іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.
„ „ съ доставкою	8 „ 50 „	4 „ — „
Въ другихъ городахъ съ доставкою	9 „ — „	4 „ — „
За-границей	12 „ — „	7 „ — „
Отдѣльные книги журнала	2 „	5 „ — „

Съ приложеніемъ сборника рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ официальномъ изданіи, рассылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи (въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ): за Журналъ съ Сборникомъ, съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою въ другіе города—13 р., или по полугодіямъ—въ январѣ 8 р. и въ іюнѣ 5 р.

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ: „Вѣстника Права“ въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 5 линія, д. 28 и въ отдѣльныхъ конторахъ въ книжныхъ магазинахъ.

Въ С.-Петербургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. уголъ В. Садовой № 50—15; 2) И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библіотекой; 3) „Новое Время“ А. С. Суворина, Невскій 38; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, пресмыки А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр. 20; 5) Магазины Юридической Литературы Д. В. Чинадзе, Невскій пр. 59; 6) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр. 46.

Въ Москвѣ: 1) И. П. Анисимова, Никольская улица, домъ Законоспаскаго монастыря; 2) Въ книжномъ магазинѣ Журнала „Русская Мысль“ В. Никитская.

Въ Кіевѣ: 1) Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ 33; 2) И. А. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: С.-Петербургскій книжный складъ, Новый Свѣтъ, 67.

Въ Одессѣ: 1) И. А. Розова, Дерibasовская, противъ сада.

Въ Харьковѣ: Кн. Маг. Дредера.

Въ Казани: 1) Бр. Балмаковыхъ, Городской Пассажи; 2) А. А. Дубровина, Гостинный дворъ № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ Тифлисѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права“ принимаются въ Главной Конторѣ по расчету 16 руб. за страницу.

Адресъ Редакціи:

Спб., Мал. Итальянская, 47.

Адресъ Главной Конторы.

Вас. Остр., 5 л., д. 28. Книжный складъ
М. Стасюлевича.

Экспедиція Журнала: Вас. Остр. Академическій пер. 7.

Редакторъ Г. Слюзбергъ.